

Лев Николаевич

Толстой

Декабристы

(1863 и 1884 гг.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 17-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 17-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1880 г.

Размер подлинника

ДЕКАБРИСТЫ

РОМАН

(1863 и 1884 гг.)

ГЛАВА I.

Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время – время цивилизации, прогресса, вопросов, возрождения России и т. д. и т. д.; в то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота и белокаменная Москва встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлеб–соль и кланялась в ноги. Это было в то время, когда

Россия в лице дальновидных девственников–политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе и чувствительнейшую для отечества потерю двух великих людей, погибших во время войны (одного, увлекшегося желанием как можно скорее отслужить молебен в упомянутом соборе и павшего в полях Валахии, но зато и оставившего в тех же полях два эскадрона гусар, и другого, неоцененного человека, раздававшего чай, чужие деньги и простыни раненым и не кравшего ни того, ни другого); [в] то время, когда со всех сторон, во всех отраслях человеческой деятельности, в России, как грибы выростали великие люди – полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великие люди без особого призвания и цели. В то время, когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развились в народе, что один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом англиском клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами, – журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским мирозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: и «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель», и «Звезда», и «Орел», и много других, и, несмотря на то, всё являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т. д., и плеяды писателей, художников, описывающих рощу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились вопросы (как называли в 56 году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку), явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изуственного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других; все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, всё хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX–м столетии: в первый раз, когда в 12–м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56–м году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа!!!... Как тот Француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в 56–м году в России, тот не знает, что такое жизнь. Пишущий эти строки не только жил в это время, но был одним из деятелей того времени. Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли

солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю. Совершив эти подвиги, пишущий эти строки прибыл в центр государства, в ракетное заведение, где и пожал лавры своих подвигов. Он видел восторг обеих столиц и всего народа и на себе испытал, как Россия умеет вознаграждать истинные заслуги. Сильные мира сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обеды, настоятельно приглашали его к себе и для того, чтоб узнать от него подробности войны, рассказывали ему свои чувствования. Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое, незабвенное время. Но не в том дело.

В это самое время два возка и сани стояли у подъезда лучшей московской гостиницы. Молодой человек вбежал в двери узнать о квартире. Старик сидел в возке с двумя дамами и говорил о том, каков был Кузнецкий мост при французе. Это было продолжение разговора, начавшегося при въезде в Москву, и теперь старик с белой бородой, в распахнутой шубе, спокойно продолжал свою беседу в возке так, как будто он намеревался ночевать в нем. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь не без нетерпения. Молодой человек вышел из двери с швейцаром и нумерным.

– Ну что, Сергей? – спросила мать, выставляя на свет фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтоб швейцар не принял его по полушубку за лакея, Сергей ответил по-французски, что есть комнаты, и отворил дверцы. Старик взглянул на мгновение на сына и снова обратился в темную глубь возка, как будто остальное до него не касалось:

– Театра еще не было.

– Пьер! – сказала жена, подбирая салоп, но он продолжал.

– Madame Шальме была на Тверской...

В глубине возка раздался молодой, звонкий смех.

– Папа, выходи – ты так заговорился.

Старик как будто теперь только хватился, что они приехали, и оглянулся.

– Выходи же.

Он надвинул шапку и покорно полез из двери. Швейцар принял его под руку, но убедившись, что старик еще очень хорошо ходит, он тотчас же предложил свои услуги даме. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, как долго вылезала, и по тому, как тяжело легла ему на руку, и по тому, как прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню от девушек, которые повылезли из другого возка, он даже не отличил: так же, как и они, она несла узелок и трубку и шла сзади. Только по

смеху и тому, что она назвала старика отцом, он узнал ее.

– Не туда, папа, направо, – сказала она, останавливая его за рукав тулупа. – Направо.

И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который, когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже.

Сын Сергей занимался устройством всех материальных условий в дороге и занимался этим хотя и без знания, но с свойственной 25-ти годам энергией и самоудовлетворяющей деятельностью. Раз двадцать по крайней мере и, кажется, без особенно важных причин он в одном пальто сбежал вниз к саням и вбежал опять наверх, подрагивая от холода и через две и три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но он уверял, что ничего, и всё отдавал приказания, хлопал дверьми, ходил, и когда, казалось, уж дело стояло за одними слугами и мужиками, он несколько раз обошел все комнаты, выходя из гостиной в одну дверь и входя в другую, и всё отыскивал, что бы еще сделать.

– Что ж, папа, поедешь в баню? Узнать? – спросил он.

Папа находился в задумчивости и, казалось, вовсе не отдавал себе отчета в том, где он находился. Он не скоро ответил. Он слышал слова и не понимал. Вдруг он понял.

– Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста.

Глава семейства торопливым, взволнованным шагом обошел комнаты и сел на кресла.

– Ну, теперь надо решить, что делать, устраиваться, – сказал он. – Помогайте, дети, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлем записочку и Сережу к сестре Марье Ивановне, к Никитиным, или сами поедем. Так, Наташа? А теперь устраиваться.

– Завтра воскресенье; надеюсь, прежде всего, ты поедешь к обедне, Pierre? – сказала жена, на коленях стоя перед сундуком и отпирая его.

– И то воскресенье! Непременно все поедем в Успенский собор. Этим начнется наше возвращение. Боже мой! когда я вспомню тот день, когда я в последний раз был в Успенском соборе... помнишь, Наташа? Но не в том дело.

И глава семейства быстро встал с кресла, на которое только что сел.

– А теперь надо устраиваться.

И он, ничего не делая, ходил из одной комнаты в другую.

– Что ж, будем чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

– Да, да, – отвечала жена, доставая что-то из сундука: – ведь ты хотел в баню.

– Да... в мое время были у Каменного моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменного моста. Вот эту комнату займу я с Сережей; Сережа! хорошо тебе тут будет? – Но Сережа пошел узнать о банях.

– Нет, всё нехорошо, – продолжал он, – у тебя не будет хода прямо в гостиную. Как ты думаешь, Наташа?

– Ты успокойся, Pierre, всё это устроится, – отвечала Наташа из другой комнаты, в которую мужики вносили вещи. Но Pierre находился под влиянием восторженного состояния, произведенного приездом на место.

– Ты смотри, Сережины вещи не смешай; вот его лыжи бросили в гостиную...

И он сам поднял их и особенно осторожно, как будто от этого зависел весь будущий порядок помещенья, поставил их к притолке и прижал к ней. Но лыжи не приклеились и, только что Pierre отошел от них, с грохотом упали поперек двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидав причину паденья, сказала.

– Соня, подними, мой друг.

– Подними, мой друг, – повторил муж, а я пойду к хозяину, иначе не устроите; надо с ним обо всем переговорить.

– Лучше за ним послать, Pierre. Зачем ты беспокоишься?

Pierre согласился.

– Соня, позови этого... как бишь? M-r Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотим обо всем переговорить.

– Шевалье, папа, – сказала Соня и приготовилась итти.

Наталья Николаевна, которая тихим голосом приказывала и тихими шагами ходила из комнаты в комнату, то с ящиком, то с трубкой, то с подушкой, незаметно расставляла из горы поклажи всё на свое место, успела, проходя мимо Сони, шепнуть.

– Не ходи сама, пошли человека.

Покуда человек ходил за хозяином, Pierre употребил свой досуг на то, чтобы под предлогом содействия своей супруге смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опорожненный ящик. Удержавшись рукой за стену, Декабрист с улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была так занята, что не заметила; но Соня глядела на него такими смеющимися глазами, что, казалось, ожидала позволения посмеяться. Он охотно дал ей это позволение, рассмеявшись сам таким добродушным смехом, что все бывшие в комнате, от жены до девушки и

мужика, рассмеялись. Этот смех еще более воодушевил старца; он нашел, что диван в комнате жены и дочери стоит для них неудобно, несмотря на то, что они утверждали противное, прося его успокоиться. В то самое время, как он собственноручно пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз.

– Вы меня спрашивали, – сказал хозяин строго и в доказательство своего, ежели не презрения, то равнодушия, достал медленно свой платок, медленно развернул и медленно высморкался.

– Да, мой любезный друг, – сказал Петр Иванович, наступая на него: – вот видите ли, мы сами не знаем, сколько здесь пробудем, я и жена моя... – и Петр Иваныч, имевший слабость в каждом человеке видеть ближнего, начал рассказывать свои обстоятельства и планы.

Г-н Chevalier не разделял такого взгляда на людей и не интересовался сведениями, сообщенными Петром Иванычем, но хороший французский язык, которым говорил Петр Иваныч (французский язык, как известно, есть нечто в роде чина в России), и барские приемы заставили его повысить несколько мнение о новоприезжих.

– Чем могу я служить вам? – спросил он.

Вопрос этот не затруднил Петра Иваныча. Он выразил желание иметь комнаты, чай, самовар, ужин, обед, пищу для прислуги, – одним словом, те вещи, для которых и существуют гостиницы, и когда Г-н Chevalier, удивленный невинностью старичка, полагавшего, должно быть, что он находится в Трухменской степи, или полагавшего, что все эти вещи ему будут отпускаться даром, объявил, что всё это можно иметь, Петр Иваныч пришел в восторженное состояние.

– Вот это прекрасно! очень хорошо! Так мы и устроим. Ну так, пожалуйста... – Но ему стало совестно всё говорить о себе, и он стал расспрашивать Г-на Chevalier о его семействе и делах. Сергей Петрович, вернувшись в комнату, казалось, не одобрял обращения своего батюшки; он замечал неудовольствие хозяина и напомнил о бане. Но Петр Иваныч был заинтересован вопросом о том, как могла французская гостиница итти в Москве в 56 году и как проводила свое время M-me Chevalier. Наконец сам хозяин поклонился и спросил, не прикажут ли чего?

– Будем пить чай, Наташа. Да? Так чаю, пожалуйста, а мы еще поговорим с вами, мой любезный Monsieur. Какой славный человек!

– А в баню, папа?

– Ах, да, так ненадобно чаю. – Так что единственный результат беседы с новоприезжим был отнят у хозяина. Зато Петр Иваныч был теперь горд и счастлив своим устройством. Ямщики, пришедшие просить на водку, расстроили его было тем, что у Сережи не было мелочи, и Петр Иваныч хотел было опять посылать за хозяином, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселым этот вечер, вывела его из затруднения. Он взял две трехрублевых бумажки и, вжав в руку одному ямщику одну бумажку, сказал; «Вот вам» (Петр Иваныч имел привычку говорить вы

всем без исключения, кроме членам своего семейства); «а вот вам», сказал он, передавая другому ящичку бумажку из ладони в ладонь, вроде того, как это делают, платя докторам за визиты. Обделав все эти дела, его повезли в баню.

Соня, как сидела на диване, подставила руку под голову и засмеялась.

«Ах, как хорошо, мама! Ах, как хорошо!» – Потом она положила ноги на диван, повытянулась, поправилась и так и заснула крепким неслышным сном здоровой 18-ти-летней девушки после 11/2 месяцев дороги. Наталья Николаевна, всё еще разбиравшаяся в своей спальне, услышала верно своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказав мерсі, как будто это само собой так сделалось.

– Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя, – тотчас же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к девушкам, стелившим постель, и одной рукой, как будто мимоходом, оправляя взбившиеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и к приезду мужа и сына всё было готово: сундуков уж не было в комнатах; в спальне Пьера всё было так же, как было десятки лет в Иркутске: халат, трубка, табакерка, вода с сахаром, Евангелие, которое он читал на ночь, и даже образок прилип как-то над кроватью на пышных обоях комнат Шевалье, который не употреблял этого украшения, но которое явилось в этот вечер во всех комнатах 3-го отделения.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась и села против стола. Ее прекрасные черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрела и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не от одного раскладыванья, не от одной дороги, не от одних тяжелых годов – она отдыхала, казалось, от целой жизни, и та даль, в которую она смотрела, на которой представлялись ей живые любимые лица, и была тот отдых, которого она желала. Был ли это подвиг любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила к детям, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря или это была особенность ее характера, – только всякий, взглянув на эту женщину, должен был понять, что от нее ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя в жизнь и что ничего от нее не осталось. Осталось достойное уважения что-то прекрасное и грустное, как воспоминание, как лунный свет.

Нельзя было себе представить ее иначе, как окруженную почтением и всеми удобствами жизни. Чтоб она когда-нибудь была голодна и ела бы жадно или чтобы на ней было грязное белье, или чтобы она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться – этого не могло с ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это так было, не знаю, но всякое ее движение было величавость, грация, милость для всех тех, которые могли пользоваться ее видом...

Sie pflegen und weben

Himmlische Rosen ins irdische Leben.[1]

Она знала этот стих и любила его, но не руководилась им. Вся натура ее была выражением этой мысли, вся жизнь ее была одним этим бессознательным вплетанием невидимых роз в жизнь всех людей, с которыми она встречалась. Она поехала за мужем в Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о том, что она может сделать для него, и невольно делала всё: стелила ему постель, укладывала его вещи, готовила обед и чай, а главное, была всегда там, где он был, и больше счастья ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

В гостиной кипел самовар на круглом столе. Перед ним сидела Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась под рукой матери, щекотавшей ее, когда отец и сын с сморщенными оконечностями пальцев и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестела лысина), с распушившимися белыми и черными волосами и сияющими лицами вошли в комнату.

– Светлее стало, как вы вошли, – сказала Наталья Николаевна. – Батюшки, как бел!

Она говорила это десятки лет каждую субботу, и каждую субботу Пьер испытывал при этом застенчивость и удовольствие. Они сели за стол, запахло чаем, трубкой, заговорили голоса родителей, детей и слуг, которые в той же комнате получили свои чашки. Вспоминали смешное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смеялись. Географически все они были перенесены за 5000 верст в совсем другую, чуждую среду, но нравственно они этот вечер еще были дома, теми же самыми, какими сделала их особенная, долгая, уединенная, семейная жизнь. Того уж не будет завтра. Петр Иванович подсел к самовару и закурил свою трубку. Он не весел был.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал он, – и я рад, что мы нынче никого не увидим: этот вечер еще последний проведем в семействе... и он запил эти слова большим глотком чаю.

– Отчего же последний, Пьер?

– Отчего? Оттого, что орлята выучились летать, им самим нужно вить свои гнезда, и отсюда они полетят каждый в свою сторону...

– Вот пустяки, – сказала Соня, принимая у него стакан и улыбаясь, как она всему улыбалась: – старое гнездо отлично.

– Старое гнездо – печальное гнездо, старик не умел свить его, – он попал в клетку, в клетке вывел детей, и выпустили его тогда, как уж крылья его плохо носить стали. Нет, орлятам надо свить себе гнездо выше, счастливее, ближе к солнцу; затем они его дети, чтоб пример послужил им; а старый, пока не ослепнет, будет глядеть, а ослепнет, будет слушать... Налей рому, еще, еще... довольно.

– Посмотрим, кто кого оставит, – отвечала Соня, бегло взглянув на

мать, как будто ей совестно было говорить при ней, – посмотрим, кто кого оставит, – продолжала она. – За себя я не боюсь и за Сережу тоже! (Сережа ходил по комнате и размышлял о том, как ему завтра заказать платье – самому пойти или послать за портным; его не интересовал разговор Сони с отцом)... Соня засмеялась.

– Что ты? Что? – спросил отец.

– Ты моложе нас, папа. Гораздо, право, – сказала она и опять засмеялась.

– Каково! – сказал старик, и строгие морщины его сложились в нежную и вместе презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась из-за самовара, который мешал ей видеть мужа.

– Правда Сониная. Тебе всё еще 16 лет, Пьер. Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли он в справедливости этого замечания или, польщенный им, он не знал, что отвечать, старик молча курил, запивал чаем и только блестел глазами. Сережа же, с свойственным эгоизмом молодости, теперь только заинтересованный тем, что сказали об нем, вступил в разговор и подтвердил то, что он действительно стар, что приезд в Москву и новая жизнь, которая открывается перед ним, нисколько не радует его, что он спокойно обдумывает и предусматривает будущее.

– Всё-таки последний вечер, – повторил Петр Иванович. – Завтра уж того не будет...

И он еще подлил себе рому. И долго он еще сидел за чайным столом с таким видом, как будто многое ему хотелось сказать, да некому было слушать. Он подвинул было к себе ром, но дочь потихоньку унесла бутылку.

ГЛАВА II.

Когда г. Шевалье, ходивший наверх устраивать гостей, вернувшись к себе, сообщил замечания насчет новоприезжих своей подруге жизни, в кружевах и шелковом платье сидевшей по парижскому манеру за конторкой, в той же комнате сидело несколько привычных посетителей заведения. Сережа, бывши внизу, заметил эту комнату и ее посетителей. Вы верно тоже заметили ее, ежели бывали в Москве.

Ежели вы скромный мужчина, не знающий Москвы, опоздали на званый обед, ошиблись расчетом, что гостеприимные москвичи вас позовут

обедать – и вас не позвали, или просто хотите пообедать в лучшей гостинице, вы входите в лакейскую. Три или четыре лакея вскакивают, один из них снимает с вас шубу и поздравляет с новым годом, с масленицей, с приездом или просто замечает, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали в этом заведении. Вы входите, и первый бросается вам в глаза накрытый стол, уставленный, как вам в первую минуту кажется, бесчисленным количеством аппетитных яств. Но это только оптический обман, ибо на этом столе большую часть места занимают в перьях фазаны, морские раки невареные, коробочки с духами, помадой и стклянки с косметиками и конфетами. Только с краюшка, поискав хорошенько, вы найдете водку и кусок хлеба с маслом и рыбкой под проволочным колпаком от мух, совершенно бесполезным в Москве в декабре месяце, но зато точно таким же, какие употребляются в Париже. Далее, за столом вы видите впереди себя комнату, в которой за конторкой сидит француженка весьма противной наружности, но в чистейших рукавчиках и в прелестнейшем модном платье. Подле француженки вам представится расстегнутый офицер, закусывающий водку, статский, читающий газету, и чьи-нибудь военные или статские ноги, лежащие на бархатном стуле, и послышатся французский говор и более или менее искренний громкий хохот. Ежели вам захочется знать, что делается в этой комнате, то я бы советовал не входить в нее, а только заглянуть, как будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вам не поздоровится от вопросительного молчания и взглядов, которые устремят на вас привычные обитатели комнаты, и, вероятно, вы, поджавши хвост, поспешите к одному из столов в большую залу или зимний сад. В этом вам никто не помешает. Эти столы для всех, и там в одиночестве можете называть Дея гарсоном и заказывать трюфелей, сколько вам угодно. Комната же с француженкой существует для избранной, золотой, московской молодежи, и попасть в число избранных не так легко, как вам кажется.

Г. Шевалье, возвратившись в эту комнату, сказал супруге, что господин из Сибири скучен, но зато сын и дочь такие молодцы, каких только в Сибири можно выкормить.

– Вы бы посмотрели на дочь, что это за розанчик!

– О!, он любит свеженьких женщин, этот старик, – сказал один из гостей, куривший сигару. (Разговор, разумеется, происходил на французском языке, но я передаю его по-русски, что и постоянно буду делать в продолжение этой истории.)

– О! очень люблю! – отвечал г. Шевалье. – Женщины – моя страсть. Вы не верите?

– Слышите, M-me Chevalier? – закричал толстый казацкий офицер, который был много должен в заведеньи и любил беседовать с хозяином.

– Да, вот он разделяет мой вкус, – сказал Chevalier, потрепав толстяка по эполете.

– И точно хороша эта Сибирячка?

Chevalier сложил свои пальцы и поцеловал их.

Вслед за тем между посетителями разговор сделался конфиденциальный и очень веселый. Дело шло о толстяке; он, улыбаясь, слушал то, что про него рассказывали.

– Можно ли иметь такие превратные вкусы? – закричал один сквозь смех. – M-lle Clarisse! вы знаете, Стругов из женщин лучше всего любит куриные ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замечания, m-lle Clarisse залилась из-за конторки смехом, настолько серебристым, насколько позволяли ей дурные зубы и преклонные лета.

– Сибирская барышня навела его на такие мысли? – и все еще больше расхохотались. Сам M-r Chevalier помирал со смеху, приговаривая:

«Ce vieux coquin», [2] и трепя по голове и плечам казацкого офицера.

– Да кто они, эти Сибиряки? заводчики или купцы? – спросил один из господ во время затихания смеха.

– Никит! спрашивайт у господ, которые приехал, подорожный, – сказал M-r Chevalier. – «Мы, Александр, Самодержес...» – начал было читать Г-н Chevalier принесенную подорожную, но казацкий офицер вырвал у него бумагу, и лицо его вдруг выразило удивление.

– Ну, угадайте, кто это? – сказал он, – и все вы хоть по слухам знаете.

– Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр III... ха-ха-ха-ха.

– Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иванович» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу, – но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

– Ведь он должен быть очень богат, коли он брат князя Ивана? – заметил один из молодых. – Ежели ему возвратили состояние. Некоторым возвратили.

– Сколько их наехало теперь этих сосланных! – заметил другой, – право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось. Да, Жикинский, расскажи-ка эту историю за 18-е число, – обратился он к

офицеру стрелкового полка, слывшему за мастера рассказывать.

– Ну, расскажи же.

– Во-первых, это истинная правда и случилось здесь, у Шевалье, в большой зале. Приходят человека три Декабристов обедать. Сидят у одного стола, едят, пьют, разговаривают. Только напротив их уселся господин почтенной наружности, таких же лет и всё прислушивается, как они про Сибирь что-нибудь скажут. Только он что-то спросил; слово за слово, разговорились, оказывается, что он тоже из Сибири.

– И Нерчинск знаете?

– Как же, я жил там.

– И Татьяну Ивановну знаете?

– Как же не знать!

– Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

– Да, имел несчастье пострадать, а вы?

– Мы все сосланные 14-го декабря. Странно, что мы вас не знаем, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилию?

– Федоров.

– Тоже за 14-е?

– Нет, я за 18-е.

– Как за 18-е?

– За 18-е сентября, за золотые часы. Был оклеветан, будто украл, и пострадал невинно.

Все покатались со смеха, исключая рассказчика, который, с пресерьезным лицом, оглядывая влоск положенных слушателей, божился, что это была истинная история.

Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб. Пройдясь по залам, уставленным столами с старичками, играющими в ералаш, повернувшись в inferнальной, где уж знаменитый «Пучин» начал свою партию против «компани», постояв несколько времени у одного из бильярдных, около которого, хватаясь за борт, семенит важный старичок и еле-еле попадал в своего шара, и заглянув в библиотеку, где какой-то генерал степенно читал через очки, далеко держа от себя газету, и записанный юноша, стараясь не шуметь, пересматривал подряд все журналы, золотой молодой человек подсел на диван в бильярдной к играющим в табельку, таким же, как он, позолоченным молодым людям. Был обеденный день, и было много господ, всегда посещающих клуб. В числе их был Иван Павлович Пахтин. Это был мужчина лет 40, среднего роста, белый, полный, с широкими плечами и

тазом, с голой головой и глянцевоым, счастливым выбритым лицом. Он не играл в табельку, но так подсел к князю Д., с которым он был на ты, и не отказался от стакана шампанского, которое ему предложили. Он так хорошо поместился после обеда, незаметно распустив сзади гюльфик, что, казалось бы, век просидел так, покуривая сигару, запивая шампанское и чувствуя близкое присутствие князей и графов, министерских детей. Известие о приезде Лабазовых нарушило его спокойствие.

– Куда ты, Пахтин? – сказал министерский сын, заметив между игрой, что Пахтин привстал, одернул жилет и большим глотком допил шампанское.

– Северников просил, – сказал Пахтин, чувствуя какое-то беспокойство в ногах, – что же, поедешь?..

«Анастасья, Анастасья, отворяй-ка, ворота». Это была известная в ходу цыганская песня.

– Может быть. А ты?

– Куда мне, женатому старику.

– Ну!..

Пахтин, улыбаясь, пошел в стеклянную залу к Северникову. Он любил, чтоб последнее слово, им сказанное, было шуточка. И теперь так вышло.

– Что, как здоровье графини? – спросил он, подходя к Северникову, который вовсе не звал его, но которому, по некоторым соображениям Пахтина, нужнее всех было знать о приезде Лабазовых. Северников был немножко замешан в 14-м числе и приятель со всеми Декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтин был очень рад этому.

– А вы не знаете, Лабазов приехал нынче, у Шевалье остановился.

– Что вы говорите! Ведь мы старые приятели. Как я рад! Как я рад! Постарел, я думаю, бедняга? Его жена писала моей жене...

Но Северников не досказал, что она писала, потому что его партнеры, разыгрывавшие бескозырную, сделали что-то не так. Говоря с Иваном Павловичем, он всё косился на них, но теперь вдруг бросился всем туловищем на стол и, стуча по нем руками, доказал, что надо было играть с семерки. Иван Павлович встал и, подойдя к другому столу, сообщил между разговором другому почтенному человеку свою новость, опять встал и у третьего стола сделал то же. Почтенные люди все были очень, очень рады возвращению Лабазова, так что, опять вернувшись в бильярдную, Иван Павлович, сначала сомневавшийся, нужно или нет радоваться возвращению Лабазова, уже более не употреблял введения о бале, статье «Вестника», здоровье и погоде, а прямо приступал ко всем с восторженным объявлением о благополучном возвращении знаменитого Декабриста.

Старичок, всё еще тщетно пытавшийся ткнуть кием в своего белого шара, должен был, по мнению Пахтина, быть очень обрадован известием. Он подошел к нему. «Хорошо поигрываете, Ваше Высокопревосходительство?» сказал он в то время, как старичок сунул свой кий в красный жилет маркера, означая этим желанье помелить.

«Ваше Высокопревосходительство» было сказано совсем не так, как вы думаете, из подобострастия (нет, это не мода в 56-м году) – Иван Павлыч называл просто по имени и отчеству этого старичка, – а это было сказано частью [как] шутка над теми, кто так говорят, частью, чтоб дать знать, что мы знаем с кем говорим, и всё-таки резвимся, немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

– Сейчас узнал: Петр Лабазов приехал. Прямо из Сибири приехал со всем семейством. – Эти слова произнес Пахтин, в то самое время, как старичок опять промахнулся в своего шара, – такое ему несчастье было.

– Ежели он приехал таким же взбалмошным, каким поехал, так нечему радоваться, – угрюмо сказал старичок, раздраженный своей непонятной неудачей.

Этот отзыв смутил Иван Павлыча, он опять не знал, следовало ли или нет радоваться приезду Лабазова, и, чтобы окончательно разрешить свои сомнения, он направил шаги свои в комнату, где собирались умные люди разговаривать и знали значение и цену всякой вещи, и всё знали одним словом. Иван Павлыч был в тех же приятных отношениях с посетителями умной комнаты, как и с золоченой молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особого места в умной комнате, но никто не удивился, когда он вошел и сел на диван. Речь шла о том, в каком году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждав минуту молчанья, Иван Павлыч сообщил свою новость не так, как радость, не так, как незначущее событие, а так, как будто к разговору. Но тотчас по тому, как «умные» (я употребляю «умные» как [прозвание] посетителей умной комнаты) приняли его новость и стали обсуживать ее, тотчас Иван Павлыч понял, что сюда-то именно и следовала эта новость и здесь только она получит такую обработку, что можно будет везти ее дальше и *savoir à quoi s'en tenir*. [3]

– Только Лабазова недоставало, – сказал один из «умных», – теперь из живых Декабристов все вернулись в Россию.

– Он был «один из стаи славных»... – сказал Пахтин еще выпытывающим тоном, готовый на то, чтобы эту цитату сделать шуточной и серьезной.

– Как же, Лабазов – один из замечательнейших людей того времени, – начал «умный». – В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка и был послан за границу с депешами к герцогу З. Потом он вернулся и в 24-м году был принят в первую масонскую ложу. Все тогдашние масоны собирались у Д. и у него. Ведь он очень богат был. Князь Ж., Федор Д., Иван П. – это были его ближайшие друзья. И тут дядя его, князь Висарион, чтоб удалить молодого человека от этого общества, перевез его в Москву.

– Извините, . Николай Степанович, – перебил другой «умный», – мне кажется, что это было в 23–м году, потому что Висарион Лабазов назначен был командиром 3–го корпуса в 24–м году и был в Варшаве. Он приглашал его к себе в адъютанты и после отказа уж перевел его. Впрочем, извините, я вас перебил.

– Ах, нет, сделайте одолжение.

– Нет, пожалуйста.

– Нет, сделайте одолжение, вы должны это знать лучше меня, и притом память ваша и знания достаточно доказаны здесь.

– В Москве он против желанья дяди вышел в отставку, – продолжал тот, чья память и знания были доказаны, – и там вокруг него образовалось второе общество, которого он был родоначальником и сердцем, ежели можно так выразиться. Он был богат, хорош собой, умен, образован; любезен, говорят, был удивительно. Мне еще тетка говаривала, что она не знавала человека обворожительнее его. И тут–то он за несколько месяцев до бунта женился на Кринской.

– Дочь Николая Кринского, тот, что при Бородино... – ну, известный, – перебил кто–то.

– Ну, да. Ее–то огромное состояние у него осталось теперь, а его собственное, родовое, перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь обер–гоф–кафермейстер (он назвал что–то в этом роде) и был министром.

– Лучше всего его поступок с братом, – продолжал рассказчик. – Когда его взяли, то одно, что он успел уничтожить, это – письма и бумаги брата.

– Разве брат был замешан?

Рассказчик не отвечал: «да», но сжал губы и мигнул значительно.

– Потом на всех допросах Петр Лабазов постоянно отпирался во всем, что касалось брата, и за это пострадал больше других. Но что лучше всего, что князь Иван получил всё именье и ни одного гроша не послал брату.

– Говорили, что Петр Лабазов сам отказался? – заметил один из слушателей.

– Да, но отказался только потому, что князь Иван перед коронацией писал ему и извинялся, что ежели бы не он взял, то именье конфисковали бы, а что у него дети и долги, и что теперь он не в состоянии возратить ничего. Петр Лабазов отвечал двумя строчками: «Ни я, ни наследники мои не имеем и не хотим иметь никаких прав на законом вам присвоенное именье». И больше ничего. Каково? И князь Иван проглотил и с восторгом запер этот документ с векселями в шкатулку и никому не показывал.

Одна из особенностей умной комнаты состояла в том, что посетители ее знали, когда хотели знать, всё, что делалось на свете, как бы тайно оно ни происходило.

– Впрочем, это вопрос, – сказал новый собеседник, – справедливо ли было отнять от детей князя Ивана состояние, при котором они выросли и были воспитаны и на которое полагали, что имели право.

Разговор таким образом был перенесен в отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина. Он почувствовал необходимость свежим людям сообщить новость, встал и медленно, заговаривая направо и налево, пошел по залам. Один из его сослуживцев остановил его, чтобы сообщить новость о приезде Лабазовых.

– Кто же этого не знает! – отвечал Иван Павлыч, спокойно улыбаясь, и направился к выходу. Новость уже совершила свой круг и опять возвращалась к нему.

В клубе было больше нечего делать, он отправился на вечер. Это был не званый вечер, а салон, в котором принимали каждый день. Было человек 8 дам и один старый полковник, и всем было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселило дам и девиц. Новость же была тем более кстати, что в салоне была старая графиня Фукс с дочерью. Когда Пахтин рассказал почти слово в слово всё, что он слышал в умной комнате, М-ме Фукс, покачивая головой и удивляясь своей старости, стала вспоминать, как она выезжала вместе с Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

– Ее замужество – очень романтическая история, и всё это было на моих глазах. Наташа была почти обручена с Мятлиным, который после был убит на дуэли с Дёбра. Только в это время приезжает в Москву князь Петр, влюбляется в нее и делает предложение. Только отец, которому очень хотелось Мятлина – и вообще Лабазова боялись как масона – отец отказал. Только молодой человек продолжает ее видеть на балах, везде, сдружается с Мятлиным, просит его отказаться. Мятлин соглашается, он ее уговаривает бежать. Она тоже соглашается, но последнее раскаянье (разговор происходил по-французски) – она идет к отцу и говорит, что всё готово к бегству, и что она могла его оставить, но надеется на его великодушие. И в самом деле, отец простил ее – все за нее просили – и дал согласие. Вот так и сделалась эта свадьба, и веселая была свадьба! Кто из нас думал, что через год она поедет за ним в Сибирь. Она, единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашнего времени. Император Александр всегда замечал ее на балах, сколько раз танцевал с ней. У графа Г. был *bal costumé*, [4] как теперь помню, и она была Неаполитанкой, удивительно хороша! Он всегда, приезжая в Москву, спрашивал: «*que fait la belle Napolitaine?*». [5] И вдруг эта женщина в таком положении (она дорогой родила) ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи и как была, когда его взяли, так и поехала за ним за 5000 верст.

– О! Удивительная женщина! – сказала хозяйка.

– И он и она – это редкие люди были, – сказала еще другая дама. – Мне говорили – не знаю, правда ли, – что в Сибири везде, где они работали в рудниках или как это называется, так эти колодники, которые с ними были, исправлялись от них.

– Да она никогда не работала в рудниках, – поправил Пахтин.

Что значил 56 год! Три года тому назад никто не думал о Лабазовых и ежели вспоминали о них, то с тем безотчетным чувством страха, с которым говорят о новоумерших; теперь же как живо вспоминались все прежние отношения, все прекрасные качества, и каждая из дам уже придумывала план, как бы получить монополию Лабазовых и ими угашивать других гостей.

– Сын и дочь приехали с ними, – сказал Пахтин.

– Ежели только они так же хороши, как была мать – сказала графиня Фукс. – Впрочем, и отец был очень, очень хорош.

– Как они могли воспитать там своих детей? – сказала хозяйка дома.

– Говорят, прекрасно. Говорят, молодой человек так хорош, любезен, образован, как будто вырос в Париже.

– Я предсказываю большой успех молодой особе, – сказала одна некрасивая девица. – Все эти сибирские дамы имеют что-то очень приятно-тривьяльное, но которое очень нравится.

– Да, да, – сказала другая девица.

– Вот еще богатая невеста прибавилась, – сказала третья девица.

Старый полковник немецкого происхождения, три года тому назад приехавший в Москву, чтобы жениться на богатой, решил, что как можно скорее, пока молодежь еще не знает, представиться и сделать предложение. Девицы и дамы почти то же самое думали насчет сибирского молодого человека. «Должно быть, это-то и есть мой суженый, – подумала девица, тщетно выезжающая уже восьмой год. – Должно быть, к лучшему было, что этот глупый кавалергард так и не сделал мне предложения. Я бы, верно, была несчастлива». – «Ну, опять пожелтеют все от злости, когда еще этот в меня влюбится», подумала молодая и красивая дама.

Говорят о провинциализме маленьких городов, – нет хуже провинциализма высшего общества. Там нет новых лиц, но общество готово принять всякие новые лица, ежели бы они явились; здесь же редко, редко, как теперь Лабазовы, признаны принадлежащими к кругу и приняты, и сенсация, производимая этими новыми лицами, сильнее, чем в уездном городе.

ГЛАВА III.

– Москва–то, Москва–то, матушка белокаменная, – сказал Петр Иванович, протирая утром глаза и прислушиваясь к звону колоколов, стоявшему над Газетным переулком.

Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напомнили ему не только ту Москву, которую он знал 35 лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т. д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он Русский, и что он в Москве.

Явился бухарский халат, распахнутый на широкой груди в ситцевой рубашке, трубка с янтарем, лакей с тихими приемами, чай, запах табаку, громкий, порывистый мужской голос послышался в комнатах Шевалье, утренние поцелуи раздались, и голоса дочери и сына, и Декабрист был так же дома, как в Иркутске и как бы он был в Нью–Йорке и Париже. Как бы мне ни хотелось представить моим читателям декабрьского героя выше всех слабостей, ради истины должен признаться, что Петр Иванович особенно тщательно брился, чесался и смотрелся в зеркало. Платьем, которое было сшито не слишком хорошо в Сибири, он был недоволен и раза два то расстегнул, то застегнул сюртучок. Наталья же Николаевна вошла в гостиную, шумя черным муаровым платьем с такими рукавчиками и лентами на чепце, что хотя всё это было не по самой последней моде, но так придумано, что не только не было *ridicule*, [6] но, напротив, *distingué*. [7] На это у дам есть особенное, шестое чувство и пронизательность, ни с чем не сравнимая. Соня тоже была так пристроена, что хотя всё было на два года сзади моды, но ни в чем упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери светло и весело. Сережа только проснулся, и они одни поехали к обеду. Отец с матерью сели сзади, дочь села напротив, Василий сел на козлы, и извозчичья карета повезла их в Кремль. Когда они вышли, дамы оправили платья, и Петр Иванович взял под руку свою Наталью Николаевну и, закинув голову назад, пошел к дверям церкви. Многие и купцы, и офицеры, и всякий народ не могли узнать, что это за люди. Кто это – давно, давно загорелый и не отошедший старичок с крупными, прямыми рабочими морщинами, особенного склада, такого склада, какого не бывают морщины, приобретенные в аглицком клубе, с белыми, как снег, волосами и бородой, с добрым и гордым взглядом и энергическими движениями? Кто эта высокая дама с значительной поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта девушка, свежая, стройная, сильная, а не модная, и не робкая? Купцы – не купцы, немцы – не немцы, господа? – тоже таких не бывает, а важные люди. Так думали те, которые видели их в церкви, и почему–то скорее и охотнее давали им дорогу и место, чем мужчинам в густых эполетах. Петр Иванович держал себя так же величаво, как и при входе, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колена, вынимала платок и много плакала во время «иже херувимской». Соня как будто делала над собой усилие, чтобы молиться. Не шло к ней моление, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Сереза остался дома – частью оттого, что проспал, частью оттого, что он не любил стоять обедни: у него ноги отекали, и он никак не мог понять, отчего пройти на лыжах верст 40 ему ничего не стоило, а простоять 12 Евангелий было для него величайшее физическое мученье, главное же оттого, что он чувствовал, ему нужнее всего было новое платье. Он оделся и пошел на Кузнецкий мост. Денег у него было довольно. Отец сделал себе правилом с тех пор, как сыну минуло 21 год, давать ему денег, сколько захочет. От него зависело оставить отца и мать совершенно без денег.

Как мне жалко этих 250 руб. с. денег, даром истраченных в магазине готового платья Купца! Каждый из этих господ, встречавших Серезу, охотно бы научил его и за счастье бы почел с ним вместе пойти заказать ему; но, как всегда бывает, он был одинок посреди толпы и, пробираясь в фуражке по Кузнецкому мосту, не поглядывая на магазины, он дошел до конца, отворил двери и вышел оттуда в коричневом полуфраке, в узком (а носили широкий), в черных панталонах, широких (а носили узкие), и в атласном с цветочками жилете, который ни один из господ, бывших у Шевалье в особой, не позволили бы надеть своему лакею. И еще много чего купил Сереза; зато Кунц в недоумение пришел от тонкой талии молодого человека и, как он это говорил всем, объяснил, что подобной он никогда не видел. Сереза знал, что у него талия хороша, но похвала постороннего человека, как Кунца, очень польстила ему. Он вышел без 250 р., но одет очень дурно, так дурно, что платье его через два дня перешло во владение Василья и навсегда осталось неприятным воспоминанием для Серезы. Дома он сошел вниз и сел в большой комнате, тоже посматривая в заветную, и спросил себе завтрак таких странных кушаний, что слуга даже посмеялся на кухне. Но всё-таки он спросил журнал и сделал, как будто читает его. Когда же слуга, обнадеженный неопытностью юноши, начал было спрашивать и его, то Сереза сказал: ступай на свое место! и покраснел. Но сказал так гордо, что тот послушался. Мать, отец и дочь, возвратившись домой, нашли тоже его платье отличным.

Помните ли вы это радостное чувство детства, когда в ваши именины вас принарядили, повезли к обедне, и вы, возвратившись с праздником на платье, на лице и в душе, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нет классов, что большие даже празднуют, что нынче для целого дома день исключения и удовольствий; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества и что, что бы вы ни сделали, вам простят, и вам странно, что люди на улицах не празднуют так же, как ваши домашние, и звуки слышнее, и цвета ярче, – одним словом, именинное чувство. Такого рода чувство испытал Петр Иваныч, возвратившись из церкви.

Вчерашние хлопоты Пахтина не пропали даром: вместо игрушек Петр Иваныч нашел дома уже несколько визитных карточек значительных Москвичей, считавших в 56-м году своей неременной обязанностью оказать всевозможное внимание знаменитому изгнаннику, которого они не хотели бы видеть ни за что на свете 3 года тому назад. В глазах Шевалье, швейцара и людей гостиницы появление карет, спрашивающих Петра Иваныча, в одно утро удесятило их уважение и услужливость. Всё это были именинные подарки для Петра Иваныча. Как ни испытан

жизнью, как ни умен человек, выражение уважения от людей, уважаемых большим числом людей – всегда приятны. Петру Иванычу было весело на душе, когда Шевалье, изгибаясь, предлагал переменить отделение и просил приказывать всё, что будет угодно, и уверял, что он за счастье почитает посещение Петра Иваныча, и когда он, пересматривая карточки и опять бросая их в вазу, называл имена графа С., князя Д. и т. д., Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимает и сейчас поедет к Марье Ивановне, на что Петр Иваныч согласился, хотя ему хотелось бы поговорить со многими из приезжающих. Только один из визитов успел проскочить до запрета. Это был Пахтин. Ежели бы спросить этого человека, для чего он с Пречистенки приехал в Газетный переулок, то он никакого бы не мог дать предлога, исключая того, что он любит всё новое и занимательное и потому приехал посмотреть на Петра Иваныча как на редкость. Казалось бы, надо заробеть, с таким единственным резонном приезжая к незнакомому человеку. Оказалось напротив. Петр Иваныч и его сын и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слишком *grande dame*, [8] чтоб от чего бы то ни было смущаться. Утомленный взгляд ее прекрасных черных глаз спокойно спустился на Пахтина. Пахтин же был свеж, самодоволен и весело любезен, как всегда. Он был друг Марьи Ивановны.

– А! – сказала Наталья Николаевна.

– Не друг, – лета наши... но она всегда была добра ко мне. – Пахтин был давнишний поклонник Петра Иваныча, он знал его товарищей. Он надеялся, что может быть полезен приезжим. Он вчера бы еще явился, но не успел, и просит извинить его. И он сел и говорил долго.

– Да, скажу вам, много я нашел перемен в России с тех пор, – сказал Петр Иваныч, отвечая на вопрос.

Как только Петр Иваныч стал говорить, надо было видеть, с каким почтительным вниманием Пахтин получал каждое слово, вылетавшее из уст значительного старца, и как за каждой фразой, иногда словом, Пахтин кивком, улыбкой или движением глаз давал чувствовать, что он получил и принял достопамятную для него фразу или слово. Усталый взгляд одобрил этот маневр. Сергей Петрович, казалось, боялся, что речь батюшки не будет значительна, соответственно вниманию слушателя. Софья Петровна, напротив, улыбнулась той незаметной самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подметившие смешную сторону человека. Ей показалось, что от этого нечего ждать, что это «шюшка», – так они с братом называли известный сорт людей. Петр Иваныч объяснил, что он в своем путешествии заметил огромные перемены, которые радовали его. Нет сравнения, как народ – крестьянин – стал выше, стало больше сознания достоинства в них, – говорил он, как бы протверживая старые фразы. – «А я должен сказать, что народ более всего меня занимает и занимал. Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе», и т. д. Петр Иваныч развил с свойственным ему жаром свои более или менее оригинальные мысли насчет многих важных предметов. Нам придется еще слышать их в более полном виде. Пахтин таял от наслаждения и был совершенно согласен со всем.

– Вам непременно надо познакомиться с Аксатовыми, вы позволите мне

их представить вам, князь? Вы знаете, ему разрешили теперь его издание? Говорят, завтра выйдет первый номер. Я читал также его удивительную статью о последовательности теории науки в абстрактности. Чрезвычайно интересно. Еще там статья – история Сербии в XI веке и этого знаменитого воеводы Карбавонца, тоже очень интересно. Вообще огромный шаг.

– А! так, – сказал Петр Иванович. Но его, видимо, не занимали все эти известия, он даже не знал имен и заслуг тех людей, которых, как всем известных, называл Пахтин. Наталья Николаевна же, не отрицая необходимости знания всех этих людей и условий, в оправданье мужа заметила, что Pierre поздно очень получал журналы. Но он слишком много читает.

– Папа, мы поедem к тете? – сказала Соня, входя.

– Поедем, но надо позавтракать. Не хотите ли чего-нибудь?

Пахтин, разумеется, отказался, но Петр Иванович с свойственным вообще русскому и особенно ему гостеприимством настоял на том, чтобы Пахтин поел и выпил. Сам же он выпил рюмку водки и стакан бордо. Пахтин заметил, что, когда он наливал вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно от стакана, а сын посмотрел особенно на руки отца. После вина Петр Иванович на вопросы Пахтина о том, какое его мнение о новой литературе, о новом направлении, о войне, о мире (Пахтин умел самые разнородные предметы соединить в один бестолковый, но гладкий разговор) – на эти вопросы Петр Иванович сразу ответил одною, общею profession de foi, [9] и вино ли, или предмет разговора, но он так разгорячился, что слезы выступили у него на глазах, и что Пахтин пришел в восторг и тоже прослезился и, не стесняясь, выразил свое убеждение, что Петр Иванович теперь впереди всех передовых людей и должен стать главой всех партий. Глаза Петра Ивановича разгорелись, он верил тому, что ему говорил Пахтин, и он долго бы еще говорил, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она надела мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Ивановича. Он налил было себе остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

– Что ж ты это?

– Я не пила еще, рара, pardon. [10]

Он улыбнулся.

– Ну, поедem к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-г Пахтин... – и Петр Иванович вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

– А ты как еще свеж, – сказал он. – Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

– Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

– Как же вы узнали, что я приехал?

– Стыдно бы было Москве, ежели бы она не знала; стыдно, что у заставы вас не встретили. Где вы обедаете? должно быть, у сестры Марьи Ивановны... Ну и прекрасно, я тоже приеду. –

Петр Иваныч всегда имел вид человека гордого для тех, кто не мог разобрать сквозь эту внешность выражение несказанной доброты и впечатлительности. Теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычной величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они приехали к Марье Ивановне. Марья Ивановна была крестная мать Петра Иваныча и старше его 10-ю годами. Она была старая дева.

Историю ее, почему она не вышла замуж, и как она жила свою молодость, я расскажу когда-нибудь после.

Она жила в Москве 40 лет безвыездно. Не было в ней ни большого ума, ни большого богатства, и связями она не дорожила, напротив; и не было человека, который бы не уважал ее. Она была так уверена, что все должны уважать ее, что все ее уважали. Бывали из университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только в ее отсутствии. Стоило ей войти в гостиную своей царской поступью, заговорить своей спокойной речью, улыбнуться своей ласковой улыбкой, и они были покорены. Общество ее было – все. Она смотрела на Москву и обращалась с ней, как с своими домашними. Бывали у ней друзья больше из молодежи и мужчин умных; женщин она не любила. Были у ней тоже и приживалки и приживальщики, которых вместе с венгеркой и генералами в одно общее презрение почему-то вместе включила наша литература; но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужем Бешевой лучше жить у нее, чем в нищете, и держала их. Но два сильные чувства в теперешней жизни Марьи Ивановны – были ее два брата. Петр Иваныч был ее идолом. Князь Иван был ее ненависть. Она не знала, что Петр Иваныч приехал, была у обедни и теперь только отпила кофе. Московский викарий, Бешева и Скопин сидели около стола. Марья Ивановна рассказывала им про молодого графа В., сына П. З., который вернулся из Севастополя и в которого она была влюблена. (У ней беспрерывно бывали пассии.) Нынче он должен был обедать у нее. Викарий встал и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его, она была вольнодумка в этом отношении; она была набожна, но не любила монахов, смеялась над барынями, бегающими за монахами, и говорила смело, что, по ее мнению, монахи такие же люди, как мы грешные, и что можно спастись в миру лучше, чем в монастыре.

– Не велите никого принимать, мой друг, – сказала она, – я Пьеру напишу; не понимаю, что он не едет. Верно, Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убеждения, что Наталья Николаевна не любила и была врагом ее. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имя и поехала с ним в Сибирь, а Наталья Николаевна, и что брат решительно отказал ей в этом, когда она

собиралась ехать. После 35 лет она начинала верить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена в мире и его ангел-хранитель была; но она завидовала, и ей всё казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошла по зале и хотела идти в кабинет, как дверь отворилась, и сморщенное, седенькое лицо Бешевой, выражавшее радостный ужас, выставилось в двери.

– Марья Ивановна, приготовьтесь, – сказала она.

– Письмо?

– Нет больше...

Но не успела она сказать, как в передней послышался громкий мужской голос:

– Да где она? Поди ты, Наташа.

– Он! – проговорила Марья Ивановна и большими, твердыми шагами пошла к брату. Она встретила их, как будто со вчерашнего дня с ними виделась.

– Когда ты приехал? Где остановились? В чем же вы, в карете? – вот какие вопросы делала Марья Ивановна, проходя с ними в гостиную и не слушая ответов и глядя большими глазами то на одного, то на другого. Бешева удивилась этому спокойствию, равнодушию даже, и не одобрила его. Они все улыбались; разговор замолк; Марья Ивановна молча, серьезно смотрела на брата.

– Как вы? – сказал Петр Иванович, взяв ее за руку и улыбаясь. Петр Иванович говорил «вы», а она говорила ему «ты». Марья Ивановна еще раз взглянула на седую бороду, на плешивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорелое лицо и всё это узнала.

– Вот моя Соня.

Но она не оглянулась.

– Какой ты дур... – голос ее оборвался, она схватила своими белыми, большими руками плешивую голову, – какой ты дурак... она хотела сказать, – «что не приготовил меня», но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось, и она зарыдала, всё прижимая к груди плешивую голову и повторяя: «какой ты ду... рак, что меня не приготовил». Петр Иванович не казался себе уже таким великим человеком, не казался так важен, как у крыльца Шевалье. Задом он сидел на кресле, но голова его была в руках сестры, нос прижимался к ее корсету, и в носу этом щекотало, волосы были спутаны, и слезы были в глазах. Но ему было хорошо. Когда прошел этот порыв радостных слез, Марья Ивановна поняла, поверила тому, что случилось, и стала оглядывать всех. Но еще несколько раз во время дня, как только она вспомнит, какой он был, какая она была тогда, и какие теперь, и всё живо так встанет перед воображением, – тогдашние несчастья и тогдашние радости, и тогдашние любви – на нее находило, и она опять

вставала и повторяла: «какой ты дурак, Петруша, дурак какой, что меня не приготовил! Зачем вы не ко мне прямо приехали? я бы вас поместила, – говорила Марья Ивановна. – По крайней мере, вы обедаете? Тебе не скучно будет у меня, Сергей: у меня обедает молодой Севастополец, молодец. А Николай Михайловича сына ты не знаешь? Он писатель, что-то хорошее там написал. Я не читала, но хвалят, и он милый малый, я и его позову. Чихаев хотел тоже приехать. Ну, этот болтун, я его не люблю. Он уже был у тебя? А Никиту видел? Ну, да это всё вздор. Что ты намерен делать? Что вы, ваше здоровье, Натали? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговор всё не клеился.

Перед обедом Наталья Николаевна с детьми поехали к старой тетке, брат с сестрой остались вдвоем, и он стал рассказывать свои планы.

– Соня большая, ее надо вывозить, стало, мы будем жить в Москве, – сказала Марья Ивановна.

– Ни за что!

– Сереже надо служить.

– Ни за что.

– Всё такой же сумасшедший. – Но она всё так же любила сумасшедшего.

– Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать всё.

– Мое правило не вмешиваться в семейные дела, – говорила Марья Ивановна, успокоившись от волнения, – и не давать советов. Молодому человеку надо служить, это я всегда думала и думаю. А теперь больше чем когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я их всех знаю. Вон князя Дмитрия сын совсем пропал. Да и сами виноваты! Я ведь никого не боюсь: я старуха. А нехорошо... – И она начала говорить про правительство. Она была недовольна им за излишнюю свободу, которая давалась всему.

– Одно хорошее сделали, что вас выпустили. Это хорошо. – Петруша стал было защищать, но с Марьей Ивановной было не то, что с Пахтиным; ему было не сговорить. Она разгорячилась.

– Ну что защищать! Тебе ли защищать? Ты всё такой же, я вижу, безумный.

Петр Иванов замолчал с улыбочкой, показывавшей, что он не сдаётся, но что спорить с Марьей Ивановной он не хочет.

– Ты улыбаешься. Это мы знаем. Ты со мной спорить, с бабой не хочешь, – сказала она весело и ласково и так тонко, умно глядя на брата, как нельзя было ожидать от ее старческого, с крупными чертами лица. – Да не соспоришь, дружок. Ведь 7-й десяток доживаю. Тоже не душой прожила, кое-что видела и поняла. Книжек ваших не читала, да и читать не буду. В книжках вздор!

– Ну, как вам мои ребята нравятся? Сережа? – сказал Петр Иванович с той же улыбкой.

– Ну, ну! – грозясь на него, ответила сестра. – На детей–то не переводы, об этом поговорим. А я тебе вот что хотела сказать. Ты ведь безумный, так и остался, я по глазам вижу. Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был, – прибавила она, отвечая на его улыбку. – Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нынешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только всё это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придется показать коготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; всё пустяки. У тебя дети.

– Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна, – сказал брат.

– Ну, хорошо, хорошо, уж там видно будет. Я ли тебя не знаю, или ты сам себя не знаешь. Только я сказала, что у меня на душе было; послушаешь меня – хорошо. Вот теперь и о Сереже поговорим. Какой он у тебя? – «Он мне не очень понравился», хотела было сказать она, но сказала только: – Он на мать похож, две капли воды. Вот Соня твоя так мне очень понравилась, очень... милое такое что–то, открытое. Милая. Где она, Сонюшка? Да, я и забыла.

– Да как вам сказать? Соня–то будет хорошая жена и хорошая мать, но Сережа мой умен, очень умен, этого никто не отнимет. Учился прекрасно, немножко ленив. К естественным наукам он большую охоту имел. Мы были счастливы, у нас был славный, славный учитель. Ему здесь хочется в университет, – послушать лекции естественных наук, химии...

Марья Ивановна почти не слушала, как только брат начал об естественных науках. Ей как будто вдруг грустно стало. В особенности, когда дело дошло до химии. Она глубоко вздохнула и отвечала прямо на тот ряд мыслей, которые вызвали в ней естественные науки...

– Кабы ты знал, как мне их жалко, Петруша, – сказала она с искренней и тихой, покорной печалью. – Так жалко, так жалко. Целая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

– Что же, надо надеяться, что они проживут счастливее нашего.

– Дай Бог, дай Бог! Да жить–то тяжело, Петруша! Ты меня послушай в одном, мой голубчик. Не мудри ты! Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак! Однако мне надо распорядиться. Народу–то я назвала, а чем я их кормить буду?

Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

– Позвать Тараса.

– Всё у вас старик? – спросил брат.

– Всё он; да что же, ведь он мальчишка в сравнении со мной.

Тарас был гневен и чист, но взялся всё делать.

Скоро, пышущие холодом и счастьем вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Сережа остался за покупками.

– Дайте мне на нее посмотреть.

Марья Ивановна руками взяла ее за лицо. Наталья Николаевна рассказывала.

ВАРИАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

(1878 г.)

I.

Спорное дело «о завлажении Пензенской губернии Краснослободского уезда помещиком, отставным гвардии поручиком, Иваном Апыхтиным, 4000 десятин земли у соседних казенных крестьян села Излегощи» было в первой инстанции, Уездном суде, по ходатайству выборного от крестьян Ивана Миронова решено в пользу крестьян, и огромная дача земли, частью под лесами, частью же под пашнями, расчищенными крепостными Апыхтина, поступила в 1815 году во владение крестьян, и крестьяне в 1816 году посеяли эту землю и сняли с нее урожай. Выигрыш этого неправильного дела крестьянами удивил всех соседей и даже самих крестьян. Этот успех крестьян объяснялся только тем, что Иван Петрович Апыхтин, человек самый кроткий, смирный и неохотник судиться, в этом деле уверенный в своей правоте, не принял никаких мер против действий крестьян. Иван же Миронов, поверенный крестьян, по ремеслу горчешник, сухой, горбоносый, грамотный мужик, бывший и головою и ходивший сборщиком податей, собрав с мужиков по 50 копеек с души, умно распределил эти деньги подарками и ловко вел всё дело. Но тотчас же после решения уездного суда Апыхтин, увидав опасность, дал доверенность ловкому дельцу, вольноотпущенному Илье Митрофанову, подал апелляцию в Палату на решение Уездного суда. Илья Митрофанов так ловко вел дело, что, несмотря на все происки поверенного крестьян Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки из собранной с крестьян по 50 к. с души суммы розданные им членам Палаты, дело в губернии было перерешено в пользу помещика, и земля вновь должна была отойти от крестьян, о чем поверенному их и было объявлено. Поверенный Иван Миронов объявил на сходке крестьянам, что

губернские господа потянули руку помещика и дело «всё спутали», так что землю опять хотят отобрать, но что дело помещика не выгорит, потому что у него уж прошение в Сенат написано, и есть такой человек, который обещал верно в Сенате всё дело исправить, и что тогда уж землю навсегда закрепят за мужиками, только бы они теперь собрали еще по рублю с души. Крестьяне решили деньги собрать и опять приказать всё дело Ивану Миронову. Собрав деньги, Миронов уехал в Петербург.

Когда в 1817-м году на Страстной – она приходилась поздно – пришло время пахать, Излегощинские мужики на сходке стали толковать: пахать ли им в нынешнем году спорную землю, и, несмотря на то, что к ним постом еще приезжал от Апыхтина приказчик с приказом не пахать земли и сходить с князем по согласию об посеянной ржи в бывшей спорной, а теперь Апыхтинской земле, мужики именно потому, что у них было посеяно в спорной земле озимое, и что Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними любовно сходить, решили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

В самый тот день, как мужики выехали пахать на Берестовскую дачу в чистый четверг, Иван Петрович Апыхтин, говевший на Страстной неделе, поехал рано утром в церковь села Излегощи, куда он был прихожанин, и там, ничего не зная об этом, дружелюбно беседовал со старостой церковным. Иван Петрович исповедовался с вечера и дома слушал всенощную; поутру сам прочел правила и в 8 часов выехал из дому. К обедне его ждали. Стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал. Иван Петрович более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за 52 года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря с своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить. И в особенности нынче он чувствовал себя размягченным и, стоя в алтаре, вместо того, чтобы молиться, думал о том, как странно всё устроено на свете: вот он уже почти старик, говеет, может быть, сороковой раз в жизни и вот он знает, что все, и домашние его и все вот в церкви, все смотрят на него как на образец, берут пример с него, и он чувствует себя обязанным показывать этот пример в отношении религии, а он сам ничего не знает, и вот, вот ему уже умирать придется, а, хоть убей его, он не знает, правда ли то, в чем он другим показывает пример. И странно ему и то было, как все считают, – он это видел, – что старые люди тверды и знают, что нужно и что не нужно (так он всегда думал о стариках), а вот он и стар и решительно не знает и так же легкомыслен, как он был двадцати лет; но только прежде он не скрывал, а теперь скрывает это. Как в детстве ему приходило в голову во время службы запеть петухом, так и теперь ему такие же глупости забегают в голову, а он, старик, степенно склоняется к земле, прикасаясь старыми косточками руки к плитам пола, и отец Василий, видимо, робеет служить при нем и возбуждает к усердию его усердием. «А если бы он знал, какие глупости у меня в голове бродят? Но грех, грех, надо молиться», сказал он себе, когда началась служба; и, вслушиваясь в смысл эктеньи, стал молиться. И действительно, скоро он перенесся чувством в молитву и стал вспоминать свои грехи и всё, в чем он каялся.

Благовидный старик, плешивый с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь, поклонился ему низко, встряхнул волосами и прошел за алтарь ставить свечи. Это был церковный староста Кузьма Федотов, один из лучших мужиков села Излегощи. Иван Петрович знал его. Вид этого строгого, твердого лица навел Ивана Петровича на новый ход мыслей. Это был один из тех мужиков, которые хотели отнять у него землю, и один из лучших, один из редких богатых, семейных хлебопашцев, которым нужна была земля, и которые умели с ней управиться и было чем. Его строгий вид, его степенный поклон, его равномерная походка, аккуратность его одежды – онучи, точно чулки, облипали его ноги, и обортки симметрично скрещивались как на той, так и на другой ноге, – весь его вид как будто выражал укор, враждебность за землю.

«Да, вот я просил прощенья у жены, у Маши (дочери), у няни, у Володи камердинера, а вот у кого надо бы просить прощенья и простить их», подумал Иван Петрович и решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени.

Так он и сделал.

—

В церкви было мало народа. Народ весь по обычаю отговел на первой и на четвертой неделе. Теперь же было только человек десять мужиков и баб, не успевших отговориться раньше, несколько старушек мужицких, причетников и дворовых Апыхтинских и богатых соседей Чернышевых. Была тут старушка, родственница Чернышевых, жившая у них, и дьяконица вдова, та самая, сына которой Чернышевы, по своей доброте, воспитали и вывели в люди, и который служил теперь чиновником в Сенате. Между заутреней и обедней народу в церкви осталось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались обе салопницы, сидя в уголку, беседовавшие между собою и поглядывавшие на Ивана Петровича с видимым желанием поздороваться с ним и поговорить, и два лакея: его лакей в ливрее и чернышевский лакей, приехавший с старушкой. Эти оба тоже о чем-то оживленно шептались в то время, как Иван Петрович выходил из алтаря, и тотчас же, увидав его, почтительно замолкли. Еще была женщина в высокой кичке с бисерными наличниками и белой шубе, в которой она, закрывая кричавшего больного ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старуха, тоже в кичке, но с шерстяными наличниками и белым платком, завязанным по-старушечьи, и в сером чупруне с петушками на спине, которая, стоя на коленях по середине церкви и обращаясь к старому образу между решетчатых окон, на котором висело с красными концами новое полотенце, молилась так усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее внимания. Не подходя еще к старосте, который, стоя у шкафчика, переминал остатки свеч в комок воска, Иван Петрович остановился посмотреть на эту молящуюся старуху. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на коленях так прямо, как только можно было стоять прямо по направлению к образу, все члены ее были математически симметричны, ноги сзади упирались носками лаптей в каменный пол под одним и тем же углом, тело было загнуто назад, насколько позволял горб спины,

руки совершенно правильно сложены под животом, голова закинута назад, и лицо, с выражением стыдливой жалостливости, сморщенное, с тусклым взглядом, прямо обращено к иконе с полотенцем. Постояв неподвижно в таком положении минуту или меньше, но какое-то твердо определенное время, она тяжело вздыхая отнимала правую руку, с размахом заносила ее выше кички, дотрогиваясь сложенными перстами до темени и так же широко клала крест на живот и на плечи и, размахиваясь назад, опускалась головой на правильно положенные на землю руки и опять поднималась и опять делала то же.

«Вот молится, – подумал, глядя на нее, Иван Петрович, – не так, как мы грешные; вот вера, хоть я и знаю, что она молится на свой образок или на свое полотенце, или свой убор на образе, как и все они. Но хорошо. Ну что ж? – сказал он сам себе, – у каждого своя вера: она молится на образок, а я вот считаю нужным попросить прощенья у мужика».

И он направился к старосте, невольно оглядывая церковь, чтобы знать, кто увидит его предполагаемый поступок, в одно и то же время нравившийся ему и стыдивший его. Ему неприятно было, что старушки-салопницы, как он называл их, увидят, но более всего неприятно было, что увидит Мишка, его лакей; в присутствии Мишки – он знал его бойкий, шутовской ум – он даже чувствовал, что не в силах будет подойти к Ивану Федотову. И он поманил к себе пальцем Мишку.

– Что прикажете?

– Поди, пожалуйста, брат, принеси мне еще коврик из коляски, а то сыро ногам.

– Слушаю-с.

И когда Мишка ушел, Иван Петрович тотчас же подошел к Ивану Федотову. Иван Федотов заробел, как точно виноватый, при приближении барина. Робость и торопливость движений составляли странное противуречие с его строгим лицом и кудрявыми стальными волосами и бородой.

– Свечу прикажете десятикопеечную? – заговорил он, поднимая конторку и вскидывая только изредка своими большими прекрасными глазами на барина.

– Нет, мне не свеча, Иван. А я прошу тебя простить меня, ради Христа, если я в чем обидел. Простите ради Христа, – повторил Иван Петрович и низко поклонился.

Иван Федотов совсем заробел, заторопился, но, наконец, понял, усмехнулся нежной улыбкой:

– Бог простит, – сказал он. – Обиды, кажется, от тебя не видали. Бог простит, обиды не видали, – поспешно повторил он.

– Всё-таки...

– Бог простит, Иван Петрович. Так десятикопеечных две?

– Да, две.

– Вот ангел, точно что ангел. У мужика подлого и то прощенья просит. О, Господи! право ангелы, – заговорила дьяконица в черном старом капоте и черном платке. – И точно, что мы понимать должны.

– А, Парамоновна! – обратился к ней Иван Петрович. – Что? или говеешь тоже? Прости тоже, Христа ради.

– Бог простит, батюшка, ангел ты мой, благодетель ты мой милостивый; дай ручку поцеловать.

– Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю... – сказал Иван Петрович, улыбаясь, и пошел в алтарь.

—

Обедня, как и обыкновенно, служилась в Излегощинском приходе, отошла скоро, тем более, что причастников было мало. В то время, как после «Отче наш» царские двери закрылись, Иван Петрович выглянул в северные двери, чтобы кликнуть Мишку снять шубу. Увидав его движение, священник сердито мигнул дьякону, дьякон выбежал почти, вызывая лакея Михайла М[ихайловича?]. Иван Петрович был в довольно хорошем расположении духа, но эти услужливость и выражение уважения от священника, служившего обедню, опять расстроили его; тонкие, изогнутые, бритые губы его изогнулись еще больше, и добрые глаза засветились насмешкой. «Точно я генерал его», подумал он и тотчас же вспомнились ему слова немца-гувернера, которого он раз привел с собой в алтарь смотреть русскую службу; как этот немец насмешил его и рассердил жену, сказав: «Der Pop war ganz böse, dass ich ihm alles nachgesehen hatte».[11] Вспомнилось и то, как молодой турок отвечал, что Бога нет, потому что он съел последний кусок. «А я причащаюсь», подумал он и, нахмурившись, положил поклон. И, сняв медвежью шубу, в одном синем фраке с светлыми пуговицами и белом высоком галстухе и жилете и узких панталонах на сапогах без каблуков, с острыми носками, пошел своей тихой, скромной и легкой походкой прикладываться к местным образам. И опять и тут он встречал ту же угодливость других причастников, уступавших ему место.

«Как будто говорят: après vous s'il en reste», [12] думал он, боком делая земные поклоны с тою неловкостью, которая происходила оттого, что надо было найти ту середину, при которой не было бы неуваженья и не было бы ханжества. Наконец, двери открылись. Он прочел за священником молитву, повторяя «яко разбойника», ему завесили галстух воздухом, и он принял причастие и теплоту в древнем ковшичке, положив новые двугривенные на древние тарелочки, отслушал последние молитвы, приложился к кресту и, надев шубу, пошел из церкви, принимая поздравления и испытывая приятное чувство окончания. Выходя из церкви, он опять столкнулся с Иваном Федотовым.

– Спасибо, спасибо, – отвечал он на поздравления. – Что ж, скоро пахать? Пашете?

– Ребята поехали, поехали ребята, – отвечал Иван Федотов, еще более, чем обыкновенно, заробев. Он предполагал, что Иван Петрович знал, куда поехали пахать Излегощинские. – Пожалуй, сыро. Сыро, пожалуй. Время еще раннее. Раннее еще время.

Иван Петрович зашел к памятнику отца и матери поклониться и, посаженный, сел в коляску.

«Ну, слава Богу», сказал он себе, покачиваясь на мягких круглых рессорах и глядя на весеннее небо с расходившимися облаками, на обнаженную землю и белые пятна нестаявшего снега и на туго скрученный хвост пристяжной и вдыхая весенний свежий воздух, особенно приятный после воздуха церкви.

«И слава Богу, что причастился, и слава Богу, что можно табачку понюхать». И он достал табакерку и долго держал табак в щепоти, улыбаясь, и этой рукой, не распуская щепоть, приподнимал шапку в ответ на низкие поклоны встречавшегося народа, в особенности баб, мывших столы и лавки перед дверьми, в то время как коляска большой рысью крупного шестерика шлюпала и погромыживала по грязи улицы в Излегощах.

Иван Петрович продержал щепоть с табаком, предвкушая удовольствие нюханья, не только вдоль всего села, но и до въезда до дурного моста под горой, на который, видимо, не без заботы спускал кучер; он подобрал вожжи, уселся лучше и крикнул на фореитора держать на ледок. Когда объехали мост мимо, логом, и выехали из проломившегося льда и грязи, Иван Петрович, глядя на двух чибисов, поднявшихся в логу, понюхал и, почувствовав свежесть, надел перчатку, закутался, утопил подбородок в высокий галстух и сказал себе почти вслух: «славно», что он тайно от всех сам себе говорил, когда ему было хорошо.

В ночь выпал снежок, и когда Иван Петрович ехал еще в церковь, снег не сошел, но был мягок; теперь же, хотя солнца всё не было, снег уж весь съело сыростью, и по большой дороге, по которой надо было ехать три версты до поворота в Чирикова, только по прошлогодней травке, параллельно росшей по проезженным колеям, белел снежок; по черной же дороге лошади шлепали по липкой грязи. Но добрым, своего завода, кормленным, крупным лошадям нипочем было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травке, где оставляла черные следы, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иван Петрович приятно думал; он думал о доме, о жене и дочери. «Маша встретит на крыльце и с восторгом. Она будет видеть во мне такую святость. Странная, милая девочка; только очень уж она всё к сердцу принимает. И роль важности и знания всего того, что делается на этом свете, которую я должен играть перед нею, уже очень становится для меня серьезна и смешна. Если бы она знала, что я ее боюсь – подумал улыбаясь он. – Ну, Като (жена) нынче, верно, будет в духе, нарочно будет в духе, и день будет хороший. Не так, как на прошлой неделе из-за Прошкинских талек. Удивительное существо. И как я боюсь ее... Ну, что ж делать, она сама не рада». И он вспомнил знаменитый анекдот о теленке: как помещик, поссорившись с женою, сел у окна и увидал скачущего

теленка: «женил бы тебя!» сказал помещик; и опять улыбнулся, но своей привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткою, большую частью относившеюся к нему самому.

На третьей версте, у часовни, фореитор взял влево на проселок, и кучер крикнул на него за то, что так круто поворотил, что коренных толкнуло дышлом; и коляска покатила почти всю дорогу под гору. Не доезжая дома, фореитор оглянулся на кучера и что-то указал, кучер оглянулся на лакея и указал. И все они поглядывали в одну сторону.

– Что вы смотрите? – спросил Иван Петрович.

– Гуси, – сказал Михайло.

– Где?

Как ни щурился, он ничего не видел.

– Да вот они. Вон лес, а там тучка, так в промежку извольте смотреть.

Иван Петрович ничего не видел.

– Да уж пора. Нынче, как бишь... неделю не доезжают до Благовещения.

– Так точно.

– Ну, пошел!

У ложка Мишка слез с запяток и ощупал дорогу, опять влез, и коляска благополучно въехала на плотину пруда в саду, поднялась по аллее, проехала погреб, прачешную, с которой капала вода по всем швам и ловко подкатила и стала у крыльца. Со двора только что отъезжала бричка Чернышевых. Из дома тотчас же выскочили люди: мрачный старик Данилыч с бакенбардами, Николай, брат Михайлы, и мальчик Павлушка, и за ними девочка с черными большими глазами и красными, голыми выше локтя, руками и такую же голой шеей.

– Марья Ивановна, Марья Ивановна! Куда вы? Вот мамашу обеспокоите. Успеете... – говорил сзади голос толстой Катерины.

Но девочка не слушала и, как ожидал отец, схватила его за руку и, глядя на него особенным взглядом:

– Ну, что, причастился, папенька? – точно со страхом спросила она.

– Причастился. Ты точно боялась, что я такой грешник, что мне не дадут причастия.

Девочка, видимо, огорчилась шуткой отца в такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за ним, держала его руку и целовала.

– Кто это приехал?

- Это молодой Чернышев. Он в гостиной.
- Маменька встала? Что она?
- Маменьке нынче лучше. Она сейчас выйдет.

В проходной комнате Ивана Петровича встретили няня Евпраксея, приказчик Андрей Иль[ич] и землемер, живший, чтобы отвести землю. Все поздравляли Ивана Петровича. В гостиной сидели Луиза Карловна Тругони, десять лет друг дома, гувернантка–эмигрантка, и молодой человек, 16 лет, Чернышев с гувернёром–французом.

II.

2-го августа 1817 года в 6-м Департаменте Правительствующего Сената было решено спорное дело о земле между экономическими крестьянами села Излегощи и кн. Чернышевым в пользу крестьян и против Чернышева. Решение это было неожиданным и важным несчастным событием для Чернышева. Дело это тянулось уже пять лет. Затяжное поверенным богатого трехтысячного села Излегощи, оно было выиграно в Уездном Суде крестьянами, но когда, по совету купленного у князя Салтыкова дворового человека, ходатая по делам, Ильи Митрофанова, кн. Чернышев взялся за это дело в губернии, он его выиграл и, сверх того, Излегощинские крестьяне были наказаны тем, что шесть человек из них, грубивших землемеру, были посажены в острог. После этого князь Чернышев, по свойственной ему добродушной и веселой беспечности, совершенно успокоился, тем более, что он твердо знал, что он никакой земли у крестьян не «завлаживал» (как было сказано в прошении крестьян). Если была завлажена земля, то его отцом, а с тех пор прошло более 40 лет. Он знал, что крестьяне села Излегощ живут хорошо и без этой земли, не нуждаются в ней и с ним живут хорошими соседями, и не мог понять, из чего они на него взбесились. Знал, что он никого не обижал и не хотел обижать, со всеми всегда жил в любви и только того и желал, и потому не верил, чтобы его хотели обидеть; он ненавидел сутяжничество и потому не хлопотал о деле в Сенате, несмотря на советы и увещания своего дельца Ильи Митрофанова; пропустив срок апелляции, он проиграл дело в Сенате, и так проиграл его, что ему предстояло разорение. От него, по указу Сената, не только отрезывалось пять тысяч десятин земли, но за неправильное владение этой землею взыскивалось 107 тысяч в пользу крестьян. У кн. Чернышева было восемь тысяч душ, но все имения были заложены, много было долгов, и это решение Сената разоряло его со всем его большим семейством. У него были сын и пять дочерей. Он хватился, когда уже было поздно хлопотать в Сенате. По словам Ильи Митрофанова, было одно спасенье – подать прошение на Высочайшее имя и перевести дело в Государственный Совет. Для этого было нужно лично просить кого-нибудь из министров и из членов Совета и даже, еще бы лучше, самого Государя. Сообразив всё это, гр[аф] Григорий Иванович поднялся осенью 1817 года из своего любимого Студенца, где он жил безвыездно,

со всем семейством в Москву. Он ехал в Москву, а не в Петербург, потому, что в этот год осенью Государь со всем двором, со всеми высшими сановниками и с частью гвардии, в которой служил и сын Григория Ивановича, должен был прибыть в Москву для закладки храма Спасителя в память избавления России от нашествия Французов.

Еще в августе, тотчас же по получении ужасного известия о решении Сената, кн. Григорий Иванович собрался в Москву. Вперед был послан дворецкий для приготовления собственного дома на Арбате, и посланы были обозы с мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизией. В сентябре князь со всем семейством на своих лошадях в семи экипажах приехал в Москву и поселился в своем доме. Родные, знакомые, приезжие из губернии и из Петербурга стали собираться в Москву в сентябре; самая жизнь московская с ее увеселениями, приезд сына, выезды дочерей и успех старшей дочери Александры, одной блондинки из всех черных Чернышевых, так заняли и развлекли князя, что он, несмотря на то, что проживал здесь, в Москве, то, что, может быть, только и останется ему, когда он заплатит всё, – забывал о деле и тяготился и скучал, когда Илья Митрофанов говорил ему о деле, и ничего еще не предпринял для успеха своего дела. Иван Миронович Баушкин, главный поверенный мужиков, с таким рвением ведший в Сенате дело против князя, знавший все ходы и подходы к секретарям и столоначальникам и так искусно распределивший в Петербурге собранные с мужиков десять тысяч рублей в виде подарков, теперь тоже прекратил свою деятельность и вернулся в село, где на собранные деньги в свое награждение и на оставшееся от подарков купил рощу у соседнего помещика и устроил в ней избу–контору. Дело теперь в высшей инстанции было кончено и должно было итти само собою.

Из всех замешанных в это дело не могли его забыть только те шесть мужиков, которые сидели седьмой месяц в остроге, и их оставшиеся без домохозяев семьи. Но делать было нечего, они сидели в Краснослободском остроге, а семьи их старались управляться без них. Просить некого было. И сам Иван Мироныч говорил, что за это дело он взяться не может, что это дело не мирское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидели, и никто не хлопотал о них, но одна семья Михаила Герасимова, именно: его старуха Тихоновна, не могла примириться с мыслью, что ее золото, старик Герасимыч, сидит с бритой головой в остроге. Тихоновна не могла оставаться спокойною. Она просила Мироныча хлопотать; Мироныч отказал ей. Тогда она решила сама итти Богу молиться за старика. Она год тому назад уже обещалась итти к угоднику и всё, за недосугом и за нежеланием поручить молодым невесткам хозяйство, откладывала до другого года. Теперь, когда случилась беда, и Герасимыча посадили в острог, ей вспомнилось обещание, она махнула рукой на хозяйство и вместе с дьяконицею их села собралась на богомолье. Сперва они зашли в уезд к старику, где он сидел в остроге, снесли ему рубахи и оттуда через губернский город они пошли к Москве. Дорогой Тихоновна рассказала свое горе, и дьяконица посоветовала ей просить Царя, который, как слышно, будет в Пензе, рассказывая ей, какие были случаи помилования. Придя в Пензу, странницы узнали, что в Пензу уже приехал – но не Царь, а Царский брат, Великий Князь Николай Павлович. При выходе из собора в Пензе Тихоновна протеснилась вперед, пала на колени и стала просить за хозяина; Великий Князь был удивлен, губернатор рассердился, и

старуху взяли в часть; через день ее выпустили, и Тихоновна пошла дальше, к Троице. У Троицы Тихоновна отговела и исповедывалась у отца Паисия. На духу она рассказала ему свое горе и каялась в том, что подавала прошение Царскому брату. Отец Паисий сказал ей, что греха тут нет, и что в правом деле и Царя не грех просить, и отпустил ее. И в Хотькове она была у блаженной, и блаженная велела ей просить самого Царя. Тихоновна на обратном пути вместе с дьяконицей зашла в Москву к угодникам. Тут она узнала, что Царь в Москве, и Тихоновна подумала, что видно так Бог велит просить Царя. Надо было только написать прошение.

В Москве странницы пристали на постоялом дворе. Они попросились ночевать, их пустили. После ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положив под голову котомку, легла на лавке и заснула. На утро, еще до света, Тихоновна встала, разбудила дьяконицу, и только дворник окликнул ее, когда она выходила на двор.

- Рано поднялась, баушка, – оговорил он ее.
- Пока дойдем, кормилец, и заутреня, – отвечала Тихоновна.
- С Богом, баушка.
- Спаси Христос, – сказала Тихоновна, и странницы пошли к Кремлю.

—

Отстояв заутреню и обедню и приложившись к святыням, старухи, с трудом отыскивая дорогу, пришли к двору Чернышевых. Дьяконица сказала, что старушка барыня крепко наказывала ей побывать и всех странных принимает. – «Там и человечка найдем насчет прошения», – сказала дьяконица, и странницы пошли плутать по улицам, расспрашивая дорогу. Дьяконица была раз, да забыла. Раза два чуть не раздавили их, кричали на них, бранили их; раз полицейский взял дьяконицу за плечи и толкнул, запрещая им идти по той улице, по которой они шли, и направляя их в лес переулков. Тихоновна не знала, что их согнали с Воздвиженки именно потому, что по этой улице должен был ехать тот самый Царь, о котором она, не переставая, думала и которому намеревалась написать и подать прошение.

Дьяконица, как всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, как обыкновенно, – легко и бодро, шагами молодой женщины. У самых ворот странницы остановились. Дьяконица не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде, но, оглядев колодец с насосами в углу двора, дьяконица признала двор. Собаки залаяли и бросились на старух с палками.

- Ничего, тетки, не тронут. У, вы, подлые! – крикнул дворник на собак, замахиваясь метлою. – Вишь, сами деревенские, а на деревенских зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не дает Бог морозу.

Но дьяконица, заробевшая от собак, жалостно приговаривая, присела у ворот на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, расставив туго обтянутые

онучами ноги, остановилась подле нее, как всегда, спокойно глядя перед собою и ожидая подходившего к ним дворника.

– Вам кого? – спросил дворник.

– Али не признал, кормилец? Егором звать никак? – сказала дьяконица.

– От угодников, да вот зашли к сиятельной.

– Излегощинские? – сказал дворник. – Старого дьякона, будете? Как же! Ничего, ничего. Идите в избу. У нас принимают, никому отказа нет. А эта чья же будет?

Он указал на Тихоновну.

– Излегощинская же Герасимова, была Фадеева; знаешь, я чай? – сказала Тихоновна. – Тоже Излегощинская.

– Как же! Да что, сказывали, вашего в острог, что ли, посадили?

Тихоновна ничего не ответила, только вздохнула и подкинула сильным движением на спину котомку и шубу.

Дьяконица расспросила, дома ли старая барыня, и, узнав, что дома, просила доложить ей. Потом спросила про сына, который вышел в чиновники и служил по милости князя в Петербурге. Дворник ничего не умел ей ответить и направил их в избу людскую по мосткам, шедшим через двор. Старухи вошли в избу, полную народом, женщинами, детьми, старыми и молодыми, дворовыми, и помолились на передний угол. Дьяконицу тотчас же узнали прачка и горничная старой барыни и тотчас же обступили ее с расспросами, сняли с нее котомку и усадили за стол, предлагая ей закусить. Тихоновна, между тем, перекрестившись на образа и поздоровавшись со всеми, стояла у двери, ожидая приветов. У самой двери, у первого окна сидел старик и шил сапоги.

– Садись, бабушка, что стоишь. Садись вот тут, котомку–тоними, – сказал он.

– И так не повернешься, куда садиться–то. Проводи ее в черную избу, – отозвалась какая–то женщина.

– Вот так мадам от Шальме, – сказал молодой лакей, указывая на петушков на спине чупруна Тихоновны, – и чулочки–то и башмачки!

Он показывал на ее онучи и лапти – обновки для Москвы.

– Тебе бы, Параша, такие–то.

– А в черную, так в черную; пойдем, я тебя провожу. – И старик, воткнув шило, встал; но, увидав девчонку, крикнул ей, чтобы она повела старушку в черную избу.

Тихоновна не только не обратила внимания на то, что говорили вокруг нее и про нее, но не видела и не слыхала. Она, с тех пор, как вышла из дому, была проникнута чувством необходимости потрудиться для Бога

и другим чувством – она сама не знала, когда западшим ей в душу – необходимости подать прошение. Уходя из чистой избы людской, она подошла к дьяконице и сказала, кланяясь:

– Об деле–то о моем, матушка Парамоновна, ты не забудь, ради Христа. Спроси, нет ли человечка.

– А это чего старухе надо?

– Да вот обида есть, прошение ей люди присоветовали Царю подать.

– Прямо к Царю ее и весть, – сказал шутник–лакей.

– Э, дура, вот дура–то неотесанная, – сказал старик–сапожник. – Вот возьму тебя колодкой отжучу, не погляжу на твой фрак, узнаешь, как на старых людей зубоскалить.

Лакей начал браниться, но старик, не слушая его, увел Тихоновну в черную.

Тихоновна рада была, что ее выслали из приспешной и свели в черную, кучерскую. В приспешной всё было слишком чисто, и народ всё был чистый, и Тихоновне было не по себе. В черной кучерской было похожее на крестьянскую избу, и Тихоновне было вольнее. Черная была еловая восьмиаршинная темная изба с большой печью, нарами и полатами и затоптанной грязью, намошенным новым полом. В избе в то время, как вошла в нее Тихоновна, была кухарка, белая, румяная, жирная дворовая женщина, с засученными рукавами ситцевого платья, с трудом передвигавшая ухватом горшок в печи; потом молодой мальчик – кучер, учившийся на балалайке, и старик с небритой мягкой белой бородой, сидевший на нарах, с босыми ногами и, держа моток шелку в губах, шивший что–то тонкое и хорошее, и лохматый черный молодой человек, в рубашке и синих штанах, с грубым лицом, который, жуя хлеб, сидел на лавке у печи, облокотив голову на обе, утвержденные на коленях, руки.

Босая Настька с блестящими глазками вбежала своими легкими босыми ногами вперед старухи, оторвала влипшую от пара дверь и пропищала своим тонким голоском:

– Тетушка Марина! Симоныч вот старушку прислал, велит накормить. Они с нашей стороны, с Парамоновной ходили к угодникам. Парамоновну чаем поят, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая девочка еще долго бы не остановилась говорить; слова так и лились у нее, и видно, ей весело было слушать свой голос. Но запотевшая у печи Марина, не успевая всё своротить зацепившийся за под горшок со щами, сердито крикнула на нее:

– Ну тебя совсем, будет болтать; какую еще старуху кормить? тут своих не накормишь. Прострели тебя! – крикнула она на горшок, который чуть не упал, сдвинувшись с места, за которое зацепился.

Но, успокоившись теперь насчет горшка, она оглянулась и, увидав

благовидную Тихоновну с ее котомкой и в ее правильном деревенском наряде, истово кладущую кресты и низко кланяясь на передний угол, тотчас же устыдилась своих слов и, как бы опомнившись от замучивших ее хлопот, хватилась за грудь, где, ниже ключицы, пуговицы застегивали ее платье, поверила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову, и подтянула сзади узел платка, покрывавшего ее намавленную голову, и остановилась, упершись на ухват, дожидаясь приветствия благовидной старухи. Поклонившись последний раз низко Богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

– Бог помочь, здравствуйте, – сказала она.

– Милости просим, тетенька! – сказал портной.

– Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вот сюда–то вот, – сказала стряпуха, указывая на лавку, где сидел лохматый человек. – Посторонись, что ли. Как застыл, право!

Лохматый, еще сердитее нахмурившись, приподнялся, подвинулся и, продолжая жевать, не спускал глаз с старухи. Молодой кучер поклонился и, перестав играть, стал подвинчивать струны своей балалайки, глядя то на старуху, то на портного, как бы не зная, как обратиться с старухой: уважительно, как ему казалось, надо потому, что старуха была в том самом наряде, в каком ходила его бабушка и мать дома (он был переросший фореитор, взятый из мужиков), или подтрунивая, как ему хотелось и казалось сообразно с его теперешним положением, синей поддевкой и сапогами. Портной поджал один глаз и, казалось, улыбался, подтянув шелк во рту на одну сторону, и тоже смотрел. Марина взялась ухватом за другой горшок, но и занятая делом оглядывала старуху, как она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацепить, укладывала ее под лавку. Настька подбежала к ней и помогла ей: вынула из–под лавки сапоги, мешавшие котомке.

– Дядюшка Панкрат, – обратилась она к угрюмому человеку, – я сюда сапоги. Ничего?

– А чорт их дери, хоть в печь брось, – сказал угрюмый человек, бросая их в другой угол.

– Вот умница, Настька, – сказал портной: – дорожного человека упокоить надо, так–то.

– Спаси Христос, деушка. Так ладно, – сказала Тихоновна. – Тебя только, миленький, потревожили, – обратилась она к Панкрату.

– Ничего, – сказал Панкрат.

Тихоновна села на лавку, сняв чупрун и оправив рукава из–под поддевки и бережно сложив его, начала разуваться. Прежде она развязала оборочки, ею же самую нарочно для богомолья гладко ссученные, потом размотала бережно поярковые белые онучи и, бережно размяв, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацепился горшок и выплеснулся, и опять она

стала бранить кого-то, цепляя ухватом.

– Видно выгорел под-то, деушка, надо бы подмазать, – сказала Тихоновна.

– Когда тут мазать! Нетолченная труба; двое хлебов в день ставишь, одни вынимай, а другие затевай.

По случаю жалобы Марины на хлебы и на выгоревший под, портной заступился за порядки чернышевского дома и рассказал, что приехали вдруг в Москву, что всю избу построили в три недели и печь склади и что дворни до сотни человек, всех кормить надо.

– Известное дело. Хлопоты. Заведенье большое, – подтвердила старуха.

– Откуда Бог несет, бабушка? – обратился портной.

И тотчас же Тихоновна, продолжая разуваться, рассказала, откуда она и куда ходила и как идет домой. Про прошение же она ничего не сказала. Разговор не прерывался. Портной узнал всё про старуху, а старуха – всё про неловкую торопливую Марину: что ее муж солдат, а она взята в кухарки, что сам портной шьет кафтаны выездные кучерам, что девчонка на побегушках у ключницы, сирота, а что лохматый угрюмый Панкрат в прислугах у приказчика Ивана Васильевича. Когда Панкрат вышел из избы, хлопнув дверь, портной рассказал, что он и так грубый мужик, а нынче вовсе груб потому, что вчера он разбил у приказчика штучки на окошках и его нынче сечь хотят на конюшне. «Вот приедет Иван Васильевич, и поведут сечь. Кучеренок был из деревенских взят в фолеторы, да вырос, и теперь только ему и дела, что убирать лошадей да на балалайке отмахивать. Да не мастер...»

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ

И НЕОКОНЧЕННОЕ

ДЕКАБРИСТЫ.

(1863, 1877–1879 гг.)

ПЛАНЫ.

I.

чтожь на новыя мѣста. Что Илью жалѣть.

Уборка послѣдней ржи. Ясно, морозъ. Тоска. Воспоминанье дня жены. Понять. Ночное – Умиленіе Руссо. на звѣзды – все знаютъ какъ круглая земля? Меня звали въ конторщики. –

Дождь. Сборы къ барину. Онучи. Баринь. Внушаетъ не красть. Илья другое въ умиленіи отъ видѣннаго благочинія. Посылають въ другую деревню. Тамъ полякъ или незаконный сынъ. Къ Погодину.

—

Выступаютъ черезъ два года. <Мучаются дорогой>. – Приѣзжаетъ И. на льду слышетъ мальчика жены. Уходитъ. Мучаются дорогой. Тамъ башкиры легко. То то матушка – на–землю. <?> Ее сахой не возьмешь. Надо хохлацкой плугой. Да къ мужикамъ сѣздить.

II.

Борисовка

1.

Во дворѣ Анисима Бровкина была радость. Анисимъ Бровкинъ, <два года сидѣвшій въ острогѣ, вернулся домой>

Впускали ли бабѣ?

Какъ одѣты?

Работали ли?

Какъ выпускали?

24 года февраль, въ Петербургѣ молодой <Хма> <?> Аспоровъ <?> мужикъ возвращается по Невскому домой, принять былъ въ высшій кругъ, у дамъ

—

Общее собраніе. Докладъ дѣлалъ Сенаторѣ покровитель, <Карцова> Адуевского –

Адуевскій отецъ и сынъ.

—

<Выѣ> Рѣшаетъ подать прошеніе о переселеніи Государю въ Царскомъ.

Государь съ больной ногой. Аракчеевъ. Рѣшеніе

Выпускають изъ острога.

Весна пахота, корчеванье.

Возвращенье съ новыхъ мѣсть. –

Свѣтло Христова воскресенье.

Любовь.

<Проѣздъ>

Іюнь проѣздъ Царя

Ланкастерскія школы. [13]

Мисти[ци]змъ. [14]

Кровь теплая, какъ горячая вода. [15]

Лапти надѣль, солдатъ удивляется на себя. [16]

III

1817 весной. Говѣнье – Драка на межѣ, Свѣтлохристово воскресенье, Тат[ьяна] Бабочки. Любовь. Религиозное чувство.

1817 осенью. Москва. Закладка Храма. Тихоновна прошеніе. Любовь и религи[озное] чувство Татьяны забыто. <Умств> Увлеченіе чувственное.

1818. Собраніе союза благодѣнствія. Равнодушіе жениха. Отдача въ рекруты. Уходъ въ Оренбургъ.

1819. Мракобѣсіе. Магницкій. Бунтъ въ Чугуевѣ. <Рылѣевъ> Разрывъ сватьбы съ Татьяной.

Казни. –

1820 Семеновск[ая] исторія. Пестель въ Петерб[ургѣ]

IV.

1825–й годъ Ноябрь. – Митинька хозяйничаетъ, знакомится съ Муравьевымъ. Открывается новый міръ. Совѣтуетъ бѣжать мужику. Мужикъ бѣжить – бѣдствія. Митинька ѣдетъ 14–го Декабря въ Петербургъ, по

дорогѣ съ поповичемъ.

Деревня – монахи. –

ВАРИАНТЫ.

* № 1.

Такъ что единственный результатъ, который вынесъ Monsier Шевалье изъ своего длиннаго разговора съ новопріѣзжимъ былъ отнять у него Васильемъ. Шевалье фыркнулъ даже и произнесъ *sacré matin*[17] такимъ тономъ, что теперь казалось онъ уже [край листа с одним словом оторван].

Возвратившись къ своей супругѣ, онъ даже сказалъ, *se vieux Monsieur n'a pas l'air comme il faut. Mais du tout du tout.*[18] Зато онъ похвалилъ дочь и сына. Этакихъ здоровяковъ только въ Сибирѣ можно было выкормить по его мнѣнію; *ce sont des gaillards.*[19] – Шевалье былъ недоволенъ, но, напротивъ, гость только теперь былъ совершенно доволенъ.

«Славный человекъ этотъ Шваль», сказалъ онъ. Только ящики, вошедшіе теперь, привели было его въ такое затрудненіе по случаю недостатка мелкой монеты, что онъ уже хотѣлъ бѣжать мѣнять въ лавочку, какъ вдругъ блеснувшая мысль о томъ, что несправедливо ему одному быть счастливымъ въ этотъ вечеръ, вывела его изъ затрудненія.

«Вотъ вамъ», сказалъ онъ, таинственно всовывая ящику въ руку всю 5 рублевую бумажку точно такимъ же образомъ, какимъ онъ дѣлалъ этотъ маневръ съ докторомъ. При томъ же въ скоромъ времени мужики повышли изъ комнатъ, нужнѣйшія вещи были разобраны, постели постелены, жена перестала возиться и сѣла возлѣ своего мужа. Не поѣхать ли нынче къ Марьѣ Ивановнѣ? А въ баню? Тебѣ надо отдохнуть, *Pierre*, сказала она подавая ему трубку, и улыбка сдержанной веселости морщила ея губы. Въ этой улыбкѣ подразумѣвалось и то, какъ онъ спотыкнулся нынче, и то, что теперь все хорошо, и то, что она его любитъ теперь и любила 40 лѣтъ и всегда будетъ любить, и то, что она знаетъ, какъ онъ ее любить. «Да», отвѣчалъ мужъ, и такая же улыбка играла на его старческихъ губахъ. «Она знаетъ, думалъ онъ, глядя въ ея <большіе черные> милые сѣрые глаза, она знаетъ, какъ я люблю баню, и знаетъ, что я не поѣду безъ нея, и хочетъ меня надуть, что ей хочется.

Пускай думаетъ, что я вѣрю. Онъ согласился и устроилъ такъ, что съ Сережей поѣхалъ къ Каменному мосту.>

* № 2.

Но та комната для избранной молодежи (хоть не молодежи, потому что тамъ бываютъ люди 45 и 55 лѣтъ), но для избранныхъ веселыхъ мужчинъ, имѣющихъ что-то. Въ чемъ состоятъ условія избранія, мнѣ бы было очень трудно сказать, хотя я очень хорошо зналъ избранныхъ. Не богатство, не знатность, не умъ, не веселость, ни французскій языкъ, а что-то такое. Я зналъ очень многихъ мужчинъ, горячо желавшихъ утвердиться въ этой комнатѣ и предлагавшихъ шампанское во всякое время и всегда платившихъ за него (что очень рѣдко), но не утвердившихся почему-то; шампанское было не то, которое надо было, и не такъ предложено и не во время – не въ тактъ однимъ словомъ; я зналъ другихъ, сгоравшихъ желаніемъ быть принятыми въ число избранныхъ, отлично выразившихся на французскомъ языкѣ, представлявшихъ изъ себя развратниковъ, но опять не въ тактъ, и выходило такъ, что то самое, чѣмъ эти люди хотѣли заслужить избраніе, послужило имъ укоромъ, и они удалялись въ большую залу и зимній садъ.

Другіе, напротивъ, не имѣли, казалось, ничего, не имѣли ни ума, ни имени, ни веселости, ни молодости, ни даже денегъ и были самыми коренными жителями «комнаты». Со временемъ придется съ однимъ изъ нашихъ героевъ побывать въ «комнатѣ», и тогда читатель, надѣмся, пойметъ всѣ ея таинства. – Теперь прислушаемся только къ тому, что говорилось въ ней по возвращеніи Г-на <Шевалье> Ложье. – Увѣрю васъ, читатель, что я по французски выражаюсь очень хорошо, а написать могъ бы разговоръ даже и очень, очень недурно, повѣрьте мнѣ; поэтому не буду писать разговоръ этотъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ происходилъ, а передамъ его по русски, что и буду дѣлать въ продолженіи всей этой исторіи. «А вы любите свѣжихъ женщинъ, М <Шевалье> Ложье, я знаю», – сказала одинъ изъ гостей.

* № 3.

<Глава 3.>

Молва о приѣздѣ Лабазовыхъ произвела другое впечатлѣніе въ клубѣ. – «Въ клубѣ». Легко сказать «въ клубѣ», но объяснить читателю вполнѣ

значение этого заведения, значение каждой комнаты, от швейцарской до разговорной «умной» комнаты и все силы ума и сердца, сосредоточенные и переплетенные в этом общественном заведении – дело великой трудности, которое мы постараемся совершить опять таки в свое время, когда мы последуем в это знаменитое заведение за одним из наших героев. Для поверхностного наблюдателя покажется все очень просто, но почему в швейцарской один старичек, которого входит в заведение возведен громкими двумя звонками, чешется своим гребнем и спрашивает швейцара «Шлепнишь здесь ли?» а другой, юноша, краснея ходить по комнатам, ожидая, чтобы его записали, и швейцар напоминает ему, что надо отдать шляпу? почему эти господа с приездом из Петербурга сидят на диване в первой комнате и не играют, а другие садятся во второй комнате и требуют карты, третьи у стеклянных дверей, четвертые в бильярдной, а пятые в колонной? Почему у шести или семи столов не достают партнеров, а партнерам в одно и тоже время недостает партий? Почему этот юноша, выйдя из infernalной комнаты, находится в испарине и есть уже восьмую грушу, и почему этот старец оглядывает второй раз груши и все таки не берет ни одной, а проходит в соседнюю благовонную дверь, даже не кивая головой в ответ на подобострастное здорованье маленького сморщенного благовонного лакея? почему у господ адъютантов, в бильярдной играющих в табельку, стоит налитое шампанское, которое они не пьют, а в колонной в дверях стоит мушина, ковыряющая в зубах и жадно смотрящая на одного из игроков? почему эти два мужчины отлично играют в пирамидку, и никто не смотрит на них, и почтительная и большая публика молчаливо возсвдает на высоких диванах, чтобы созерцать игру старца, едва едва попадающего кием в шар и, прихватываясь за борт, сменяющего вокруг бильярда? почему в газетной один юноша перебирает все журналы, не читая ни одного, а один старец генерал, глядя сквозь лорнетку на газету, сидит долго на одном месте, не перевертывая страницы? Почему некоторые мужчины смело и прямо входят в разговорную комнату, требуя чаю или трубку, а другие, постояв у дверей с видимым желанием войти, отходят назад? Все это обнять очень и очень трудно. Молва о приезде Лабазовых, переданная между игрой в табельку адъютантам, пившим шампанское, быстро пробжала по всем комнатам. Иван Васильич Пахтин, сидевший не играя подл стола, с которым, ежели мы пробудем несколько времени в Москве и будем обращаться в порядочном обществе, нам нельзя не познакомиться, услышав это известие, почувствовал тотчас же беспокойство в ногах и необходимость пройти по залам. Проходя по стеклянной комнате, он подошел к одному генералу и заинтересовался узнать о здоровье больной невестки генерала – Графиня было гораздо, гораздо лучше, чему он был очень, очень рад. А Генерал не слышал, что приехал Лабазов.

– Что вы говорите? ведь мы старые приятели. Как я рад. Ах, бедный, что он выстрадал! его жена писала раз моей жене. Но генерал не досказал, что она писала, потому что его партнеры,

разыгрывавшіе безкозырную, сдѣлали что-то не такъ. Говоря съ Иваномъ Павлычемъ, онъ все косился на нихъ, но теперь уже совершенно бросился къ нимъ и стуча по столу, доказаль таки, что надо было играть съ семерки. Иванъ Павлычъ прошелъ дальше, тоже между разговорами сообщилъ двумъ, тремъ почтеннымъ людямъ свою новость. (Иванъ Павлычъ по годамъ и положенью находился на распутьи между молодымъ и почтеннымъ человѣкомъ; онъ былъ статской совѣтникъ и когда танцоваль, то уже улыбался и рассказываль про это.)

* № 4.

Этотъ отзывъ смутилъ Иванъ Павлыча и, чтобы получить окончательное разрѣшеніе задачи насчетъ того, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ радоваться новости и какъ судить о ней, онъ направилъ шаги свои къ умной комнатѣ, въ которой засѣдали великіе политики, мыслители, ораторы, которыхъ онъ зналъ также коротко, какъ и молодежь кутиль, и стариковъ сановниковъ, и журналистовъ, и литераторовъ, и знаменитыхъ изгнанниковъ. — До 56 года Иванъ Павловичъ держался болѣе людей сановитыхъ, господъ и дамъ, но никогда не разрываль связей съ своими полковыми, служебными и холостыми товарищами и послѣ своей женитьбы, камеръ-юнкерства и довольно значительнаго мѣста точно также и послѣ 56 года, во время котораго онъ недолго былъ въ недоумѣніи: «что все это значить?» онъ не разорваль своихъ связей съ сановитыми людьми, но сталъ болѣе придерживаться людей либеральныхъ и знаменитыхъ и, какъ тѣ такъ и другіе, казалось для него и для нихъ, были его пріятелями. Никто изъ этихъ пріятелей не могъ бы сказать, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился съ Пахтинымъ, но что-то такое было. Пахтинъ всегда говорилъ неможно такъ, какъ будто онъ смѣется и кого-то передражниваетъ. Такъ что, ежели Богъ даль, хорошо сказалъ, попалъ въ тактъ, такъ пускай это будетъ серьезно, не попалъ, такъ легко всякому понимать, что это была шутка. Кромѣ того, съ человѣкомъ, съ которымъ онъ говорилъ второй разъ, иногда даже и первый разъ въ жизни, онъ говорилъ, какъ будто напоминая ему старья хорошія времена, когда они вмѣстѣ спорили, или волочились, или кутили, или ораторствовали. И такая была удивительная увѣренность у Ивана Павловича, что всѣмъ его собесѣдникамъ точно казалось, что, говоря съ нимъ, вспоминаются какія-то общія потѣхи буйной юности. Это было тѣмъ болѣе замечательно, что не только съ тѣми, съ которыми онъ говорилъ 2-й разъ, но ни съ кѣмъ никогда онъ не спорилъ, не кутиль, не волочился, ничего не дѣлаль. Невозможно было никогда уловить никакого его убѣжденія или вкуса, исключая одного, что онъ терпѣть не могъ платить за что бы то ни было деньги и былъ убѣжденъ, что никогда не надо звать къ себѣ обѣдать, никогда не надо ставить шампанское и нанимать дорогихъ учителей своимъ дѣтямъ и т. п. —

Только съ однѣми этими убѣжденіями сталкивалась его супруга и

убѣдилась, что эти по крайней мѣрѣ были непоколебимы. –

<Но мы остановились передъ дверью «<умной> комнаты» умныхъ, передовыхъ, либеральныхъ, политическихъ людей, и мнѣ страшно за Иванъ Павловичемъ ввести въ нее читателя. Читатель можетъ быть боится компрометироваться съ этими сорванцами и не любить политики. Но успокойтесь, политика и либерализмъ имѣютъ совершенно особенное значеніе въ русскомъ обществѣ 56 года. Политическія новости состоятъ не въ томъ, когда будетъ избраніе, каково оно будетъ, какой новый законъ, каково значеніе этаго закона, какой дипломатическій актъ появится при такомъ то кабинетѣ и какое его значеніе.

Русскія внутреннія политическія новости состоятъ въ свѣжемъ извѣстіи о томъ, кѣмъ была содержана прежде его сіятельства любовница министра, что сказалъ министръ насчетъ производства директора, кто написалъ ходящую по рукамъ рукопись, кто сильнѣе при Д. А. или Б. – и т. д. Всѣ подробности этой политики, Богъ знаетъ, какъ, извѣстны въ умной комнатѣ и иногда даже приводятъ собесѣдниковъ къ отвлеченнымъ вопросамъ о [20] невыгодахъ рабства въ экономическомъ отношеніи и о выгодахъ словеснаго судопроизводства [21] и т. п.

Либерализмъ тоже не такъ страшень, какъ показываетъ это слово. – Въ 56 году всѣ, рѣшительно всѣ были либералы. Не былъ либераломъ только тотъ, у кого не достало умственныхъ способностей выразить что-нибудь либеральное. Консерваторовъ не было. Нельзя было себѣ представить челоуѣка, который бы рѣшился защищать старый порядокъ вещей. Его бы камнями закидали. Еще разъ повторяю – это было великое время! Во многомъ выражалось это плодотворное направленіе времени, но главное проявленіе его было ругательство всѣхъ вообще чиновниковъ и въ особенности несчастныхъ Генераловъ. →

Когда Пахтинъ сообщилъ свою новость въ комнатѣ (Пахтинъ не имѣлъ своего особаго мѣста въ комнатѣ, онъ не былъ однимъ изъ нихъ, но его всѣ знали и приняли такъ, что онъ почувствовалъ, что можетъ) когда онъ сообщилъ свою новость, одинъ изъ «главныхъ» обрадовался и сказалъ, что только Лабазова не доставало – и что теперъ всѣ знаменитые изгнанники въ сборѣ.

* № 5.

Но дамы еще не знали ничего. Мысль, что они не знаютъ, боязнь быть предупрежденнымъ, живое представленіе удовольствія, которое онъ доставитъ, свѣжесть сообщенныхъ свѣденій въ умной комнатѣ и много другихъ неясныхъ чувствъ, относящихся къ этому дѣлу, побудили его раньше обыкновеннаго выдти изъ клуба и, вмѣсто предполагаемаго посѣщенія старой тещи, поѣхать къ Кучковымъ на вечеръ, гдѣ, онъ

зналъ, что застанеть и поразить новостью многихъ дѣвицъ и дамъ, въ теперешнее время особенно сочувствовавшихъ такого рода случаямъ. —

«Какже, — сказалъ онъ на вечерѣ одной изъ дамъ, имѣвшей неосторожность спросить, какой это былъ Лабазовъ, — какже извѣстный Петръ Лабазовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени. — Въ 1819 году, знаете, онъ былъ прапорщикомъ извѣстнаго Семеновскаго полка и первымъ любимцемъ Д. Знаете, что это значило въ то время. Потомъ онъ дѣлалъ кампанію знаменитую, вернулся и въ 24 году уже въ Петербургѣ былъ принятъ въ эту 1-ю масонскую ложу. И Пахтинъ съ удивительной вѣрностью, хотя и своимъ неизмѣннымъ, полушуточнымъ, полувоспоминательнымъ тономъ передалъ все то, что онъ слышалъ въ клубѣ, даже онъ сказалъ точно также, какъ тотъ, кто ему рассказывалъ, — онъ сказалъ: «моя тетка знавала его тогда и говаривала, что онъ былъ самый обворожительный человекъ, котораго она знала». — «Г-нъ Пахтинъ, все знаетъ, все знаетъ» сказала хозяйка дома (разговоръ опять происходилъ по французски). «Ну какже этаго не знать». — Ну да, ну да, — отозвалось со всѣхъ сторонъ. Я очень, очень знала, — сказала одна дама, съ добрымъ и весьма грустнымъ выраженьемъ лица, какъ будто она сейчасъ плакала. Кто живалъ въ Москвѣ, тотъ знаетъ, что это выраженіе свойственно большей части дамъ, вывозящихъ дочерей...

Мы вмѣстѣ выѣзжали тогда. Она была старше меня, но она удивительно хороша была, единственная дочь, и отецъ ее любилъ безъ памяти. Ее замужество очень романическая исторія. Она была почти обручена съ Мятлинымъ, который былъ убитъ на дуэли съ <Васьк>, и отецъ очень хотѣлъ этаго. Но она мнѣ всегда говаривала, что ей почему-то казалось, что она не выйдетъ за него, что онъ ей нравится, но что ей кажется, что она не выйдетъ за него. Когда пріѣхалъ Князь Петръ, она съ перваго бала сказала, что она будетъ его или ничья. Онъ тоже влюбился страстно, но ея отецъ ему отказалъ. Его боялись какъ масона. Тогда онъ ее рѣшился увезти. Но когда все было готово, она пошла къ отцу и сказала, что, ежели бы она хотѣла, то убѣжала бы, и что все уже готово, но что она послѣдній разъ просить его. Онъ согласился и, напротивъ, безъ памяти привязался къ зятю. Даже говорили, что онъ на старости лѣтъ записался въ это ихъ общество. Когда его схватили, она была близка къ родамъ, сказала разскащица, оглянувшись на барышень, но эти невинныя созданья, слушавшія всю исторію съ такимъ вниманіемъ и придумывавшія: кто бы могъ съ ними поступить такъ, какъ князь Петръ съ своей женой, не слышали и не поняли того, чего они не должны понимать. Вѣдь барышни никакъ не должны понимать, что дѣти рожаются отъ матерей, они должны думать, что Богъ даетъ дѣтей, пошлетъ ангельчика принести дѣтеночка матери; ангельчикъ полетитъ и положить его на диванчикъ или въ кроватку, и ребеночекъ вдругъ закричитъ, и всѣ обрадуются. — Такъ она была въ этомъ положеніи, и другой ребенокъ грудной. Она тутъ же въ тотъ же день собрала всѣ свои вещи, простилась съ родными и поѣхала съ нимъ. Мало того, для всѣхъ ссыльныхъ она была провидѣнье тамъ. Ее обожали. У нее такая сила характера удивительная, что мужчины ей удивлялись. —

Мать Гракховъ! вы знаете? посмѣиваясь произнесъ двусмысленно Пахтинъ. Но дамы не хотѣли вдаваться въ эти учоныя сравненья, хотя и отдавали полную справедливость учености Пахтина.

Какъ она могла воспитать своихъ дѣтей – тамъ? спросила одна.

– Говорять прекрасно.

Сынъ и дочь пріѣхали съ ними.

– Ежели они только также хороши, какъ была хороша ихъ мать! сказала печальная дама. Впрочемъ и отецъ былъ хорошъ. Желала бы я знать, останутся они здѣсь?

Марья Ивановна говорила мнѣ, что она ждетъ ихъ на всю зиму, сказала хозяйка дома. Боже мой! какая это будетъ радость для этой милой Марьи Ивановны. Какая славная эта Марья Ивановна. Вѣрно будутъ вывозить дочь. <«Вѣрно сынъ будетъ ѣздить въ свѣтъ». «Вѣрно будутъ обѣды давать, балы?» Вѣрно старикъ будетъ играть въ карты, съ кѣмъ будетъ дѣлать партіи?» Всѣ эти вопросы пріятно и непріятно заняли общество, и каждый и каждая, дѣлая свои соображенія о выгодахъ и невыгодахъ появленія этихъ новыхъ лицъ въ свѣтъ (никто не сомнѣвался, что они будутъ въ свѣтъ), старались по извѣстной методѣ скрывать свои мысли касательно новопріѣзжихъ.>

– Я предсказываю, сказала одна дѣвица, что эта Сибирская барышня будетъ имѣть большой успѣхъ. Она должна быть прелестна. Всѣ эти тамошнія имѣютъ особенную печать прелести, немножко тривьяльны – но особенно прелестны.

– Да, да, да, да, сказали другія дѣвицы.

<Пахтинъ чувствовалъ, что привезенное имъ извѣстіе произвело впечатлѣніе, и что день его прошелъ не даромъ. Почувствовавъ спокойствіе и желаніе спать, онъ вышелъ, припоминая то, что рассказала печальная дама, и вернулся домой. Но ежели вы думаете, что онъ всѣ собранныя свѣденія сообщилъ хорошенькой женѣ, сидѣвшей еще въ своемъ кабинетѣ, то очень ошибаетесь. Онъ замѣтилъ ей только то, что напрасно было жечь двѣ свѣчки, а не одну, и пошелъ спать. Дамскія извѣстія должны были завтра уже быть переданы значительнымъ сановнымъ и либеральнымъ мужчинамъ и вновь собранныя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ опять перенесены туда, куда сегодня.>

<Онъ заснулъ также крѣпко и съ такой же спокойной совѣстью, какъ и семейство Лабазовыхъ, перекликавшееся въ 3-мъ отдѣленіи разнообразными молодыми и старыми барскими и холопскими вздохами и храпѣньями. →>

* № 6.

Марья Ивановна пожалѣла, что первый день она не проведетъ въ своей семьѣ, но дѣлать было нечего. Гости были позваны и, чтобы обѣдъ не былъ скученъ, надо было позвать еще, въ особенности Чиферина, сына Н. М., который написалъ что то такое. По ея соображеніямъ онъ былъ нуженъ въ особенности для Сережи, къ ея великому огорченію, занимавшемуся естественными науками. – Старикъ поваръ Тарась былъ позванъ. Это былъ на видъ одинъ изъ самыхъ сердитыхъ людей на свѣтѣ. Онъ никогда не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ говорилъ. Онъ, казалось, ненавидѣлъ Марью Ивановну въ то время, какъ говорилъ ей, что можно маседуанъ сдѣлать изъ фрухтъ.. и, казалось, еще болѣе ненавидѣлъ Петра Ивановича, когда онъ потрепалъ его по плечу и напомнилъ ему, какъ они вмѣстѣ еще у бабушки у стараго князя ходили за утками. Маседуанъ и еще кое что прибавили къ обѣду и въ домашней бесѣдѣ ожидали гостей. Сережа тотчасъ же нашелъ себѣ занятіе въ вышучиваньи Бѣшевой, чѣмъ онъ и занялся не съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ съ какимъ, надо полагать, онъ занимался естественными науками. Марья Ивановна не сердилась и другіе тоже. Наталья Николаевна рассказывала свое житіе. Она была слишкомъ горда собой и своей дѣятельностью. Она, какъ храбрые казаки хвастаютъ храбростью, а храбры, она хвастала своей любовью къ мужу, къ дѣтямъ и несмотря на то, было чѣмъ хвастаться. Соня вертѣлась, бѣгала и на ухо шептала, что Марья Ивановна – прелесть, но, что она только воображаетъ ее маленькою, толстенною. Она поетъ? – Да, есть, надо учить. Начала пѣть. Сережа подпѣвалъ втору.

– Ну, твою пѣсню. – Она запѣла и забыла про гостей. Старикъ лакей улыбнулся. Вдругъ шумъ въ передней и вошелъ [1 неразобр.] Чистой, красивой, сильной. Они незнакомы, но оба веселы и молоды, засмѣялись.

* № 7.

<<Соня! поди сюда, – сказала она на фонѣ той дали, въ которую она смотрѣла, увидавъ свою дочь, подавшую трубку – поди сюда». Совсѣмъ другой шагъ, другой видъ сдѣлался у Софьи Петровны, когда она подходила къ матери (Извините за сравненіе). Выраженіе ея перемѣнилось, какъ перемѣняется выраженіе собаки, которая по своимъ дѣламъ шла черезъ комнату, и которую вдругъ позвалъ хозяинъ. Наталья Николаевна протянула свою красивую, изнуренную руку. Соня поняла и положила на нее подбородокъ. Наталья Николаевна посмотрѣла на дочь, поцѣловала ее въ глаза, выпустила голову и опять стала смотрѣть въ

свою любимую даль. Немножко погодя, она тоже самое сделала съ сыномъ и хотѣла удержать его, но онъ подъ какимъ то предлогомъ ушелъ отъ нее. То, что она сдѣлала съ дочерью и сыномъ, очень понятно было для каждаго, кто видѣлъ эти два здоровыя существа. Глядя на нихъ, нельзя было удержаться матери, чтобы изрѣдка не позволить себѣ этаго. Петръ Иванычъ, такъ звали старичка, между тѣмъ додумалъ свои мысли, всталъ, обошелъ комнаты и вдругъ, [22] давъ себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ онъ находится, пришелъ въ свойственный только непрактическимъ людямъ азартъ акуратности. Онъ началъ таскать, перетаскивать, приказывать, отмѣнять приказанья и суетиться такъ, что даже Н. Н. стала просить его успокоиться. То этотъ сундукъ стоялъ не на мѣстѣ, то эта комната была холодна для Сони, то Сережины вещи были перепутаны. Онъ неизвѣстно для чего принесъ изъ передней лыжи, особенно осторожно поставилъ ихъ къ притолкѣ въ гостиной и прижалъ къ ней. Вотъ забыли опять, сказалъ онъ. Но лыжи не приклеились и съ грохотомъ упали поперекъ двери. Наталья Николаевна нервически вздрогнула, но увидавъ причину шума, только сказала: «Соня, подними, мой другъ». – «Подними, мой другъ» – повторилъ Петръ Иванычъ, и помогай мнѣ по крайней мѣрѣ, а то это никогда не устроится. Я пойду къ хозяину, что тебѣ еще нужно?»>

* № 8.

Онъ съ недѣлю только тому назадъ собрался идти съ выходцами и б) Дементій Ѳокановъ богатый старикъ съ 3-мя сынами, дѣвкой и внучатами... <Ѳокановск[іи] былъ годовъ 6 назадъ сильный дворъ, первый дворъ на селѣ, да сталъ падать, но все-таки> и не пошли бы они съ своихъ родныхъ мѣстъ, если бы не было обиды. Всего обоза было [23] 12 телѣгъ. У Никифора 2, у К[озлова] – 1, у Севаст[ьяна] – 2, у Дмитрія – 1, у Гавр[юхи] – 1 и у Ѳокановыхъ – 5.

Ѳокановыхъ дворъ былъ на краю, къ той сторонѣ, по которой шель путь выходцевъ, и къ нему собирались товарищи.

Народъ не пошелъ на работу, и толпились у дворовъ отъѣзжающихъ. – Погода стояла теплая. Скотина 3-й день ужъ ходила въ полѣ <и>

№ 9.

Въ селѣ Никольскомъ на Зушѣ была сходка. Это было вечеромъ, въ весенній Егорій. Шестъ семей выходили на новыя земли, и старики

третій разъ судили о томъ, какъ ихъ выпустить. Сходка, какъ всегда, сошлась на углу проулка, гдѣ просохла и притопталась хороводами земля. Весь народъ собрался на сходку, и всѣ толпились и слушали. Въ серединѣ сходки сцепились, спорили Тить Ермилинъ, грубый мужикъ, большой, черный, какъ цыганъ, съ густой, курчавой бородой, и Никифоръ, бывшій сборщикъ, худощавый мужикъ, грамотный и обходительный. Никифоръ выходилъ на новыя земли; онъ спорилъ съ Титомъ за то, что Тить налагалъ на выходцевъ еще за три года подати.

– Вы земли покидаете намъ неродимыя, – говорилъ Тить, грозно хмурясь. – Отъ хорошихъ земель бы не ушли. А подати–то на насъ наваятся. Добро бы земли хорошія оставляли, а то кто идетъ? Голь. Давыдка Козловъ – его пашня ненавожена отъ роду. Не пахана второе лѣто лежитъ. Макарычевы еще того хуже. Болхина Гаврюхи? Такъ она и лѣсомъ заросла, а податями насъ не помилуютъ, не спросятъ, хороши ли, дурны [ли] земли, а денежки съ души по 7 рублей подай хорошія. Ты, небось, счетчикъ – учель, много ли тебѣ расхода станеть проѣздъ, а мірское дѣло не учель.

Никифоръ давно собирался говорить, но Тить все перебивалъ его. Теперь Макарычевъ Дмитрій, угрюмый, широкоплечій мужикъ, съ рѣдкой бородой и въ оборванномъ зипунѣ, подпоясанномъ веревкой, перебилъ Тита. Дмитрій тоже уходилъ на новыя земли.

– Грѣхъ тебѣ, Тить, – выступая на середку, сказала онъ дрожащими губами. – Отпустилъ насъ міръ православный, что же ты міръ колобродишь.

«Что же дѣлать, разобрать надо». «Тить дѣло говорить». «Они уйдутъ, а отвѣчать мы будемъ», заговорили голоса.

Никифоръ выступилъ напередъ, запахивая свой <дранный> новый кафтанъ.

– Велите слово сказать, старички, – проговорилъ онъ, по–старинному прямо и низко кланясь на всѣ 4 стороны. – Тить Евсеичъ насъ корить, что мы будто выходимъ, на міръ тяготу сваливаемъ. – Мы въ міру выросли, міромъ вскормлены, вспоены, намъ міръ забывать нельзя. Не мы съ своей головы вздумали на новыя мѣста идти. На то царскій указъ былъ, чтобы селился христіанскій народъ на татарскія земли. Положилъ намъ Богъ на душу идти – мы собрались и у міра спросились. Мы не тайкомъ шли, мы спрашивались. Что міръ приказалъ, то мы исполняли. Мы себя очистили, за годъ внесли, послѣдніе животы пораспродали. – Кто же заплатилъ? Я да дядя Дементій. Мы за всѣхъ отдали. Что пòтомъ да кровью собирали, послѣднее отдали за товарищей. Тить Семенычъ говоритъ: «Вы, молъ, уйдете, а за васъ плати подати да рекрутства отбывай». Неправда, Тить Семенычъ. Кто уходитъ? Дядя Дементій съ достаткомъ да я, можетъ тоже, пока Богъ грѣхамъ терпѣль, плательщикъ былъ, а то кто же идетъ? Козловъ, Макарычевъ, Болхинъ Гаврюха да Савостьянь. Что же, они развѣ дома плательщики были? И прежде за нихъ платили, а теперь мы вамъ за нихъ сполна выплатили. А что насчетъ рекрутства, то невѣрно. Мы развѣ изъ Россіи куда уйдемъ, мы

тамъ, если Богъ позволить живыми быть, тамъ отбивать будемъ, а здѣсь наши души сложатся. Міръ православный, не накладывайте намъ тяготу лишнюю, грѣхъ будетъ. Что же намъ развѣ послѣдніе повозки да коней продать, такъ съ чѣмъ же и поидемъ, а мы всѣ тутъ.

– Богъ съ ними. Грѣхъ, ребята! Что дѣло, то дѣло, – заговорили въ народѣ.

– Какъ же всѣ тутъ – заговорилъ, еще мрачнѣе хмурясь Тить. – Дементій, небось, 100 колодокъ пчель продалъ. Я чай, сундукъ денегъ везеть. Да что и говорить, мнѣ его денегъ не нужно. Дай Богъ ему. А только не пошелъ бы онъ на новыя мѣста, чего ему идти? Первый дворъ на селѣ былъ. Мы знаемъ, зачѣмъ онъ идетъ. Кабы у него не было 3-хъ сыновъ на очереди, онъ бы не пошелъ, а онъ нынче уйдетъ, а осенью за моего сына возьмутся, а не за моего, за другого черезъ очередь. Толкуй, ты!

– Оно дѣло! Дядя Дементей, небось, догадливъ. Что дѣло, то дѣло. Онъ очисти рекрутчину и иди, – заговорили въ народѣ. –

– Грѣхъ будетъ, православные!..

– Да вотъ грѣхъ. Онъ гдѣ, дядя Дементей? Чего онъ не пришелъ, – заговорилъ Тить.

Толпа отъ угла стала раздвигаться. Дядя Дементей сидѣлъ на углу, на завалинкѣ, облокотясь на костыль, и слушалъ. Онъ всталъ во весь свой высокій ростъ и, опустивъ голову, хромая, вышелъ въ кругъ. Онъ снялъ большую старинную шапку съ сѣдѣвшихъ густыхъ волосъ и поклонился.

– Я здѣсь, старички, – сказалъ онъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Тить замолчалъ, отступивъ, и всѣ молчали.

– Что жъ, старички, даете выпускъ или нѣтъ? – сказалъ онъ.

– А ты не ходи, дядя, – сказалъ ему, шутя, старикъ Игнатъ.

– Мнѣ нейти нельзя – отвѣчалъ Дементій. – Я собрался.

– Не выпустимъ тебя, дядя.

– А не выпустите, Богъ съ вами. –

– Слышалъ, дядя, что Тить говорить, что ты сына отъ солдатчины уводишь.

– Что жъ, говорить все можно.

– Много ли налагаетъ міръ православный?

– Очисти подати за всѣхъ за три года, и съ Богомъ.

Старикъ прислонилъ къ ногамъ костыль и сталь распоясываться. Распоясавшись, онъ вынулъ кошель изъ за пазухи.

– Считай, много ли будетъ! –

– Да, что, Богъ съ нимъ. Грѣхъ, ребята, – заговорили одни.

– Такъ–то лучше будетъ. Идите въ избу. Считай, староста, – заговорили другіе.

Дементій отдалъ 234 рубля.

– Сочти, много ли за кого я отдалъ, – сказалъ онъ старостѣ.

Староста счель за Козлова 35, за Макарычева – 62, за Болхина – 17, за Савостьяна – 43, остальные за себя.

Старикъ поклонился на всѣ 4 стороны и пошелъ домой.

* № 10.

Въ 1818–мъ году мужики казеннаго села Излегощи, собравшись у крыльца дома[24] Ѳедора Резунова, толковали объ общемъ сельскомъ дѣлѣ – объ отбитой у нихъ сосѣдомъ помѣщикомъ, ихъ собственной Грецовской пустоши. Это не была мірская сходка по наряду; а самъ собой собрался народъ у крыльца Ѳедора.[25] Сперва подошли сосѣдъ Митрій[26] Макарычъ, первый бѣднякъ въ селѣ. Онъ пришелъ просить серничковъ или сѣры взаимы, но еще не отошелъ, какъ подошелъ Базыкинъ старикъ, проходя домой изъ лѣса съ вырѣзанными имъ сѣнными вилами, показавъ вилы, приостановился, хваля погоду. Рыжій Власъ, увидавъ вилки, перешель съ той стороны улицы къ нимъ же и, потрогавъ вилки, завель разговоръ о пахотѣ. Иванъ Брыкинъ ходатай по Грецовскому дѣлу шель изъ волостнаго правленія и остановился подлѣ мужиковъ. Пелагеюшкинъ печникъ, замѣтивъ народъ и полагая, что будетъ выпивка, кликнулъ невѣстку и, не входя въ избу, велѣлъ себѣ подать шапку и подошелъ къ нимъ – кликнувъ сосѣда Гаврюху Болхина. Старшина, увидавъ народъ, подошелъ къ нимъ, и у крыльца Брыкина собралось человекъ 15, и зашелъ споръ о Грецовской землѣ – пахать или не пахать ее въ нынѣшнюю весну. Приѣзжалъ засѣдат[ель], объявлялъ, что земля отписана на Сомова. Но было подано прошеніе въ Сенатъ, и потому одни говорили, что надо пахать, другіе говорили, что не надо.

* № 11.

[27]Старикъ Михайла Ѳокановъ возвращался съ поля, куда онъ ходилъ смотрѣть, обсохла ли земля. Веселый, распахнутый.

– Ну благодать, – поровнявшись, проходя мимо <избы Ивана Брыкина, засталъ у его крыльца челоуѣкъ 12 мужиковъ.> Онъ остановился съ жеребой кобылой въ поводу подлѣ мужиковъ и послушалъ то, что говорили мужики. Старику Михайлѣ, не любившему ссоры, не полюбилилось то, что говорилъ кудрявый Иванъ Брыкинъ.

[28]Брыкинъ налегаль на то, что нижнимъ земскимъ судомъ пустошь утверждена за Залегощ[инскими] мужиками и [29]въ ней надо запахивать. Кудрявый Брыкинъ, хмуря густыя брови и блестя черными глазами, толковаль мужикамъ, что земля ихняя и по рѣшенію казенной палаты подано въ узаконенной срокъ прошеніе въ верховной Сенатъ и потому надо пахать, но старику Михайлѣ это не нравилось, онъ зналь, что тутъ будетъ не безъ ссоры и грѣха. Онъ продвинулся поближе къ крыльцу и сказалъ:

– Пахать то пахать. Извѣстное дѣло время одно. Упустишь, на весь годъ безъ хлѣба будешь, да какъ бы вздору какого не вышло. Чего жъ отъ Воропановскаго (такъ звали они помѣщика Воропановки сосѣда Сомова) приѣзжалъ Земскій повѣщать, чтобы мы не запахивали, а то сгонить.

– Да чтожь онъ насъ въ крѣпость что ли купилъ?

– А ты его слушай, онъ у тебя и кабылу то твою отбереть.

– Тото и надо поспѣшать.

– Развѣ намъ безъ той земли можно прожить.

– Намъ и податей не оправдать, заговорили мужики.

– Я только къ тому говорю, какъ бы вздору не вышло, а пахать время. Такую погоду Богъ даетъ, сказалъ Михайла и, приподнявъ шапку съ поклономъ мужикамъ, пошелъ къ двору.

– Такъ чтожь, выѣзжаешь на ранѣ, чтоль, дядя Михайла? крикнулъ ему Базыкинъ.

– Какъ люди, остановившись, сказалъ Михайло.

– Сказано выѣзжать, крикнулъ Брыкинъ.

– Извѣстно, выѣзжать, подхватили другіе.

– Чтожь, я отъ міра не отступникъ, сказалъ Михайло и пошелъ дальше.

<Съ вечера за ужиномъ Михайла приказаль своимъ ребятамъ на троємъ готовиться на завтра на пахоту, [30] къ Дѣвкиному верху и пошель спать на осикъ.

Къ утру захолодало, и Михайло, укутавшись въ саняхъ шубою, проспаль зорю. Когда онъ приподняль голову изъ саней, старуха его ужъ встала и, стоя у саней, повернувшись подъ навѣсомъ къ плетню, черезъ который свѣтилась заря, молилась Богу, медленно прижимая сложенные персты ко лбу, плечамъ и пупку и быстро сгибая старческое, сгорбленное тѣло въ поясные поклоны.>

Подойдя къ двору, Михайло встрѣтился у воротъ съ своими лошадьми – ихъ было 8, которыхъ гналь внукъ съ водопоя. Онъ прибавиль шагу, прошелъ черезъ сѣни, на поднявшійся [?] отъ еще неоттаявшаго навоза дворъ и хотѣль отпирать ворота, но сынъ Платонъ, работавшій подъ навѣсомъ, уже воткнуль топоръ въ колоду и легко, босикомъ побѣжалъ отворять. Осмотрѣвъ коней и приказавъ пеструху кобылу загнать въ клѣть, пошель въ избу.

* № 12.

Пути жизни. –

Азь рѣкъ: Бози есте. [31]

(Отъ Иоанна Гл. 10, 34.)

Въ Мартѣ 1818 года въ селѣ Маховомъ народъ толпился въ концѣ деревни у дома неб[ог]атаго помѣщика Криницина, въ которомъ былъ назначень отдыхъ и обѣденный столъ Государю Императору Александру I.

Позади толпы стояли два крестьянина изъ села Излегощъ. Между государственными крестьянами села Излегощъ шель давній споръ о Грецовской пустоши въ 725 десятинъ 1024 сажень съ предводителемъ уѣзда [32] Бригадиромъ Сомовымъ, завладѣвшимъ этой пустошью. Предводитель Сомовъ въ своемъ блестящемъ отставномъ мундирѣ съ орденами чаще всѣхъ другихъ господъ и замѣтнѣе другихъ, какъ молодцоватый красивый мущина, виднѣлся и на крыльцѣ помѣщичьяго дома, отдавая приказанія, и у открытаго окна дома, у котораго онъ, присаживая, отдавалъ приказанія. Его повара, кухню, его столы, диваны, ковры были привезены въ домикъ Криницина, и онъ, врагъ мужиковъ, распоряжался приѣмомъ Императора и потому два избранныхъ

отъ общества просителя съ просьбой, которую одинъ изъ нихъ держаль за пазухой зятянутаго новаго кафтана, старались держаться вдали, не попадаясь на глаза начальству, намѣреваясь выступить впередъ въ ту минуту, какъ Императоръ ступить на крыльцо.

№ 13.

I.

<Въ 1818-мъ году Святая приходилась 14[33] Апрѣля, и весна была поздняя – На страстной недѣли начали пахать. Въ чистой четвергъ мужики собирались запахивать.

Далеко до свѣта поднялся народъ въ избѣ старика церковнаго старосты. [34]

Въ чистый четвергъ 11 Апрѣля только что Петръ Осиповъ на зарѣ отворилъ скрипучія ворота и на себѣ вывезъ на улицу соху, какъ мимо его прокатила четвернею коляска <Княж Мих Барзинскаго барина>.

I.

<Въ Казенномъ селѣ Излегощи жилъ съ большою семьею богатый крестьянинъ Иванъ Борисовъ. –

Въ 1818 году въ чистый четвергъ, приходившійся въ этомъ году на 11-е Апрѣля, старикъ Иванъ Борисовъ, спавшій въ омшаникѣ пчельника, стоявшаго на задворкѣ, проснулся[35] до зари и, помолясь Богу на божничку, стоявшую посреди уже выставленныхъ ульевъ, пошелъ черезъ чистый широкой дворъ въ избу, чтобъ будить домашнихъ.[36] Но бабы въ этотъ день встали прежде его. Печка уже топилась, и дымъ стоялъ киселемъ отъ потолка до дверей.>

<Въ чистый четвергъ[37] Генераль[38] Самойловъ долженъ былъ причащаться.[39] – Кучера готовили въ первый разъ послѣ зимы коляску для барина. Баринъ говѣлъ и въ самый чистый четвергъ ѣхаль слушать заутреню и причащаться.>

Ссора и драка на полѣ между мужиками и Бурцовскими людьми, отъ которой такъ много вышло и хорошаго и дурного и для самого генерала Бурцова, и его семьи и еще больше для мужиковъ, ссора эта случилась въ 1818 году, въ самые страшные дни, въ самый чистый четвергъ и въ самый тотъ день, въ который генераль кончилъ говѣнье и причастился святыхъ тайнъ въ приходской церкви того самага казеннаго села Излегощи, съ мужиками котораго у него вышло дѣло.

Иванъ Борисовичъ Бурцовъ служилъ при Екатеринѣ, вышелъ въ отставку

генераломъ и жилъ тридцать лѣтъ безвыѣздно въ своемъ большомъ Орловскомъ черноземномъ имѣньи. Имѣнье и всегда было хорошо и всегда называли его золотымъ дномъ, но послѣ 30 лѣтъ хозяйства богатаго, знатнаго и умнаго хозяина, прикупавшаго много земель и мужиковъ въ округѣ и прирѣзавшаго много земель отъ крестьянъ къ Ершову, заведшаго заводы – и винный, и конный, и кирпичный, и обстроившаго имѣнье, какъ городъ – Ершово еще болѣе славилось по всей округѣ. Церковь новая, каменная въ три придѣла, тоже была уже вся готова, и было разрѣшеніе отъ Синода о новомъ ершовскомъ приходѣ. Съ осени собирались освящать церковь. Но пока церковь еще не была готова, самъ генераль и семья его ѣздили въ старый приходъ Излегощи.

И туда-то, за 4 версты отъ своихъ палатъ рано утромъ, до солнца, поѣхалъ генераль, чтобы отслушать заутреню, исповѣдываться и причаститься. Генераль былъ справедливъ и хозяинъ, и Бога не забывалъ. Не любилъ онъ ханжить и въ Божьихъ дѣлахъ тщеславиться; а самъ смѣялся надъ своей свояченицей и теткой-старушкой за то, что они бѣгали за монахами и духовниковъ особыхъ себѣ по монастырямъ выбирали. Генераль говаривалъ, что Богъ вездѣ одинъ, и приходскій попъ Василій такъ же грѣхи ему отпустить властью отъ Бога, какъ и отецъ Леонидъ изъ Оптиной Пустыни, а что и Кирилушка-юродивый только людей морочить. Не любилъ тоже генераль на дому службу. «Пока сила есть, – говаривалъ онъ – и есть на чемъ доѣхать, я лучше въ храмъ Божьемъ помолюсь, чѣмъ въ гостиной или залѣ». И потому ѣхалъ къ заутрени въ церковь.

Коляскѣ шестерней съ форейторомъ велѣно было быть у подъѣзда въ половинѣ 5-го утра. И въ половинѣ пятаго генераль, откашливаясь, вышелъ изъ кабинета, прошелъ официантскую, одѣлся въ бобровые шубу и шапку и, взявъ отъ Васьки выѣзднаго трость, а отъ Михайлы платокъ, вышелъ на крыльцо.

– Подавай! – крикнулъ Михайла.

– Митька, трогай! – крикнулъ Филиппъ.

Митька-форейторъ зашевелился; натянулись кожанья постромки, задрожали зарубленные крашенные вальки, тронули вмѣстѣ дышловые, заигралъ лѣвый пристяжной, и тяжелая коляска, какъ бы легкая тельжка, подкатилась и стала у самага крыльца, и откинулись ступеньки.

Генераль оглянулъ лошадей, шапки кучеровъ въ чахлахъ и, какъ будто недовольный чѣмъ-то, нахмурился, но, вспомнивъ страшные дни и говѣнье, только нахмурился и, поддерживаемый двумя лакеями, вошелъ въ колебавшуюся отъ тяжести его грузнаго тѣла коляску и сѣлъ на лѣвую сторону, отдуваясь. Лакеи вскочили на задъ; форейторъ, скосившись, оглянулся.

– Пошелъ!

Генераль лѣвой рукой снялъ шапку съ красивой лысой головы и наложилъ крестъ на широкую, выпуклую грудь.

Погода на шестой недѣлѣ стояла теплая и ясная, но съ страстной начались заморозки, и нынче въ четвергъ выпалъ снѣжокъ. Онъ таялъ уже, и пристяжныя съ туго и коротко подвязанными хвостами шлепали по грязи, мелькая вдоль деревъ аллеи. Генераль на легкой качкѣ поглядывалъ на эту пофыркивающую пристяжную и на сѣдую прядь хвоста, которая была захлестнута узломъ, и, какъ знатокъ и охотникъ лошадиный, на уступахъ между ногъ выступающіе, и какъ угломъ отрѣзанные мослы заднихъ ногъ; но думалъ онъ не о пристяжной, а о томъ, зачѣмъ нельзя ему попросить прощенья у всѣхъ своихъ людей, какъ это дѣлалъ онъ въ дѣтствѣ.

«Кто Богу не грѣшень, царю не виновать» говорилъ онъ себѣ, вглядываясь въ широкую спину кучера Николая и вспоминая, какъ онъ постомъ наказалъ его за захромавшаго жеребца. Я бы желалъ у нихъ всѣхъ просить прощенья, и то хорошо.

«Господи, помилуй мя, грѣшнаго», проговорилъ онъ, вѣзжая въ улицу села Излегощи. На улицѣ еще никого не было, только дымъ, подымавшійся изъ трубъ, показывалъ, что народъ всталъ. «Тоже этотъ народъ, – думалъ онъ, вспоминая свой споръ о землѣ съ этими излегощинскими мужиками. – Вѣдь я просилъ ихъ смѣнять, продать, вызывалъ ихъ на межеванье. А они сами же нагрубилы. Ну, что жъ дѣлать. Я бы и радъ былъ жить въ согласьи со всѣми». Но, несмотря на эти доводы, князь опять вздохнулъ и проговорилъ: «А и грѣшень, то, Господи, помилуй меня. Я смиряюсь передъ тобой. Да и на что имъ земля? – продолжалъ онъ думать. – Они и такъ могли бы быть богаты. Земли больше, чѣмъ у моихъ, барщины нѣтъ, а всѣ голые. Вотъ сынокъ, князь Александръ, все говоритъ: «вольность», вспомнилъ князь сына. – Вотъ и вольны. Что же имъ за польза? Всѣ нищи. Нѣшто одинъ Иванъ Ѳедотовъ», подумалъ онъ, проѣзжая мимо свѣжо покрытаго большаго, въ двѣ связи, двора съ виднѣвшимся позади его садомъ яблоннымъ, еще съ голыми листьями.

«Это аккуратный, зажиточный мужикъ». И въ самое то время, какъ князь это думалъ, подѣзжая къ дому Ивана Ѳедотова, самъ Иванъ Ѳедотовъ, вставшій раньше всѣхъ мужиковъ своего 20-душнаго семейства, въ отворенныя ворота, прихрамывая, вывозилъ на себѣ соху съ привязанной къ оглоблямъ болтавшейся сѣделкой. Старуха его отворяла ворота. Увидавъ князя, старуха вышла на середину воротъ и, закинувшись назадъ, сперва низко перегнулась какъ разъ, когда коляска поровнялась. Старикъ тоже, бросивъ обжи, снялъ шапку и низко поклонился.

– Простите, говѣтъ ѣду, – сказалъ князь и улыбнулся.

Старикъ, поднявъ голову отъ поклона, встряхнулъ густыми прямыми полусѣдыми волосами и соображалъ съ минуту. Понявъ, онъ поклонился

еще разъ, тихо и строго проговоривъ: «Богъ простить». Поднявъ обжи и заворотивъ соху къ крыльцу, поставилъ ее.

– Чего говорилъ? – спросила старуха.

– Простите, говорить; къ попу ѣдетъ. Эй, Сѣма, веди кобылу, что ль, – крикнулъ старикъ во дворъ.

* № 14.

<Въ церкви села Излегощи благовѣстили къ заутрени. Былъ чистый четвергъ, на дворѣ было сиверко, въ ночь выпалъ снѣжокъ. Народъ – старики и старушки – дожидались въ церкви. Священникъ отъисповѣдывалъ уже всѣхъ и сидѣлъ въ олтарѣ, ожидая Покровскаго Князя Одуевскаго Ивана Александровича, желавшаго въ этотъ день исповѣдаться и причащаться. Пономарь, присѣвши на перила колокольни, задремалъ, держа въ рукѣ веревку отъ колокола, и не замѣтилъ карету шестерней, выѣхавшую уже изъ-подъ горы отъ Покровскаго и приближавшуюся къ Церкви. Густой голосъ дьякона окликнулъ его внизу. Пономарь очнулся и, увидавъ карету, кинулъ петлю на ногу и началъ звонить>.

№ 15.

Между тѣмъ, какъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ упрекалъ себя за это невниманіе къ службѣ и пытался настроить себя на молитву, церковный староста Иванъ Ѳедотовъ, хотя точно такъ же, какъ и богатый баринъ, большую часть времени службы не молился, а также думалъ, вспоминалъ и загадывалъ и не думалъ ни въ чемъ упрекать себя. <Разница его съ бариномъ состояла въ молитвѣ въ томъ, что, когда баринъ молился, какъ онъ молился во время стиха, – онъ умилялся, и ему щипало въ носу и хотѣлось плакать, когда же> Иванъ Ѳедотовъ молился, какъ онъ всегда, въ каждую службу, молился три раза: когда ставилъ свѣчу угоднику, въ «Достойную» и въ «Херувимскую», ему становилось жутко: онъ во время этой молитвы вдругъ вспоминалъ, что онъ одинъ, одинъ, безъ всякой помощи, подверженный ехорсѣ всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ ему бѣдствіямъ, и что онъ заслуживаетъ всѣхъ ихъ, и онъ начиналъ со страхомъ призывать на помощь себѣ всѣхъ тѣхъ, которые могли подать ему помощь, и простить всѣхъ, имена которыхъ онъ зналъ, и форма обращенія къ которымъ была ему извѣстна: «Матушка, Пресвятая Богородица», «угодники Божіи», «Господи, Іисусе Христе», «Матушка, Батюшка Іисусъ Христосъ». [40] И, какъ человѣкъ, привыкшій къ

физической работѣ, онъ въ эти минуты молился и мыслью и тѣломъ и, быстро вздрагивая, какъ онъ все дѣлалъ, онъ заносилъ взмахивая, судорожно сжатые персты на плѣшивую голову такъ высоко, какъ только хватала рука, и ниже кушака на пупъ и на оба плеча запахнутаго, пушистаго, новаго, сѣраго, отороченнаго армяка; онъ также судорожно сгибалъ вдвое свое, безъ живота, худое, хотя и сильное, тѣло и падалъ на колѣни и быстро, легко приподнимался и опять падалъ. И ему не такъ, какъ барину, тяжело было сгибаться и кланяться, но, напротивъ, нужно было сдѣлать усилие, чтобы остановиться. А то, какъ только онъ налаживался, такъ сами собой сокращались гибкіе суставы ногъ, онъ падалъ на колѣни, латки, вмѣсто подошвъ, упирались носками, голова склонялась, волосы съ висковъ падали съ обѣихъ сторонъ лица до каменнаго пола, сморщенный лобъ касался холода камня, руки подталкивали, онъ поднимался, глядѣлъ на икону Николая, обвѣшанную полотенцами и украшенную подвѣсками, сіяющую изъ-за свѣчъ, и опять поднимался, и опять кланялся, прося прощенія и избавленія. Такъ онъ молился во время «Херувимской», «Достойной», остальное же время онъ или продавалъ свѣчи и ставилъ или наблюдалъ, думалъ, вспоминалъ, загадывалъ, не замѣчая, что онъ это дѣлаетъ. Продажу свѣчъ, уборку церкви, образовъ онъ считалъ дѣломъ самымъ пріятнымъ. Если было дѣло и дѣло было Божіе, въ которомъ не было страха, какъ въ молитвѣ, но которое, по его понятію, столь же угодно было Богу, какъ и молитва.

Пріѣздъ барина съ дочерьми и молодымъ барчукомъ въ его блестящемъ мундирѣ, съ двумя лакеями въ расшитыхъ ливреяхъ, бравшихъ 10-и копѣечныя свѣчи и мѣнявшихъ деньги, заняли его, хотя онъ и часто видалъ ихъ. Развлекло и заняло его тоже препирательство съ старушкой, хотѣвшей размѣнять ему негодный стертый пятиалтынный. И заняли его болѣе всего Господа, когда они вышли причащаться, снявъ шубы. Баринъ въ бѣломъ платкѣ съ крестами. Молодой барчукъ въ золотѣ, весь расшитъ, и дочери барскія въ бѣлыхъ платьяхъ съ оголенными руками и шеями, въ лентахъ и простоволосыя. Никогда онъ не видалъ этого близко, и это заняло его. Но не показалось страннымъ. Хотя деревенскія дѣвки не только въ церкви, но и дома простоволосыя и оголенные показались бы ему мерзкими, онъ зналъ, что Господа живутъ по особенному, и, не зная, какъ это они живутъ, онъ не осуждалъ ихъ, но дивился на никогда невиданное. Но съ тѣмъ чувствомъ приличія, которое свойственно хорошему человѣку, онъ избѣгалъ подолгу смотрѣть на нихъ и даже въ душѣ осудилъ другихъ, особенно бабъ, которыя, не спуская глазъ, смотрѣли на господъ, когда они, подойдя къ иконостасу, прикладывались къ мѣстнымъ образамъ. Это невиданное зрѣлище Господъ развлекало его; кромѣ того, когда онъ не занятъ былъ по церкви и не молился, онъ думалъ о домашнихъ дѣлахъ, о томъ, что онъ забылъ приказать старшему сыну, поѣхавшему въ городъ, купить палицу новую, и о томъ, какова будетъ пахота нынче, и пойдетъ ли молодой меринъ въ сохъ.

Когда баринъ, проходя мимо, остановился и подошелъ къ нему и

сказаль: «Какъ поживаешь, Иванъ Ѳедотовъ?», это польстило ему и испугало его. И когда, послѣ разговора, баринъ ушелъ, заговоривъ что-то не по русски съ дочерью, Иванъ Ѳедотовъ покачалъ головой и долго старался понять смыслъ словъ, сказанныхъ баринѣю. Добродушная ласка выраженія, когда онъ говорилъ съ нимъ, подѣйствовала на Ивана Ѳедотова. Онъ невольно съ той же добродушной лаской отвѣчалъ ему, но разсудокъ его не соглашался съ его чувствомъ и долго послѣ все заставлялъ его искать тайнаго и враждебнаго значенія сказанныхъ словъ. Слова эти должны были относиться къ В... дачѣ и даже къ тому, что нынче мужики поѣхали пахать ее; но какъ они относились къ этому, Иванъ Ѳедотовъ не могъ себѣ уяснить.

Когда онъ заперъ церковь и снесъ ключи батюшкѣ, онъ помедлилъ у него въ горницѣ, такъ что попадья съ засученными рукавами, мывшая корчагу, полагая, что Иванъ Ѳедотовъ желаетъ поѣсть, хотя и неохотно, но предложила ему закусить. Попадья и попъ уважали Ивана Ѳедотова какъ зажиточнаго и преданнаго церкви и хорошо платившаго прихожанина, приносившаго и медку и не отказывавшаго въ лошаdkѣ и насыпавшаго полный мѣшокъ ржи при требоухъ.

Но Иванъ Ѳедотовъ, поблагодаривъ, отказался и обратился къ батюшкѣ, который, перемѣнивъ за перегородкой новый подрясникъ на старый, только что вышелъ, высоко завязывая старый шитый поясъ на толстомъ животѣ.

— Что жъ это, батюшка, всѣ Господа Панаринскіе были? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще гости были: молоденькой Князь.

— Паренекъ-то съ висками? — сказаль Иванъ Ѳедотовъ.

Иванъ Ѳедотовъ склонилъ голову набокъ и улыбнулся задумчиво. «Что же, говорить, пахать время», повторилъ онъ слова барина, вопросительно глядя на попа.

— Ласковый баринъ, истинно баринъ, слишкомъ добрый. Что же, закуси, Иванъ Ѳедотовъ.

— Спаси Христось, батюшка, некогда — дома никого нѣту. Пойду!

И Иванъ Ѳедотовъ низко поклонившись, взявъ въ обѣ руки большую шапку и вздохнувъ отъ разочарованія въ томъ, что и отъ батюшки онъ не получилъ объясненія словъ барина, и чувствуя, что спрашивать объ этомъ было бы неприлично, вышелъ изъ горницы, осторожно налегши на прилипавшую дверь, и отворилъ ее. Въ сѣняхъ онъ надѣлъ шапку, взялъ лутошку изъ угла и, равномерно подпираясь ею, выбирая протоптанныя тропинки, перешелъ черезъ улицу и пошелъ къ дому, выдающемуся на улицу, крыльцо котораго ему издалека, за восемь дворовъ, видно было. Онъ видѣлъ не только самимъ имъ срубленное и по новому манеру построенное крылечко, на которомъ онъ любилъ сиживать по праздникамъ, но и лавки и столы, вынесенные на улицу, около которыхъ

хлопотала средняя его сноха, бойкая, черноглазая Ольга. Онъ узналъ ее по синей паневѣ съ галуномъ. Выйдя отъ священника, Иванъ Ѳедотовъ забылъ про барина и думалъ уже только о предстоящемъ дѣлѣ нынѣшняго дня. Погода разъяснилась, тропинка черезъ улицу просохла. Гуси пролетѣли. Пахота хороша должна была быть, и ему хотѣлось поскорѣе выѣхать за Митькой еще съ сохой, чтобы вспахать побольше.

* № 16.

У Ивана Ѳедотова былъ еще старикъ отецъ и старуха мать. Старику Ѳедоту Алексѣичу было девяносто лѣтъ и старухѣ было тоже. Старуха была уже плоха и не вставала съ печи, но была еще въ разумѣ. Старикъ же Алексѣичъ еще до сихъ поръ ходилъ и, хоть и слѣпъ былъ, ходилъ за пчелами. Только въ роевщину онъ бралъ себѣ на помощь Иванову старуху. И только лѣтъ пять тому назадъ онъ совсѣмъ отказался отъ хозяйства и передалъ все старшему сыну Ивану. И прежде онъ все приказывалъ Ивану, но деньги все держалъ у себя. Теперь же онъ ни во что не входилъ и денегъ 800 р. отдалъ сыну, только пчелами завѣдывалъ. Но всѣ говорили, и Иванъ такъ думалъ, что у старика еще были спрятаны деньги, про которыя онъ никому не говорилъ. Въ дому было шесть мужиковъ и семь бабъ и двѣ дѣвки и ребятъ человѣкъ девять. Въ всей семьѣ считали двадцать восемь душъ. 1) Старикъ Лексѣичъ 90 лѣтъ, 2) его старуха, 3) Иванъ Ѳедотовичъ 56 лѣтъ и 4) его жена, 5) Родивонъ, Ивановъ братъ меньшей, 50 лѣтъ и его жена, 6) Ивана Ѳедотовича – трое сыновей женатыхъ – Михайло – старшій – силачъ, Егоръ – любимецъ и Петръ 9 [?] грамотникъ[41] три снохи: 12) Катерина Михайловна – слабоумная, Настасья – ласковая и Ольга – плясунья; солдатка Арина 13) и одна жена 14) Павлушка шельмецъ. У Родивона отъ первой жены, онъ овдовѣлъ, былъ одинъ сынъ женатый Иванъ грубый, жена Мавра, неряха, второй жены мальчикъ и двѣ дѣвки – Ромашка – умница бѣлая [?], плясунья [?] и егоза 17) У Ивана одна дѣвка убогая и у Родивона <2 дѣвки. (Одна на возрастъ, одна 10 лѣтъ>. У Ивана Ѳедотовича шесть внучатъ и у Родивона двое.[42]

Иванъ Ѳедотовъ всегда натошакъ, послѣ церкви, бывалъ сердитъ, и теперь ему досадно стало. Первое досадно ему было, что братъ Родивонъ бросилъ дѣло, не раскидалъ завалинки и ушелъ, а Алешка, дуракъ, рохля, сидитъ, не работаетъ. Второе досадно, что бабы до сей поры не управились. «Все дурацкія свои, бабы, причуды на чистый четвергъ дѣлали», подумалъ онъ. –

– Чего ротъ–то разинулъ? – крикнулъ онъ на внука, который, увидавъ его, взялся за вилы и сталъ неловко втыкать ихъ въ навозъ.

– Эхъ, не смотрѣли бы глаза.

Онъ вырвалъ у него вилы, и это сильное движеніе, какъ будто усилило его гнѣвъ. Онъ нахмурился и замахнулся вилами, но не ударилъ.

— Кабы не такіе дни, обломалъ бы тебѣ ребры, ты бы зналъ, какъ брюхо чесать. А, дура! И взяться—то не умѣешь. Съ борова выросъ, а ума не вынесъ.

И, поплевавъ на руки, Иванъ Ѳедотовъ сильнымъ движеніемъ запустилъ вилы, подсунулъ и, поднявъ на вилину слипшагося навоза съ полпуда, откинулъ ее.

— Такъ вотъ работай, а не то что брюхо чесать. Давно бы откидалъ, да и за другое дѣло взялся. А Родивонъ куда ушелъ?

Ольга, во все это время взглядывавшая своими бойкими, черными глазами на Алешку, и едва удерживаясь отъ смѣха поднялась и, выжимая тряпку, обратилась къ свекору.

— Дядюшка Родивонъ на рѣчку пошелъ, батюшка. Евланья (это была сноха Родивона) прибѣгала, говорить, Катерина рубаху упустила: на льду не держитъ, а плота нѣту. Дядюшка пошелъ плоть издѣлать.

Иванъ Ѳедотовъ ничего не отвѣтилъ и, встряхнувъ большой шапкой, которая во время работы свалилась напередъ, вошелъ на крылечко и, поднявъ щеколду, отворилъ дверь. Удержавъ свинью, которую приготовилъ убить, запертую въ сѣняхъ и бросившуюся ему подъ ноги, вошелъ въ сѣни. Въ сѣняхъ онъ увидаль доски палатей, которыя разбирали и мыли, и они были еще не уставлены на мѣсто. И это Родивонъ хотѣлъ сдѣлать, и это ему было досадно. Дверь направо, въ теплую избу, была отперта, а налѣво, въ холодную, была затворена, и изъ нея слышались стоны. Не обращая вниманія на это, Иванъ Ѳедотовъ вошелъ, нагнувшись, въ теплую. Въ избѣ сидѣла старуха мать на конникѣ, согнувшись въ три погибели, и съ трудомъ подняла глаза, чтобы взглянуть на сына. Она была въ одной паневѣ и грязной рубахѣ, на головѣ былъ платокъ, изъ котораго выбивались сѣдые волосы. Она заговорила и показала длинные желтые зубы.

— Здорово, матушка. Богъ милости прислалъ, потревожили тебя.

— Ничего, сынокъ, ничего. Опять положить.

Въ избѣ сидѣла еще въ кичкѣ жена Родиона, на лавкѣ у окна, и шила рубаху мужу. Подлѣ нея сидѣла дѣвчонка, ее дочь, качая люльку. У печки стояла Настасья, любимая сноха Ивана Ѳедотова, ножемъ рѣзала рѣдьку и, увидавъ свекора, тотчасъ оправилась на головѣ платокъ и привѣтливо взглянула на него. Ея лицо, и всегда улыбающееся, было тонко и привѣтливо. [Она] [43] обратилась къ нему съ вопросомъ, гдѣ подать ему обѣдать, такъ какъ столы вынесены. Ея дѣти, двое мальчишекъ, играли на печкѣ и высунули свои головы, глядя на дѣдушку.

Марина же, жена Родивона, какъ всегда, смотрѣла волкомъ и теперь особенно зло посмотрѣла изъ своего худого лица своими черными, какъ уголь, цыганскими глазами на деверя. Марина, жена Родивона, смотрѣла сердито всегда. Она всегда была главная трудность для Ивана Ѳедотова при управленіи домомъ. Родивонъ былъ смиренный, работающій мужикъ, только запиваль, но съ нимъ однимъ не трудно было ладить. Онъ самъ о себѣ зналъ, что онъ не хозяинъ и не хотѣлъ быть хозяиномъ и не хотѣлъ дѣлиться. Но Марина была ядъ. Она не могла снести того, что Степанида, жена Ивана Ѳедотова, была хозяйкой, и всегда ссорилась съ ней изъ-за горшковъ, изъ-за синьки, изъ-за дѣтей и изъ-за внучать. Что она сидѣла, шила, не мыла, это было все равно Ивану Ѳедотову, но что-то было въ ея взглядѣ какъ будто радостное, злое. И смущенное что-то было въ Настасьѣ.

— Да давай сюда на конникъ. Закушу да и въ поле. [44] А гдѣ Михаловна?

Никто не отвѣтилъ. Это еще больше удивило Ивана Ѳедотова. Только Матрешка, Маринина дочь, черная егоза, подбѣжала къ матери и что-то, какъ бы въ отвѣтъ на слова Ивана Ѳедотова, стала шептать ей.

— Матушка въ клѣти была, — сказала Настасья, закрываясь, какъ бы отъ стыда, рукой.

— Ну-ка покличь ее, — сказалъ Иванъ Ѳедотовъ и, снявъ

Таблица, относящаяся к варианту № 16 «Декабристов».

(Размер подлинника).

кафтанъ, бережно сложилъ его; одернувъ рубаху, сѣлъ на конникъ.

— Да чего же она тамъ въ клѣти?

Настасья опять не отвѣтила, но Марина обернулась.

— А чего? У Аринки повиваетъ.

Иванъ Ѳедотовъ понялъ и крики, которые онъ слышалъ, и смущеніе Настасьи и, нахмурившись, закачалъ головой. Это рожала Арина солдатка, сноха, мужъ которой уже 6-й годъ былъ солдатомъ и ни разу не приходилъ. Иванъ Ѳедотовъ не зналъ этого.

– Кликни мать–то! Ну ее... Пускай пропадетъ. Пропасти на ней нѣтъ...
Давай, что ли, обѣдать.

Настасья подала ему чашку квасу, хлѣбъ и солонку. Онъ помолился и сѣлъ ѣсть.

Пока онъ ѣлъ, пришла взволнованная, потная Михаловна пузыремъ [?], сморщенная, бѣлая, съ быстрыми, легкими, мягкими движеніями и тотчасъ поклонилась въ землю, прося прощенья за невѣстку.

– То–то, добѣгалась.

– Не грѣши, ѳедотычъ. Человѣкъ слабый. Какъ–то ей Богъ простить.

– Заступи, матушка, – обратилась она къ старухѣ.

Старуха [не] поняла, спросила, о чемъ и, понявъ [сказала:]

– Всѣ мы грѣшны, не серчай. Грѣхъ. Богъ ее простить. Грѣхъ.

Иванъ ѳедотовъ замолчалъ и, вставъ, помолился.

– А что мерина чалаго оставили, что ли, ребята?

– Не догадалась! Никакъ нѣту.

Въ это время, запыхавшись, вбѣжалъ Тараска Настасьинъ, любимый внукъ Ивана ѳедотова, съ такими же глазами и ямочками, какъ мать. Онъ услышалъ слова дѣда. Онъ, увидавъ съ выгона, гдѣ онъ игралъ съ ребятами, стерегущими овецъ, что обѣдня отошла, бѣжалъ домой, чтобы встрѣтить дѣда.

– Оставили, дѣдушка, на задворкахъ.

– Ну ладно, давай, Михаловна, кафтанишко старый, поѣдемъ, Тараска, пахать. И мерина учить и тебя стану.

И Иванъ ѳедотовъ пошелъ на задворокъ; своротилъ соху съ новой разохи, срубленную лѣтомъ и обдѣланную передъ весной; онъ вывелъ мерина, запрегъ, подвязалъ сволюка и, посадивъ внука на мерина, повелъ его въ поводу изъ воротъ въ проулокъ, на Миткину дачу. Бабы вынесли ему завтракъ мужикамъ; онъ перекинулъ мѣшокъ черезъ седѣлку.

—

Между тѣмъ въ клѣти, на полу, на подосланной рогожкѣ, солдатка Арина съ растрепанными волосами и выпученными глазами хваталась зубами за веревки и старалась удержать стоны. Она мучалась не столько отъ боли, сколько отъ раскаянія и страха передъ свекоромъ, мужемъ и Богомъ. Преступленіе ея, казавшееся столь ничтожнымъ тогда, теперь было ужасно. Присутствіе свекрови поддерживало ее. Но какъ только

она вышла, ей казалось, что нечистый овладѣлъ ею. Она хотѣла перекреститься и не могла. Ужась хуже смерти объялъ, она закричала, чтобъ позвать Михаловну и закричала страшнымъ голосомъ кликуши и залилась крикомъ.

– Что ты, Богъ съ тобой, – тихо ступая лаптями, заговорила Михаловна, откидывая хорошо плетеную дверь клѣти.

– Матушка, погубила я себя. Батюшка свекоръ не простить, не помилуетъ, а и онъ простить, мужъ мой не помилуетъ, разорветъ мое бѣлое тѣло на части. А и онъ помилуетъ, Богъ меня не помилуетъ. Погубила я себя. Огонь... сожги... о-о-о! Матушка родимая.

– Ну буде, дѣушка, буде, – сказала Михаловна, трогая ее. И она стала успокаиваться.

– Матушка, родимая, защити ты меня. Сказала ему? – вдругъ спросила она.

– Ничего. Матушка заступилась. Сказаль: «Богъ простить».

– Охъ, я горькая. Онъ простить, мужъ убьетъ. Хоть бы смерть взяла меня.

Такъ она мучилась, а невинный младенецъ просился на свѣтъ Божій. И черезъ часъ на свѣтъ была лишняя человѣческая душа, чистая и непорочная; несмотря на то, что онъ былъ сынъ этой солдатки, онъ былъ чистъ, какъ первый человѣкъ прямо изъ рукъ Божіихъ.

Изъ невѣстокъ принимала участіе больше всѣхъ Ольга. Она истопила баню и свела родильницу в баню.

Между тѣмъ Иванъ Ѳедотовъ дошелъ съ своей сохой до Таловки и, перейдя ее вбродъ, перепрыгнувъ по камнямъ, вышелъ на гору и увидаль все поле, занятое мужиками, и издалека еще узналъ своихъ сыновьевъ: Михайлу на бурой кобылѣ съ жеребенкомъ и сына Дмитрія на сивомъ. Они пахали вмѣстѣ на одномъ осьминникѣ, Тихонъ на рыжей пахаль отдѣльно.

По тому разстоянію, которое было между сволоками и снятыми кафтанами и тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они пахали, Иванъ Ѳедотовъ видѣлъ, что дѣло шло споро, и что до вечера, если онъ присоединится къ нимъ, они выпашутъ 2 десятины[45].

Подведя лошадь съ сохой къ пашнѣ и по дорогѣ поздоровавшись съ мужиками, мимо которыхъ онъ прошель, старикъ остановился и, скинувъ гужи съ обжей, перевернулъ соху и сталъ развязывать возжи, которыми были привязаны сволока. Митрій въ это время былъ на другомъ концѣ осьминника и только что занесъ соху и поворотился назадъ. Митрій еще не успѣлъ дойти, какъ у Ивана Ѳедотова сволока были отвязаны; обжи опять наложены на мерина, возжи привязаны къ уздѣ; хорошіе ременные

гужи, пропущенные сквозь дыры, захлестнуты за концы, и сѣделка, не отвязанная, перевернута и накинута на гладкую спину и подхвачена пенёчной подпругой. Когда Митрій подѣхаль, старикъ уже, приказавъ внуку держать гладкаго мерина, сидѣль на бороздѣ, разуваясь, и разматываль бѣлыя онучи.

– Ишь пахота–то добро, Митюха, – сказалъ онъ сыну, срывая на межѣ уже зазеленѣвшій отпрыскъ полыни отъ стараго куска.

– Ничего, раздѣлка хороша, – отвѣчалъ высокій, широкоплечій Митрій, перегнувшись черезъ соху и оскобливая блестящей и звенящей палицей и кнутовищемъ сырую землю, приставшую къ загибамъ сошниковъ. – Только у ложочка сыренька. –

– Дѣдушка! куды мѣшочекъ–то?

– Вонъ туды, къ кафтанамъ, снеси. Бабы прислали, – сказалъ старикъ Митрію.

Тараска съ мѣшкомъ побѣжалъ быстрыми босыми ногами къ кафтанамъ. Иванъ Ѳедотовъ же, убравъ въ кучку на крестообразные сволока кафтанъ, онучи, новые лапти съ оборками, взялся за наглаженные рукой ручки обжей и примѣрился, приподнимая соху.

– Проста твоя, батюшка, разсоха будетъ, – сказалъ Митрій.

– Должно въ самый разъ, – отвѣчалъ отецъ. – А вотъ попытаемъ. – И онъ, снявъ шапку, перекрестился.

– Господи, благослови. Ну–ка, Митрій, поведи–ка его, мерина–то, а то мальчишка не управить.

– А я, дѣдушка, за дядя Митревой сохой пойду, – сказалъ прибѣжавшій мальчикъ.

– Ну ладно. Господи, благослови.

Митрій босой, ступая большими ногами по бороздѣ, оглядываясь, повель лошадь по краю борозды. Старикъ быстрымъ движеніемъ зацѣпилъ сохой землю и тотчасъ же легко пустиль ее, не давая ей только ни глубже ни мельче забирать противъ того, какъ она была пущена. Меринъ налегъ, рвануль, потомъ осадиль, но старикъ шевельнуль возжей и закричалъ: «ближе». «Ровнѣ веди, такъ гоже!» И съ половины пашни борозда уже пошла ровная. Сзади мальчишка не отставаль, и то и дѣло былъ слышенъ его пронзительный, подражавшій мужикамъ голосъ: «ближе, вылѣзь! Куда тебя, домовой! Тпру! Аль не видишь!» и все то, что онъ слышалъ, кричали другіе мужики.

Меринъ была лошадь мягкая, и хоть она никогда не пахала, видно было, что она пойдетъ хорошо. Заверотивъ назадъ и переложивъ палицу, Дмитрій обернулся, указывая на борозду Тараски:

- Вишь наковыряль:
- Ты поднимай на себя, – улыбаясь, крикнуль ему старикъ.
- Я и такъ на себя, да онъ все вертится.
- Мелокъ еще.

На третьей бороздѣ лошадь дала потъ и поняла, что не надо рвать, и пошла смирно. Мальчикъ сталъ водить, а Митрій взялъ свою соху. Черезъ нѣсколько рядовъ старикъ велѣлъ мальчику пустить, и самъ на возжахъ сталъ править лошадыю. Не только лошадь, но и Иванъ Ѳедотовъ вспотѣлъ, такъ было тепло. Въ землѣ вспаханной ногамаъ тепло было. Пахло червяками, и видны были взрѣзанные. Грачи летали по всему полю бочкомъ, шагомъ, не летая, переходя съ старой на новую борозду. Жаворонки вились со всѣхъ сторонъ. Солнце блестѣло на сохахъ. Съ разныхъ сторонъ слышно было жеребьячье ржанье и отголоски пашущихъ матерей кобыль. «Вылѣзь», «ближе», «ну, забыла» и пѣсни слышались съ разныхъ сторонъ большого поля до самага лѣса, изъ желто-бураго дѣлавшагося полосатымъ.

- Дядя Иванъ, отпрягать, что ли? – крикнуль Карпъ, пахавшій рядомъ.

Иванъ Ѳедотовъ поглядѣлъ на сволюка съ своимъ кафтаномъ и лаптями, гдѣ мальчишка сидѣлъ, плетя кнутъ, и, сообразивъ, что не вспахано еще осьминника, отвѣтилъ, что рано еще. Ему жаль было оторваться отъ этаго дѣла.

- Еще высоко солнышко. Еще надо пройти, – отвѣчалъ онъ и продолжалъ работать.

Но въ серединѣ работы онъ былъ развлечень крикомъ людей, ѣхавшихъ верхами и въ бричкѣ прямо на нихъ. Онъ узналъ прикащика Чернышевыхъ и ихнихъ дворовыхъ. Человѣка же въ бричкѣ онъ не зналъ. –

№ 17.

Хотя отецъ Ивана Ѳедотова, старый старикъ Ѳедотъ Алексѣичъ былъ живъ, Иванъ уже давно былъ полнымъ хозяиномъ дома. Старикъ понемногу отставалъ отъ дѣла и передавалъ сыну. Теперь уже лѣтъ шесть старикъ Алексѣичъ отказалъ сыну всѣ деньги (ихъ было 520 серебряныхъ рублей, зарытыхъ на пчельникѣ, подлѣ яблони) и ни во что не входилъ, только копался на пчельникѣ. Но и тутъ, зная, что старикъ слѣпъ и роя не увидить, Иванъ Ѳедотовъ слѣдилъ за пчельникомъ и посылалъ во время роевщины свою старуху на помощь отцу. Она съ нимъ и огребала и сажала. Въ дому же по всѣмъ дѣламъ Иванъ Ѳедотовъ былъ полнымъ

хозяиномъ. А въ домѣ было не мало дѣла. Бурачковы, такъ прозывался дворъ Ивана Ѳедотова, держали землю на двѣнадцать душъ, да еще снимали у другихъ столько же, а всѣхъ въ домѣ у нихъ прокормить надо было двадцать восемь душъ. Кромѣ старика, который еще таскался, старуха, мать Ивана Ѳедотова, хотя уже третій годъ не слѣзала съ печи, была еще жива. У Ивана Ѳедотова было 4[46] сына: 3-е[47] женатыхъ и одинъ изъ нихъ въ солдатахъ. Солдатка жила у свекора. Да еще была дочь, убогая дѣвка, да у меньшаго брата Родивона былъ сынъ женатый отъ первой жены, да двое отъ второй жены. Да внучать было у Ивана семеро, да у Родивона двое. Такъ что всѣхъ было двадцать семь душъ. Надо было за всѣхъ подати заплатить и всѣхъ прокормить и всѣхъ распорядить такъ, чтобы дѣло не стояло, и ссоръ и грѣха бы не было. И съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Ѳедотовъ взялся за хозяйство, дворъ Бурачковыхъ пошелъ въ гору. Иванъ Ѳедотовъ никакимъ промысломъ не занимался, какъ другіе излегощинскіе мужики. Онъ ни горшечничаль, ни барокъ не строилъ, ни лѣснымъ дѣломъ не занимался, а только пахаль и захватываль земли, сколько могъ больше. Излегощинскіе мужики говорили, что Ивану Ѳедотову хорошо пахать и сѣять, какъ у него въ дворѣ семь мужиковъ да восемь бабъ работницъ, да отецъ ему кубышку полну отдалъ, но они не знали всего неусыпнаго труда и заботы, которые полагаль на свое хозяйство Иванъ Ѳедотовъ. Держать всю семью, и свою и братнину, такъ, чтобы не было ссоръ и ни обидъ не легко было. Мужики говорили, что у него много работниковъ, а того не думали, что ему не легко было. Мужики говорили, что у него много работниковъ, а того не думали, что ему не легко тоже бывало ладить съ братомъ Родивономъ. У другого большака меньшей братъ Родивонъ пьющій давно бы отдѣлился, и пошло бы все добро на двое, и работниковъ меньше бы стало, а онъ съ нимъ ладилъ и не дѣлился. Но это не легко ему было. «Не работа сушить – забота», говариваль онъ себѣ. И точно, Иванъ Ѳедотовъ спалъ меньше всѣхъ въ домѣ. Мужики говорили тоже, что Иванъ Ѳедотовъ жадень на землю и крѣпокъ такъ, что изъ него не выжмешь полушки. И это было справедливо, но каждому Богъ далъ свои заботы и радости. У другихъ было веселье, кабакъ и угощенье и щегольство, а Иванъ Ѳедотовъ никакой радости не зналъ, кромѣ церкви Божьей, и домашней заботы. –

Иванъ Ѳедотовъ еще и за то любилъ церковь Божію, что въ церкви онъ забываль про домашнія дѣла. Теперь, только что онъ вышелъ изъ церкви и вошелъ въ свою слободу, и еще больше, когда увидалъ свой дворъ, вся забота сегодняшняго дня тотчасъ же охватила его. Ему видно было, что завалинка навозная, которую взялся отвалить братъ Родивонъ съ внукомъ Алешкой, съ сыномъ старшаго сына Дмитрія, была отвалена только до половины. Родивона вовсе не было. А Алешка, толстомордый шестнадцатилѣтній парень, сидѣлъ, опершись локтемъ на вилы, и смотрѣлъ на бабъ – Ольгу и убогую дѣвку, дочь Матрену. Онъ съ засученными рукавами мыли тряпками проножки стола. Звонкій голось смѣющейся Ольги издали слышенъ былъ, но она, согнувшись въ три погибели, усердно терла.

* № 18.

Въ семьѣ Анисима Бровкина была радость. Его и другихъ троихъ мужиковъ выпустили изъ острога. Они содержались въ тюрьмѣ 3 года за драку съ землемѣромъ. <Дрались не они одни, а всѣ понятые – ихъ было четырнадцать человѣкъ, а засудили и посадили въ острогъ четверыхъ: Ивана Дѣева – онъ всегда былъ спорщикъ – старика [48] Копылова – непокорный мужикъ, Болхина – отчаянная голова, и Анисима за его упрямство. Теперь ихъ выпустили>. Родные ѣздили за ними въ Краснослободскъ въ тюремной замокъ и на другой день на четырехъ саняхъ къ обѣду вернулись въ село. Онисимъ Жидковъ ѣхалъ съ старухой и среднимъ сыномъ. Большой оставался дома сдавать уголья, а меньшей, Ванька, безъ отца былъ отданъ въ работники къ Ящериновскому купцу дворнику.

<Дѣло было постомъ на пятой недѣлѣ. Зима еще крѣпко стояла, и снѣгъ только осунулся съ боковъ, а дорога еще была хороша полемъ. Только въ деревнѣ были заносы и ухабы, и вся дорога занавозилась. →

Анисимъ зналъ все, что дѣлалось дома. Старуха его навѣщала его въ острогъ во все время, привозила рубахи и гостинцы и совѣтовалась про домашнія дѣла. – Въ острогъ Анисимъ передъ отѣздомъ сходилъ къ смотрителю, поблагодарилъ его за его милости 3 рублями, а хозяйку его поблагодарилъ холстомъ деревенскимъ. Потомъ попросилъ прощенья у своихъ сторожей и товарищей, роздалъ имъ пироги деревенскіе, привозные, помолился Богу, надѣлъ новую шубу, а кафтанишка старый (ихъ посадили лѣтомъ) подарилъ Кирьяку дурачку и вышелъ за ворота на улицу.

– «Прощай, дядя Анисимъ». «Не поминай лихомъ, дядя Анисимъ». «Дай Богъ тебѣ въ добромъ здоровьи», – слышалъ со всѣхъ сторонъ Анисимъ.
–

За воротами стояли 4 саней. И [49] Григорій, отдавъ лошадь матери, снявъ шапку, низко кланяясь, подошелъ къ отцу. –

– Здорово, Гришутка, – сказалъ отецъ, взглядываясь въ молодца сына и въ свѣтлую, какъ лень и курчавую, какъ волна, бородку, прибавившуюся безъ него. Григорій заплакалъ. Отецъ поцѣловался съ нимъ и сталъ спрашивать про Аксютку, про Мишутку.

– Всѣ слава Богу, батюшка, живы, здоровы.

Графена, у лошади стоя, заголосила, увидавъ слезы сына. – Анисимъ между тѣмъ оглядывалъ свою лошадь, знакомаго, подласаго мерина. Онъ его вымѣнялъ на ярманкѣ. Лошадь была гладка, обросла шерстью и поширѣла. И онъ обратился къ старухѣ:

– Буде, буде, давай лошадь то.

Онъ оглядѣль и сани. Сани были хороши, его еще работы были кресла. Полозья были кленовые, новые, копылья дубовые, набиты ровно. Большакъ дѣлалъ. Торпище было новое, подоткнуто подъ сѣно.

* № 19.

Указъ Правительствующаго Сената, по которому, между прочимъ, предписывалось «особо начатое дѣло противъ крестьянъ села Излегощъ за недопущеніе землемѣра до утвержденія межи и за сдѣланіе прибывшимъ туда Земскому суду и губернскихъ дѣлъ стряпчому грубости оставить безъ дальнѣйшаго производства и подсудимыхъ, буде содержатся, освободить, сколько потому, что межеваніе, отъ коего возродилось сіе слѣдственное дѣло, найдено неправильнымъ, такъ и потому, что, если крестьяне за ослушаніе и подлинно заслуживали наказаніе, то оно можетъ быть имъ замѣнено долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею».

Этотъ указъ дошелъ до Краснослободска, гдѣ содержались въ острогѣ 7 крестьянъ села Излегощъ только 6-го Марта 1824 года, тогда какъ онъ былъ подписанъ въ Петербургѣ 13 Ноября.

18 Марта 1824 подсудимые Михайла Кондрашевъ 52 лѣтъ, Ѳедоръ Рѣзунъ 45 лѣтъ, Петръ Осиповъ 34 лѣтъ и Василій Прохоровъ 29 лѣтъ были выпущены изъ острога.

Въ село Излегощи извѣстіе о выпускѣ мужиковъ дошло за недѣлю до ихъ выпуска, и родные на четырехъ саняхъ пріѣхали въ острогъ за своими хозяевами и привезли имъ рубахи, гостинцы и шубы: мужики посажены были въ острогъ лѣтомъ.

За Михаиломъ Кандрашевымъ пріѣхала его старуха и средній сынъ Карпъ. Михайла былъ изъ первыхъ мужиковъ въ селѣ. Не то, чтобы онъ былъ богатѣй, какъ голова и горчешникъ Сидоровъ. Тѣ настроили себѣ дома новые, большіе, имѣли самовары, принимали господъ и носили фабричнаго сукна кафтаны и сапоги. Но Михайла былъ мужикъ старинный, Одонья у него стояли немолоченные года за два и за три. Въ сусѣкѣ у него тоже бывало полно хлѣба; въ сараяхъ и въ амбарахъ всего было запасено: и ободья, и станы, и грядки, и полозья, и шерсть, и войлока, и кадки, и бочки. Онъ самъ былъ мастеръ – бондарь. И медь всегда былъ отъ своихъ пчель. Лошади были у него свои доморощенныя, старой одной породы, все больше соврасыя. И у бабъ его сундуки были полны холстовъ и сукна бѣлаго и чернаго. [50] И въ домѣ у него былъ порядокъ. Онъ самъ былъ съ начальствомъ тихъ и робокъ, а въ семьѣ его боялись, хоть онъ не дрался и дурнымъ словомъ не бранился.

Только была поговорка его: едрена палка.

Онъ попалъ въ это дѣло по своей справедливости. И изъ всего села больше всего объ немъ жалѣли.

Когда вышла на межѣ съ землемѣромъ драка, и Рѣзунъ замахнулся вѣхой на протоколиста, Михайла тутъ же былъ въ понятыхъ. Онъ тутъ еще унималъ Ѳедора и другихъ мужиковъ, но когда исправникъ призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ на фатеру къ головѣ и сталъ ихъ страшать, чтобы они подписали сказку, Михайла сказалъ:

— Намъ, ваше благородіе, подписывать нельзя. Коли отъ насъ Меркуловскую пустошь отрѣжутъ, намъ жить не при чемъ будетъ.

Исправникъ на него закричалъ: — Молчи. Вы бунтовать вздумали. Вы что на межѣ дѣлали? Я вотъ допрошу, кто бунтовалъ.

А Михайла за правду стоялъ.

— Кто бунтовалъ? А мы всѣ свою землю показывали, не давали между вести поперекъ.

— Такъ и ты бунтуешь?

— Что люди, то и я.

За эти слова его и посадили.

Михайла былъ росту небольшого и согнутый. Лопатки у него выдавались. Видно было, что онъ много черезъ силу работалъ. Волоса у него, пока были не бритые, прямые, густые, висѣли напередъ, глядѣлъ онъ изъ подлобья, и нога одна была кривая. Онъ въ молодыхъ упалъ съ воза и нарѣзался на косу.

* № 20.

1824 года Января 23 было назначено къ слушанію въ Департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и въ общемъ собраніи по Высочайше утвержденному положенію комитета Министровъ дѣло экономическихъ крестьянъ Симбирской губерніи села Излегощъ съ помѣщичьимъ селомъ Жегаловымъ о земляхъ.

Дѣло это тянулось съ 1807 года по всѣмъ инстанціямъ въ уѣздныхъ судахъ, губернскихъ правленіяхъ, казенныхъ и уголовныхъ палатахъ, въ Сенатѣ, (было и нѣсколько прошений, поданныхъ Государю — онъ зналъ про это дѣло) съ различнымъ успѣхомъ, то въ пользу крестьянъ, то въ пользу Жегаловскаго помѣщика князя [51] Чернышева. Для крестьянъ

выгодное рѣшеніе этаго дѣла могло только прибавить къ ихъ общему владѣнію 5000 десятинъ дурной земли, безъ которой они жили уже двадцать лѣтъ и взысканіе съ помѣщика денегъ для уплаты запущенныхъ ими недоимокъ, но для cadaго крестьянина лично имѣло очень мало интереса. Если и было рѣшеніе этаго дѣла важно, то только для шести человекъ изъ ихъ общества, сидѣвшихъ по этому дѣлу второй годъ въ острогѣ, но уголовное дѣло (сопротивленія властямъ), по которому сидѣли эти шесть человекъ, было дѣло побочное, и сидящіе въ острогѣ не хлопотали о своемъ освобожденіи, и о нихъ никто не заботился. Для князя же, добраго, стараго и мягкаго [52] Одуевскаго такое или иное рѣшеніе этаго дѣла означало или жизнь, какъ прежде, уважаемая, почетная самаго и дѣтей, уже взрослыхъ, или совершенное, позорное разореніе, такъ какъ, кромѣ возвращенія насильно завлаженной его отцомъ еще земли, крестьяне просили еще о взысканіи съ него 54 тысячъ, а съ удвоеніемъ капитала, вмѣсто процентовъ, до 110 тысячъ рублей, а большія имѣнія его были отягчены долгами. Но несмотря на то, что изъ крестьянъ никто лично не былъ заинтересованъ этимъ дѣломъ такъ, какъ Князь, со стороны крестьянъ, съ которой и возникло это дѣло, оно велось во всѣхъ нижнихъ инстанціяхъ и даже въ сенатѣ чрезвычайно энергично, а со стороны князя лѣнливо и вяло. — Со стороны крестьянъ дѣло вели выбранные отъ общества ходоки: Мартынь Ивановъ Скобкинъ, [53] Ерофеевъ и Глѣбъ Ѳоминь [54] Треповъ. Во всѣхъ бумагахъ подписывался Мартынь Скобкинъ. Онъ былъ знатокъ и мастеръ дѣла ходатайства. Хотя и разныя лица писали ему прошенія, но всѣ были написаны хорошо, съ указаніемъ на законы, съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла, со справками и, главное, всегда подавались не только во время, но по нѣскольку разъ объ одномъ и томъ же и никогда не пропускали сроковъ. Въ особенности же мастеръ былъ Скобкинъ узнавать, кого и когда, и чѣмъ надо просить. Мужики собирали ему по рублю и по два съ души, и онъ зналъ, гдѣ надо дать и не жалѣлъ давать. Дѣло его, выигранное въ уѣздномъ судѣ, было проиграно въ обѣихъ Палатахъ казенной и уголовной по связямъ Одуевскаго съ губернскими властями, но въ Сенатѣ было вновь выиграно, благодаря Секретарю, которому онъ не пожалѣлъ дать 1000 и въ особенности тому, что Одуевскій вовсе не хлопоталъ въ Сенатѣ. Въ сенатѣ было рѣшено взыскать съ Одуевскаго за завлаженные земли 54 тысячи, а съ процентами 110 тысячъ р. сер. Велось дѣло хорошо не потому, чтобы интересъ мужиковъ былъ силенъ въ выигрышѣ дѣла, но потому что Миронъ Ивановъ былъ охотникъ до этаго дѣла. Научившись грамотѣ у дьячка, Миронъ Ивановъ былъ писаремъ въ волости и въ этой должности въ первый разъ при сдачѣ податей приведенный въ сношенія съ Нижнимъ Земскимъ судомъ и съ уѣзднымъ по дѣлу о порубкахъ, постигнувъ значеніе распоряженій властей, такъ увлекся этимъ міромъ власти, тѣмъ міромъ, въ которомъ однѣ слова, написанные извѣстнымъ лицомъ въ вицѣ мундирѣ на гербовой бумагѣ, дѣлали то, что одинъ человекъ получалъ вдругъ, какъ въ волшебной сказкѣ, много денегъ, а другой попадалъ въ тюрьму или подъ кнутъ, такъ удивился сначала, а потомъ плѣнился этимъ міромъ, что весь отдался ему. Значеніе

законовъ, словъ, выражающихъ ихъ, онъ совсѣмъ не понималъ и не искалъ ихъ пониманія, но онъ понималъ хорошо ихъ дѣйствіе, какъ человѣкъ играющій или поющій, не зная звуковъ, владѣлъ ими. Онъ имѣлъ даръ, искусство дѣйствовать въ этомъ мѣрѣ такое, что приказные знатоки удивлялись ему. И первые удачные шаги на этомъ пути еще болѣе утвердили его въ этой дѣйствительности и заставили его полюбить ее. Онъ, какъ художникъ, съ любовью, съ страстью занимался этимъ дѣломъ и теперь, живя в Петербургѣ, когда дѣло по прошенію повѣреннаго князя перешло въ Государственный Совѣтъ, только однимъ имъ и занимался, и просыпаясь и засыпая только думая о немъ.

Со стороны Одуевского дѣло велось вяло и потому, что Одуевскій никакъ не могъ вѣрить, чтобы на него, добраго человѣка, никого никогда не обижавшаго, обрушилась бы ни за что, ни про что такая бѣда, изъ за которой онъ потеряетъ все свое состояніе, и отъ кого? Отъ Излегошинскихъ мужиковъ, которые крали у него лѣсъ, и которыхъ онъ сколько разъ прощалъ, и которые всегда, хотя чужіе были, такъ ему покорны и почтительны, и потому еще, что ненавидѣлъ судиться, ненавидѣлъ и презиралъ этотъ самый темный мѣръ, который новизною своею и могущественностью такъ плѣнилъ Мирона Иванова, мѣръ, въ которомъ копошились грязные съ продажной совѣстью приказные и главное, потому что онъ не имѣлъ охоты къ этому. Если онъ и защищался и выигралъ дѣло въ Уголовной палатѣ, по рѣшенію которой засадили буйствовавшихъ на межѣ мужиковъ въ острогъ, что такъ противно было характеру добродушнаго Одуевского, то это онъ сдѣлалъ по наущенію своего дѣльца, двороваго Ильи Митрофанова, такого же охотника до сутяжничества, какъ и Миронъ Ивановъ. И если онъ перенесъ дѣло въ Государственный Совѣтъ, то это онъ сдѣлалъ по требованію своего Шурина Нащокина, который, узнавъ совершенно неожиданное рѣшеніе Сената, присудившаго Одуевского къ уплатѣ 110 тысячъ, присталъ къ нему, чтобы онъ занялся дѣломъ, если не хочетъ остаться безъ гроша.

Съ новаго года ходатаи съ обѣихъ сторонъ Миронъ Ивановъ, Илья Митрофановъ и самъ Одуевскій были въ Петербургѣ и неусыпно хлопотали о дѣлѣ, которое готовилось къ слушанію.

Прежде было рѣшено составить засѣданіе Государственнаго Совѣта 13 Января. Но болѣзнь Государя, которому должно было быть представлено утвержденіе мнѣній Государственнаго Совѣта, остановила собраніе Совѣта, и только 23 вновь было предположено Собраніе. Въ этотъ промежутокъ обѣ стороны не теряли времени и подготавливали членовъ Совѣта и дѣйствовали на Истомина [?] и простыхъ Секретарей.

15 Января Мироновъ, ходившій къ своему Совѣтчику Та[йному] Сов[ѣтнику] Амаатовскому, встрѣтивъ на Владимірской знакомаго человѣка Одуевского, бывавшаго у нихъ на Праздникъ, отъ него узналъ,

что сынъ ихъ священника, Михаилъ Ананскій, служащій Секретаремъ у Министра Юстиціи, былъ у его барина, и Князь, прогнѣвавшись выгналъ его изъ дома, за то, что онъ держалъ сторону мужиковъ. Узнавъ про это и квартиру Ананскаго, Мироновъ пошелъ къ нему, надѣясь отъ него, какъ Секретаря Министра и сына своего знакомаго попа, найти помощь. Три дня онъ ходилъ, не заставая Ананскаго. Онъ пришелъ на четвертый съ утра, опять не засталъ, но просидѣлъ цѣлый день и дождался къ вечеру.

* № 21.

<Не доходя до города, старуха сошлась съ своей дьяконицей, и они пошли вмѣстѣ. Еще на дорогѣ они сошлись съ странникомъ. Онъ былъ изъ Луговой березки.> Вдвоемъ они дошли до города. Дорогой Тихоновна рассказала свое горе, и дьяконица посовѣтовала ей просить Царя, который, какъ слышно, будетъ въ Пензѣ, рассказывая ей, какъ были случаи помилованія.

Придя въ Пензу, странницы узнали, что въ Пензу уже приѣхалъ – но не Царь, а Царскій братъ, Великій князь Николай Павловичъ.

<Еремушка много лишняго говорилъ. Бранилъ господь, говорилъ, что они кровь сосутъ, Царя убить хотѣли, что надо Царя просить. «Онъ радъ, родненькая, когда узнаетъ правду, отъ него скрываютъ».>

Тихоновна не слушала его, но въ Пензу они какъ разъ пришли въ то время, какъ приѣхалъ туда Царскій братъ молодой.

Еремушка посовѣтовалъ подать <прошеніе Царскому брату>. Тихоновна при выходѣ изъ собора въ Пензѣ протѣснилась впередъ, пала на колѣни[55] и стала просить за хозяина.

Великій Князь былъ удивлень, губернаторъ разсердился, и старуху взяли въ часть; черезъ день ее выпустили. Тихоновна пошла дальше къ Троицѣ.

Мысль о подачѣ прошенія Государю именно потому, что за него она пострадала, запала[56] въ голову Тихоновнѣ. У Троицы Тихоновна отговѣла и исповѣдовалась у Отца Паисія. На духу она рассказала ему свое горе и каялась въ томъ, что подавала прошеніе Царскому брату. Отецъ Паисій сказалъ ей, что грѣха тутъ нѣтъ, и что въ правомъ дѣлѣ и Царя не грѣхъ просить, и отпустилъ ее. И въ Хотьковѣ она была у блаженной, и блаженная велѣла ей просить самого Царя.

Тихоновна на обратномъ пути вмѣстѣ съ дьяконицей и Еремушкой зашла въ Москву къ Угодникамъ. Тутъ она узнала, что Царь въ Москвѣ,

Тихоновна подумала, что ей видно такъ Богъ велить просить Царя. Надо было только написать прошеніе.

Въ Москвѣ Тихоновна хотѣла пристать на постояломъ дворѣ, но дьяконица увела ее въ домъ Чернышева. Она сказала, что старушка Княгиня мать всѣхъ странныхъ принимаетъ, и тамъ они найдутъ челоуѣка написать прошеніе.

II.

<На утро чуть заблагоуѣстили, старуха встала, глаза перекрестила и пошла въ Кремль. Отстояла утрениу, обѣдню, приложилась къ мощамъ и въ обѣдъ вернулась на дворъ къ Чернышевымъ совѣтоваться съ діаконицей когда идти домой.

На дворѣ народа было много, какъ на ярманкѣ. –

Тихоновна въ жизнь не была дальше города. Теперь она того насмотрѣлась, что уже ничто ее не удивляло. И не только потому, что не удивляло, но потому, что не могла обнять всего того, что видѣла. На дворѣ были кареты, кони, господа въ галунахъ, прислуга, гладкіе кучера въ плисѣ бархатѣ. Она смотрѣла на это и не видѣла. Все, что она видѣла и понимала, были мужики изъ деревни, ихъ лошади, телѣги, пехтери съ сѣномъ и она къ нимъ направилась. Свечера Тихоновна, уставши отъ дороги и сумерками, ничего не разсмотрѣла на господскомъ дворѣ. Дворникъ позвалъ ее поужинать въ избу, и ее покормили и послѣ ужина она легла на полу, положивъ котомку подъ голова, и заснула. Утромъ она встала еще темно, и только дворникъ, тотъ самый, который позвалъ ее вчера къ ужину, окликнулъ ее, когда она выходила изъ воротъ.

– Рано поднялась бабушка! крикнулъ онъ ей. –

– Благоуѣстятъ кормилецъ, проговорила она кланяясь.

– Съ Богомъ бабушка, приходи опять.

Такъ что Тихоновна ничего не видала въ дворѣ Чернышевыхъ, кромѣ одного этаго дворника, и не замѣтила самага мѣста. Съ трудомъ распрашивая прохожихъ, добралась она теперь до Чернышевскаго дома и вошла во дворъ, который запомнила еще вчера по двумъ большущимъ горшкамъ каменнымъ, стоявшимъ на каменныхъ столбахъ воротъ. Тихоновна, какъ и всѣ люди, имѣла свой отдѣльный міръ людей, въ которыхъ она узнавала своихъ, и съ которыми она чувствовала для себя обязательными челоуѣческія отношенія, и другой міръ, чуждый, къ которому она себя ничѣмъ не чувствовала обязанной, который ей представлялся наравнѣ съ другими явленіями жизни непонятнымъ и чуждымъ. Такой былъ для нея весь міръ немужицкій, и въ особенности чиновницкой, съ которымъ она имѣла дѣло въ Пензѣ, и господскій.

Во все свое трехнедѣльное[57] путешествіе она вездѣ встрѣчала этотъ

міръ: дома, помѣщечьи экипажи, самихъ ихъ у Троицы, и она удивлялась на него, иногда любовалась, но старалась избѣгать его и даже не обращать вниманія. Она вездѣ искала своихъ мужиковъ, бабъ въ такихъ же лаптяхъ, зипунахъ и съ ними сближалась. Она поступала такъ, какъ поступаютъ и всѣ люди, считая своими только людей въ одинаковыхъ условіяхъ и проходя между другими, какъ между вещами.>

II.

<Съ тѣхъ поръ, какъ Тихоновна вошла въ Москву, она отказалась понимать смыслъ тѣхъ предметовъ, людей и дѣйствій, которые окружали ее. Все было для нея ново, невиданно, непонятно, и потому не занимательно. Она шла по Москвѣ, возвращаясь изъ соборовъ, какъ идетъ горожанинъ по никогда невиданному лѣсу, ничего не понимая и всего опасаясь. Мало того, что Тихоновна ничего не понимала изъ того, что она видѣла, она знала, что она и не можетъ никогда понять значенія тѣхъ предметовъ, которые окружали ее.> Отстоявъ заутреню и обѣдню и приложившись къ святынямъ, старухи, съ трудомъ отыскивая дорогу, пришли къ двору[58] Одуевскихъ. Раза два чуть не раздавили ихъ, кричали на нихъ, бранили ихъ; разъ полицейскій взялъ Дьяконицу за плечи и толкнулъ, запрещая имъ идти по той улицѣ, по которой онѣ шли, и направляя ихъ въ лѣсъ переулковъ. Тихоновна и не знала, что ихъ согнали съ Воздвиженки именно потому, что по этой улицѣ долженъ былъ ѣхать тотъ самый Царь, о которомъ она не переставая думала и которому намѣревалась написать и подать прошеніе. <Добравшись съ помощью указаній послѣдняго калашника до воротъ Княжескаго дома, она почувствовала облегченіе. Здѣсь былъ дворникъ, мужичекъ ихъ стороны, и здѣсь должна была быть Парамоновна, дьяконица.

Октябрь стоялъ теплый, и странницы оставили въ черной избѣ свои изъ лыкъ плетеныя котомки и шубы и на легкѣ, Тихоновна въ одномъ сѣромъ зипунѣ съ пѣтушками на спинѣ, въ чистомъ бѣломъ платкѣ, которымъ была обвязана ея голова, и въ чистыхъ онучахъ, туго обвязывавшихъ ея тонкія ноги, и новыхъ широкихъ лаптяхъ, обновленныхъ въ Москвѣ, а Дьяконица, въ солопѣ и башмакахъ на шерстяныхъ чулкахъ, ходили въ соборы.

Пройти туда и назадъ въ Кремль, обходить соборы и отстоять налегкѣ, безъ котомокъ и шубъ, двѣ службы было для странницъ отдыхомъ послѣ привычныхъ въ эти 3 недѣли ихъ странствованія 40 верстъ, который онѣ ежедневно проходили.>

Дьяконица, какъ всегда, шла тяжело и жалостно. Тихоновна, какъ обыкновенно, легко и бодро, шагами молодой женщины. —

<У воротъ она остановилась подлѣ дворника и присѣла на лавочку у его караулки.>

У самыхъ воротъ странницы задумались, не узнавая двора, но взгляды въ середину двора съ длинными досчатыми мостками, ведшими изъ кухни въ людскую черезъ грязь двора, удостовѣрили дьяконицу, что она не ошиблась. <И дворникъ кривой, который вчера проводилъ ихъ, былъ тутъ, останавливая метлою собакъ, бросившихся на странницъ.>

— Ничего тетки, не тронуть. У вы подлыя! крикнулъ онъ на собакъ, замахиваясь метлою. Вишь сами деревенскія, а на деревенскихъ пуще зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не даетъ Богъ морозу. Но Дьяконица, заробѣвъ отъ собакъ, жалостно приговаривая, присѣла у воротъ на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, разставивъ туго обтянутые онучами ноги, остановилась подлѣ нея, какъ всегда, спокойно глядя передъ собой и ожидая подходившаго къ нимъ дворника.

— Вамъ кого! спросилъ дворникъ.

— Али не призналъ кормилецъ. Егоромъ звать никакъ, сказала Дьяконица, да вотъ зашли къ Сіятельной.

— Излегощинская, сказалъ дворникъ, стараго дьякона будете. Какже. Ничего, ничего. Идите въ избу. У насъ принимаютъ. Никому отказа нѣтъ. А эта чья же будетъ? Онъ указалъ на Тихоновну.

— Излегощинская же Герасимова, была Ѡадѣева. Знаешь, я чай, сказала Тихоновна. Тоже Излегощинская.

— Какже! Да что, сказывали, вашего въ острогъ что ли посадили?

Тихоновна, ничего не отвѣчая, только вздохнула и подкинула сильнымъ движеніемъ на спину котомку и шубу.

Дьяконица распросила, дома ли старая барыня, и узнавъ, что дома, просила доложить ей. Потомъ спросила про сына, который вышелъ въ чиновники и служилъ по милости Князя въ Петербургѣ. Дворникъ ничего не умѣлъ ей отвѣтить. И направилъ ихъ въ избу людскую по мосткамъ, шедшимъ черезъ дворъ. Старухи вошли въ избу, полную народомъ: женщинами, дѣтьми, людьми дворовыми, и помолились на передній уголь. Дьяконицу тотчасъ же узнала прачка и горничная старой барыни и тотчасъ же обступили ее съ распросами, сняли съ нее котомку и усадили за столъ, предлагая ей закусить.

Тихоновна между тѣмъ стояла у двери, оглядывая краснаго лѣсу новую 10 аршинную горницу, печь и дежу и изобиліе всего въ этой избѣ. Красная кухарка вынимала горшокъ съ кашей изъ печи. Старикъ шилъ сапоги въ углу.

— Садись, бабушка, что стоишь. Садись вотъ тутъ-то, котомку-тоними.

— И такъ не повернешься, куда садиться-то. Проводи ее въ черную избу.

– Вот так мадамъ отъ Шальмѣ, сказалъ молодой лакей, указывая на пѣтушки на зипунѣ Тихоновны. И чулочки то и башмачки.

Онъ показываль на ея онучи и лапти – обнвы для Москвы.

– Тебѣ бы, Параша, такъ.

– А въ черную, такъ въ черную. Пойдемъ, я тебѣ провожу.

И старикъ, воткнувъ шило, пошелъ съ ней и проводилъ ее въ другую избу. Къ Дьяконицѣ въ это время сбѣжались ея знакомыя, и М. Пим., поварова жена, повела ее къ себѣ. Тихоновна не только не обращала вниманія на то, что говорили вокругъ нея и про нее, но не видѣла и не слыхала. Она съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ дома была проникнута чувствомъ необходимости потрудиться для Бога, и другое чувство, она сама не знала, когда, западало ей въ душу – необходимость подать прошеніе. Уходя изъ чистой избы людской, она подошла къ Дьяконицѣ и сказала кланаясь: Объ дѣлу то объ моемъ, матушка Парамоновна, ты не забудь ради Христа. Спроси, нѣтъ ли человѣчка.

– А это чего старухѣ надо?

– Да вотъ обида есть, прошеніе ей люди присовѣтовали Царю подать.

– Прямо къ Царю ее и вестъ, сказалъ шутникъ лакей.

– Э, дура, вотъ дура–то неотесанная, сказалъ старикъ сапожникъ. Вотъ возьму тебѣ, колодкой отжучу, не погляжу на твой фракъ.

Лакей началъ браниться, но старикъ, не слушая его, увелъ Тихоновну въ черную. Въ черной, гдѣ тоже было много народа, кучера, конюха, Тихоновна сняла котомку, перебулась и не дожидаясь хотѣла закусить своего хлѣбца, но кухарка отрѣзала ей господскаго, горяченькаго и дала кваску. Поѣвши, Тихоновна, разговорила съ старикомъ сапожникомъ и рассказала ему свою заботу. Старикъ обѣщаль спросить у писца. И Тихоновна осталась ждатель, пересучивая ниченки и разминая онучи. Она насмотрѣлась многого невиданнаго ею въ эти три часа до господскаго обѣда.

Дьяконица была у старой Княгинѣ.

III.

Изда черная была старая горница изъ крѣпкаго краснаго лѣса. Тихоновна смѣряла ее глазомъ и нашла, что она еще побольше будетъ ихъ новой избы, которую они поставили въ прошломъ году. И печь была большая и новая, видно, недавно смазана, и полы мощные, но прибора въ избѣ не было. Полы грязные, палатей не было. Ни конничка, ни вѣшалки. Ничто не прибрано. Платье, шапки валялись по угламъ и по

окнамъ. Не было хозяина. Кухарка изъ дворовыхъ, толстая женщина, вынимала хлѣбы и ставила горшки и ругалась съ народомъ. А народъ то входилъ, то выходилъ. Кто попросить хлѣбца, кто пошутить съ Аксиньей. А ей не до шутокъ было. Никто ей не хотѣлъ помочь. Такъ что Тихоновна пошла и принесла съ кучеренкомъ ушатъ воды. –

Весь народъ входилъ и выходилъ. Сидѣли въ горницѣ только птичница, мать прачки, мотавшая нитки, сапожникъ съ небритой бородой бѣлой, какъ стриженная овца, и молодой малый, лежавшій на печи и просившій Христа ради рюмочку. Черезъ часъ послѣ прихода Т. (Николавны) хлѣбы были вынуты, обѣдъ готовъ, люди пообѣдали (и то не по порядку, а то одинъ, то другой, порознь), и Николавна, прежде отказываясь, пообѣдала и разговорилась съ птичницей. – Птичница рассказ[ала], какъ живутъ господа: дворни человѣкъ было сто въ Москвѣ. Птицы привозятъ битой съ деревень. И господа хорошіе. –

– Чтожь, скоро домой?

– Да я бы уже и шла, соскучилась. Какъ безъ хозяина дома, сама знаешь, дѣвушка. Да, вотъ сказываютъ, прошенье подать. Я бы пошла подать, да написать надо. Парамоновна обѣщала, да вотъ нѣту.

– Прошенье тебѣ вотъ кто напишетъ, нашъ земскій. Онъ здѣсь. У, бѣдовый насчетъ этихъ дѣловъ,

– Я бы деньги дала.

– Чтожь, я пойду скажу.

Птичница ушла и привела старика.

– Написать можно, – сказалъ старикъ – да у насъ эти прошенія вонъ куда высыпаютъ другой разъ. Аль ты не слыхала? Ну да что? Старуха хороша. На полштофъ прибавь. Давай рублевку. Бумаги купить. Ты думаешь Царю какъ.

– Дядюшка поднеси рюмочку, – молилъ голосъ сверху.

– Вот[ъ] дай срокъ, тебѣ поднесутъ. Послалъ за розгами. Иванъ Васильеви[чъ], дай, приѣдетъ.

Николавна уже знала, что просившій водки, былъ слугой у Камердина Княжеск[аго], и за пьянство его нынче же хотѣл[и] наказывать. –

Пока они говорили, вошелъ самъ Иванъ Васильевичъ. Толстый, свѣжій, легкій, чистый, господскій.

– Иди, сказалъ онъ строго.

Больной всталъ съ печи. Но тутъ же вбѣжалъ молодецъ чей-то. Я думала тоже холопишка чей, – потомъ рассказы[вала] Тихоновна. «Вбѣжалъ

красный весь, спѣшить». «Иванъ Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ!» Только смотрю, Иванъ Васильевичъ совсѣмъ другой сталъ. Какъ заробѣлъ. Это молодой баринъ.

— Маменька сказала папенькѣ, и папенька самъ сказалъ, что это не надо, и что совсѣмъ оставь его, вотъ и все! заговорилъ онъ.

Иванъ Васильевичъ недовольно ушелъ, но такъ, что все теперь погибнетъ, и онъ не отвѣчаетъ. Молодой баринъ остался, сконфуженный еще болѣе поклономъ земнымъ Кузьки. Отделавши[сь] отъ Кузьки, онъ оглянулся и, увидавъ Николавну, спросилъ: «откуда?»

Николавна, какъ изъ тумана просіяло солнце, лаской просіяла на барина и на вопросы стала рассказывать ему.

№ 22.

1818 годъ —

Прологъ.

I.

Горе, испытываемое Марьей Яковлевной Гагариной послѣ столь неожиданной, страшной и неясной смерти своего мужа, было не только горе потери любимаго мужа, съ которымъ прожито семнадцать счастливыхъ и чистыхъ лѣтъ, но это было еще горе беспомощности и ужаса передъ неясной обязанностью воспитанія двухъ обожаемыхъ сыновей, оставшихся у нея на рукахъ. Старшему, гениальному, всѣми восхваляемому первенцу Сашѣ, было шестнадцать, второму Ѳедору, «Ѳедрину Тирру», какъ его прозвали въ семьѣ, было пятнадцать. И тутъ-то, именно въ ту пору, когда кончалось физическое воспитаніе, когда должно было начинаться то непонятное для матери руководство этихъ юношей среди утесовъ жизни, между которыми должны были выплывать ихъ корабли, тутъ-то единственный руководитель семнадцатилѣтній другъ, мужъ, милый, добрый, несравненный ангель Васинька умиралъ вдали какой-то странной смертью, и на нее обрушивалась вся тяжесть непосильной обязанности. О дочери мать не думала. Съ ней она знала, что дѣлать, знала все, что волновалось въ душѣ этой тринадцатилетней Лизы, на лету ловила проявленія ея чувствъ и мыслей и направляла ихъ туда, куда нужно было, знала, какъ это дѣлать, и была увѣрена, что можетъ сдѣлать все, что нужно. Но что дѣлается тамъ, въ душахъ этихъ двухъ прелестныхъ, полныхъ запросовъ отъ жизни мальчиковъ, и чемъ надо отвѣчать на эти запросы, и что выйдетъ изъ нихъ, какъ помочь имъ, — она ничего не понимала. Она невольно любовалась ими, такъ прелестны были они: старшій своей тонкой, нѣжной, скрытой, совершенно непонятной для нея натурой и

меньшой, любимецъ ея, страстный, любящій, другой отецъ, только еще лучше его. Но эти-то прелестныя качества сыновей, они-то и пугали ее. Мать знала, что чѣмъ лучше были сыновья, тѣмъ опаснее было, чтобы изъ этихъ самыхъ дорогихъ качествъ не вышло самое большое для нихъ же зло, она знала, что ей не любоваться надо сыновьями, не испытывать къ нимъ чувства восхищенія, а напротивъ, надо было холодно руководить ими. А этого она не могла. Куда? зачѣмъ? чего они хотятъ? Мать ничего не понимала. Если она и понимала что, то то, что она понимала, ужасало ее, показывая ей, что она не могла идти съ этими юношами, чтобы руководить ихъ туда, куда влекло ихъ.

Про несчастье свое она узнала въ Москвѣ. Это было въ началѣ Іюня 1818 года. Въ этомъ 1818 году они съ мужемъ и дѣтьми дожили въ Москвѣ до начала іюня. Мальчики сдавали экзамены. Передъ концомъ экзаменовъ Князь Василій Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Новгородъ окончить покупку Голицынскаго имѣнія и осмотрѣть свое родовое, то, къ которому онъ прикупалъ Голицынское имѣніе. Онъ къ 15-му долженъ былъ вернуться, чтобы со всѣмъ семействомъ ѣхать въ Орловскую деревню, гдѣ они всегда проводили лѣто. Княгиня Марья Яковлевна была въ комнатѣ свекрови, старой 80-тилѣтней старушки, жившей съ сыномъ, и присутствовала при, всегда нѣсколько больныхъ материнскому сердцу, предпочтительныхъ ласкахъ, которыя бабушка оказывала старшему внуку Сашѣ. Оба юноши, вернувшись съ экзаменовъ, были въ комнатѣ бабушки. – Старшій сидѣлъ подлѣ бабушки и старался понятно и ловко отвѣчать на странные вопросы бабушки, спрашивавшей объ экзаменѣ, и беспрестанно оглядывался на мать. Онъ понималъ, казалось, непріятное чувство матери за то, что бабушка говорила только съ нимъ, и старался рассказать про брата. Мать видѣла это и цѣнила его за это, но все-таки ей милѣй былъ этотъ здоровый, налитой кровью Ѳедя, который хмурился, мялъ руками все, что попадалось, и, казалось, только ждалъ того, когда имъ можно будетъ уйти. Мать видѣла это и думала: Саша хорошъ, разумѣется, онъ и добръ и уменъ, но онъ найдется, онъ сумѣетъ, и его всѣ полюбятъ, а Ѳедю никто, кромѣ меня, не понимаетъ. Всякій на его мѣстѣ завидовалъ бы брату, а у него и мѣста нѣтъ въ сердцѣ для зависти, – онъ только всѣхъ любить. –

– Ты, батюшка, мой табакъ не просыпай, – обратилась къ нему бабушка, протягивая старческую, съ узловатыми сизыми жилами [руку] къ табатеркѣ, которой онъ игралъ.

Онъ хотѣлъ подхватить падающую табатерку, но она проскользнула, и онъ поймалъ ее, прижавъ подбородкомъ къ столу.

– Вотъ ты бы лучше учился какъ братъ, а то все балуешься, – сказала она.

Ѳедя хотѣлъ отвѣчать, но ему такъ смѣшно показалось, какъ онъ удержалъ табатерку; что онъ засмѣялся, отъ смѣха чихнулъ и засмѣялся еще больше; взглянулъ на мать. Мать не могла не улыбнуться, и онъ залился хохотомъ, который невольно сообщился брату, матери и потомъ

самой бабушкѣ и горничной Дашѣ, которая всегда съ вязаньемъ сидѣла у бабушки. –

– Вѣчно шалости! Даша, уברי табакъ, – утирая слезы смѣха, сказала бабушка.

Въ это самое время Марья Яковлевна услышала скрипъ сапогъ быстро подходившаго къ двери человѣка и, оглянувшись, увидала Семена Иваныча Езыкова, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, дѣлавшаго ей знаки.

Семень Иванычъ былъ пріятель Князя. Онъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика и воспитывался съ нимъ въ домѣ стараго князя. Онъ жилъ въ деревнѣ, а теперь, пріѣхавъ въ Москву, гостилъ въ домѣ князя.

Она вышла къ нему.

– Княгиня, матушка! Я боюсь, что что-то нехорошо.

Феда выбѣжалъ и, подбѣжавъ сзади Языкова и не замѣчая его лица и лица матери, сталь, держась за поясъ Языкова, прыгать надъ нимъ, разставляя ноги. –

– Ну тебя, ступай!

– Бабушка спрашиваетъ, что такое.

– Ничего, ничего не говори, скажи, что Машинька это (экономка) позвала.

– Ну, я не пойду.

Феклуша, другая дѣвушка бабушки, выбѣжала спросить, что такое.

– Ничего, ничего, – сказала Княгиня и быстрыми шагами пошла съ Семеномъ Иванычемъ къ передней. –

– А вотъ что такое, вотъ что такое! – услышался сзади голосъ Феи, и застѣнчивый радостный визгъ хорошенькой Феклуши, и звуки поцѣлуевъ слышались сзади.

Въ одно и то же время Княгиня услышала этотъ визгъ Феклуши и слова Семена Иваныча о томъ, что навѣрно съ нимъ (съ Княземъ) что-нибудь случилось. И эти два впечатлѣнія слились въ одно. (Вотъ что рассказалъ Семень Иванычъ.)

На крыльцо пришла нищая и потребовала барыню. Семень Иванычъ вышелъ къ ней, и нищая передала бумаги. «Велѣно отдать».

– Отъ кого?

– Велѣно отдать, – повторила она.

«Я взялъ и только открылъ, вижу князеви вексели, контрактъ, его закладочка. Я выбѣжалъ къ ней. Ее уже нѣтъ. Послалъ искать. Не нашли. Случилось что-нибудь».

Къ вечеру неизвѣстность прекратилась. Матюша, одинъ изъ камердинеровъ Князя – ихъ было два – Матюша и Петруша, два брата, – прискакалъ въ Москву съ извѣстіемъ, что князь умеръ въ Новгородѣ. Онъ шелъ по улицѣ, упалъ, и не успѣли донести его, какъ онъ умеръ. Денегъ, говорилъ Матюша, ничего не нашли, кромѣ кошелька съ двойчаткомъ-орѣхомъ и двумя монетками.

МАТЕРИАЛЫ К РОМАНУ «ДЕКАБРИСТЫ».

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ.

Записная книжка «А».

[л. 842] [59]

13 Января 1878.

Справки о статьях нужн.

Чтен. 1858 Кн. 2. 0 вольн. хлѣб. – Храп.

Рус. Стар. 71 года. Семеновск. полкъ. Шумская. Свѣзева объ Аракч.

Др. и Н. Р. 75 г. Аракчеевъ. Очерки Сибири Ровинскаго.

Рус. Ст. 75 Май. Записки Дарагана.

Р. Ст. 75 Черныш. Камен.

Жиркевичъ.

Авеля.

—

Семевскаго о военныхъ поселеніяхъ.

Мирбахъ.

Свистунову прислать Pascal'a. [60]

[л. 841]

Les cabinets et les peuples Bignon. [61]

[л. 20a1]

27 Августа 1878.

Описаніе школы Муравьева

Колонновожатыхъ – Путяты

52 года въ Современникъ [62]

1824–й годъ. весна. К[нязь] Лобановъ.

Рост[овскій] – Министръ Юстиціи.

Предсѣдатель Государств, совѣта Лопухинъ. –

Шишковъ замѣняетъ Голицына. – Поповъ.

[л. 20a2]

Румянцевъ?

Кочубей –?

Пушкинъ на Югѣ Россіи у Воронцова – в Одессѣ.

Ермоловъ на Кавказѣ.

Карамзинъ въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, матери Никиты. –

Оберъ прокур. Секретари. [63]

Семейство сосланнаго въ деревнѣ и въ губерніи. (Татариновой Зап.)
Ивашевъ. – Ложные слухи – простиля. Мать убита. –

Александръ I былъ въ Симбирскѣ.

14[64], 15лѣтн. дѣвочка, самый <фило> духовный чистый возрастъ. Фон
Виз. Опухтина, убѣжала въ монастырь

—

30 Сент. 1878. Апухтина (преле[с]ть) любить почти влюблена въ
Одоевскаго. (пр[е]лестъ) но выдти замужъ нельзя. Ей кажется, что не
настоящій онъ а любитъ другаго, выходить за 3-го а это то была
лучшая ея любовь въ жизни. –

[л. 282.]

—

Предшеств. событія въ Европѣ

1820 Георгъ IV и хлѣбный бунтъ.

Зандъ убилъ Коцебу.

Дерево свободы удобрить кровью.

Лёнингъ покушался на жизнь Ибея.

Вездѣ въ Герм[анскихъ] княж[ествахъ] Конституціи.

Австрія Францъ II и Метернихъ подавляетъ. Пруссія Фридрихъ
Гарденбергъ подавляетъ. Карлсбадское собраніе. – Запретить журналы
лекціи – демагоговъ.

(Штейнь[65] древней исторіей Германіи занимается, чтобы соединить въ одно (Русскіе – Рылѣвъ Карамзинъ – тоже.)

Франція 18 Лудовикъ XVIII Графъ Дартуа Герцогиня Ангулемская въ черномъ. Monsieur его сынъ Герцогъ Берійской женать.

Герцогъ Берійской убитъ Луве сѣдельникомъ 1820 г. Родился сынъ.

Деказъ Министръ отставлень

Royer Collard – доктринеръ конституціонали. В. Constant члень

[л. 291]

Испанія Фердинандъ VII

Ріего. Конституцію силой[66]

Португалія. Иоаннь.

Въ 21 принуждень принять конституцію.

20 г. 2 Іюля Пепе заставиль Фердинанда IV[67] (I) принять конституцію (Карбонаріи).[68]

[л. 292.]

Соловьевъ брошюра о закладкѣ храма 1817

Біографія Мудрова. Изданіе Университета.

Вѣдомости 1818 и 24 Якушкина записки.

Рылѣва біографія.

[69]1874. Р. А. I

Галерея 1812.

Бентама Пыпина или самаго.

И. И. Дмитревъ.

Жук. для не многихъ.

Кто Александръ Муравьевъ?[70]

[л. 301.]

Государь презираетъ людей и имѣетъ право. Дѣло о нищей [?] –

Записная книжка «Б».

[Стр. 1.]

Гр. Гр. И. Чернышевъ. Женатъ на Елисаветѣ Петровнѣ Квашниной Самариной, рожденной 1773, умерш. 1828, † 1830. (Оберъ-Шенкъ и св. Алекс. Н[евскаго] Кавалеръ).

Его отецъ Ив. Гр. † 1797. При Екатеринѣ генер[аль] Аншеф. Кав[алеръ] Андрея и Вл[адимира] I ст[епени].

Первоприсутств[ующій] въ адмирал[тействъ-] Колегіи.

При Павлѣ Ген[ераль] Фелдм[аршаль] женатъ на Ефим[овской] и на Аннѣ Александр[овнѣ] Исленьевой † 1794 неряха растегнутой.

Его сестры: Катерин[а] Иван[овна] за Ѳед[оромъ] Ѳед[оровичемъ] Вадковскимъ <† 1817> (отецъ Декабрис[та]) Анна Ив[ановна] за Александръ Алексѣевич[емъ] Плещеевымъ † 1817

Его теща Анастас[ія] Петр[овна] ([71]сестра Фельдм[аршала] Ив[ана] Петр[овича] и Дарьи Петр[овны] [72] Салтыков[ыхъ]) р. 26 Ноября 1731 † 24 Марта 1830.

Дочери. Соф[ья] р. 1799 † 1847 за Ив[аномъ] Гавр[иловичемъ] Кругликовымъ?

1) Наружность?

2) Гдѣ имѣнье?

Въ Могилевск[ой] губерніи

3) Гдѣ служилъ.

Чириковъ. –

4) Когда вышл[а] замужъ гдѣ?

Анна Родіоновна

Ведель. Богородицына дочка.

Вънчали на Англ[ійской] набережной въ домъ Шаховскаго.

Живеть тамъ. Она вдова Захара Григ[орьевича] Чернышева.

Алекс[андра] Гр. за Н[икитой] М[уравьевымъ]

[р.] 1800.

1) Наружность ея 23 г.

2) Когда вышла замужъ?

гдѣ?

Еще братъ, которому перешло 3 [?] имѣнія Скорняково черезъ Ушакова
отъ Скорнякова Писа[рева]

Въ Петербургѣ

(О Н[икитѣ] М[уравьевѣ] смотри) Бакунина Кат[ерина] Павловна.

[Стр. 2.]

1804

Лизавету. за Алекс[сандромъ]

Дм[итриевичемъ] Чертковымъ съ кинжаломъ.

1) Года.

2) Наружность <маленькая остринька>

3) Когда вышла замуж? гдѣ? –

1827–мъ Въ Тагинѣ.

Гусарскій полкъ Фердинанда, казначеимъ Чертковъ[73] 1784.

1) Годы

2) Гдѣ имѣние?

Воронежск[а]я

3) Гдѣ служилъ?

[р.] 1808

Вѣра за Гр. Ѳед[оромъ] Петр[овичемъ] Паленомъ Сынъ убійцы Петр[а] Але[ксѣевича].

1) Наружность

2) Годы –

3) Гдѣ, когда вышла замужъ

4) Когда умерла. –

жива.

[р.] 1806

Наталья за Н. Н. Муравьевы[мь] (смотри Мур.)

- 1) Наружность
- 2) Годà
- 3) Гдѣ, когда вышла замужъ

Надежда За Кн. Гр. Алек. Долгор[уковымь]

[р.] 1813.

- 1) Наружность
- 2) Годà
M-me Bradley обожали.
- 3) Гдѣ когда вышла замужъ

[Стр. 3.]

Захарь Гр[игорьевичь].
Родился 1797. Гувернеръ Жоуеих.

Связи до 28 л[ѣтъ]

Когда поступилъ на службу?

Влюбленъ въ
Салтыков[у].

Послѣдовательность жизни. Гдѣ?

Салтыкова за Шуваловымъ.

Огорчился.

Какія связи?

Черн[ышевы] на Камен[номъ] Острову Генер[аломъ?] не бывать.

Латинистъ.

1. Захаръ

2. Соф[ья]

переодѣваніе

музык[антъ] живописецъ

3. Александра] 1800

игрокъ.. [74]

4 Лизав[ета] 18045 Наталь[я] 1806

6 Вѣра 1808

7 Надежда 1813

[Стр. 4.]

Гр. Лиз[авета] Петр[овна] 1773.

Наружность

[75]Состояніє

поклонница Фотія

Управляла имѣніємъ

Любовь къ дѣтя[мъ]

Кого больше любила.

Софья, Матери Лиз[авета] отца

[Стр. 5.]

Гр[игорій] Ив[ановичъ] Ч[ернышевъ] Обершенкъ

Наружность

неряха, разстегнутой

галстучекъ

безбожникъ.

Состояніє

Скорняково Тагино

Служба

Нравственность

Религіозность

Волтерьянецъ

Богъ – Карль Иваннычъ

Имѣнія

Дома

[Стр. 6.]

Кат[ерина] Ив[ановна] Вадковская

Федоръ Федор[овичъ]

сынъ.

Афинскіе вечера.

Наружность

Характеръ Мужъ

Нравственность

Года

[Стр. 7.]

Ан[на] Ив[ановна] Плещеева умерла 1817.

за Алекс[андромъ] Алексъ[евичемъ]

маленькая толстая

красавица брюнетка.

Наруж[ность]

Легкой нравствен[ности]

гордость подвластность.

Александръ Алексѣичъ Черный

Село Знаменское. Мужъ

р. 1780.

Характ[ерь]

Нравст[венность]

Года

[Стр. 8.]

Кн. Одуевскій Ив[анъ] Сергѣичъ р. 1770 г. Генер[аль] Маіоръ, женатъ на Праск[овьѣ] Алекс[андровнѣ] Одоевской, дочери Алекс[андра] Ив[ановича] тайн[аго] совѣт[ника], женатаго на Мар[ьѣ] Ѳед[оровнѣ] Вадковской. (Въ родствѣ съ Чернышевымъ) Отецъ И[вана] Сергѣича Сергій Ивановичъ (полковникъ) женатъ на кж. Лиз[аветѣ] Алексѣевнѣ Львовой.

Наружность

Chopin Фр[анцузскій] учитель

Соколовъ – Секретарь Акад[еміи] Русск[ій] учите[ль][76]

Имѣнье

Владимірской губерн[іи] Юрьевска[го] уѣзда.

дома

Связи

Мѣсто жительство

[Стр. 9.]

Прасковья Александров[на] [Одоевская] 9.

Наружность

Года

Мѣстожителство

Имѣнья

Ея сестра Варв[ара] Алекса[ндровна]

Ланская Дм[итрій] Серг[ѣевичь].

Года

Наружность

Имѣнье

Житель[ство]

[Стр. 10.]

Ланской Дмитр[ій] Сер[гѣевичь]

Родословн[ая] [77]

Года

Наружнос[ть]

[Стр. 11.]

Н[икита] М[ихайловичь] Муравьевъ

родился 1795. Мать Е. Ѳ. Муравьев[а] Бар[онесса]

Колокол[ьцева]

воспитывался дома, потомъ въ Москов[скомъ] Унив[ерситетѣ]. Не кончилъ курса.

Мих[аиль] Ник[итъевичь] Товарищъ М[инистра]

Н[ароднаго]. П[росвѣщенія] Учитель
Ал[ександра] Павловича] † 7 Ѳедосья Никитишна
тетка Лунина Сергѣя Михайловича] <Кто отецъ>
Александръ братъ меньшей Братья <сестры>
1802.
<Ѳедось>

1813 Воронежской губерніи Имѣнье
Бирючин[скаго уѣзда] Ст[аро-] Ивановка.

Въ 22 год[у] ссора съ Оленин[ымъ] [78]
Ему 27 ей 22. Когда гдѣ женился дѣдуш[ка] † весною 1818 [79]

Петра

17. бѣжалъ. Послѣдовательность жизн[и]

Андрей

повѣсившіеся.

Шапон собака

Бука собачка Жук[овскаго] Зорка Батюш[кова]

[Стр. 12.]

Е. Ѳ. Муравьева

Кто урожденна[я] Наружность.

Колокольцева.

Гордая –

Другъ Петръ Михайлови[чь] Дружини[нь] директоръ 1-й гимназіи

Когда овдовѣла 1807

Анна Ивановна Таман[ская] [?]

Секретарь <Толбинъ>

Дружба Понятовскій

Шиллингъ – толстый

Александр[а] Николавн[а] Батюшк[ова]

Сиклитикія Софья Петровна барская барыня дурна собой.

[Стр. 13.]

Горничныя съ [?] Чернышев[ымъ?]

Сер[гѣй] И[вановичъ] Муравьевъ 13.

Родил[ся] въ 1796 Воспитывал[ся] въ Парижѣ

М[атвѣй] И[вановичъ] 93

Гдѣ имѣнье

медлительный

Наружность

Влюбленъ Пушкинъ

Связи

стихи фр[анцузскіе]

Особеннос[ть]

13 лѣтъ.

Когда прїѣхаль въ Россію.

Теща. (Гр.) Прасковья

Васильевна Грушецкая

Въ пансіонѣ Ніх въ Парижѣ до

Послѣдователь[ность]

– 1808 въ Петербургѣ Корп[усъ] Путей сообщенія (Бетанкуръ) 1811
прапорщикъ 1812. въ Бородино со всѣми офицерами путей сообщенія. У
Ожаровскаго (какого?) въ партизанскомъ отрядѣ 1813 къ А. П.
Оболенскому, полкъ Ол[ь]денб[ургской] (Ек. Павл.) За границей

[Стр. 14.]

къ Н. Н. Раевскому. 1816 въ Семеновской полкъ и поступленіе въ
общество. 1820 Исторія Семенов[скаго] полка.

Родители. Ив[анъ] Матв[ѣевичъ] Кавалеръ при А[лександрѣ] и
К[онстантинѣ] † 50 Мать Анна Семеновна † 1810 дочь <бабка>
Черноевичъ Л[изавета] Аристарховна Кашкина за Сербомъ въ Рус[ской]
службѣ Ген[ераль] Маіоръ Лейтенан[тъ] [80] При Павлѣ въ Гамбургѣ Вице
През[идентъ] Иностра[нной] коллегіи. Въ Испаніи. Дѣти въ Парижѣ – Въ
1805 возвратился въ Росс[ію] и родилс[я] Иполить. 1808 въ отставку,
уѣхаль въ Полтавск[ую] губ[ернію] Миргород[скаго] уѣзду, село <А>
Бакумовка. Въ Петербургѣ въ домѣ Самборскаго.

[81]1 Лиз. Ив.

2 М. И.

3 Ек.

Женился. Когда.

5 Ан. Ив. Хр.

6 Ели.

7 С. И.

Сестры

Катерина Бибикова

Военный.

Когда вышла замужь года.

Наружность

18 – 18 получение маіората Хамутець 3000 4000 душъ Лизаве[та] Гр.
Ожаровская

года замуж[ества]

1810 Красавица. Придворная

Наружность

года замужест[ва]

Элена И[вановна] Капнисть 23.

[Стр. 15.]

Родители Муравь[ев]ыхъ Апас[толь]

Отець.

Дѣла разстроены

Хамутець.

15

[Стр. 16.]

Мать Муравьева] Апост[ола]

Сербка. <Кристичъ>

[Стр. 17.]

Родные сестры тет[ки] братья

Ек. Ѳ. близкій домъ Оленина

Лунины. Въ Коломнѣ домъ

17

[Стр. 18 чистая.]

18

[Стр. 19.]

Рылѣевъ

19

Родился 96 — Отецъ въ связи

Мать отдѣльно. —

Манифестація. [82] Послѣдовательнос[ть] жизни

[Стр. 20.]

Годъ женитьбы.

Кто мать?

Родство.

[Стр. 21.]

Миха[иль] Павловичъ Бестужевъ Рюминъ 21

Родился 1801, воспитывался дома

Городничій Бронни

Галицина

3 брата. 1 сестр[а] [83]

Родители

Кто мать

Братья

Сестры.

Родственники

Послѣдовательно[сть] съ 16 год[а]

[Стр. 22.]

22 Андр[ей] Борисовъ р. 1797.

<Гдѣ имѣ>

Кто роди[тели]

Имѣн[ье]

[Стр. 23.]

ФонВизина Н[аталья] <Н> 23

Мих[аиль] Алекс[андровичъ]

домъ подлѣ Рожествен[скаго] монастыря. —

Ея родители

Адъютантъ Ермолова.

Родн[я]

Братья

сестры

Имѣнь[е] отца гдѣ

Когда вышла замужъ

[Стр. 24.]

Лунинъ Мих[аиль] Але.

Родился 1782. Воспитыва[лся] въ франц[узскомъ] пансіонѣ

Кто родители

Сергѣй Михайловичъ гвардейскій офицеръ.

Дядя Александръ Михайловичъ.

Мать Ѳенюшка Муравьева.

<Сестра за>

Степной мужичекъ.

Кто родн[я]

Его зять Уваровъ Генера[ль] изранен[ный]

Сестры

За Уваровымъ

братья

Изчезъ. —

Высокой молодец

Съчень

30. [84]

Камергеръ глупой тщеславный имънье не даль [85]

Послѣдователь [ность] съ 16 году

Уъхаль за границу съ Оже. — 1816 — 10-го Сент [ября].

[Стр. 25]

Въ 1821 поступилъ въ Литовской полкъ подполковникомъ. Взять
позд [нѣе]

Рязанской губерніи Спас [с] каго уѣзда Богородское

имънье.

Хорошь

Наружность

[Стр. 26.]

Евг [еній] Оболенской

Роди [лся] 1796. Воспит [ывался] дома.

Отець Петръ Николаичъ, женать на Алекс [андрѣ] Ѳадевнѣ Тютчевой и на
Анне Евгениевнѣ Кашкиной

Гдѣ имѣнье.

Какое?

Петръ Ник[олаичъ] б[ывшій] губернаторъ Нижегородский.

Ховрино Московс[каго] уѣзда.

Когда умерли

Отець и мать

9

1830; 1811,

Съ 1796 года въ Москвѣ.

По[с] –

Рождествено Церковь построилъ Подновинскомъ [?] 1 [неразобр.]

лѣ –

1812. Вологда.

Невысокаго роста

до –

Веселый Религіозный

ва–

Журинька Барбу. [?]

т–

[ельность]

Кашкины. Садовая.

Александра Евгеньевна

Павловскомъ полку

Долгоногій

Олинька Сашинька

Княг. Хованска[я]

[Стр. 27.]

Братъ Ник[олай] Петр[овичъ] женат на Н. Д. Волк[онской].

Евгеній

Катер[ина] Протасьева

Конст[антинъ]

Когда

выш[ли]

заму[жь]

Алекс[андра] Мих[айловская]

Варва[ра]

Натал[ья]

сестры

ихъ

Дми[]

Серг[ѣй]

мужья

Mr Madame Stadler

Евг[еній] дуэль за Кашкина.

Петръ Иванычъ[86] Борисовъ родился 1800.

Косой глухой безбожникъ[87]

<Посл>

Подробность

Связи

[Стр. 23.]

[Стр. 29.]

Анд[рей] [88] <Александръ> Бор[исовъ].

[Стр. 30.]

Александръ Ив[ановичъ] Одоевскій

[Стр. 31.]

Н. Н. Раевскій на Константиновой

[Стр. 32.]

Кн. Репнинъ Ник[олай] Гр[игорьевичъ]. Женатъ на дочери А[лексѣя]
К[ирилловича]

Варвара Алексѣевна. –

Толстый красный

Губернаторъ Полтавы М. И. М[уравьевъ] А[постоль] у него адъютантъ

Кушелева Безбородко

Корабль съ шампанск[имъ]

Богачъ. [89]

[Стр. 33.]

М. Ѳ. Орловъ 33

Стр. 34 чистая].

[Стр. 35.]

Кологривовъ Истомина

Ферзень – рога. [90]

[Стр. 36 и 37 чистые].

[Стр. 38.]

Лунинъ М. Серг [ѣвичъ] [91]

родился 1782. – Подполковник Лейб. гусарской –

Былъ Кавалергардомъ – Отець Сергѣй Михаи[ловичъ]

[Со стр. 39 по 73 книжка не исписана и только перенумерованы

страницы]

[Стр. 73.]

Роть Француза

Жандармъ Лангъ. Роть въ связи съ его женой.

Трилъсье

Кузьминъ носатый маленькой

Замъчаніе Матв[ѣя] Ив[ановича] Кузьмину

Un converti.

Мертвые голые на квартирѣ Кузьмина. Раненые въ волостн[омъ]
правле[ніи]

Сани городскіе

[Стр. 74 чистая].

[Стр. 75.]

Когда начались Цыгане?

Мода – мундиры, сапоги

Дамскіе прически уборы

[Стр. 76.]

Форма ботинокъ.

Какой Катехизисъ? С. Мур[авьева] Ап[остоль]. Вадковскій

[Стр. 77.]

Сухиновъ дѣйств[овавшій?] съ С[ергѣемъ] М[уравьевымъ].

Какой? Тотъ самый.

Біографія

Жуковскаго

Плещеева.

[Стр. 78.]

Кат[ерина] Аф[анасьева] Протасо[ва] Одна дочь за Воейковымъ
Воейковъ въ Дерптѣ и онѣ в

[Стр. 79.]

Александръ, Николай, Михайла, <Сергѣй> Андрей, Сергѣй.

Николай Николаичъ [жена] Мордвинова

безбожникъ † 27. Школа на Дмитровкѣ.

[Со стр. 80 по 103 книжка не исписана, и только перенумерованы
страницы]

[Стр. 103]

Горожанской

Сынъ откупщика убилъ въ Оренбур[гѣ] женщину

Въ Соловецк[омъ] кончилъ

Апраксинъ въ связи съ Гр. Татищев[о] женой посланник[а] толстуха.
[92]

[Со стр. 104 по 127 книжка не исписана и только перенумерованы
страницы.]

[Стр. 128.] [93]

Катер[ина] Муравьева фрейлиной <къ больш> бывшая у
Ек[атерины] Пав[ловны] къ большому двору.

Наполеонъ видѣль Лавалетъ.

28 Янв[аря] обрученіе Ан[ны] Пав[ловны] съ
Кр[онъ] Пр[инцемъ] Нидерландскимъ.

Въ Казани страшный пожаръ.

Давидъ высылается изъ Франці[и] за то что.

Баль въ пользу ранен[аго] офицера.

[Со стр. 129 по 159 книжка не исписана и только перенумерованы
страницы.]

[Стр. 160]

Выписать родословную книгу Русской Старины.

О рисованьи спросить.

Свести Бѣляеву рукопись.

Свистунову письма Свербѣева.

Кни[г]и Письма Карамзина къ Дмитр[іеву].

<Записки Ив. Ив. Дмитріева>.

Жизнь Муравьева Кропотов[а]

Рылѣева

Записная книжка «В».

1816.

[Стр. 2.]

Въ Россіи – правительственное.

Воронцовъ въ Мобежѣ.

Ермоловъ назначается на Кавказ[ъ].

Арк. Вас. Кочубей въ Кіевѣ виць губерн.

Сперанскій въ Пензѣ губернатор[ъ].

А. К. Разумовскій Министръ Просв. и Президентъ Академ. <А>

Лабзинъ (А. Ѳ.) конфер. секрет. Академіи

Уваровъ Попечит. Петерб. округа.

[94]Галицынъ Пр[освѣщенія] и дух. дѣль.

А. К. Разумовскій – полтавской губерн.

Н[иколай] П[авловичъ] женихомъ.

Тормасовъ въ Москвѣ.

<Министръ внутр. дѣль Дмитрій Иваннычъ Лобановъ

Ростовскій> Толстякъ холостякъ.

<Ив. Ив. Дмитриевъ> министр юстиціи.

Петръ Васильичъ Лопухинъ Д. А. Гурьевъ маленькій гаденькій

Дмитрій Прокофьичъ

Трощинской.

Б. Б. Кампенгаузенъ

Нессельроде. Волконской

Внутр. дѣль Ос. Петр. Козадавлевъ

Траверзе, Морской

П. П. Коновницынъ.

Лиз. Петр. за Нарышкинымъ

1816.

[Стр. 3.]

Въ Россіи обществен[ное].

Пл. Зубовъ (Князь) Виленской губ. въ селѣ Янишках[ъ]

<Гр.> А. Н. Грибовскій (бывшій дѣлецъ Зубова)

въ Коломнѣ

Откупа разорили. –

Пушкинъ кончаетъ курсъ въ лицее. Первые стихи.

Коновницынъ П. П. при велик. Кн. Ник[олаѣ]

и Мих[аилѣ] <для>

Кружокъ Имп. Мар. Ѳед. Граф. Ливень (воспитат.

(Ан. Павл.) Кат. И. Нелидова (дѣвица).

Нелединскій–Мелецкій. Виламовъ (секретарь).

Уваровъ С. С. попечит. Петерб. округа.

А. И. Тургеневъ. (толстый сонный).

Протасовы жили въ <Муратовѣ подѣ Орломъ>. [95]

Дерптѣ.

Воейковъ въ Дерптѣ профессор Русскаго языка.

Липецкія воды Шаховскаго Баладникъ

Жуковскій. Разгаръ войны литературной.

Блудова эпиграмма.

Хотитель господа между пѣвцами
Узнать Карамзина отъявленныхъ враговъ.
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ блѣднѣющій надъ риемами Шишковъ.
Они умомъ равны, обоихъ зависть мучить,
Но одного сушить она, другого пучить.

Bouqillon Управитель у Плещеева.

Fore докторъ взять въ плѣнь съ Бонами подѣ
Мальмъ Яросл[авцемъ] живеть у Плещеевых[ъ].
Анекдоты того времени.

<Une pi>Il a reçu une poule dans le caviar
de la jambe. On lui donne une cavalerie
une pipe a regarder.

Карамзину милости и исторіографъ.

Карамзинъ знаетъ Пушкина и принимаетъ въ немъ участіе.

Голицына Princesse nocturne въ разводѣ съ мужемъ – [1 неразобр.]

[Стр. 4.]

1816 Въ Европѣ Правител[ьственное] [96]

[Стр. 5.]

1816

Въ Европѣ общественн[ое]

[Стр. 6.]

1816 Въ Россіи литерат[урное]

Умеръ 16-мь

Знаменитые живые писатели: Карамзинъ, Державинъ, Дмитриевъ,
Батюшковъ, В. Пушкинъ, Хвостовъ, Шишковъ, Нелединской, Кутузовъ,
Дашковъ.

[Стр. 7.]

1816

Въ Европѣ[97] литератур[ное]. [98]

1821

[Стр. 11.]

Сомнамбулы магнитиз[мъ] [99]

[Стр. 109.]

[100]<въ Дрез>

Кто за границей

—

Н[икита?] М[уравьевъ?] 21 года.

Какой Корсаковъ

Сиверсъ 250 т.

Valerie? романъ.

Никол. Назар?

Кто Зеленковъ?

аферы

Алекс. Мих. важнич

[Стр. 108.]

Вопросы по п[оводу] Н[икиты] М[уравьева]

1813. Алекс. Николаевна Ланская?

Петр, и Анна Ивановн Соколовы?

Эвенсъ Ѳома Яковл?

Андрей Никифор? Пу

Захаръ Матвѣ его наружность

Батюшковы

Тетушки: Лиз. Карл. Евпракс. Аристархов[на]

Челищевы Лизав. Иван.

Пушкинь?

1821 Александр. Осипычъ Василій Алексѣичъ

[Стр. 107]

Кто Уваровъ пропавшій. – подр[обности]?

[Стр. 106]

Пестели оба брата.

Каховскій?

[Стр. 105]

Эвенсь? [101]

ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИСТЫ

Лист «А».

[Л. 11.]

24-й годъ, начало

Ермоловъ на Кавказѣ усмиряетъ бунтъ Дагестана

Вас. Серг. Ланской на мѣсто Кампенгаузена

и Кочубея управл. Минист. Вн. Дѣль

Лобан. Ростовск. юстиціи

Алекс. Ник. Голицынь. – Просвѣщенія

Шишковъ въ Петерб. другъ Морд[винова]

Мордв. членъ Г. С. предсѣдат. департ. гражд. и дух. дѣль.

Государь въ Царскомъ болень.

Конст[антинь] въ Варшавѣ.

Столыпинъ оберъ Прокуроръ

А. И. Тургеневъ Оберъ секретарь.

Дибичъ въ 23 заняль временно мѣсто Волконскаго –
начальника главнаго штаба.

Гурьевъ только что смѣнень. – Канкринъ?

Дова колекція портретовъ выходитъ графъ

Румянцевъ въ отставку.

Нессельроде управляетъ минист. Иностран. дѣль.

Карамзинъ жиль на Маховой въ домѣ Мижуева.

Шишковъ кормилъ голубей въ своемъ домѣ на Фурштатской
противъ Ан. церкви.

Его старушка жена жива.

Карамзинскій выходилъ 10 и 11 томъ о Федорѣ Иоанновичѣ

Мордвиновъ вѣрилъ въ магнетизерку Турчанинову

(въ дальней Коломнѣ).

Потоцкій членъ совѣта либераль другъ Мордв. Г. С. во дворцѣ. [102]
[103]

[Л. 12]

[104] Comentaires sur Filangieri de Benjamin Constant. Бенжаме
читаютъ. Тургеневъ отпустилъ на волю людей. Духъ общества. Трубецкой
наивно вербуетъ. Подписка смоленскому голоду, Журналь, освобождение.
—

Мильоны выданы изъ казны Князю Разумовскому.

17 миліон. отдано въ Варшаву.

Куракинъ ч. Г. С. предсѣд. шюшка

К. Александр. Солтыковъ членъ Совѣта добрый старикъ.

[105] Бетанкуръ женатъ на Англичанкѣ въ домѣ бывш. Юсупова

Инженерное училище Получаетъ 60т жалованья. У него

архитекторы для перестро[йки] Петерб.

Фарфоровый заводъ Директоръ

Постройка Исакиевскаго Собора

Кн. Шаховской директоръ театр? [106]

[107] Милорад[овичъ] начальни[къ]

Предсѣдатель] Г[осударственного] С[овѣта]

Свѣтл[ѣйшій] К[нязь] П. В. Лопухинъ.

Поповъ департ[амента] народн[аго] просвѣ[щенія]
Библ[ейское] общ[ество]
Тург[еневъ] исповѣданій
[108]Герц[огъ] Алекс[андръ] Вирт[ембергскій]
[109]Инженеръ Генера[ль]
Хрущевъ Пр[авитель] Канц[еляріи] совѣта
П[утей] С[ообщенія]
Сперанскій въ Сибири – до 24 го Траверсе – морс[кой]
мини[стръ]

[Л. 21]

Стар[икъ] А. И. Татище[въ] военн[ый] мин[истръ]
Бетанкуръ Исак[іевскій] соборъ
Ниж[е]гор[одская] Ярм[арка] и построй[ки]
К. Булг[аковъ] почт[ъ–] дирек[торъ] въ Моск[вѣ] у него
рѣшаютъ назначе[нія]
До Бронницъ шоссе
Воронцовъ въ Одессъ.
Инзовъ въ Бесараб[іи]
Les cabinets et les peuples Bignon
Гр. Эсень. Оренб[ургскій] Генер[аль] губ[ернаторъ]
Пе[с]тель приѣзжаетъ въ Пет[ербургъ]
Колонія Рос. уступается
21 году умеръ Наполеонъ
23 г. Война Фр[анціи] съ Испан[іею]
Герцогъ Ангулемск[ій]
Министръ Вилель

[л 22]

44 т[ысячи] Испанцевъ сидятъ въ тюрьмахъ Ҡилики

въ Греціи изъ Гетеріи

Ипсиланти погибъ 20 22

Маврокордато и Дм[итрій] Ипсилан[ти]

Байронъ 1824 прибыль въ Мисолунги.

Лист «Б».

18-й годъ. Университетъ Долгорук. переулокъ домъ Монахова

Сандуновъ, Мудровъ (набожность свѣчка)

Театръ на Арбатѣ.

[110]Головнинъ Камчатка вокругъ свѣта Матюшки[нѣ] 17.

выпу[скѣ] Лицея

17. IV [?] т[омѣ] ист[оріи] Карамз[ина]

Жук[овскій] назначень къ А[лександрѣ] Ө[едоровнѣ]

Дмитрі[евѣ] И. И. въ Моск[вѣ]

Лист «В».

25 годъ. Г[осударь] А[лександръ] 47 л[ѣтъ][111] въ Таганрогѣ.

Ник[олай] въ Бобруйскѣ. Воронцовъ на югѣ.[112] Минист[ръ]

финанс[овѣ] Канкринъ. 51 г[ода] женатъ на Мур[авьевой].

Вѣстникъ Европы 25 года. Качен[овскій.] Крыловъ.

Оленинъ въ Академіи Худ[ожествѣ]

Лабзинъ въ 24-мъ году въ Симбирскѣ. Инзовъ въ Бессарабіи.
Наполеонъ умеръ въ 21. Пушкинъ до 24 года въ Бессарабіи.
Раевской Н. Н. въ Кіевѣ. М[ихаиль] Орловъ начальникъ
дивизіи. Шишковъ министръ просвѣщенія.

* Пометы на копии «Списка членам тайных
обществ, преданным Верховному уголовному
суду по манифесту 1 июня 1826 г.»

Имена и фамилии

Званія

Число лет в 1825

Где воспитывались

Николай Цебриков.

Маленькой Наполеонъ

Поручик Л. Гв. Финляндского полка.

25

В Горном Кадетском Корпусе, но не кончил курса.

Михаил Лунин.

Рыжій высокій

Подполковник Л. Гв. Гродненского Гусарского полка.

43

Воспитывался у родителей дома; преподаватели большей частью были

иностранцы.

Михаил Митков.

Высокій рябой

Полковник Л. Гв. Финляндского полка.

34

Во втором Кадетском Корпусе.

Барон Владимир Штейнгель

Средній

Отставной полковник.

43

В Морском Кадетском Корпусе.

Сергей Кривцов.

Красавецъ

Подпоручик гвардейской конной артиллерии.

23

Сперва в Московском университетском пансионе; потом в Швейцарии в институте Феленберга.

Александр фон-дер Бриген.

Нѣмецъ Курлян.

Отставной полковник Л. Гв. Измайловского полка.

32

Воспитывался в Петербурге в Немецком училище св. Петра, а потом в пансионе Мейера, преимущественно у профессора Раупаха.

Александр Фок.

Полный

Подпоручик Л. Гв. Измайловского полка

22

Воспитывался дома; наставниками были – Моке и Лесливский.

Михаил Назимов

Кроткій тихій

Штабс-капитан гвардейского пионерного эскадрона.

26

Воспитывался в Петербурге в частном институте у Протоиерея Каменского.

Владимир Лихарев

Жена бросила

Подпоручик Квартирмейстерской части

23

До пятнадцати лет от рода воспитывался у родителей, под руководством Г. Делиль, и имел различных учителей, потом у пастора Галлера; окончательное же образование получил в училище Колонновожатых генерала Муравьева.

Павел Аврамов.

Служака

Полковник Казанского пехотного полка.

35

В 1-м Кадетском Корпусе.

Василий Норов.

Служака

Отставной подполковник.

33

В Пажеском Корпусе.

Барон Алексей Черкасов.

Маленькой толстый

Поручик квартирмейстерской части.

26

Воспитывался в Московском Университетском пансионе и в училище Колонновожатых генерала Муравьева.

Николай Загорецкий.

Жилистый

Поручик квартирмейстерской части.

29

Учился дома и слушал лекции в Московском Университете; кончил воспитание в училище Колонновожатых генерала Муравьева.

Иван Фохт.

Немецъ

Штабс-капитан Азовского пехотного полка.

31

Воспитывался с детьми помещика Гора, в доме которого жил учитель Каменский, Кёнигсбергский уроженец.

Михаил Спиридонов.

Средній

Майор Пензенского пехотного полка.

29

В доме у родителей преимущественно же пользовался уроками француза Леграна и немца Шрека.

Яков Андреевич 2-й.

Съ ума сошоль

Подпоручик 8-й Артиллерийской бригады.

25

Во втором Кадетском Корпусе.

Андрей Фурман.

Съ ума сошоль

Капитан Черниговского пехотного полка.

30

Воспитывался в Дворянском полку.

Павел Мозган

Грекъ

Подпоручик Пензенского пехотного полка.

24

В Феодосиевском уездном училище.

Александр Фролов.

У Вольфа

Подпоручик Пензенского пехотного полка

21

Воспитывался у родителей, которые учили его сами.

Комментарии М. А. Цявловского

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной Библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва);

Б, II – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. II, изд. «Посредник». М. 1908;

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);

ГМ – «Голос минувшего»;

ГТМ – Государственный Толстовский музей (Москва);

ИВ – «Исторический вестник»;

ИРЛИ – «Институт русской литературы» (В собрание ИРЛИ входят собрания: б. Пушкинского дома, Ленинградского Толстовского музея и б. Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. (Ленинград);

КА – «Красный Архив»;

ПС – Толстовский музей. Том II. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870–1894» изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1914;

ПТ – Толстовский музей. Том I. «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой 1857–1903», изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1911;

ПТС, 1; ПТС, 2 – Письма Л. И. Толстого, собранные и отредактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга» 1 – М. 1910, 2 – М. 1911;

ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко», под редакцией А. Е. Грузинского, изд. «Окто». М. 1912;

РА – «Русский архив»;

РВ – «Русский вестник»;

РС – «Русская старина»;

ТС – „Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906, изд. «Прибой». Лгр. 1929.

ДЕКАБРИСТЫ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ РОМАНА.

В наброске предисловия, которое Толстой хотел одно время предпослать «1805 году», он так рассказывает о том, как у него явилась мысль написать роман из жизни декабристов: «В 1856 году я начал писать повесть с известным направлением и героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию. Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года. Я в другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года». [113]

Как уже указывал А. Е. Грузинский, [114] весьма трудно признать 1856 год за начальную дату работ Толстого над «Декабристами». Во всяком случае из написанного тогда мы ничего не имеем в архиве Толстого, и есть все основания думать, что в 1856 году дело ограничилось тем, что, в связи с возвращением в Россию амнистированных декабристов, Толстой заинтересовался последними, может быть, что-нибудь читал о них, и у него явилась мысль о повести или романе с главным действующим лицом декабристом. [115] Начало же работ над осуществлением этого замысла относится к осени 1863 года, о чем Лев Николаевич писал тогда же А. А. Толстой: «Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы настолько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта – роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени». [116] Указание Толстого на то, что роман охватывает 1810-ые и 1820-ые годы, свидетельствует о том, что в это время «Декабристы» и будущая «Война и мир» мыслятся еще как одно произведение. В этом плане были написаны три главы романа, впервые напечатанные в 1884 г. в сборнике «XXV лет», изданном Литературным фондом, с таким примечанием: [117]

«Печатаемые здесь три главы романа под заглавием «Декабристы» были написаны еще прежде, чем автор принялся за «Войну и мир». В то время он задумывал роман, которого главными действующими лицами должны были быть декабристы, но не написал его, потому что, стараясь воссоздать время декабристов, он невольно переходил мыслью к предыдущему времени, к прошлому своих героев. Постепенно перед автором раскрывались всё глубже и глубже источники тех явлений, которые он задумывал описать: семья, воспитание, общественные условия и проч. избранных им лиц; наконец, он остановился на времени войны с Наполеоном, которое и изобразил в «Войне и мире». В конце этого романа видны уже признаки того возбуждения, которое отразилось

в событиях 14-го декабря 1825 года.

Впоследствии автор вновь принимался за «Декабристов» и написал два другие, печатаемые теперь начала (в конце статьи).

Таково происхождение предлагаемых отрывков романа, которому, повидимому, не суждено быть написанным. Автор никогда не предполагал их печатать, но уступая нашей просьбе, предоставил их для издаваемого нами сборника. Ред. 3-го октября 1884 г.»[118]

Плод работы 1863 года мы имеем в 1–4 рукописях, дающих две редакции трех глав романа, напечатанных в сборнике «XXV лет». Содержание этих глав – рассказ о приехавшей в Москву из Сибири семье декабриста Петра Ивановича Лабазова. В Лабазове нетрудно узнать кн. Сергея Григорьевича Волконского (1788–1865), которого Толстой видел в декабре 1860 – январе 1861 г. во Флоренции, о чем вспоминал 27 мая 1904 г.: «Его наружность с длинными седыми волосами была совсем как у ветхозаветного пророка... Это был удивительный старик, цвет петербургской аристократии, родовитой и придворной. И вот в Сибири, уже после каторги, когда у жены его было нечто в роде салона, он работал с мужиками, и в его комнате валялись принадлежности крестьянской работы». [119]

На то, что в лице П. И. Лабазова выведен кн. С. Г. Волконский, намекают слова о том, что декабрист, «бывший князь», носил «одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице, близком или знакомом» (стр. 19). Но, кроме внешности, у Лабазова нет ничего общего с кн. С. Г. Волконским. Правда, у П. И. Лабазова так же, как и у Волконского есть жена и двое детей – сын и дочь, но Волконский по манифесту 26 августа 1856 г. приехал в октябре этого года с сыном в Москву, где уже с осени 1855 г. жила жена его с дочерью Еленой, вышедшей замуж в 1850 г. за Дм. Вас. Молчанова.

Б. М. Эйхенбаум[120] высказывает предположение, что фамилия «Лабазов» образована из фамилии: «Завалишин». Хотя в 1-й рукописи (стр. 15) перед первым упоминанием фамилии Лабазова и стоят зачеркнутые буквы: «За», [121] никак нельзя видеть в этом указание на то, что Толстой намеревался здесь назвать своего героя: «Завалишиным». Ко времени написания трех глав «Декабристов» Толстой не был знаком с приехавшим из Сибири лишь 17 октября 1863 г. декабристом Д. И. Завалишиным. [122]

Самое большее, что Толстой мог о нем слышать от Аксаковых, знакомство же могло состояться не ранее декабря 1863 года, когда «Декабристы» были оставлены, и Толстой работал уже над «1805 годом». Чтобы не возвращаться в дальнейшем к Д. И. Завалишину, укажем здесь, что при работе Толстого над «Декабристами» в 1877–1879 годах Завалишин, надо думать, не играл никакой роли. Во всех сохранившихся писаниях Толстого, относящихся к роману (записи в записных книжках и на отдельных листах, тексты «начал» романа, письма), нет ни одного упоминания этого декабриста. И это – неслучайно. Знакомство Толстого с П. Н. Свистуновым (о чем речь дальше), весьма недружелюбно

относившимся к Завалишину, которого он даже не считал декабристом, не могло возбудить у Льва Николаевича желания войти в общение с Завалишиным. Последнее произошло не ранее 1881 года, когда писалась вторая редакция записок декабриста, которые Толстой хотел издать на свой счет. [123]

Написав три главы романа, Толстой, по его словам, «оставил начатое, невольно от настоящего перейдя к 1825 году». Творчески этот «переход к 1825 году», надо думать, ни в чем не выразился, по крайней мере, в бумагах Толстого нет ничего относящегося к этой стадии работы. Затем, перенесшись мыслью к молодости своего героя, автор увлекся эпохой 1812 года. Но для понимания последней Толстому представилось необходимым обратиться к событиям 1805 г. Так возник «Тысяча восемьсот пятый год», впоследствии развернувшийся в «Войну и мир».

Одно из начал «Тысяча восемьсот пятого года», носящее заглавие: «С 1805 по 1814 год» еще связано с оставленными «Декабристами». Первый абзац этого начала читается: «Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II в 1850-х годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание». [124]

С другой стороны, действие в «Войне и мире» доведено до конца 1820 года. В первой части эпилога Пьер Безухий – член тайного общества, возмущающийся Аракчеевым, кн. А. Н. Голицыным, Магницким. Его жадно слушает будущий декабрист Николенька Болконский. Последние главы первой части эпилога «Войны и мира» могли бы быть первыми главами романа «Декабристы»...

Снова вернулся к замыслу «Декабристов» Толстой в 1877 году.

По окончании работы над правкой текста «Анны Карениной» для отдельного издания романа в июне–июле этого года, наступил период поисков темы нового произведения. Толстой снова обратился к сюжету исторического романа, и снова всплыла тема Петра I, но теперь зрел замысел произведения, действие в котором должно было развиваться в крестьянской среде. Об этом говорит запись С. А. Толстой под 25 октября 1877 г. [125]

А в ноябре Толстой уже читает книги по истории царствования Николая I, в частности «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 гг.» Н. Лукьяновича.

За материалами по этой эпохе Толстой в последних числах декабря съездил в Москву, по возвращении откуда писал в первых числах января гр. А. А. Толстой, что у него «давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского». Приступ к осуществлению этого замысла можно видеть в набросках «Князь Федор Щетинин». [126]

Запись С. А. Толстой в ее тетради «Мои записи разные для справок»

под 8 января 1878 г. отмечает новый поворот в замысле: «Со мной, – записала Софья Андреевна, – происходит что-то похожее на то, когда я писал «Войну и мир», – сказал мне сейчас Лев Николаевич с какой-то полуусмешкой, отчасти радостной, отчасти недоверчивой к словам, которые он сказал. – И тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, вернулся сначала к эпохе бунта 14-го декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлекся войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805 годом, то и всё сочинение начал с этого времени. Теперь Льва Николаевича интересовало время Николая I, а главное – Турецкая война 1829 года: он стал изучать эту эпоху; изучая ее, заинтересовался вступлением Николая Павловича на престол и бунтом 14 декабря.

Потом он мне еще сказал: «И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам – и «простая жизнь в столкновении с высшей». Потом он говорил, что как фон нужен для узора, так и ему нужен фон, который и будет его теперешнее религиозное настроение. Я спросила: «Как же это?» Он говорит: «Если б я знал – как, то и думать бы не о чем». Но потом прибавил: «Вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать». [127]

В этой записи примечательны указания на замысел Толстого противопоставить в романе жизнь правящих кругов, «Олимп», жизни народных низов и на стремление изображать события и характеры в свете религиозного мировоззрения, которым в это время всё больше и больше проникается Толстой.

Вскрывает эта запись и связь замысла романа о крестьянах-переселенцах с декабристами.

Замысел произведения, в котором изображаются переселенцы в самарские степи, возник у Толстого, судя по записи Софьи Андреевны, еще в марте 1877 г., когда не была закончена «Анна Каренина».

Снова к этой мысли Толстой вернулся в октябре этого года, когда он намеревался тему о переселении развить в романе из жизни XVIII века. [128] Теперь же переселенцы должны увязываться с декабристами. Посредствующим звеном должна была быть личность гр. Вас. Алекс. Перовского (1793–1857) в 1833–1842 гг. бывшего Оренбургским военным губернатором и в 1851–1857 гг. Оренбургским и Самарским генерал-губернатором. Оренбургские степи должны были быть местом действия крестьянской части задуманного романа. Интерес к этому краю и его недавнему прошлому возник у Толстого в связи с его поездками, начиная с 1862 г., на кумыс в Самарскую губернию, где в 1871 г. Толстым было куплено имение. В сентябре 1876 г. Лев Николаевич пробыл несколько дней в Оренбурге, где виделся со своим сослуживцем по Севастополю Оренбургским генерал-губернатором (с 1865 по 1881 гг.) Ник. Андр. Крыжановским, с которым, конечно, беседовал о Перовском.

За материалами о нем Лев Николаевич обращался к гр. А. А. Толстой.
[129]

Получив от нее обещание этих материалов, Толстой писал в 20-ых числах января: «Очень, очень вам благодарен за ваше обещание дать мне сведения о Перовском. Ваше обещание было бы для меня большой заманкой для петербургской поездки, если бы, кроме этого, у меня не было сильнейшего желания побывать в Петербурге. Желание это уже дошло до *maximum*; теперь нужен толчок. А толчка этого нет, даже скорее толчки обратные в виде моего нездоровья. Буду ждать. Перовского личность вы совершенно верно определяете – *à grands traits*; таким и я представляю себе; и такая фигура – одна наполняющая картину, биография его была бы груба, но с другими противоположными ему, тонкими, мягкой работы, нежными характерами, как Жуковский даже, которого вы, кажется, хорошо знали, и с другими, и главное с декабристами, эта крупная фигура, составляющая тень к Ник. Павл., самой крупной *à grands traits* фигуре, выражает вполне то время. – Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, 30-ые года – уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается, и всё устанавливается в торжественном покое истины и красоты. – Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизию, раскладывать – ужасно весело.

Молюсь богу, чтобы он мне позволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать всё, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть». [130]

Итак, на основании приведенных свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что в декабре 1877 г. – начале января 1878 г. в замысле романа из эпохи Николая I произошло передвижение времени действия с 1828–1829 г. на 1825 г., т. е. всплыл старый замысел «Декабристов». К этому времени (к декабрю 1877 – началу января 1878 г.) мы относим конспект нескольких глав романа, напечатанный на стр. 256 в качестве первого «плана». В начальных словах конспекта: «что ж на новые места» и особенно во второй части конспекта, начиная со слов: «Выступают через два года...», с упоминанием «башкир», нельзя не видеть развитие темы «переселение крестьян в Оренбургский край». Но кроме этой темы, содержание конспекта, стоящего совершенно обособленно от всех других дошедших до нас текстов, не поддается дешифровке.

На тему о переселении крестьян написаны и начала романа, печатаемые нами как 8 и 9 варианты. Последний вариант датируется декабрем 1877 г. – январем 1878 г., так как часть страниц рукописи варианта занята

черновиками письма о гувернере к детям Толстого, писавшимися в декабре 1877 г. – январе 1878 г. [131]

Вариант 8-й представляет собою часть текста, начало которого утрачено. В утраченной части имелось перечисление переселяющихся домохозяев: 1) Никифора, 2) Давыдки Козлова, 3) Савостьяна, 4) Дмитрия Макарычева и 5) Гавриила Болхина, к которому и относится начальная фраза сохранившегося текста («Он с неделю...»). Все эти крестьяне фигурируют и в 9 варианте. Нужно отметить, что все они – яснополянцы. Внуки и правнуки их и теперь живут в деревне Ясная поляна. Никифор, не названный по фамилии, это Никифор Федорович Резунов (1842–1893), Давыдка Козлов – Давыд Фокич Козлов (1828–1881), Савостьян, не названный по фамилии – Савостьян Макарович Макарычев (1821–1898), Дмитрий Макарычев – его брат, Дмитрий Макарович Макарычев (1817–1884), Гаврюха Болхин – Гавриил Ильич Болхин (1831–1885), Дементий Фоканов – Михаил Максимович Фоканов (1801–1874) и Тит Ермилин – Тит Ермилович Базыкин (1829–1894).

В двух январских письмах (1878 г.) Софьи Андреевны к Т. А. Кузминской находим сообщения о работе Толстого. 14 января С. А. Толстая пишет сестре: «Левочка собирается писать что-то историческое, времен Николая Павловича, и теперь читает много материалов», а 25: «Левочка и сегодня нездоров, кашель, и бок болит, но очень занят своими мыслями о новом романе, и я вижу, что это будет что-то очень хорошее, историческое, времен декабристов, в роде, пожалуй, «Войны и мира». Дай бог ему только поправиться скорее, он часто стал хворать, а то работа пойдет». [132] Что именно читал Толстой в это время, неизвестно, но запись: «Справки о статьях нужных» в Записной книжке А, помеченная 13 января 1878 г. (см. стр. 445) свидетельствует о том, что Толстого интересует уже эпоха не Николая I, а Александра I. 8 февраля Лев Николаевич поехал в Москву за книгами и для того, чтобы завязать знакомство с жившими там декабристами. Накануне отъезда Толстой писал Н. Н. Страхову: «Я еду завтра в Москву за книгами. Круг нужных мне книг теперь очень определился, и чего я не найду в Москве, я имею дерзость рассчитывать на вас, о чем мы переговорим». [133]

В Москве, в день приезда, Толстой прежде всего «говорил о деле, т. е. о книгах», с Владимиром Константиновичем Истоминым, историком-дилетантом, печатавшим в «Русском архиве» исторические очерки. Истомин, как писал Лев Николаевич Софье Андреевне, «пропасть дал» ему книг. Это были преимущественно номера «Русского архива» и «Русской старины». [134]

На другой день (9 февраля) Толстой был, по его словам, «у двух декабристов». Кого именно имеет он в виду, сказать трудно. В примечании (1913 г.) к этим словам (в издании писем Толстого к жене) Софья Андреевна утверждает, что Лев Николаевич понимает здесь Свистунова и Беляева. Утверждение это, конечно, лишь догадка, основанная на том, что Софья Андреевна помнила, что Толстой был в переписке с этими декабристами, которые упоминаются и в другом письме Льва Николаевича. В числе этих «двух» декабристов нельзя понимать Свистунова, нам кажется, потому, что в этом же письме Толстой пишет, что завтра он поедет к Свистунову. Лев Николаевич так

был занят в эти дни своего короткого пребывания в Москве, что едва ли бы он был дважды у Свистунова. Одним из двух не названных декабристов был, вероятно, Матвей Иванович Муравьев–Апостол, о знакомстве с которым Лев Николаевич писал А. А. Толстой в середине апреля 1878 г. В некрологе М. И. Муравьева–Апостола В. Е. Якушкин об этом так рассказывает: «Когда гр. Л. Н. Толстой собирался несколько лет тому назад писать роман о декабристах... он приходил к Матвею Ивановичу для того, чтобы расспрашивать его, брать у него записки его товарищей и т. д. И Матвей Иванович неоднократно тогда высказывал уверенность, что гр. Толстой не сможет изобразить избранное им время, избранных им людей: «для того, чтобы понять наше время, понять наши стремления, необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России; чтобы представить в истинном свете общественное движение того времени, нужно в точности изобразить все страшные бедствия, которые тяготели тогда над русским народом; наше движение нельзя понять, нельзя объяснить вне связи с этими бедствиями, которые его и вызвали; а изобразить вполне эти бедствия гр. Л. Н. Толстому будет нельзя, не позволят, если бы он даже и захотел. Я ему говорил это». И Матвей Иванович, повидимому, не рассчитывал, чтобы знаменитый романист обратил достаточное внимание на указываемую сторону дела, как он обвинял автора «Войны и мира» и в совершенном непонимании 1812 года, сильные впечатления которого были так свежи для Матвея Ивановича до самого конца». [135]

Это «неприятие» «Войны и мира» представителем Александровской эпохи нам знакомо по статьям о романе кн. П. А. Вяземского и А. С. Норова. Людям этого поколения Толстой казался «непатриотичным», разрушителем величавого прошлого. Отсюда это предвзятое мнение Муравьева–Апостола, что и декабристов Толстой не поймет, как не понял он «1812 год».

Вечером 9 февраля Толстой был у Софьи Никитичны Бибиковой, которая, по словам Льва Николаевича всё в том же письме к Софье Андреевне, ему «пропасть рассказывала и показывала».

Дочь одного из выдающихся декабристов, Никиты Михайловича Муравьева, Софья Никитична родилась 10 мая 1829 г. в Чите, куда мать ее, рожденная гр. Александра Григорьевна Чернышева, последовала за мужем. Лишившись матери, скончавшейся 22 ноября 1832 г. в Петровском заводе, Нонушка, как ее звали в детстве, была предметом нежных забот отца, который, отбыв каторгу, поселился с ней в 1836 г. в Урике близ Иркутска, где и скончался в 1843 г. Привезенная после смерти отца в Москву, Софья Никитична под фамилией Никитиной была помещена в Екатерининский институт, где впрочем была недолго, получив разрешение уехать с теткой гр. С. Г. Чернышевой–Кругликовой за границу. В 1848 г. Софья Никитична вышла замуж за Михаила Илларионовича Бибикова (1818–1881), племянника (по матери) декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Муравьевых–Апостолов. Дочь декабриста и сестры декабриста гр. Захара Григорьевича Чернышева, племянница декабриста Александра Михайловича Муравьева, наконец, двоюродная племянница декабриста Михаила Сергеевича Лунина, в детстве знавшая многих из декабристов, Софья Никитична, выйдя замуж за М. И. Бибикова, упрочила свои связи с ними, еще теснее войдя в их круг. Из детей декабристов никто, конечно, не знал столько об них,

сколько знала Бибикова. После свадьбы Бибиковы купили у брата декабриста М. А. Фонвизина, Ивана Александровича, дом на Малой Дмитровке (ныне дом № 23), где и поселились. Описание этого дома и характеристика Софьи Никитичны имеются в воспоминаниях ее внучки А. Бибиковой. «В этот старинный и странный дом бабушка вносила столько воспоминаний прошлого, столько духа «не от мира сего», так молчаливо и таинственно, точно скрывая в себе невысказанные истории, стояли огромные шкапы с книгами и тяжелая мебель, что весь дом представлялся мне каким-то храмом, где царил культ какого-то прекрасного и далекого бога, культ воспоминаний. И в самом деле, каждая вещь была с ним связана. Старинное кресло, на котором в Сибири умер прадед Никита Михайлович; рабочий столик в виде жертвенника, старинный, массивный и тяжелый, подарок прадеда жене; всевозможные часы, портреты, миниатюры, изображавшие разных прабабок и кузенов. Важны были не имена Левицкого, Тропинина, Изабэ, Соколова, а история жизни изображенных лиц. Как всё это благоговейно показывалось и смотрелось! Это всё были страницы жизни, и при этом в рассказах и воспоминаниях проходили, как китайские тени на экране, фигуры декабристов Волконского, Трубецкого, Свистунова, Оболенского, Поджио, барона Розена, Сутгофа, Якушкина и многих других, вернувшихся из Сибири и собиравшихся у бабушки в доме по пятницам. Львиная голова А. П. Ермолова, характерная фигура Николая Николаевича Муравьева-Карсского, Закревского, tante Nathalie, tante Lise и многих, многих других. И среди всего этого прошлого бабушка Софья Никитична, в своем неизменном черном, простом платье, с крупными морщинами на характерном лице, с белыми, как серебро, волосами. Несмотря на скромное, почти бедное платье, от нее веяло таким благородством, такой истинной барственностью, которая невольно всеми чувствовалась. На всю ее жизнь и на характер неизгладимый отпечаток наложила ее жизнь с отцом, всё, что она видела и слышала в детстве. Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтит его память и всё, что он успел передать ей из своих знаний». [136] Этот фамильный музей и показывала С. Н. Бибикова Толстому, который взял у нее для прочтения какие-то книги. О возврате их Лев Николаевич писал Бибиковой 14 марта. [137] В ответ она писала 17 марта: «Сейчас только что получила, Граф, ваше любезное письмо от 14 марта и спешу отвечать Вам. Разумеется Вы можете оставить книги у себя и не спешить их возвращением. Еще когда Вы были у нас, муж мой и я просили Вас навещать нас, Вы обещались побывать у нас и мы поджидали Вас. Вы всегда доставите нам истинное удовольствие, бывая у нас; и я никогда не откажусь говорить с Вами об отце моем, память которого я свято чтю. Чем более Вы узнаете его, тем только более можете оценить его. Одно только смущает меня – я боюсь, что не сумею передать Вам во всей полноте характер отца моего и воспоминания моего детства о его товарищах. И потому заранее прошу Вашего снисхождения». [138]

Первым из декабристов, с которыми познакомился Толстой, был Петр Николаевич Свистунов. Он происходил из старинной дворянской фамилии. Сын камергера, Свистунов родился в 1803 г., воспитывался в иезуитском и Шабо пансионах и в Пажеском корпусе, откуда в 1823 г. вышел в Кавалергардский полк. В этом же году вступил он в тайное Северное общество, а затем был членом и Южного общества. Осужденный по II разряду за то, что «участвовал в умысле цареубийства и

истребления императорской фамилии согласием, и в умысле бунта принятием в общество товарищей» был приговорен по конфирмации 10 июля 1826 г. к двадцати годам каторжных работ, сокращенных до пятнадцати лет. Выйдя в 1836 г. на поселение, Свистунов жил в с. Идинском (Каменка) Иркутской губ., а с 1838 г. в Кургане Тобольской губ. В 1841 г. Петр Николаевич был переведен в Тобольск, где служил в Общем губернском управлении и в Административно-статистическом комитете. Несмотря на то, что он занимал маленькие должности, Свистунов, благодаря своей высокой культурности, имел большое влияние на местную администрацию. В 1842 г. Петр Николаевич женился на дочери Курганского земского исправника Татьяне Александровне Дурановой, от которой имел троих детей. Большой дом Свистуновых был местом объединения тобольских декабристов. По манифесту 26 августа 1856 г. Свистунов с семьей приехал в Москву 10 марта 1857 г., но уже 16 марта принужден был выехать на жительство в Калугу. Получив от брата свою часть имения в Калужской губернии, Свистунов в 1859 г. был избран в члены Калужского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Здесь он был в рядах либерального меньшинства вместе с декабристами кн. Е. П. Оболенским и Г. С. Батенковым и петрашевцем Н. С. Кашкиным. В 1863 г. Свистунов приехал в Москву, где и скончался 15 февраля 1889 г., пережив всех своих товарищей, кроме Д. И. Завалишина, которого Петр Николаевич не считал «своим», себя называя «последним декабристом».

О работе Толстого по приезду в Москву Софья Андреевна записала 1 марта в своих заметках: «Всё время Л. Н. занимается чтением времен Николая Павловича и главное заинтересован и даже весь поглощен историей декабристов. Он ездил в Москву и привез целую грудку книг и иногда до слез тронут чтением этих записок». [139] Об этом же 4 марта Софья Андреевна писала Татьяне Андреевне Кузминской: «Левочка последнее время очень много читал и занимался изучением эпохи царствования Николая Павловича и истории бунта 14-го декабря 1825 г. Он даже ездил в Москву знакомиться с декабристами, стариками, бывшими в ссылке в Сибири и возвратившимися оттуда. Он хочет писать роман из этого времени и принимается за это так же, как в старые годы за «Войну и мир». [140]

Охваченный лихорадкой собирания материалов Лев Николаевич снова уехал 4 марта из Ясной поляны на этот раз не только в Москву, но и в Петербург. Но, приехав в Тулу, он должен был ожидать пять часов опоздавшего поезда. «Возвращаясь, писал Лев Николаевич Софье Андреевне, не стоило того. Был у Пушиной. Много интересного от дочери Рылеева». Дочь К. Ф. Рылеева Анастасия Кондратьевна (1820–1890) с 1842 г. была замужем за Иваном Александровичем Пушиным (1809–1882). [141] Затрудняемся сказать, о какой Пушиной упоминает в письме Толстой. Возможно, что это – Евгения Ивановна (1838–1900), жена Дмитрия Александровича Пушина (1818–1894), брата Ивана Александровича. В Москве Толстой пробыл двое суток. Из всего того, что он сделал здесь по декабристским делам, мы имеем лишь скудные сведения в письме к Софье Андреевне: [142] «Потом поехал [5 марта] к Свистунову, у которого умерла дочь [143] и просидел у него 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста, Беляева. Зашел к Беляеву, потом к Бартеневу, у которого обедал».

По поводу этих воспоминаний у Толстого с Беляевым завязалась переписка, из которой известны лишь письма Беляева. [144] Как видно из письма последнего от 6 марта 1878 г., Лев Николаевич накануне заходил к Беляеву за рукописью первой части его воспоминаний, [145] которую и взял с собою в Петербург, а затем в Ясную поляну, по приезде куда, 14 марта в письме к Свистуну посылал Беляеву какую-то записку. Вскоре после этого Толстой отправил ему и рукопись со своими замечаниями, сделанными на полях ее. [146]

В двадцатых числах октября Толстой в письме к Беляеву, посланному через П. И. Бартенева, [147] вероятно, просил прислать ему следующую часть воспоминаний, [148] что и было сделано. Возвратил рукопись Лев Николаевич в свой приезд в Москву в начале декабря 1878 г. Не застав Беляева дома (он был в Тамбовской губернии), Толстой оставил рукопись и письмо, на которое Беляев ответил 21 января. Из письма этого видно, что первая часть воспоминаний уже находится у Семевского, а в письме от 5 февраля Беляев благодарит Толстого за хлопоты, очевидно получив от него извещение, что Семевский согласен печатать воспоминания в «Русской старине». [149]

Кроме П. Н. Свистунова, М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Беляева и Д. И. Завалишина, Толстой был знаком с декабристами: кн. С. Г. Волконским, П. И. Колошиным (1799–1854), жена которого Александра Григорьевна (рожд. Салтыкова) (1805–1871) приходилась Толстому четвероюродной теткой, М. И. Пуциным (1800–1869) и привлекавшимся к следствию, но не бывшим членом общества А. М. Исленьевым (1794–1884), дедом Софьи Андреевны Толстой.

Бартенев, у которого 5 марта обедал Толстой, – Петр Иванович Бартенев, редактор-издатель «Русского архива» в 1863–1912 гг., в 1867–1870 гг. принимавший ближайшее участие в добывании материалов для «Войны и мира» и правивший корректуру романа. Хранитель устных преданий большого числа дворянских семейств, любитель и знаток быта XVIII – первой половины XIX в., хорошо знавший, в качестве главного публикатора, фамильные дворянские архивы, Бартенев, конечно, сообщил Толстому немало ценных сведений о материалах по декабристам.

В Петербурге, где Толстой пробыл пять дней (приехал 6-го, уехал 11 марта), он был у гр. А. А. Толстой, у которой взял письма к ней В. А. Перовского, и в Петропавловской крепости (8 марта). Об этом посещении впоследствии вспоминала А. А. Толстая: «Комендант [150] принял его очень любезно, показывал, что можно было показать, но никак не мог понять, чего именно он добивается... Лев Николаевич пресмешно рассказывал нам эту беседу». [151]

В этот же приезд в Петербург Толстой познакомился с двумя очень для него полезными людьми, М. И. Семевским и В. В. Стасовым. Первый, редактор-издатель исторического журнала «Русская старина» (в 1870–1892 гг.) владел ценным собранием рукописей по декабристам, полученным им от декабристов бар. В. И. Штейнгеля (1783–1862) и Мих. Алдр. Бестужева (1800–1871). О своем знакомстве с Толстым Семевский так вспоминал через одиннадцать лет: «Лично мы имели удовольствие

видеть знаменитого автора «Война и мир» только один раз, именно: в 1878-м году он посетил нас в С.-Петербурге, и затем мы провели у него, отдавая визит, более часу в самой интересной для нас беседе. Граф Лев Николаевич в то время живо интересовался источниками и материалами к задуманному им роману-хронике «Декабристы». Исполняя его просьбу, мы, после помянутого свидания, с величайшим удовольствием посылали ему в Москву, а затем в Ясную поляну, в течение нескольких месяцев, том за томом, рукописи из обширного архива «Русской старины», именно те, которые имели отношение к его художественному труду». [152]

Второй из новых знакомцев Толстого, Стасов, служа с 1856 г. в Комиссии по собиранию материалов по истории царствования Николая I, с 1872 г., кроме этого, заведующий отделением искусств в императорской Публичной библиотеке и имея обширный круг знакомств в научном мире, мог доставлять Толстому совершенно исключительные по своей ценности материалы, что, как увидим, он и делал.

Возможно, что третьим лицом, с которым познакомился Толстой в Петербурге, с целью получения от него материалов по декабристам, был Михаил Алексеевич Веневитинов, [153] археограф, член (с 1875 г.) императорской Археографической комиссии, в 1896–1900 гг. бывший директором Румянцевского музея.

В результате этой поездки, имевшей большое значение в деле учета и собирания Толстым материалов по декабристам, Лев Николаевич вступил по этому поводу в переписку с москвичами: П. Н. Свистуновым и А. П. Беляевым и петербуржцами: гр. А. А. Толстой, Н. Н. Страховым, М. И. Семевским, В. В. Стасовым, В. А. Иславиным, М. А. Веневитиновым и С. А. Берс. Всех этих лиц Толстой в той или иной мере привлек к добыванию нужных ему материалов для романа.

Набравшись новых сведений и впечатлений, Толстой с увлечением принялся за работу. 14 марта он писал Страхову, что «доволен своей поездкой» «и дома, продолжает Толстой, весь ушел в свою работу и чувствую приливы радости и восторга». [154]

В этот же день Лев Николаевич написал письмо П. Н. Свистунову, свидетельствующее о том сильнейшем впечатлении, какое он вынес из общения с этим декабристом: «Многоуважаемый Петр Николаевич, писал Толстой, когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что всё, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль, кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны; и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете, а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня. Я пишу эти несколько слов только, чтобы сказать вам это и попросить о двух вещах: 1) передать А. П. Беляеву вложенное письмо (я не знаю его адреса) и 2) пользуясь вашим позволением делать вопросы, спросить, нет ли у вас того религиозного сочинения или Записки Бобрищева-Пушкина, которое он написал в Чите, и ответа Барятинского. Если нет, то не можете ли вы вспомнить и рассказать, в чем состояло и то и другое.

Я был в Петропавловской крепости, и там мне рассказывали, что один из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были вы. Подобное же чувство я испытал там же, когда мне принесли кандалы ручные и ножные 25-го года.... Еще вопрос: что за лицо был комендант Сукин». [155]

В ответ на это письмо Свистунов сообщал (20 марта), что у него нет никаких сведений о сочинении П. С. Бобрищева–Пушкина и возражении кн. А. И. Барятинского, но что у него хранится перевод «Мыслей» Паскаля, сделанный Бобрищевым–Пушкиным. Относительно же коменданта Сукина Свистунов писал: «Мы его редко видели и, кроме официальных сношений, никаких с ним столкновений не имели. Он слыл строгим исполнителем своих непривлекательных обязанностей тюремщика. О душевных же его качествах или недостатках ничего не могу сказать». [156]

30 апреля Толстой приехал в Москву [157] снова для свидания с декабристами, как писал он к Страхову. [158] На этот раз Лев Николаевич не ограничился устными рассказами Свистунова и взял у него письма, очевидно к нему, декабриста М. А. Фонвизина и «замечания» его жены, Натальи Дмитриевны, рожд. Апухтиной, во втором браке бывшей за Ив. Ив. Пуциным. [159] Передавая Толстому эти рукописи, Свистунов сообщил Льву Николаевичу еще об одном имеющемся у него документе, автобиографической «Исповеди» Н. Д. Фонвизиной. Документ этот, вследствие совершенно исключительной интимности признаний автора, Свистунов не решился отдать для прочтения Толстому.

Вскоре по приезде в Ясную поляну Лев Николаевич писал (в первых числах мая) Свистунову: «Посылаю обратно письма Фонвизина и замечания его жены. И то и другое очень мне было интересно. Письма надо бы было переписать. Они сотрутся скоро... Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу – дать мне ее. Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее; в противном же случае, ее надо непременно сжечь. Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите, какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами... Р. С. Тетрадь замечаний Фонвизиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я всё понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотой и глубиной этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной, очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее. [160] Пожалуйста, сообщите мне, как долго я могу продержатъ эту рукопись, или могу ли переписать ее? [161]

В ответном письме (от 10 мая) Свистунов разрешил Толстому снять копию с замечаний Фонвизиной, об «исповеди» же писал: «Насчет исповеди я ничего не могу вам сказать, потому что не понял, чего вы желаете». [162]

19 мая Толстой отослал Свистунову тетрадь замечаний Фонвизиной. [163] Неизвестно, снял ли он с них копию, [164] как неизвестно, и читал ли он «исповедь» Фонвизиной. Во всяком случае личность ее настолько привлекла Толстого, что он, как увидим, намеревался сделать Н. Д. Фонвизину–Пущину героиней своего романа.

В деле собирания устных рассказов о декабристах большие надежды, мало оправдавшиеся, Лев Николаевич возлагал на камер–фрейлину гр. А. А. Толстую, с 1846 г. жившую при дворе.

В бытность свою в Петербурге он просил ее расспрашивать о декабристах у придворных. Об этом же он писал через несколько дней по приезде в Ясную поляну: «То, о чем я просил вас узнать, разведать, еще больше, чем прежде, представляется мне необходимым теперь, когда я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых». [165] В ответ на это Толстая сообщила 31 марта: «Не сердитесь на меня, дорогой Лев, что до сих пор не могла доставить нужные вам сведения. Достать их гораздо труднее, чем я думала, так как смерть смела почти всех действующих лиц той эпохи. Старик Адлерберг, [166] к сожалению, жестоко осторожен; сын его [167] точно также. Остается Суворов, [168] который, конечно, не обладает этой неприятной добродетелью, но помимо того, что в те времена он был мальчишкой, он так глух, что я не могу расспрашивать его о таком щекотливом вопросе на вечерах у государя, где мы с ним встречаемся. Однако, он обещал прийти ко мне на этих днях, и то, что мне удастся узнать, я передам вам прямо с пылу. Кто то мне недавно говорил, что князь Чернышев, [169] в то время генерал–адъютант, более всех настаивал на необходимости казни, но я сообщаю вам это, не ручаясь за достоверность, и мне не хотелось бы понапрасну чернить чью бы то ни было память. К тому же, вы ведь отыскиваете не виновных, а невинных». [170]

Ответ этот не удовлетворил Толстого, и он, как увидим, продолжал расспрашивать о главных виновниках казни.

В следующем своем письме (от 10 апреля), А. А. Толстая, не зная, что Лев Николаевич уже знаком с декабристами П. Н. Свистуновым и М. И. Муравьевым–Апостолом, называет их как лиц, могущих быть полезными Толстому, а затем, возможно, со слов А. А. Суворова сообщает, что Николай сам в Зимнем дворце допрашивал арестованных декабристов. По этому поводу Александра Андреевна распространяется о том, как у Николая под впечатлением показаний декабристов «родилась мысль создать корпорацию наблюдателей–жандармов, обязанность которых должна была состоять в том, чтобы открывать правду и восстанавливать правосудие; как Николай написал собственноручно устав для жандармов, который «несмотря на утопическую и идеальную сторону» является «chef d’oeuvre чувства и благородства». [171]

В ответ на это Толстой очень кратко писал: «Свистунова, Муравьева я знаю. Знаю и план адской мостовой жандармов [172] и очень благодарю вас за ваши заботы обо мне». [173] Очевидно Льву Николаевичу стало ясно, что из придворных сфер о декабристах мало узнаешь путного. Необходимо было обратиться к архивным материалам. Поставщиком последних явился прежде всего М. И. Семевский.

Уже на другой день по отъезде Толстого из Петербурга Страхов побывал у Семевского, от которого получил том рукописей, отправленный Страховым Толстому 13 марта. 15 марта Страхов писал Толстому: «Третьего дня пошла от меня, бесценный Лев Николаевич, посылка к Вам. Семевский рассыпался в сожалениях, что Вы не могли лично выбрать из его запаса, и уверял, что посылаемый том будет для Вас всего любопытнее. Он готов переслать Вам и всё, что у него есть, но не иначе, как по одному тому, то есть, когда возвратите ему один, он пошлет Вам другой... У него оказалось большое собрание ненапечатанных стихов и прозы Кюхельбекера, и его дневник. Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатление; но я побоялся труда и времени, которых будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей. А Вы ведь хвалили Кюхельбекера? Семевский живет близехонько от меня, так что мне очень удобно быть посредником между им и Вами. Но Вы удостоите его конечно и письмами, в которых выскажете свои желания». [174]

Еще до получения этого письма Толстой написал (15 марта) Семевскому, извиняясь, что он не был у него перед отъездом в Москву. На это, не дошедшее до нас, письмо Семевский отвечал 19 марта 1878 г.: «Милостивый государь, граф Лев Николаевич! Письмо ваше имел удовольствие получить. — Не скрою от вас, что я действительно от души пожалел, что вы не удосужились посетить меня в условный час и продолжить нашу беседу — среди тех самых материалов, о которых мы говорили.

На другой же день после Вашего отъезда был у меня добрый и уважаемый Н. Н. Страхов — по вашему поручению — благодарю вас за внимание. — С своей стороны — я верен изъявленной мною самой искренней готовности служить Вам всем, чем только могу. — Надеюсь, Вы получили уже от Н. Н. Страхова целый том подлинных писем (всего 107) умнейшего и даровитейшего из декабристов Николая Александровича Бестужева? Письма эти принадлежат моему собранию рукописей, мною приведены в порядок и, как видите, заботливо переплетены. Они объемлют три периода в жизни Н. А. Бестужева: 1) до катастрофы 14 декабря; 2) на каторге — когда от имени его писала письма Юшневская или кто-нибудь из других дам-спутниц мужей-декабристов и 3) когда Н. А. Бестужев, как поселенец, имел уже возможность писать письма от своего собственного имени. [175]

Прочтите эти документы, и весь нравственный облик этого в высочайшей степени симпатичного человека отпечатлеется в будущем Вашем художественном произведении.

В письме Вы выражаете желание получить теперь же записки Михаила Александровича Бестужева. Посылаю к Вам два тома, — копия с подлинных, переплетенная. — В копии есть несколько описок, которые вы легко заметите. Из двух томов рукописи в «Русской старине» 1870 г. напечатаны три небольшие отрывка и то сильно искаженные цензурой. — Посылаемая рукопись не есть собственно записки. Это ответ на вопросы, разновременно мною задававшиеся по почте в 1859–1861 гг. — в Селенгинск из Спб. и на все эти вопросы — Михаил Александрович — весьма обстоятельно и охотно отвечал мне, до того вовсе меня не зная

и никогда не выдавши. Лично мы познакомились лишь в 1867 году, когда М. А. Бестужев приехал из Селенгинска чрез Москву в Петербург. [176]

Дальнейший порядок высылки Вам рукописи будет таков: по прочтении высланного Вам тома чрез Н. Н. Страхова и ныне посылаемых 2-х томов, – потрудитесь их мне возвратить; я – немедля – вышлю Вам следующие книги, так же по одной или по две. [177] Искренно Вас уважающий Мих. Семевский. [178]

Полученный через Страхова от Семевского том писем Н. А. Бестужева Толстой чуть ли не в тот же день послал обратно Семевскому. Очевидно, письма Н. А. Бестужева не представили для него интереса. 16 марта Лев Николаевич писал Страхову: «Очень благодарен вам, дорогой Николай Николаевич, за присылку тетради Семевского. Я ее прочел и отослал и прошу другую – именно записки Бестужева». [179]

По получении от Толстого тома писем Н. А. Бестужева Семевский писал 25 марта Льву Николаевичу: «Сегодня получил от вас том писем Н. А. Бестужева. Сердечно благодарен за аккуратность возврата этих драгоценных для меня бумаг; но очень был бы рад, если бы узнал, что и этот сборник вами просмотрен и найден не бесполезным. Получили ли вы 2 тома рук[описных] зап[исок] М. А. Бестужева? Между тем верный своему обещанию, в обмен на возвращаемую мне книгу посылаю вам 26 марта еще два тома рукописей. Одно – это подлинник, автограф записок барона Штейнгеля – под заглавием «Записки несчастного». В рукописи помещен рассказ о жертвах доноса некоего Ипполита Завалишина в Оренбурге 1827 г. Здесь интересно предисловие, не бывшее в печати, и весь тон и слог рассказа, крайне характеризующие Штейнгеля и тот круг, которому он принадлежал. «Записки» составлены в Сибирском остроге для прочтения их на литературных вечерах, которые устраивались декабристами в их каморках друг у друга, под «отческим» покровом их добрейшего стража Лепарского. [180] Кстати о стражах. Комендантом в Петропавловской крепости 1825 г. был Сукин, калека на одной ноге, плац-майором – Подушкин. Впрочем обстоятельная справка о стражах будет вам сообщена.

В другой рукописи (копия), посылаемой ныне вам, вы найдете: 1) о Рылееве; 2) Воспоминанье о нем Оболенского; 3) Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов, составлено бар. В. И. Штейнгелем; 4) «Одичалый» – стих. Батенкова; 5) Письма Батенкова и Штейнгеля и 6) некоторые мелочи из бумаг Штейнгеля. [181]

О получении этих двух сборников пожалуйста не оставьте меня уведомить». [182]

Вероятно, во исполнение этой просьбы Толстой и писал 2 апреля Семевскому. [183] В следующем письме (от 22 апреля) [184] Толстой, вероятно, извещал об отправке Семевскому рукописей, отправленных им Льву Николаевичу 26 марта, и просил о присылке новых, что и было исполнено Семевским, который 18 мая писал Толстому: «Извините, граф, что за всевозможными недосугами до сих пор не отвечал вам на письмо ваше от 22 апреля, но ответом могли послужить два новых тома Бестужевских писем (А. А. Бестужева–Марлинского), которые я поспешил послать к вам на просмотр и прочтение. Эта новая посылка, которую

вы, вероятно, своевременно получили, – пусть послужит доказательством постоянной готовности моей быть вам полезным.

Все тетради, прежде посланные вам, я исправно получил обратно, а именно: 1. Письма Н. А. Бестужева; 2. Два тома «Записок» М. А. Бестужева; 3. Один том «Записок» Штейнгеля. 4. Один том мелких по объему статей о Батенкове, Рылееве и пр.».[185]

Судя по сохранившимся в архиве Толстого его рукописям, относящимся к роману «Декабристы», ничто из материалов, полученных от Семевского, не привлекло внимания Льва Николаевича: ни в записных книжках, ни в «началах» романа нет следов чтения этих материалов. Это объясняется тем, что документы, принадлежавшие Семевскому, относятся преимущественно к эпохе после 14 декабря, тогда как тематика сохранившихся Толстовских записей и «начал» взята из времени, предшествующего событиям 14 декабря.

Полезней, чем Семевский, оказался для Толстого В. В. Стасов. В том же письме (от 16 марта) к Страхову, в котором Лев Николаевич извещал его о посылке Семевскому тома писем Н. А. Бестужева, Толстой обращается с тем же вопросом, с каким он обращался к А. А. Толстой: «Стасова, как члена Комитета и т. д. Николая I, [186] я очень прошу, не может ли он найти, указать, – как <кто> решено было дело повешения 5-х: кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?»[187] В ответ на это Страхов 28 марта писал: «Стасову передал вашу просьбу, и он изъявил величайшую готовность и через несколько дней пришлет вам».[188]

Сам Стасов, вместо ответа на вопрос Толстого, решил послать ему копию с письма известного архимандрита Фотия (1792–1838). В сопроводительном письме (от 31 марта) Стасов писал: «Итак, посылаю вам копию с письма Фотия, оно авось принесет вам несколько золотников той атмосферы» которая носилась около этого русского изувера, грубого и шершавого как самый захолаустный мужик, а смышленного и лукавого как петербургский лавочник. Письмо это примечательно тем, как вы, конечно, и сами увидите, что этот дрянной попишка обдувает своих доверчивых корреспондентов и наивных поклонников, уверяя их, что видел в сонном видении их покойную дочь, и в каком она теперь положении. Если этот документ (доставленный мною Публичной Библиотеке) окажется вам годным, то я пожалуй достал бы вам еще другие – иного сорта, из той же эпохи. Например, я бы постарался добыть и списать вам копию с собственноручной записки императора Николая I о всем военном и др. обряде, какой надо соблюсти при повешении 5-ти декабристов, – хотите? Только я лучше пошлю вам это при какой-нибудь оказии или вручу лично, буде вам случится как-нибудь еще раз прикатить сюда в Питер. А вашего приезда я бы желал не только для вручения вам того или этого, и даже не для того одного, чтоб мне с вами увидаться, – вот для чего. Нынче уже совсем мало осталось людей на лицо из эпохи декабристов, а если и остались такие, то всё это дворяне и иные люди среднего сословия. Представьте же себе, что мне случилось набрести на отличного человека того времени, и этот человек – во-первых, женщина (разумеется, старая), а, во-вторых, – женщина из «низшего» сословия. А именно – это няня, умная, толковая, энергичная, которая в 1826 г.

молодой горничной последовала за своим сосланным господином и его молодой женой, добровольно поехавшей с ним; что это за женщина такая, и с какой благоустроенной душой, вы можете судить по тому, что пришло одно такое время, когда ее «барским детям» нечем было существовать, она вязала чулки, продавала их, – и только этим они все и жили. И так далее, и так далее. Мне кажется, вам бы не худо при случае повидать эту хорошую старушку и послушать ее. [189] Что касается до вашего поручения (через Страхова), у меня мало надежды узнать то, что вам хочется, ведь это можно открыть разве в каких-нибудь рукописных записках, а где их добудешь? Впрочем, я всё-таки еще не теряю кураж. Погодите еще немножко, и что узнаю, то напишу вам». [190]

В ответ на предложение Стасовым записки Николая I Толстой писал 6 апреля: «Копия с записки Николая, о которой вы пишете, была бы для меня драгоценностью, и не могу вам выразить мою благодарность за это». [191] В свою очередь Стасов 12 апреля писал Толстому: «Я очень рад, что вам пригодится та записка Николая, про которую я вам писал. Но копия всё еще не в моих руках; раньше начала мая я ее не получу, потому что тот барин, кому теперь принадлежит оригинал, недавно уехал с женой за границу.... он в начале мая воротится сюда, и тогда я тотчас спишу вам копию, а с кем отправлю – посмотрим». [192]

«Барин», которому принадлежала записка Николая, был приятель Стасова, гр. Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848–1913), поэт, внук гр. Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, бывшего в 1825–1830 годах Петербургским генерал-губернатором.

Лишь 3 июня Страхов писал Толстому: «Стасов говорит, что записку Николая он перешлет через меня; [193] а может быть удастся ее захватить и Степану Андреевичу», [194] а затем приписывал в конце письма: «Сейчас Стасов условился, что завтра передаст свой драгоценный документ, но просил о строжайшем секрете». [195]

Получив, наконец, привезенную С. А. Берс копию записки Николая, Толстой писал Стасову 9 июня: «Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня. Считаю себя вечным должником за эту услугу. За *discretion* [196] свою могу ручаться. Я не показал даже жене, и сейчас переписал документ, а писанный вашей рукой разорвал». [197]

В архиве Толстого не сохранилась и эта, сделанная им, копия: вероятно, и ее Лев Николаевич впоследствии уничтожил. Но до этого он читал документ своему знакомому кн. Д. Д. Оболенскому, который так об этом рассказывает: «Когда Л. Н. Толстой начал писать роман «Декабристы», из коего впоследствии вылилась «Война и мир», ему доступны были архивы, и он был поражен собственноручной запиской Николая Павловича, в которой весь церемониал казни декабристов был предначертан им самим во всех подробностях (с особенным правописанием императора без буквы Ъ, так как он ее не признавал и заменял всегда е). Мне Толстой читал снятую им копию; там встречается такая фраза: когда их выведут, то барабанам пробить

мелкую дробь и т. д. «Это какое-то утонченное убийство», возмущался Л. Н. Толстой этой запиской». [198]

Получив ее, Лев Николаевич снова (в письме от 9 июня) обращается к Стасову: «Вот еще просьба. Меня интересовало и интересует особенно, кто особенно настаивал на смертной казни? Свистунов, декабрист, сказал мне, что особенно настаивал Карамзин и доказывал необходимость. Правда ли это? Есть ли какие указания? Где?» [199]

На это Стасов отвечал 15 июня: «Что касается Карамзина и того, что вы спрашиваете, надеюсь дать вам скоро ответ. Правда, ни в каких мемуарах, письмах и записках, мне до сих пор доступных, я ничего подобного не слышал и ничего вообще не знаю об этих совещаниях и о том, кто из заседающих на чем настаивал; но по моей просьбе будет спрошен Богданович (военный писатель) – единственный до сих пор человек, которому было позволено развернуть «подлинное дело». Что узнаю, напишу вам». [200] Но, вероятно, Стасов ничего не узнал, по крайней мере в письмах его ничего нет об этом, да и не могло быть, так как ни опровергающих, ни подтверждающих утверждение Свистунова о Карамзине данных до сих пор неизвестно. [201]

Насколько сильно заинтересовался Толстой запиской Николая о повешении декабристов, настолько же он остался равнодушен к предложению Стасова познакомиться с няней детей Ивашевых. На предложение это (в письме от 31 марта) Лев Николаевич ничего не ответил, и в конце мая Страхов писал Толстому: «Стасов огорчается вашим молчанием», [202] на что Лев Николаевич ответил 29 мая: «Что сказать Стасову? Об Ивашеве я почти всё знаю. Очень благодарю за участие, но прошу особенно о записке Николая», [203] а самому Стасову Толстой писал 9 июня: «По переданному мне Степой [204] я понял, что вы недовольны мною за мое равнодушие к переписке Ивашева. Недостаточное чувство интереса к Ивашевской переписке происходит во мне оттого, что из всей истории декабристов Ивашев сделался модною историей: и Дюма писал, и все дамы рассказывают, и один господин прислал мне повесть, составленную из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu, и в бумагах, которые я имею из Казани, опять речь об этом. Я мало интересуюсь не потому, что это сделалось пошло, и пошлое бывает значительно, но потому, что тут много фальшивого и искусственного, и к несчастью только поэтому это сделалось так пошло». [205]

В том же письме (от 12 апреля), в котором Стасов сообщал Толстому о записке Николая, он обещал достать тридцать три портрета декабристов, награвированных «тотчас после тогдашней истории лично для самого императора (вдруг как-то заинтересовавшегося)» и отпечатанных лишь в трех экземплярах, один из которых был в Зимнем дворце, а другой «после тысячи корридоров попал в частные руки». «Если вы будете в сентябре или октябре здесь в Петербурге», – писал Стасов, – «я могу вам показать – раньше нет». [206] Неизвестно, видел ли Толстой эти портреты, о существовании которых, кроме сообщения Стасова, есть свидетельство П. И. Бартенева, видевшего портреты (по его словам, «литографированные») в собрании Г. Н. Геннади. [207]

Кроме записки Николая I об обряде повешения декабристов, Стасов (15

июня) посылал Толстому копию еще с какого-то автографа Николая, о котором писал: «Он, конечно, менее важен, чем предыдущий, но всё-таки очень важен и интересен [курсив Стасова]. Вот вы сами увидите. Как и прежний, этот документ писан к графу Голенищеву-Кутузову, бывшему дядьке Николая I, а в это время военному генерал-губернатору Петербурга». [208] О каком документе идет речь, остается неизвестным, так как и этой копии в архиве Толстого не имеется.

Этим пока и ограничились сношения Толстого с Стасовым по вопросу о декабристских материалах.

Вслед за Семевским и Стасовым доставил в первой половине апреля 1878 г. Льву Николаевичу рукописные материалы и М. А. Веневитинов. Материалы эти, сохранившиеся в архиве Толстого, [209] заключают в себе: 1) извлечения из переписки гр. Мих. Юр. Виельгорского (1788–1856) [210] о преследовании масонов правительством; 2) извлечения из писем гр. Г. И. Чернышева и Жуайе, гувернера его сына гр. З. Г. Чернышева, о дуэли последнего с кавалергардом С. А. Горяиновым; [211] 3) отрывок из письма Жуайе о дуэли Д. Я. Ланского с И. А. Анненковым, с пояснением гр. Егора Евгр. Комаровского (1803–1875); 4) запись со слов гр. С. Вл. Комаровской (март 1873 г.) по поводу «Русских женщин» Некрасова; 5) запись рассказов гр. Е. Е. Комаровского (2 и 5 августа 1874 г.): а) о поездке гр. Евгр. Федот. Комаровского 15–17 декабря 1825 г. из Петербурга в Москву и встрече по дороге с П. Н. Свистуновым, [212] б) о гр. Ег. Евгр. Комаровском и А. Ф. Орлове (рассказ не имеет отношения к декабристам) и в) о сношениях кн. А. И. Одоевского с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, об Одоевском на Сенатской площади 14 декабря и выдаче его властям В. С. Ланским; [213] 6) запись со слов не названного лица о дуэли в 1813 г. Сергея Павловича Шипова с кн. И. С. Голицыным. [214]

Судя по тому, что в этих записях М. А. Веневитинова имеются рассказы о трех дуэлях, можно думать, что Толстой специально просил Веневитинова сообщить, что ему известно об этом характерном, особенно для Александровской эпохи, явлении среди гвардейских офицеров.

В сопроводительном при посылке рукописей письме (от 9 апреля) Веневитинов сообщал: «Наконец, документы мною вам обещанные, переписаны и отправлены мною вам по почте. Прошу вас простить мне медленность исполнения этого моего обещания. Письмо от 6 апреля было уже мною написано, когда я получил переписку Ивашева. Поэтому я ничего не прибавил про нее в первом письме. [215] Спеша удовлетворить ваши ожидания, я посылаю вам мои материалы в сыром виде, в каком они были у меня записаны. Ивашевскую переписку когда-нибудь хочется мне обработать в исторической форме, в числе других материалов, которые я еще надеюсь добыть. По поводу этой переписки повторяю вам то же доверие, о котором писал вам 6 числа». [216]

«Ивашевская переписка», посылавшаяся М. А. Веневитиновым, это – та «повесть, составленная из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu», о которой писал Толстой Страхову 9 июня. Рукопись, посланная Веневитиновым Толстому, сохранилась в его архиве. [217] Первые тридцать четыре страницы ее заняты очерком «Роман декабриста»,

составленным М. А. Веневитиновым на основании семейных писем и прошения, относящихся исключительно к 1830 г. [218] Самая «переписка по поводу брака В. П. Ивашева и Камиллы Ледантю» в качестве «приложения» к «Роману», занимает последние четырнадцать страниц рукописи и включает в себе копии пятнадцати документов. [219]

В поисках декабриста, прототипа одного из героев своего романа, Толстой, очевидно, одно время остановился на кн. А. И. Одоевском, о чем свидетельствует письмо (от 30 мая) приятельницы Толстого Прасковьи Федоровны Перфильевой, рожд. гр. Толстой ко Льву Николаевичу. Мать мужа П. Ф. Перфильевой Анастасия Сергеевна Перфильева, рожд. Ланская, приходилась троюродной сестрой декабристу кн. А. И. Одоевскому. Из письма П. Ф. Перфильевой видно, что Толстой интересовался, во-первых, вопросом, какие имущественные отношения существовали между декабристом кн. А. И. Одоевским и его двоюродной теткой Варварой Ивановной Ланской, рожд. кж. Одоевской, и, во-вторых, наружностью кн. А. И. Одоевского. О последней Перфильева пишет: «Высокого росту, худощавый с прекрасными большими голубыми глазами и каштановыми волосами». Больше Матап [220] ничего не помнит, потому что ей было 12 лет, когда она его видала». [221]

Наконец, обращался Толстой за сведениями о казненном декабристе М. П. Бестужева-Рюмине к его племяннику, историку Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину, [222] сообщившему ряд интересных семейных преданий о декабристе и его родных [223] и приславшему копии письма декабриста от 16 ноября 1824 г. к С. М. Мартынову и ответа последнего. [224]

Все эти устные предания и рукописи, передававшиеся Толстому гр. А. А. Толстой, С. Н. Бибиковой, М. И. Семевским, В. В. Стасовым, М. А. Веневитиновым и П. Ф. Перфильевой – всё это было дворянское, Толстому же, кроме этих материалов, по его выражению, «Олимпа», нужны были материалы по крестьянам. За этими материалами Лев Николаевич обратился к дяде Софьи Андреевны, Владимиру Александровичу Иславину, служившему в Министерстве государственных имуществ членом Совета министра.

В архиве этого Министерства хранились интересовавшие Толстого «дела» о переселении крестьян в Оренбургский край и Сибирь. В бытность свою (в марте) в Петербурге Лев Николаевич взял с собою из этого архива пять «дел». Отсылая их обратно, вскоре по приезде в Ясную поляну, Толстой писал В. А. Иславину: «Я просил Петю [225] с тем, чтобы не утруждать тебя, отобрать мне, сколько можно еще взять дел о переселениях 20-х годов в Оренбургские и Сибирские края, и прислать, и об этом прошу тебя». [226]

В ответ В. А. Иславин писал Толстому 13 апреля: «Вчера, любезный друг, приехал ко мне Степа [227] и взял целую кипу переселенческих дел за время от 1809 до 1825 года. Сестра Люба [228] взялась переслать тебе первую эту кипу (в 10 дел) по почте, другую же (тоже в 10 дел) я оставил покуда у себя: во-первых, потому что было бы слишком грузно, а во-вторых, чтобы по первому транспорту ты мог бы судить и дать мне ответ, годен ли тебе второй, тем более, что в этих последних делах перекочевка, как видно, из средних губерний на

восток, в Оренбургскую и особенно Саратовскую губернию стала увеличиваться, и заметно стало сильное движение в 26, 27, 28 и т. д. годах. Впрочем, собственно для твоих целей достаточно, может быть, будет и того, что я тебе посылаю; но если бы кто возымел намерение написать серьезную статью о передвижении народонаселения в России за нынешнее столетие, то в архиве Министерства государственных имуществ материалы богатые, и они все к твоим услугам». [229]

«Дела» эти Толстой держал у себя долго. Еще в сентябре 1878 г. он писал В. А. Иславину: «У меня дела твои о переселении, и не думай, чтобы я забыл возвратить их. Они мне нужны. Можно еще держать?» [230] Ответ В. А. Иславина неизвестен, но вероятно, об этих материалах писал П. А. Берс Толстому 9 ноября 1879 г.: «У Владимира Александровича я был и передал ему твои бумаги». [231]

Летом 1878 г. в занятиях Толстого произошел перерыв. Числа 12 июня он (с сыновьями Ильей и Львом и их гувернером Нифом) уехал в свое Самарское имение, откуда вернулся в первых числах августа. Ко времени отъезда в Самарскую губернию работа Льва Николаевича над романом состояла главным образом в чтении печатных и рукописных материалов, сопровождаемом записями нужных книг и статей, какова, например, запись от 13 января 1878 г. в Записной книжке А (стр. 445). Кроме этого, Толстой в Записной книжке Б заносил сведения об интересовавших его людях, почерпнутые как из книг (преимущественно из «Русского архива» и «Русской старины»), так и из устных рассказов М. И. Муравьева-Апостола, П. Н. Свистунова, вероятно, С. Н. Бибиковой и других, нам неизвестных, лиц.

Решающим же моментом для дальнейшей работы над текстом романа явилось, надо полагать, получение Толстым дела о тяжбе за землю государственных крестьян с помещиком. 16 марта 1878 г. С. А. Берс писал Льву Николаевичу: «Бумаги присылаю тебе все, которые мне дал Утин; ежели еще что нужно, напиши мне». [232] Упомянутый Утин – вероятно, Яков Осипович Утин, в это время член консультации министра юстиции, заведующий статистическим отделом Министерства юстиции, до этого служивший в Сенате. «Бумагами», которые он передал Берсу, было, как мы полагаем, «дело», извлеченное из архива Сената. За это говорит такая запись в дневнике С. А. Толстой от 6 октября 1878 г.: «Утром взшла к Левочке, он сидит внизу за столом и пишет что-то. Это он начал, говорит, в десятый раз начало своего произведения. Начало – это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком. Дело это он вычитал из подлинных документов и даже числа оставил». [233]

Дело это, давшее Толстому материал для завязки романа, заключалось в том, что между государственными крестьянами села Излегощи [234] и соседним помещиком, владельцем Воропановки [235] шла тяжба из-за участка земли. [236] Благодаря энергичным хлопотам поверенного крестьян, они выиграли дело в уездном суде и осенью засеяли землю. Но тотчас после решения уездного суда помещик, увидев опасность, дал доверенность ловкому дельцу, который и добился в губернской инстанции перерешения дела в пользу помещика. В свою очередь, не обескураженный этим поверенный крестьян убедил их перенести дело в Сенат.

Когда весной пришло время пахать яровое поле, мужики на сходке стали толковать, пахать ли им в нынешнем году спорную землю и, несмотря на то, что приказчик помещика приезжал к ним с увещанием не пахать, решили пахать. В чистый четверг между крестьянами и землемером с понятными произошла драка, за что несколько [237] крестьян были посажены в тюрьму. Но в Сенате дело крестьянами было выиграно, и у помещика не только отрезалась спорная земля, но с него взыскивались в пользу крестьян еще большие деньги, [238] крестьяне же, сидевшие в тюрьме, по указу Сената освобождались. Но, проиграв дело в Сенате, помещик добился рассмотрения его в Государственном совете. Такова история этой тяжбы, поскольку о ней можно судить по сохранившимся рукописям Толстого. Самое «дело», которое он читал, нам пока, несмотря на поиски, не удалось видеть.

Прежде чем излагать историю работ Толстого над романом, необходимо привести два ценных свидетельства о замысле произведения в целом. Первое свидетельство принадлежит самому Льву Николаевичу. В письме к П. И. Бирюкову от 6 марта 1897 г. он писал: «В моем, начатом романе «Декабристы» одной из мыслей было то, чтобы выставить двух друзей, одного, пошедшего по дороге мирской жизни, испугавшегося того, чего нельзя бояться, преследований, и изменившего своему Богу, и другого, пошедшего на каторгу, и то, что сделалось с тем и другим после 30 лет: ясность, бодрость, сердечная разумность и радость одного и разбитость, и физическая, и духовная, другого, скрывающего свое хроническое отчаяние и стыд под мелкими рассеянными и похотями и величание перед другими, в которые он сам не верит». [239]

Второе сообщение о замысле романа совершенно неожиданно находим в письме Ф. Д. Батюшкова к В. Г. Короленко от 28 января 1901 г. «Дорогой Владимир Галактионович, – писал Батюшков, – знаете ли, что история декабриста Чернышева должна была составить содержание романа Л. Н. Толстого? Я на это набрел недавно по указанию некоего А. Д. Свербеева, [240] который слышал схему романа от самого Толстого. Вы помните, что была напечатана в Сборнике Литературного фонда глава из этого романа в двух вариантах; во втором варианте рассказывалась история процесса Чернышевских крестьян, которые в конце концов сосланы в Сибирь (из-за присвоения помещичьей земли). Так вот, по замыслу Толстого, Чернышев-декабрист, тоже сосланный, должен был попасть в поселок бывших крестьян своих родичей, и когда таким образом «барин», в силу превратностей судьбы, разделяет участь крестьян, – начинается по-Толстовски «опрощение» барина. Всё это весьма подходит к тем отголоскам предания о Чернышеве, которые Вам довелось слышать. Сестра сосланного Чернышева – замужем за Муравьевым. Кажется, Толстой и хотел дать имя Муравьева своему герою, – но вообще, кроме факта, что в романе идет речь сперва о ссылке крестьян Чернышева, а затем и сам Чернышев появляется на сцену (я перечел эту главу) – остальное догадки, ибо особенно довериться рассказам Свербеева нельзя. Теперь для меня вопрос, который обещали на-днях выяснить, – что известно положительного о дальнейшей судьбе гр. З. Г. Чернышева: его племянники и внуки (Муравьевы) здесь в Петербурге, но повидимому фамильные предания не особенно устойчивы. Заставляя циркулировать Ваш очерк, я надеюсь получить какие-нибудь более определенные ответы. Эта история и меня

самого заинтересовала». [241]

Из всех перипетий дела Толстой первоначально решил использовать как завязку романа драку в поле крестьян с землемером и понятиями. На это указывают между прочим многозначительные начальные слова вар. № 13: «Ссора и драка на поле между мужиками и бурцовскими людьми, от которой так много вышло и хорошего и дурного для самого генерала Бурцева и его семьи и еще больше для мужиков, ссора эта случилась.....» Ни один из набросков романа не начинается с описания этой драки, как и вообще в дошедших до нас рукописях нет этого описания, но значительное большинство «начал» более или менее явственно подводят изложение к этой сцене, содержание же другой части «начал» является повествованием о последствиях драки. Все сохранившиеся тексты романа, писавшиеся в 1878 году и представленные четырнадцатью рукописями (с 11-й по 24-ю) [242] довольно четко делятся на четыре группы, из которых две заключают в себе наброски, являющиеся введением к описанию столкновения в поле.

Первую группу составляют три рукописи (11-я, 12-я и 13-я), содержащие два «начала» романа, носящего здесь название «Пути жизни».

Первое «начало» имеется в двух вариантах, тема которых – сходка излегощинских крестьян, толкующих о том, пахать или не пахать им спорную землю. Первый вариант (вар. № 10 из 11 рукописи) [243] – небольшой, скоро оставленный набросок, без определенной установки на какое-нибудь одно из главных действующих лиц романа. Крестьяне этого наброска – опять яснополянцы. Кроме уже упоминавшихся в набросках романа о переселении крестьян Дмитрия Макарычева и Гавриила Болхина, здесь фигурируют Федор Резунов, рыжий Влас, печник Пелагеюшкин и старик Базыкин. Федор Резунов – это Федор Николаевич Резунов (1805–1865), выведенный в «Поликушке» и одно из главных лиц в «Дневнике помещика». [244] Рыжий Влас – Влас Кириллович Власов (1803–1881), также изображенный в «Дневнике помещика». Печник Пелагеюшкин – Степан Михайлович Пелагеюшкин (1812–1885). Старик Базыкин – вероятно, Кузьма Артемович Базыкин (1793–1866). Название земли, из-за которой идет тяжба, «Грецовская пустошь», опять-таки не сочинено Толстым: он сам владел деревней Грецовкой, в 10 верстах от Ясной поляны. Второй вариант (вар. № 11 из 12 рукописи), [245] дающий более развитой, чем в первом варианте, текст, уже явно имеет главным героем старика крестьянина, названного здесь Михаилом Фокановым. Этот зажиточный, степенный мужик, тип «идеального» крестьянина, будет главным действующим лицом ряда текстов. Прототипом его явился яснополянский крестьянин Михаил Максимович Фоканов (1801–1874), у которого был упоминаемый в наброске внук Тараска, [246] Тарас Карпович Фоканов (1852–1924), один из учеников Толстого. Сын Михаила Фоканова, Платон – вероятно, Платон Кузьмич Зябрев (р. в 1825). Упоминаемый в наброске Яков Хролков – крестьянин Ясной поляны Яков Андреевич Фролков (1820–1876). Кочак – ручей близ Ясной поляны. Противник крестьян в этом варианте тот же Сомов, названный здесь бригадиром (в следующем наброске он, кроме этого, уездный предводитель дворянства)

В отличие от предыдущего варианта этот набросок ближе подводит

изложение к сцене драки, которую предвидит старик Фоканов.

Третий набросок «Путей жизни» (вар. № 12 из 13 рукописи) [247] – только намеченное начало романа. Содержание этого начала по своей краткости не заключает в себе данных, позволяющих судить о замысле автора.

Писание «начал» этой группы нужно отнести ко времени после получения Толстым дела из архива, что было, как мы знаем, в середине марта, и до писания «начал» второй группы, что было не ранее 6 мая (дата в 14 рукописи). Вероятно, тексты эти были написаны в середине марта, так как 28 марта Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской, что Лев Николаевич «не может писать и работать, и это ему отравляет жизнь», [248] а 9 апреля сам Толстой писал Страхову: «Я читаю – и то немного – глаза начинают болеть, и ничего не пишу», [249] а 26 апреля Софья Андреевна писала сестре: «Он много читает и думает, но еще ничего не пишет, говорит: «нет энергии». [250]

Все три наброска не дают нам возможности проникнуть в содержание и идею замысла Толстого в целом. О каких и чьих «путях жизни» будет рассказываться в романе, и на что намекает эпитафия из Евангелия, на основании разобранных текстов сказать невозможно. Лишь последующие циклы «начал» несколько проясняют это.

Вторая группа, самая большая, заключает в себе тексты шести рукописей (с 14-й по 19-ю). [251] Сохранившиеся не в полном составе рукописи этой группы не позволяют с полной отчетливостью определить, сколько «начал» мы здесь имеем. В этих текстах к сцене драки в поле Толстой хотел подвести читателя с двух сторон – со стороны барина и со стороны мужика. Сначала он повел было с крестьянина и написал приступ в 14-й рукописи (первые три абзаца вар. № 13) о том, как начал день в чистый четверг 1818 г. крестьянин Петр Осипов (это всё тот же Михаил Фоканов), но, написав эти абзацы, зачеркнул их и начал снова о том же в новой редакции (герой – Иван Борисов). Написав несколько фраз, снова зачеркнул их и повел рассказ о помещике.

Таким образом 14 рукопись заключает в себе два «начала», из которых первое имеется в двух редакциях.

В конце текста (вар. № 13 из 14 рукописи), содержание которого – описание поездки помещика в церковь, имеются пометы: по середине страницы: «II. Быль чистый четверг» и на полях: «Сборы, отъезд на пашню, пахота. III. Говѣнье, возвращенье». Первая помета означает, что II глава будет начинаться с этих слов, остальные пометы – темы дальнейшего изложения.

Текст следующей (15) рукописи [252] можно рассматривать как продолжение текста 14 рукописи, а можно рассматривать и как новое «начало» романа. Как бы то ни было, этот текст (15 рукопись) очень скоро был оставлен.

К этой теме – ожидание в церкви приезда помещика – Толстой снова возвратился, взял новый лист и написал первый абзац 18 рукописи (вар. № 14), но оставил и этот листок и в третий раз написал, как

приехал в церковь помещик, в рукописи, полностью до нас не дошедшей. От нее сохранилась лишь часть с текстом, содержание которого описание того, как уже молятся в церкви барин и крестьянин (вар. № 15 из 16 рукописи).

Вероятным продолжением текста вар. № 15 является текст 17 рукописи (вар. № 16), новой редакцией которого является текст 18 рукописи (вар. № 17). Таким образом в вариантах с 13 (или с 14-го) по 17-й мы имеем связный рассказ (с разрывом текста между 14 и 15 вариантами из-за пропажи части листов 16 рукописи) о помещике и крестьянине в утро чистого четверга 1818 года. В этом рассказе Толстой покидает по окончании обедни помещика и ведет повествование о крестьянине, доведя свой рассказ до сцены драки в поле.

В этой «крестьянской» части рассказа необходимо остановиться на эпизоде родов Арины. Этот эпизод аналогичен с рождением ребенка в романе «Сто лет» и в особенности с рождением «незаконного» ребенка в романе «Труждающиеся и обремененные». [253] Несомненно ребенку Арины, как и там, предназначалось играть видную роль в романе. Возможно, что «путь жизни» этого сына солдатки и должен был перекрещиваться с «путем жизни» другого героя, вероятно, декабриста.

Такой семьи, какая изображена в вар. 15–17, судя по имеющимся у нас материалам, не было в Ясной поляне. Вероятно, большинство перечисленных и включенных в генеалогическую таблицу членов имело прототипами яснополянских крестьян (и может быть соседней деревни Телятенки), но брал их Толстой из разных семей. Несомненно взяты члены семей Фокановых и Базыкиных (позднее называвшихся Зябревыми). Сын Ивана Федотова Карп – это Карп Михайлович Фоканов (1826–1899), у которого, как мы уже указывали, был сын Тарас. Жenu Карпа Михайловича, действительно, звали Настасьей Федоровной. Другой сын Ивана Федотова «грамотник» Петр это Петр Осипович Зябрев (1843–1906), ученик Толстого, читавший философские сочинения и собравший собственную библиотеку.

Интересна смена фамилии помещика в ряде текстов. Сомов 10–12 вариантов в 13 варианте назван был первоначально Загорецким, а затем Иваном Борисовичем Самойловым, владельцем Орловского имения Ершова. Но во второй части наброска Толстой называет его уже князем (без фамилии), а размышления князя о сынке Александре, говорящем о «вольности», явно намекают на то, что герой – отец декабриста, князя Александра. В следующем кратком «начале» (вар. № 14) [254] едущий в церковь помещик назван князем Иваном Александровичем Одуевским, в котором, конечно, нужно видеть князя Ивана Сергеевича Одоевского (1769–1839), отца декабриста кн. Александра Ивановича (1802–1839). В следующем (№ 15) варианте Одоевский переименован в Григория Ивановича Чернышева, т. е. в гр. Григория Ивановича Чернышева (1762–1831), отца декабриста (1796? – 1862).

Последним (можно считать, четвертым) «началом» романа в разбираемой группе текстов является текст 19 рукописи, очень близкий к тексту, впервые напечатанному в сборнике «XXV лет» 1884 г. в качестве «первого варианта» первой главы романа. [255]

Существенным отличием этого текста от текста вариантов с 13-го (или 14-го) по 17-й заключается в том, что в нем отсутствует вся «крестьянская» часть предыдущего текста; выброшено и описание поездки помещика в церковь, но зато дано описание возвращения его из церкви домой. Описанию пребывания помещика в церкви предпослано теперь введение (в двух абзацах), кратко рассказывающее историю тяжбы за землю крестьян с помещиком. О драке в поле в печатном тексте нет упоминания, но в конце текста 19 рукописи [256] повествование подводится к этому эпизоду на этот раз со стороны помещика. В первых же строках этого текста фамилия помещика Чернышева переименована на Апыхтина. Эта фамилия явно намекает на фамилию Апухтина, как и написано несколько раз в рукописи.

Эта перемена фамилии – существенный момент в творческой истории романа, отмечающий новый поворот в построении сюжета. Помещика, отца декабриста Чернышева, одного из главных героев романа, Толстой теперь делает отцом героини, прототипом которой должна была быть Наталья Дмитриевна Апухтина (1805–1869), бывшая в первом браке (с 1822 г.) за декабристом М. А. Фонвизиным (1788–1854), а во втором (с 1857 г.) за И. И. Пушиным (1798–1859). Ее и нужно видеть в дочери Апыхтина, «очень уж всё к сердцу принимающей» девочке Маше, которой боится отец. Как видно из вышеприведенных писем Толстого к Свистуну, Лев Николаевич был очень заинтересован незаурядной личностью Н. Д. Пушиной, сведения о жизни которой, он, надо думать, в первую очередь имел из ее каких-то «замечаний». [257] Мысль сделать Наталью Дмитриевну героиней своего романа Толстой не оставлял в продолжение всей работы над ним. Об этом свидетельствуют и записи в Записной книжке А [258] и III план романа, о чем речь ниже.

По возвращении из Самарской губернии в первых числах августа, Лев Николаевич не сразу приступил к работе над «Декабристами». В ответ на вопрос гр. А. А. Толстой (в письме от 1 июля), продолжает ли он писать свой роман, [259] Толстой отвечал: «Писать не пишу и не желаю». [260] А между тем издатели журналов начали уже обращаться к нему с просьбами печатать роман на страницах их изданий. Так М. И. Семевский, спрашивая Толстого, «не имеет ли он надобности в некоторых печатных источниках: Ник. Ив. Тургенева, [261] Сергея Трубецкого, [262] бар. Розена, [263] книжку Корфа, [264] критику Герцена, [265] тоже печатанное донесение 1825 г. [266] и пр. и пр.», просит «хотя один отрывок в лист, два или три печатанных поместить в «Русской старине» в начале будущего года за полистный гонорар, какой назначает сам Толстой». [267]

С аналогичными предложением и просьбой обратился 24 августа из Бретани ко Льву Николаевичу и издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич: «... Другое известие, сообщенное мне Тургеневым, было неприятного свойства: я, вместе со всеми, на основании, правда, слухов, ожидал вскоре иметь большое наслаждение – читать Ваш новый роман, который, как говорили, послужит продолжением «Войне и миру». По Вашим словам Тургеневу, это случится вовсе не так скоро. [268] Начиная с октября в журнале у нас будут печататься новые материалы для истории времени могущества Фотия; это имеет прямое отношение, как я слышал, к эпохе, которую Вы теперь изучаете, а потому позвольте мне прислать Вам листы оттиска до выхода их в журнале.

Таких писателей, как Вы, редакции журналов не выбирают: наоборот, они выбирают себе редакцию. «Вестник Европы» очень будет счастлив, если когда-нибудь Ваш выбор падет на него. Если Вы по этому поводу обвините меня в навязчивости, то я, в свое оправдание, могу сказать одно, что в настоящем случае всякий найдет мою навязчивость похвальной с точки зрения выгод читателей «Вестника Европы». [269]

«Новые материалы для истории времени могущества Фотия», предлагавшиеся Стасюлевичем вниманию Толстого, это статья С. И. Миропольского «Фотий Спасский, юрьевский архимандрит», напечатанная в ноябрьской и декабрьской книжках «Вестника Европы» за 1878 г.

В свою очередь, Страхов 11 октября писал Толстому: «В газетах печатают, что Ваши «Декабристы» появятся в журнале «Русская речь», новом журнале, издаваемом Навроцким». [270] Наконец, А. С. Суворин в письме от 15 декабря просил Толстого дать в «Новое время» отрывок из романа «листа в два примерно, на тысячу рублей». «Одно время, писал Суворин, я хотел было просить у Вас весь роман с тем, чтобы печатать его в фельетонах четыре раза в неделю, но мне стали говорить, что Вы на это не согласитесь, а потом я прочел, что роман будет в «Слове». [271]

Все эти сообщения были выдумками газетных репортеров, так как Толстой, конечно, никаких обещаний никому не давал, да и не мог давать: роман не только не был написан, но и работа над ним еле-еле подвигалась.

В ответ на предложение Стасюлевича Толстой писал 5 сентября: «Очень благодарен вам за обязательное обещание сообщить мне статьи о Фотии [272] и за лестное приглашение – печататься в вашем журнале. Писание мое еще лежит для меня в таком дальнем ящике, что я и не позволяю себе загадывать о его печатании».

Вторую половину августа и весь сентябрь Толстой занят чтением материалов преимущественно, надо думать, печатных. Но и рукописные продолжали поступать в Ясную поляну. 19 сентября из Тарусы (Калужской губ.) сын декабриста кн. Е. П. Оболенского кн. Иван Евгеньевич, с которым Лев Николаевич познакомился в Москве у его двоюродного брата кн. Леонида Дмитриевича Оболенского, [273] прислал Толстому обширнейшую переписку (вероятно до двух тысяч писем) своих родных. [274]

О предварительной работе Толстого в августе и сентябре, до приступа к самому писанию романа, свидетельствуют прежде всего записи на л. 20а в Записной книжке А, [275] первая из которых датирована: 27 августа 1878 г., а последняя – 30 сентября 1878 г. Среди этих записей запись, имеющая как бы заглавие: «1824-й год. Весна», включает в себе список нескольких лиц, занимавших важные административные посты, и указание на местонахождение Пушкина, Ермолова и Карамзина весной 1824 г. В более разработанном виде эту запись Толстой сделал на отдельном листке А (л. 1). Обе редакции этой записи указывают на замысел Толстого начать повествование с весны 1824 г., к чему, как увидим, Лев Николаевич и приступил в

октябре. Слова первой редакции: «Обер прокурор. Секретари», уточненные во второй редакции: «Столыпин обер прокурор А. И. Тургенев обер секретарь», явно говорят о разбирательстве дела в Сенате, описание которого намеревался дать Толстой.

Главнейшим источником наших сведений о работе Толстого над романом с конца сентября по первую половину ноября 1878 г. являются дневник и письма Софьи Андреевны. 27 сентября С. А. Толстая записала в дневник: «Занятия его [Льва Николаевича] еще не идут, и у него болит спина», [276] а 3 октября писала сестре Татьяне Андреевне: «Левочка перешел в комнату мальчиков со сводами, восхищается всё тишиной и пытается всё заниматься, раза три писал». [277]

Под 6 октября в дневнике С. А. Толстой имеется запись о признании Толстого, что он «в десятый раз» начинает свое произведение, и что начало это «прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком». Запись эта приведена нами выше. [278] Через пять дней (11 октября) Софья Андреевна записала: «Левочка много читает материалов к новому произведению, но всё жалуется на тяжесть и усталость головы и писать еще не может». [279] На другой день об этом же пишет сестре: «Ваш папаша очень занят, читает, читает, так что голова трещит. Писать еще не начинает, не готово еще в голове». [280] Через четыре дня запись в дневник (16 октября): «Левочка не занимался сегодня, только утром мне сказал: «Как у меня это хорошо будет». [281] Под 18 октября: «Левочка... вял, молчалив и сосредоточен. Всё читает». [282] Под 21 октября: «Вчера он [Лев Николаевич] немного писал что-то, мне еще не показывал». [283] Под 23 октября: «Левочка нынче говорит, что столько читал матерьялов исторических, что пресыщен ими и отдыхает на чтении «Мартин Чезльвит» Диккенса. А я знаю, что когда чтение переходит у Левочки в область английских романов – тогда близко к писанью». [284]

Софья Андреевна не ошиблась: действительно вскоре после некоторой заминки наступил прилив творчества, правда, кратковременный. 24 октября С. А. Толстая записывает: «Он [Лев Николаевич] желчен и вял... Писать еще он не может. Нынче говорит: «Соня, если я что буду писать, то так, что детям можно будет читать всё, до последнего слова». [285]

Под 29 октября: «Левочка пытался заниматься». [286] В этот же день Толстой писал Страхову: «... не мог ничего делать всё это время... Работа всё нейдет». [287] Но уже 31 октября Лев Николаевич читает Софье Андреевне новое начало романа. На другой день (1 ноября) она так записывает об этом в своем дневнике: «Вчера утром Левочка мне читал свое начало нового произведения. Он очень обширно, интересно и серьезно задумал. Начинается с дела крестьян с помещиком о спорной земле, с приезда князя Чернышева с семейством в Москву, закладка храма Спасителя, богомолка баба старушка и т. д.». [288] На другой день после этой записи (2 ноября) С. А. Толстая писала Страхову: «[сегодня Лев Николаевич] занимался всё утро, очень устал... Начало нового произведения написано; работа умственная Льва Николаевича идет самая усиленная, а план нового сочинения по-моему – превосходен». [289] В этот же день Софья Андреевна писала и сестре: «Левочка же теперь совсем ушел в свое писанье. У него остановившиеся

странные глаза, он почти ничего не разговаривает, совсем стал не от мира сего и о житейских делах решительно не способен думать». [290] Под 4 ноября в дневнике Софьи Андреевны записано: «Левочка не пишет почти и упал духом». [291] Под 6 ноября: «Скучает, что не может писать; вечером читал Диккенса «*Dombu and Son*» и вдруг мне говорит: «Ах, какая мысль мне блеснула!» Я спросила, что, а он не хотел сказать, потом говорит: «Я занят старухой, какой у ней вид, какая фигура, о чем она думает, а надо главное ей вложить чувство. Чувство, что старик ее Герасимович сидит безвинно в остроге, с половиной головы обритой, и это чувство ее не оставляет ни на минуту». [292] Под 7 ноября: «Он [Лев Николаевич] повеселел, и мысли его для писанья уясняются». [293] Под 11 ноября: «Левочка сегодня говорил, что у него в голове стало ясно, типы все оживают, он нынче работал и весел, верит в свою работу». [294]

Под 16 ноября: «Левочка говорит: «Все мысли, типы, события – всё готово в голове». Но ему всё нездоровится, и он писать не может». [295]

На основании приведенных свидетельств Софьи Андреевны можно с полной уверенностью утверждать, что написанное в октябре – первой половине ноября мы имеем в сохранившихся 6-й и 20–24 рукописях. [296] Это, во-первых план (рук. 6), начинающийся словами: «Борисовка...» [297] и, во-вторых, третья группа «начал» (20–22 рукописи). План явно свидетельствует о том, что теперь Толстой задумал начать повествование с весны 1824 г., момента выпуска из тюрьмы излегощинских крестьян, посаженных туда за драку с землемером в поле. Разделенный вертикальной чертой текст плана графически отражает высказанную Толстым еще в январе этого года Софье Андреевне мысль о повествовании в двух планах – «Олимп» с «богами» и «земля» с крестьянами. «Олимп» – это в плане Петербург, Государственный совет, «земля» это деревня Борисовка с Анисимом Бровкиным. Смысл вопросов в левой колонке текста легко вскрывается – вопросы относятся к пребыванию крестьян в тюрьме и намечают мотивы, которые нужно было развить в повествовании. Во исполнение этой части плана и написан был текст 20 рукописи (вар. № 18). [298] Анисим Бровкин этого текста, названный затем Онисимом Жидковым, это яснополянский крестьянин Онисим Григорьевич Жидков (1823–1878), жену которого звали Марьей Власьевной, а не Графеной, как она названа в отрывке. У О. Г. Жидкова было четыре сына: Дмитрий (1854–192.), Алексей (1860–192.), Григорий (1864–1929) и Иван (1867–1888). Последние двое так названы в отрывке. Иван Деев, старик Копылов и Болхин тоже яснополянцы: первый – Иван Деев (1815–1885), второй – Иван Еремеевич Копылов (ум. в 1864 г.), третий – вероятно, тот же Гавриил Ильич Болхин, который выведен в вар. № 10.

Текст варианта № 19 является второй редакцией того же «начала», которое имеем в 20 рукописи. Михаила Кондрашов этого текста это опять тот же Михаил Максимович Фоканов, выведенный в вар. №№ 8, 9, 11, 13–17, о чем между прочим свидетельствует его хромота (ср. вар. № 9) [299], средний сын его Карп – упоминавшийся в вар. № 10 – Карп Михайлович Фоканов, Федор Резун – Федор Николаевич Резунов, выведенный в вар. № 10, Петр Осипов – Петр Осипович Зябрев, упоминавшийся в вар. № 16.

Обе редакции этого очень скоро оставленного «начала» (можно считать восьмого) не заключают в себе «зерен» дальнейшего повествования. Куда оно пошло бы, что было бы с выпущенными из тюрьмы крестьянами, из этих текстов не видно. Но ход повествования точно был намечен в записи II-го плана, начиная со слов: «Выпускают из острога...» и кончая зачеркнутым словом: «Проезд». По этой записи выходит, что сцену пахоты, изображенную в вар. № 17, Толстой намеревался теперь поместить сюда, но, очевидно, уже без драки в поле. «Возвращение с новых мест» может быть нужно понимать, как возвращение ходоков, побывавших в Оренбургском крае и уговаривающих излегощенцев переселяться туда. Дело в том, что тема переселения крестьян, как увидим, одна из основных тем романа, за которую Толстой упорно держится: недаром он просил в сентябре этого года у В. А. Иславина разрешения оставить у себя дела о переселении. «Они мне нужны», писал Толстой.

Следующим (по нашему счету девятым) «началом» является текст 22 рукописи (вар. № 20). [300] Тема его – «Олимп». Или об этом или о тексте, являющемся другой до нас недошедшей редакцией этого текста, мы считаем, говорит запись Софьи Андреевны под 6 октября о том, как Толстой начал, по его словам, «в десятый раз» свой роман. «Начало, пишет Софья Андреевна, это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком... Из этого дела, как из фонтана, разбрызгается действие и в быт крестьян и помещика, и в Петербург, и в разные места, где будут играть роль разные лица».

Нельзя сказать, что содержание вар. № 20 – «прямо разбирательство дела»: самого разбирательства тут еще нет, и потому этот вариант или не то, что читал Лев Николаевич жене, или он, прочитав этот текст, дальнейшее, т. е. самое разбирательство дела в Государственном совете рассказывал ей. Содержание повествования, которое должно было продолжать текст вар. № 20, намечено во II плане, начиная со слов: «24 года февраль.....» и кончая словами: «Аракчеев. Решение». Но и этот замысел был оставлен, и после перерыва недели в три Толстой приступил к работе над новым «началом» (по нашему счету, десятым). Об этом говорит приведенная выше запись Софьи Андреевны в дневнике под 1 ноября. Читал ей Лев Николаевич 31 октября, конечно, текст 23 рукописи, [301] тема которого «Тихоновна». Повествование в этом «начале» ведется с осени 1817 г., когда проигравший дело с крестьянами в Сенате помещик (теперь он снова назван князем Григорием Ивановичем Чернышевым) приехал с семьей из имения Студенца в Москву для того, чтобы хлопотать о перенесении дела в Государственный совет. В Москву должен был приехать государь для закладки храма Спасителя.

В Москву же отправилась подавать прошение государю Тихоновна, жена Михаила Герасимовича (всё тот же Михаил Максимович Фоканов), одного из шести излегощинских крестьян, сидевших в краснослободском остроге за драку в поле с землемером. В Москве остановилась она в доме Чернышевых, где встретилась с сыном кн. Г. И. Чернышева, будущим декабристом. [302] На этом и обрывается текст 23-й рукописи. 24-я рукопись дает вторую редакцию конца текста предыдущей рукописи. На основании приведенных выше дневниковых записей Софьи Андреевны можно

утверждать, что занят был Толстой работой над этими текстами в первой половине ноября.

И на этот раз написанному «началу» не суждено было развернуться в законченное произведение. 23 ноября Толстой писал Страхову: «Не пишу я вам только от того, что нечего. Попытки, искания, очарования и разочарования мои при работе моей не годится рассказывать», [303] ему же 6 декабря писала Софья Андреевна: «А мой муж иногда мрачен от напряжения умственного, он очень работает и очень устает. Пишет еще мало, но в голове здание всё растет и растет. Вы не можете себе представить, как сложен и труден даже просто механизм нового задуманного им произведения». [304] Возможно, что к этому времени (вторая половина ноября – начало декабря) «построения здания» относится III план, [305] намечающий развитие повествования дальше, чем все сохранившиеся «начала». В этом плане лишь первые темы – 1817-го и 1818-го годов: «Говение – Драка на меже» и «Москва. Закладка храма. Тихоновна прошение» легко раскрываются: это темы написанных «начал».

Имя героини – Татьяна – указывает на то, что прототипом ее является Наталья Дмитриевна Апухтина, по первому мужу Фонвизина, по второму – Пущина. Дело в том, что в воспоминаниях М. Д. Францевой рассказывается предание о том, что фабула «Евгения Онегина» будто бы взята Пушкиным со слов Солнцева (очевидно мужа тетки поэта, М. М. Солнцева) из жизни Натальи Дмитриевны. Францева рассказывает, как девушкой Апухтина влюбилась в «одного молодого человека», [306] не пожелавшего тогда стать ее мужем, и как потом в Москве, она, будучи женой генерала М. А. Фонвизина, отвергла ухаживания этого человека. [307] Сама Наталья Дмитриевна в своих письмах к И. И. Пущину называла себя Таней, искренно считая, что поэт именно ее изобразил в лице героини своего романа». [308]

Жених «Татьяны», несомненно декабрист, в плане не назван, но на основании записи в Записной книжке А можно думать, что Толстой и здесь предполагал назвать героя Одоевским.

Параллельно с развитием любовной фабулы намечено развитие и «крестьянской» темы о переселении в Оренбург.

«Декабристский» элемент в романе – намеченные темы: «Собрание союза благоденствия» в 1818 г., «Бунт в Чугуеве», «Казни», «Семеновская история» и «Пестель в Петербурге», т. е. события, подготовлявшие 14-е декабря. Им противопоставлена правительственная реакция: «Мракобесие. Магницкий».

Весьма вероятно, III план представляет собою начало плана, из продолжения которого до нас дошла только запись о 1825 годе на отдельном листке, печатаемая нами как IV план. [309] «Митенька» этого плана, надо думать, второй главный герой романа, противопоставляемый герою декабристу, названному здесь Муравьевым. О том, что Толстой хотел назвать Муравьевым декабриста гр. З. Г. Чернышева, мы имеем свидетельство в выше приведенном письме Ф. Д. Батюшкова к В. Г. Короленке.

Запись как будто говорит о том, что события 14 декабря Толстой предполагал описать с точки зрения этого Митеньки, подобно тому, как в «Войне и мире» описание пожара Смоленска дано с точки зрения Алпатыча.

6 декабря Толстой поехал в Москву. [310] Об этой поездке мы не имеем никаких сведений, но безусловно она означает, что в замыслах Толстого произошел какой-то сдвиг, ему срочно понадобились какие-то новые материалы, за которыми он и поехал в Москву. Это подтверждается письмом Льва Николаевича к Свистуну от 25 декабря, в котором Толстой, извиняясь, что он «бывши в Москве, не выгадал время заехать» к Петру Николаевичу «еще раз» и не возвратил взятую у него книгу, писал: «Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из Москвы, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день Рождества, опомнился и почувствовал себя лучше. Пожалуйста же, не сердитесь на меня, в особенности во внимание того уважения, которое я имею вообще к людям вашего времени и в особенности к вам, расположением которого я так желал бы пользоваться...»

Работа моя томит и мучает меня и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?

На какой дуэли, – с кем и за что, – Лунин, Мих. Серг. был ранен в пах? [311]

Написав все эти вопросы, мне стало совестно. Пожалуйста, если вам скучно и некогда, ничего не отвечайте, а если ответите хоть что-нибудь, я буду очень благодарен. Если же всё, что вы знаете про это, слишком длинно, то напишите – я приеду, чтобы послушать вас изустно.

Во всяком случае, поручаю себя вашему расположению и только прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь, и еще в то, что я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказываете и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности.

Гр. Л. Толстой.

Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?» [312]

Задаваемые Свистуну вопросы точно бы свидетельствуют о том, что замысел свести с переселившимися в Оренбургский край крестьянами декабриста Чернышева оставлен Толстым, и он теперь ищет для этого

другое лицо, намечая между прочим загадочно исчезнувшего Ф. А. Уварова. [313]

О напряженной работе обдумывания плана романа, о которой писал Толстой Свистуну, сообщал и Страхов, гостивший в Ясной поляне с 25 декабря 1878 г. по 3 января 1879 г. В письме его к П. Д. Голохвастову от 9 марта 1879 г. читаем: «На святках я ездил к Л. Н. Толстому и провел у него дней десять. Вот где творятся чудеса – я уверен, что новое его произведение будет настоящим чудом. Он вложит туда всю свою душу, не так как в Анну Каренину, которую даже писал не с полной охотой. Действие должно происходить между 1816 и 1836 годами. Он сам говорил, что никогда работа так не занимала его, как эта. Но в каком положении дело, не знаю. Когда я уехал, еще ничего не было написано – только пробы, начала, сцены». [314]

Согласно с показанием Страхова, что действие романа должно происходить в 1816–1836 годах, Толстой в недошедшем до нас письме к В. В. Стасову в январе просил его найти списки лиц, приглашавшихся на придворные балы в 1816 году. В ответ Стасов 8 февраля писал: «... посылаю вам выписку из камер-фурьерских журналов за 1817 и 1815 годы, [315] – авось в первой вы многое полезное себе найдете. В 1816 году кажется вовсе не было балов и собраний, потому что и император и великие князья почти все были в разъездах. Впрочем, если вам известно, что были собрания и балы, я еще поищу;... если понадобятся фамилии и подробности титулов, можно будет посмотреть в придворных календарях того времени; ... заметьте, что залы [316] – нынче все иначе называются: если вам нужны будут подробности, я сообщу;... очень много подробностей придворных 1816 г. я могу вам добыть от уцелевшего до сих пор из тех времен оберкамерфурьера Алексеева, много видевшего и всё помнящего; угодно? – и что именно требуется?... имели ли в виду Записки Тарасова [317] и камер-пажа Дараганова («Р. Стар.») [318] и Рибоьера («Рус. Арх.»). [319] Там много можно найти». [320]

Вероятно, еще во время пребывания Страхова в Ясной поляне Лев Николаевич просил его навести справки, нельзя ли получить доступ к следственному делу о декабристах. 23 января Страхов писал: «Дело декабристов – недоступно. Но его видели два человека: историк Богданович, так справедливо Вами не любимый [321] и какой-то Дубровин (?). [322] А. Ф. Бычков обещал мне обратиться к нему и попробовать что-нибудь вытянуть». [323] По получении этих сведений Лев Николаевич писал в конце января А. А. Толстой: «Существует в Петербурге подлинное дело декабристов, при нем существуют биографии с портретами, как мне говорили, всех декабристов. [324] К этому делу был допущен один только Богданович – историк. Есть ли надежда, чтобы меня допустили к этому делу? И если есть, то кого и как просить об этом? Ну, что будет, то будет!» [325] Между тем Страхов в следующем своем письме (от начала февраля) сообщал дополнительные сведения: «... меня очень заняла мысль о подлинном деле декабристов. Оказывается, что его рассматривали Богданович, покойный Кропотков [326] и неизвестный мне генерал Дубровин. Если так, то отчего же и Вам нельзя посмотреть? Бычков говорит, что это делается не иначе, как с личного разрешения государя, и что, кажется, всего удобнее обратиться к наследнику. Я впрочем добьюсь, как сделал

Кропотов». [327] Оптимизм Страхова оказался неосновательным. То, что было доступно казенным историкам, генералам и полковникам, осталось запретным для Толстого. Гр. А. А. Толстая (3 февраля) писала: «Что касается декабристов, вот ответ, полученный мною от Дрентельна: [328] «Допущение графа Л. Н. Толстого в архив III Отделения представляется совершенно невозможным». [329] Столь категорический отказ не мог не произвести самого охлаждающего влияния на Льва Николаевича. Невозможность познакомиться с основным архивным материалом о декабристах была одной из главных причин, почему Толстой оставил работу над романом. В ответ Стасову на приведенные выше предложения его сведений о придворных балах, Лев Николаевич 17 февраля кратко писал: «Из того, что вы предлагаете, и за что очень вам благодарен, мне ничего не нужно». [330] Таким образом, несомненно, с первой половины февраля 1879 г. Толстой «Декабристами» уже не занимался.

В последний период работ его над романом – с декабря 1878 г. по начало февраля 1879 г. – Толстой, кроме напряженной, можно сказать, мучительной, работы обдумыванья, был занят почти исключительно чтением материалов [331] и выписками из них. Так, вероятно, к этому времени нужно отнести записи на листах А и Б, основанные на главе: «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г.» книги Н. И. Тургенева «Россия и русские», на пятой и шестой частях воспоминаний Ф. Ф. Вигеля и на других материалах. [332] Для ориентации в событиях и «расстановке» исторических лиц в романе Толстой составляет списки тех и других, начиная с 1816 года, с которого Толстой, как мы знаем, в это время предполагал начать повествование романа. [333]

Что касается до писания самого произведения, то от этого времени сохранилась лишь 25 рукопись, текст которой имеет заглавие: «1818 год. Пролог». Содержание текста – получение Марьей Яковлевной Гагариной известия о загадочной скоропостижной смерти ее мужа. Текст этот мы ставим в связь с выше приведенными в письме Толстого к П. Н. Свистуну (от 25 декабря 1878 г.) вопросами о загадочно пропавшем Ф. А. Уварове. Свистун в письме от 30 декабря отвечал Льву Николаевичу: «Уваров известен был вспыльчивостью своего характера, но не отличался умственными способностями, командовал эскадроном в кавалергардском полку и счел за большое счастье, что пожалован был в камергеры. О существовании общества не ведал. Во время суда на циркулярный вопрос, сделанный всем подсудимым, Лунин заявил, что по духовному завещанию он передал свое имение двоюродному брату; Уваров, узнав о том, написал жалобное письмо государю, который велел ему сказать, чтоб он вперед не смел бы так писать ему. Уваров, которому прозвище было черной, как истый царедворец, пришел в отчаяние, вышел из дому и более не возвращался; слух пронесся, что он должно быть утопился. Екатерина Сергеевна пламенно любила брата; была восторженница и первоклассная музыкантша; у нее было два сына – старший, гусар, женат был на кж. Горчаковой, дочери Сибирского генерал-губернатора, и умер за границей помешанным, о другом сыне ничего верного не знаю.

На какой дуэли был ранен Михаил Сергеевич, не знаю. Из декабристов никто не бежал. О попытках, какие были, при свидании с Вами могу рассказать». [334]

В лице М. Я. Гагариной «Пролога» (вар. № 22), [335] весьма вероятно, можно видеть Екатерину Сергеевну Уварову, рожд. Лунину, у которой было (как и у М. Я. Гагариной) два сына: Александр (это имя оставил Толстой) и Сергей. Толстой прибавил еще дочь и изменил хронологию: в день таинственного исчезновения Ф. А. Уварова его старшему сыну было одиннадцать лет, а младшему шел седьмой год, и было это в январе 1827 года, а не в июне 1818 г., как это происходит в «Прологе». Содержание же «Пролога» это страница из семейной хроники Толстых. В январе 1837 г. семья Толстых – отец Льва Николаевича, гр. Николай Ильич, с сыновьями Николаем, Сергеем, Дмитрием и Львом и дочерью Марьей поселились вместе с матерью Николая Ильича гр. Пелагеей Николаевной в Москве. Уехав по делам в Тульскую губернию, Николай Ильич скоропостижно скончался в Туле на улице 21 июня 1837 г. Об его смерти родные узнали так, как рассказано в «Прологе»: какая-то нищая принесла им именные билеты Николая Ильича. Прототипом старшего сына Гагариной Толстой взял своего старшего брата Николеньку, а Федя Гагарин это Сергей Николаевич Толстой. Бабушка «Пролога» это, конечно, гр. Пелагея Николаевна Толстая, столь известная по бабушке «Детства» Толстого. Семен Иванович Езыков это крестный отец Льва Николаевича Семен Иванович Языков, о котором Толстой рассказывает в своих «Воспоминаниях детства».

В этих же воспоминаниях рассказывается и о лакеях Николая Ильича, братьях Матюше и Петруше, которых подозревали, кажется, неосновательно в убийстве отца Толстого. Они выведены и в «Прологе», где говорится, что один из них «прискакал в Москву с известием, что князь умер в Новгороде». Вероятно, в дальнейшем повествовании должна была выясниться ложность этого известия: князь не умер, а скрылся. Запись: «Сечен 30» (вероятно нужно читать: «Сечен в 1830 г.»), сделанная Толстым (в Зап. кн. Б, стр. 24) среди записей, относящихся к исчезнувшему Ф. А. Уварову, надо полагать, указывает на то, что Льву Николаевичу была известна легенда о том, что скрывшийся из Петербурга Уваров, как «беспаспортный» был сечен и впоследствии жил в Сибири под именем старца Даниила, с которым общались декабристы. [336]

Возможно, что «начало», озаглавленное «1818 год. Пролог», относится уже не столько к роману «Декабристы», как он был задуман в 1878 г., сколько к замыслу произведения «Сто лет», которым Толстой был занят в марте 1879 г. [337]

По ряду причин не был написан Толстым роман «Декабристы». Внешней причиной, которую скорее можно назвать поводом, оставления работы над романом нужно считать неразрешение познакомиться с подлинным следственным делом о декабристах. Это, конечно, очень охладило творческое горение писателя. Но были и другие причины, внутреннего порядка, заставившие Толстого отказаться от замысла, которым он так долго и так напряженно был занят. 12 августа 1879 г. В. В. Стасов писал Льву Николаевичу: «Тут было у нас сто нелепых слухов, будто вы бросили «Декабристов», потому, мол, что вдруг вы увидели, что всё русское общество было не русское, а французятина!?! [338] Писал это Стасов, вероятно, со слов гр. А. А. Толстой, которая впоследствии вспоминала, что на ее вопрос, почему Лев Николаевич не продолжает романа, он отвечал: «потому что я нашел, что почти все декабристы

были французы». [339] Об этом же пишет в своих воспоминаниях и С. А. Берс: «Но вдруг Лев Николаевич разочаровался и в этой эпохе. Он утверждал, что декабрьский бунт есть результат влияния французской аристократии, большая часть которой эмигрировала в Россию после французской революции. Она и воспитывала потом всю русскую аристократию в качестве гувернеров. Этим объясняется, что многие из декабристов были католики. Если всё это было привитое и не создано на чисто русской почве, Лев Николаевич не мог этому симпатизировать». [340]

Наконец, когда в 1892 году кто-то в присутствии П. А. Сергеенки спросил Толстого, правда ли, что он хочет опять приняться за «Декабристов», – «Нет, я навсегда оставил эту работу, – ответил Лев Николаевич неохотно, –... потому что не нашел в ней того, чего искал, т. е. общечеловеческого интереса. Вся эта история не имела под собою корней». [341]

Такая, на первый взгляд славянофильская, оценка декабризма находит себе объяснение в том, что рассказывала в январе 1881 года С. А. Толстая С. А. Юрьеву в ответ на его вопрос, почему Лев Николаевич бросил писать «Декабристов». В своей тетради «Мои записи разные для справок» Софья Андреевна под 31 января 1881 г. между прочим записала: «Изучив матерьялы, набросав кое-что для «Декабристов», он не успел еще написать ничего серьезного, как наступило лето. Чтоб не терять времени и вместе с тем здорово его употреблять, он стал делать продолжительные и длинные прогулки по проходящему от нас в двух верстах шоссе (Киевский тракт), где летом можно всегда встретить множество богомольцев, идущих со всех концов России и Сибири на богомолье в Киев, Воронеж, Троицу и прочие места.

Считая свой язык русский далеко не хорошим и не полным, Лев Николаевич поставил целью своей в это лето изучать язык в народе. Он беседовал с богомольцами, странниками, проезжими и всё записывал в книжечки народные слова, пословицы, мысли и выражения. Но эта цель привела к неожиданному результату... Придя в близкое столкновение с народом, богомольцами и странниками, его поразила твердая, ясная и непоколебимая их вера. Ему стало страшно за свое неверие, и он вдруг всей душой пошел той же дорогой, как народ». [342]

Конечно, это изложение страдает упрощенностью. Тот процесс, который привел Толстого к «Исповеди» и религиозно-философским трактатам 1880-х годов, был и гораздо сложнее и по времени большим, чем он представлен в изложении Софьи Андреевны, но о значении, которое имело в этом процессе общение с простым народом Толстого, рассказывает он сам в VIII и X главах своей «Исповеди». Декабризм, как явление в мире «образованных», резко теперь противопоставляемых «огромным массам отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей» («Исповедь», глава VIII), и стал по меньшей мере неинтересен Толстому. На вопрос Фета (в недошедшем до нас письме) о работе над романом Толстой писал 17 апреля 1879 г.: «Декабристы» мои, бог знает, где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал и писал, то льщу себя надеждой, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества». [343] В последних словах имеются в виду, конечно, не столько декабристы,

сколько революционеры–семидесятники, ведшие в это время бой с самодержавием, закончившийся убийством царя. [344]

В истории духовного развития Толстого в 1879 году наступил момент, когда художник в нем с категорической необходимостью должен был уступить моралисту. «Два раза переставали меня интересоваться художественные сочинения, – вспоминал Лев Николаевич 1 января 1905 г. – В первый раз в 1875 году, когда я писал «Анну Каренину», и во второй раз, в 1878, когда я снова взялся за «Декабристов», а потом начал «Исповедь». [345] Об этом есть и современное свидетельство С. А. Толстой, которая 18 декабря 1879 г. сделала такую запись: „Пишет о религии, объяснение Евангелия и о разладе церкви с христианством. Читает целые дни, постное ест по средам и пятницам... Все разговоры проникнуты учением Христа. Расположение духа спокойное и молчаливо–сосредоточенное. «Декабристы» и вся деятельность в прежнем духе совсем отодвинуты назад, хотя он иногда говорит: «Если буду опять писать, то... напишу совсем другое, до сих пор всё мое писание были одни этюды»”. [346]

Оставив в январе 1879 г. писание романа «Декабристы», Толстой ненадолго вернулся к нему в 1884 г. В этом году, по случаю исполнявшегося (в ноябре) двадцатипятилетия основания «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (обычно называлось «Литературным фондом»), решено было издать юбилейный сборник. Редакционный комитет (в его состав входили В. П. Гаевский, А. А. Краевский, А. М. Скабичевский и К. К. Случевский) обратился к Льву Николаевичу с просьбой дать что–нибудь из неопубликованных его произведений. [347] Толстой, принимавший в 1858–1859 гг. ближайшее участие в организации Общества, решил дать в сборник три наиболее законченные из написанных «начал» «Декабристов». Для приготовления к печати трех глав, написанных в 1863 г., Софья Андреевна списала для сдачи в набор вторую редакцию этих глав с рукописей 1–й, 2–й и 4–й. Копия Софьи Андреевны сохранилась в архиве Толстого (рукопись 26–я). Текст ее был прочитан Толстым, сделавшим довольно многочисленные стилистического характера исправления. Но Толстой, конечно, не выверял текста копии, сделанной Софьей Андреевной, с текстом рукописей, служивших для копии оригиналом, почему искажения в тексте копии остались неисправленными.

В копии Софьи Андреевны оказались следующие искажения текста: [348]

1. Стр. 35, строки 39–40 – со мной, с бабой, спорить – вместо – со мной спорить, с бабой.
2. Стр. 36, строка 13 – как и был, – вместо – как был,
3. Стр. 36, строка 17 – ногти, – вместо – коготки,
4. Стр. 36, строка 20 – вы не знаете теперь меня – вместо – вы меня не знаете теперь

Кроме этого слоя искажений, текст сборника «XXV лет» имеет следующие отличия от текста наборной рукописи (т. е. копии, сделанной Софьей Андреевной):

1. Стр. 10, строка 34 – на кресло, – вместо – на кресла.
2. Стр. 11, строка 34 – не устройтесь; – вместо – не устройте;
3. Стр. 13, строка 27 – членов – вместо – членам.
4. Стр. 13, строка 30 – После обделки всех этих дел, – вместо: – Обделав все эти дела,
5. Стр. 14, строка 15 – 3-го отделения гостиницы. – вместо – 3-го отделения.
6. Стр. 18, строка 17 – много был – вместо – был много.
7. Стр. 19, строка 10 – развернул – вместо – развернув.
8. Стр. 20, строка 18 – установленным – вместо – уставленным.
9. Стр. 20, строка 23 – в свой шар, – вместо – в своего шара,
10. Стр. 20, строка 30 – Иван Вавилович – вместо – Иван Павлович[349]
11. Стр. 21, строка 15 – узнать – вместо – знать
12. Стр. 21, строка 16 – в 14-х числах – вместо – в 14-м числе
13. Стр. 22, строка 8 – так говорит, – вместо – так говорят,
14. Стр. 22, строка 32 – как прозвание посетителей – вместо – как[350] посетителей
15. Стр. 22, строка 33 – обсуждать – вместо – обсуживать
16. Стр. 24, строка 1 – не ответил: даже сжал – вместо – отвечал: «да», но сжал
17. Стр. 24, строка 13 – строками – вместо – строчками
18. Стр. 24, строка 37 – развеселили – вместо – развеселило
19. Стр. 25, строка 4 – с Мятлиным – вместо – с Мятлевым
20. Стр. 25, строка 20 – графини Г. – вместо – графа Г.
21. Стр. 25, строка 36 – вспоминал – вместо – вспоминали
22. Стр. 26, строка 20 – решил, чтоб – вместо – решил, что
23. Стр. 26, строка 25 – тот – вместо – этот
24. Стр. 27, строка 29 – козла – вместо – козлы

25. Стр. 27, строка 36 – английском – вместо – аглицком
26. Стр. 28, строка 3 – и не модная – вместо – а не модная.
27. Стр. 28, строка 13 – стр. 29, строка 8 – отсутствуют [351]
28. Стр. 29, строка 15 – и то что бы – вместо – и что, что бы
29. Стр. 29, строка 33 – и что было угодно, – вместо – что будет угодно.
30. Стр. 22, строка 39 – приехавших. – вместо – приезжающих,
31. Стр. 30, строка 8 – чего бы ни – вместо – чего бы то ни
32. Стр. 30, строка 36 – протвержая – вместо – протверживая
33. Стр. 31, строка 16 – Наталья Николаевна, – вместо – Наталья Николаевна же,
34. Стр. 32, строка 10 – без зубов – вместо – без зуб
35. Стр. 32, строка 32 – у ней – вместо – в ней
36. Стр. 33, строка 22 – говаривала – вместо – говорила
37. Стр. 34, строка 12 – одобряла – вместо – одобрила
38. Стр. 34, строка 31 – в носу щекотало – вместо – в носу этом щекотало
39. Стр. 35, строка 3 – Николая – вместо – Николай
40. Стр. 35, строка 5 – хвалят – вместо – хвалят
41. Стр. 35, строка 8 – Наташа – вместо – Натали
42. Стр. 35, строка 14 – стало быть – вместо – стало

Главы романа появились в сборнике «XXV лет» с примечанием (см. стр. 470).

Копия, сделанная Софьей Андреевной и служившая оригиналом для набора при печатании трех глав романа в сборнике «XXV лет», послужила оригиналом для набора при печатании этих глав и в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого (часть вторая, страницы 491–535).

Первый лист рукописи занят примечанием (к заглавию) для шестого издания. Текст этого примечания списан был Софьей Андреевной или с текста, посылавшегося в 1884 г. в Редакционный комитет Литературного фонда и не сохранившегося в рукописи или с текста «XXV лет». Но, естественно, Софья Андреевна не списала конца примечания, напечатанного в сборнике «XXV лет» (начиная со слов: «Автор никогда

не предполагал...»)

Шестое издание собрания сочинений Толстого готовилось Софьей Андреевной в Москве в октябре 1885 г. 22 октября она писала Льву Николаевичу: «...Кое что переписала для «Декабристов», «Исповеди» и «Стариков». Дело подвигается тихо с изданием, всё бумаги нет». Кое-что переписанное для «Декабристов» это и есть примечание к главам романа.

В тексте трех глав романа в шестом издании (1886 г.), собрания сочинений Толстого из указанных сорока двух отступлений от текста наборной рукописи текста сборника «XXV лет» повторены двадцать три: 1–5, 7, 9–11, 13, 14, 17–20, 25, 26, 30, 34, 37–40. Но кроме этих двадцати трех отступлений, в тексте шестого издания имеются еще отступления от текста наборной рукописи:

1. Стр. 7, строка 2 – время цивилизации, – вместо – время – время цивилизации,
2. Стр. 8, строка 6 – говорили, готовили проекты – вместо – говорили проекты.
3. Стр. 9, строка 6 – сего все искали – вместо – сего искали
4. Стр. 13, строка 30 – за визит. – вместо – за визиты.
5. Стр. 17, строка 1 – устраивать – вместо – устраивать
6. Стр. 22, строка 12 – Пахтин произнес – вместо – произнес Пахтин
7. Стр. 23, строка 25 – вокруг – вместо – вкруг
8. Стр. 24, строка 14 – вами – вместо – вам
9. Стр. 28, строка 30 – широкие – вместо – широкий
10. Стр. 28, строка 38 – одет был очень – вместо – одет очень
11. Стр. 29, строка 5 – спрашивать его – вместо – спрашивать и его
12. Стр. 31, строка 10 – веке, этого – вместо – веке, и этого
13. Стр. 33, строка 17 – У нея – вместо – У ней
14. Стр. 34, строка 23 – руками его плешивую – вместо – руками плешивую
15. Стр. 34, строка 39 – Петрушка, – вместо – Петруша,
16. Стр. 36, строка 15 – нынешних – вместо – нынешних

В основу печатаемого нами текста трех глав романа положен текст копии Софьи Андреевны с исправлениями Толстого (рукопись 26-я). В этот текст внесены исправления по тексту рукописей 1-й, 2-й и 4-й,

служивших оригиналом для копии Софьи Андреевны, и следующие конъектуры:

1. Стр. 7, строка 18 – в то время – вместо – то время
2. Стр. 13, строка 25 – вжав – вместо – вжал
3. Стр. 22, строка 7 – частью, как шутка – вместо – частью шутка
4. Стр. 29, строка 29 – выражения – вместо – выражение
5. Стр. 31, строка 10 – чрезвычайно интересно. Еще – вместо – чрезвычайно. Еще

В рукописи 26-й отчество декабриста написано тройко: «Иванович», «Иваныч» (в разных падежах) и сокращенно «Иван.» Так как форма «Иванович» употреблена один раз, то нами «Иван.» всюду развертывается как «Иваныч».

Текст двух, названных, вероятно, Софьей Андреевной, «вариантами первой главы», «начал» романа списал с рукописей Толстого гостивший в Ясной поляне муж сестры Софьи Андреевны Александр Михайлович Кузминский. Текст «первого варианта первой главы» списал он с рукописи 19-й. Отнесся Кузминский к этой работе недостаточно серьезно, не только искажая и переставляя слова, но и заменяя их другими, а неразобренные просто пропуская. Толстой, конечно, не помня написанного им шесть лет тому назад, при очень беглом прочитывании копии, сделанной Кузминским, нанес в тексте ее несколько стилистического характера исправлений.

Копия, сделанная Кузминским, с поправками Толстого (рукопись 27-я), послужила оригиналом для набора при печатании текста «первого варианта первой главы» сначала в сборнике «XXV лет» (стр. 252–262), а затем в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого (часть вторая, стр. 537–549).

Отличия текста «первого варианта первой главы» романа в сборнике «XXV лет» (т. е. текста копии, сделанной Кузминским (рукопись 27-я), с ошибками, вкравшимися в печатный текст) от текста рукописи 19-й (автограф Толстого), с которой делал копию Кузминский:

1. Стр. 38, строка 1 – завладении – вместо – завлажении
2. Стр. 38, строка 7 – лесом – вместо – лесами
3. Стр. 38, строка 14 – уверенный в этом деле в – вместо – в этом деле уверенный в
4. Стр. 38, строка 16 – крестьян, сухой, – вместо – крестьян, по ремеслу горшечник, сухой,
5. Стр. 38, строка 19 – тотчас после – вместо – тотчас же после
6. Стр. 38, строка 22 – который подал в Палату апелляцию – вместо –

подал апелляцию в Палату

7. Стр. 38, строка 25 – подарки, розданные – вместо – подарки из собранной с крестьян по 50 к. с души суммы розданные
8. Стр. 39, строка 10 – поручить – вместо – приказать
9. Стр. 39, строка 16 – с ним – вместо – с князем
10. Стр. 39, строка 17 – спорной земле, а теперь апыхтинской, мужики – вместо – спорной, а теперь апыхтинской земле, мужики
11. Стр. 39, строка 19 – посеяно на – вместо – посеяно в
12. Стр. 39, строки 19–20 – Апыхтин, не желая их обидеть, хотел о нем полюбовно с ними сходиться – вместо – Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходиться,
13. Стр. 39, строка 25 – неделе, причащался и поехал – вместо – неделе, поехал
14. Стр. 39, строка 28 – исповедался, – вместо – исповедовался
15. Стр. 39, строка 34 – 50 лет, – вместо – 52 года,
16. Стр. 39, строка 35 – посещал церковь и говел – вместо – посещения церкви и говения
17. Стр. 40, строка 3 – все в церкви смотрят – вместо – все вот в церкви всё смотрят
18. Стр. 40, строка 10 – он стар – вместо – он и стар
19. Стр. 40, строка 15 – склоняется, прикасаясь – вместо – склоняется к земле, прикасаясь
20. Стр. 40, строка 18 – они знали – вместо – он знал
21. Стр. 40, строки 23–25 – Благовидный старик, ровно шагая вывернутыми лаптями, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, войдя в алтарь, – вместо – Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь
22. Стр. 40, строка 26 – пошел – вместо – прошел
23. Стр. 40, строка 27 – Иван – вместо – Кузьма
24. Стр. 40, строки 31–32 – лучших, богатых, семейных хозяев, которым нужна была земля, которые – вместо – лучших, один из редких богатых, семейных хлебосевцев, которым нужна была земля, и которые
25. Стр. 40, строка 35 – оборочки – вместо – обортки

26. Стр. 40, строка 36 – одной – вместо – той
27. Стр. 40, строка 39 – Мани – вместо – Маши
28. Стр. 41, строка 1 – простить, «подумал – вместо – простить их», подумал
29. Стр. 41, строка 6 – сорок – вместо – 10
30. Стр. 41, строка 2 – вдова, сына – вместо – вдова, та самая, сына
31. Стр. 41, строка 12 – оставалось – вместо – осталось
32. Стр. 41, строка 13 – две – вместо – обе
33. Стр. 41, строка 17 – Чернышевский, приехавший – вместо – Чернышевский лакей, приехавший
34. Стр. 41, строка 19 – его, замолкли. – вместо – его, почтительно замолкли.
35. Стр. 47, строка 21 – прикрывая – вместо – закрывая
36. Стр. 41, строка 23 – старушка, – вместо – старуха,
37. Стр. 41, строка 25 – коленях – вместо – коленах
38. Стр. 41, строка 25 – середине – вместо – середине
39. Стр. 41, строка 32 – старушку – вместо – старуху
40. Стр. 41, строка 3 – вздыхала и отнимала – вместо – вздыхая отнимала
41. Стр. 42, строка 5 – дотрагивалась – вместо – дотрагиваясь
42. Стр. 42, строка 7 – опускала голову – вместо – опускалась головой
43. Стр. 42, строка 20 – сметливый ум – вместо – шутовской ум
44. Стр. 42, строка 24 – мне коврик – вместо – мне еще коврик
45. Стр. 42, строка 36 – я чем – вместо – я в чем
46. Стр. 42, строка 39 – понял и усмехнулся нежно. – вместо – понял усмехнулся нежной улыбкой.
47. Стр. 43, строка 11 – ты говеешь – вместо – или говеешь
48. Стр. 43, строка 16 – Обедня – вместо – Преждеосвященная обедня
49. Стр. 43, строка 20 – Мишке – вместо – Мишку

50. Стр. 43, строка 22 – Михайла – вместо – Михайла М[ихайловича?]
51. Стр. 43, строка 24 – неуважения – вместо – уважения
52. Стр. 43, строка 36 – в сапогах – вместо – на сапогах
53. Стр. 43, строка 36 – острыми – вместо – острыми
54. Стр. 44, строка 2 – места – вместо – место.
55. Стр. 44, строка 4 – тою же – вместо – тою
56. Стр. 44, строка 15 – поздравление. – вместо – поздравления.
57. Стр. 44, строка 16 – пахать? – вместо – пахать? Пашете?
58. Стр. 44, строка 18 – заробевши. – вместо – заробев.
59. Стр. 44, строка 21 – Раннее время – вместо – Раннее еще время.
60. Стр. 44, строка 23 – поклонился – вместо – поклониться
61. Стр. 44, строка 23 – в коляску шестериком с фореитором. – вместо – в коляску.
62. Стр. 44, строка 27 – на туго закрученный – вместо – туго скрученный
63. Стр. 44, строка 30 – Слава богу, – вместо – И слава богу,
64. Стр. 44, строка 36 – улицы села Излегощи – вместо – улицы в Излегощах.
65. Стр. 45, строка 3 – выезда – вместо – въезда,
66. Стр. 45, строка 5 – крикнул фореитору – вместо – крикнул на фореитора
67. Стр. 45, строка 16 – Чираков – вместо – Чирикова
68. Стр. 45, строка 17 – белелся – вместо – белел
69. Стр. 45, строка 26 – всего, что – вместо – всего того, что
70. Стр. 45, строка 29 – подумал он. – вместо – подумал улыбаясь он.
71. Стр. 45, строка 31 – баб – вместо – талек.
72. Стр. 55, строка 36 – привычке разрешая всякое затруднение, недоразумение шуткою, – вместо – привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткою,
73. Стр. 46, строка 15 – лужка – вместо – ложка.

74. Стр. 46, строка 18 – вода, и – вместо – вода по всем швам, и
75. Стр. 46, строка 21 – а за ними – вместо – и за ними
76. Стр. 46, строка 25 – мамаша беспокоятся. – вместо – мамашу беспокоите.
77. Стр. 46, строка 27 – слушала ее; как – вместо – слушала и как
78. Стр. 46, строка 27 – отец, она схватила – вместо – отец, схватила
79. Стр. 46, строка 39 – сидит внизу. – вместо – сейчас выйдет.
80. Стр. 47, строка 1 – Иванович – вместо – Ил[ьич]
81. Стр. 47, строка 3 – сидела – вместо – сидели

Текст «первого варианта первой главы» романа в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого воспроизводит текст сборника «XXV лет», за исключением разночтений: 47[352], 49, 51, 65, 73 и 81. Эти места читаются в тексте шестого издания так же, как в рукописи. С другой стороны, в тексте шестого издания имеются еще свои искажения: [353]

1. Стр. 40, строки 23–25 – Благовидный старик, ровно шагая вывернутыми лаптями, с густыми седыми волосами, в шубе с новой заплаткой на половине спины, войдя в алтарь – вместо – Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь
2. Стр. 41, строка 21 – шубе, которой – вместо – шубе, в которой
3. Стр. 42, строка 1 – обращено было к иконе – вместо – обращено к иконе
4. Стр. 42, строка 4 – руку от живота с размахом – вместо – руку, с размахом
5. Стр. 43, строка 37 – тихой и скромной – вместо – тихой, скромной
6. Стр. 45, строка 34 – увидав – вместо – увидал
7. Стр. 46, строка 15 – взлез – вместо – влез

В основу печатаемого нами текста «первого варианта первой главы» романа положен текст копии А. М. Кузминского с исправлениями Толстого (рукопись 27-я). В этот текст внесены исправления по рукописи 19-й всех искажений, сделанных Кузминским, и введена конъектура:

- Стр. 43, строка 16 – Обедня – вместо преждеосвященная обедня

Текст «второго варианта первой главы» романа списан был Кузминским с рукописей 23-й и 24-й. В отличие от текста «первого варианта» этот текст (рукопись 28-я) в одной части (абзацы: «Из всех замешанных...» и «В Москве странницы...») подвергся переработке Толстого. Одну страницу пришлось Софье Андреевне даже переписать заново. Но текста копии, сделанной Кузминским, Толстой, конечно, не сверял с текстом рукописей 23-й и 24-й, с которых списывал Кузминский, и в его копии осталось неисправленным большое количество искажений, вошедших и в печатные тексты (сборника «XXV лет» и шестого издания собрания сочинений Толстого), для которых копия Кузминского служила оригиналом.

Отличия текста «второго варианта первой главы» романа в сборнике «XXV лет» (т. е. текста копии, сделанной Кузминским (рукопись 28-я) с ошибками, вкравшимися в печатный текст) от текста рукописей 23-й и 24-й (автографы Толстого), с которых делал копию Кузминский:

1. Стр. 47, строка 8 – и Чернышевым – вместо – и кн. Чернышевым
2. Стр. 47, строка 17 – нагрубивших – вместо – грубивших
3. Стр. 47, строка 18 – После того – вместо – После этого
4. Стр. 47, строка 24 – села Излегощи и без этой земли живут хорошо, не нуждаются – вместо – села Излегошь живут хорошо и без этой земли, не нуждаются
5. Стр. 47, строка 30 – хлопотал в Сенате – вместо – хлопотал о деле в Сенате
6. Стр. 48, строка 2 – уже поздно было хлопотать – вместо – уже было поздно хлопотать
7. Стр. 48, строка 7 – князь – вместо – гр[аф]
8. Стр. 48, строка 19 – Арбате, послан был обоз – вместо – Арбате и посланы были обозы
9. Стр. 48, строка 30 – говорил о деле – вместо – говорил ему о деле
10. Стр. 48, строка 38 – оставшиеся – вместо – оставшееся
11. Стр. 49, строка 8 – них. Одна – вместо – них, но одна
12. Стр. 49, строка 18 – обещанное – вместо – обещание
13. Стр. 49, строка 26 – По выходе – вместо – При выходе
14. Стр. 50, строка 31 – насосом – вместо – насосами
15. Стр. 51, строка 6 – узнал – вместо – признал
16. Стр. 52, строка 17 – отучу – вместо – отжучу

17. Стр. 52, строка 21 – выгнали – вместо – выслали.
18. Стр. 52, строка 24 – похожее – вместо – похоже
19. Стр. 53, строка 37 – коленях – вместо – коленах
20. Стр. 53, строка 15 – в правильном – вместо – в ее правильном
21. Стр. 53, строка 16 – наряде, кладущую – вместо – наряде, истово кладущую
22. Стр. 53, строка 16 – кланявшуюся – вместо – кланяясь
23. Стр. 53, строка 20 – платье, и поверила – вместо – платье, поверила
24. Стр. 53, строка 31 – приподнялся и подвинулся – вместо – приподнялся, подвинулся
25. Стр. 53, строка 35 – портного, не зная – вместо – портного, как бы не зная
26. Стр. 53, строка 37 – ходили – вместо – ходила
27. Стр. 53, строка 37 – был фореитор – вместо – был переросший фореитор
28. Стр. 54, строка 2 – ставишь – вместо – ухватом за
29. Стр. 54, строка 17 – зипун – вместо – чупрун.
30. Стр. 54, строка 17 – и бережно – вместо – и оправив рукава из-под поддевки и
31. Стр. 54, строка 18 – и начала – вместо – начала
32. Стр. 54, строка 34 – подтвердила Тихоновна. – вместо – подтвердила старуха.
33. Стр. 54, строка 32 – красивую – вместо – торопливую
34. Стр. 55, строка 1 – выездным – вместо – выездные
35. Стр. 55, строка 2 – мохнатый – вместо – лохматый
36. Стр. 55, строка 3 – Панкрат – вместо – Когда Панкрат

Текст «второго варианта первой главы» романа в шестом издании 1886 г. собрания сочинений Толстого воспроизводит текст сборника «XXV лет», за исключением разночтений: 11, 12, 14, 15 и 26. Эти места читаются в тексте шестого издания так же, как в рукописи. С другой стороны, в тексте шестого издания имеются свои искажения:

1. Стр. 48, строка 27 – развлекали – вместо – развлекли
2. Стр. 49, строка 9 – Герасимовича – вместо – Герасимова
3. Стр. 50, строка 15 – старая – вместо – старушка
4. Стр. 52, строка 4 – видала – вместо – видела
5. Стр. 54, строка 12 – успокоить – вместо – упокоить
6. Стр. 55, строка 10 – отмачивать. – вместо – отмахивать.

В основу печатаемого нами текста «второго варианта первой главы» романа положен текст копии А. М. Кузминского с исправлениями Толстого (рукопись 28-я). В этот текст внесены исправления по рукописям 23-й и 24-й всех искажений, сделанных Кузминским.

Кроме этого, сделано еще два исправления:

Стр. 48, строка 29 – заплатит всё, – забывал о деле – вместо – заплатит всё, что он забывал о деле, – как в рукописях 23-й и 28-й и в сборнике «XXV лет». [354]

Стр. 49, строка 20 – снесли – вместо – снесла – как в рукописях 23-й и 28-й и в сборнике «XXV лет». [355]

После 1884 г. Толстой к роману о декабристах больше не возвращался, но сами декабристы в течение, можно сказать, всей его жизни продолжали интересоваться Львом Николаевичем. Прежде всего, он продолжал общаться с П. Н. Свистуновым и М. И. Муравьевым-Апостолом, о чем свидетельствует письмо первого к Толстому от 10 ноября 1881 г. [356] К этому же времени относится общение Толстого с Д. И. Завалишиным, которому, по его словам, Лев Николаевич предлагал на свой счет издать его записки. [357] На чтение Толстым записок Завалишина до их опубликования (в 1904 г.), кажется, указывает слышанный С. А. Берсом рассказ Льва Николаевича о том, «как один декабрист, заключенный в крепость, упросил сменявшегося часового купить ему яблоко и дал последние деньги. Часовой принес прелестную корзину фруктов и деньги назад. Оказалось, что посылал это купец, когда узнал о личности заключенного». [358] Этот рассказ имеется в записках Завалишина (ч. III, гл. III). [359]

В статье «Стыдно» (1895 г.) Толстой использовал рассказ, который он слышал от другого декабриста, М. И. Муравьева-Апостола. Последний рассказывал как его брат, казненный Сергей Иванович, отказавшись от применения телесного наказания к солдатам своей роты, нравственным воздействием исправил вора и пьяницу.

Через два слишком года (статья «Стыдно» написана в декабре 1895 г.) Лев Николаевич снова вспомнил С. И. Муравьева-Апостола. В дневнике дочери Толстого, Татьяны Львовны, записано, что 3 февраля 1898 г. Лев Николаевич предложил Репину сюжет картины – С. И. Муравьев-Апостол с М. П. Бестужевым-Рюминым идут на казнь. [360]

Вплотную подошел к декабристам Толстой во второй половине 1902 г., когда, написав вчерне «Хаджи-Мурата», работал над XI главой повести, посвященной Николаю I. Работа эта очень напоминает работу Льва Николаевича над «Декабристами» четверть века тому назад. И теперь, как тогда, Толстой обратился к ряду лиц, и в первую очередь к тому же В. В. Стасову, за помощью [361] в деле добывания печатных и рукописных материалов, [362] на основании которых и была написана характеристика Николая I, в одной из редакций которой читаем о царе и декабристах: «Царствование его началось ложью о том, что он, играя роль, уверял при всяком удобном и неудобном случае, что он не знал того, что Александр назначил его наследником, и что он не желает престола. Это была ложь.

Властолюбивый, ограниченный, необразованный, грубый и потому самоуверенный солдат, он не мог не любить власти и интересовался только властью, одного желая – усиления ее. Его присяга Константину, из которой он и его льстецы сделали потом подвиг самоотвержения, была вызвана страхом. Не имея в руках акта престолонаследия и не зная решения Константина, провозглашение себя императором подвергало его опасности быть свергнутым, убитым, и он должен был присягнуть Константину. Когда же Константин опять отказался, вспыхнул мятеж, состоящий в том, что люди хотели облегчить то бремя, которое будто бы так тяготило его. И на это он ответил картечью, высылкой и каторгой лучших русских людей. Ложь вызвала человекоубийство, человекоубийство вызвало усиленную ложь».

Работой над главой о Николае I Толстой был занят и летом 1903 г. Под 18 июня этого года в Дневнике записано: «Решил Николая Павловича оставить почти как есть, и, если понадобится, писать отдельно». 25 февраля 1904 г. Лев Николаевич снова было взялся за эту работу, когда записал в Дневнике: «Нынче поправил Николая Павловича в «Хаджи-Мурате» и бросил. Если будет время, напишу отдельно о Николае». К окончательной отделке повести Толстой больше не возвращался, но его не оставляла мысль «написать отдельно о Николае», и 22 апреля 1904 г. он обратился к Стасову: «Хотелось бы получить некоторые записки декабристов, изданные за границей, именно: Трубецкого, Оболенского, Якушкина и вообще такие, которые не изданы в России». [363] Получив эти записки, а также записки Розена и еще какую-то «Записку о декабристах» Толстой писал 8 мая: «Спасибо за присылку книг, Владимир Васильевич... Только что окончил статью о войне и занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами». [364]

Перечитывание записок последних напомнило Толстому знакомство его с кн. С. Г. Волконским, о чем он рассказывал 27 мая, [365] а 1 июля Лев Николаевич писал внуку кн. С. Г. Волконского, кн. Григорию Михайловичу Волконскому: «Декабристы больше чем когда-нибудь занимают меня и возбуждают мое удивление и умиление». [366]

По своему обыкновению, Стасов не ограничивался доставлением просимых Толстым книг и предлагал 2 декабря 1904 г. выписки из архивных материалов по декабристам, над которыми в это время работал Н. П. Павлов-Сильванский. В ответ Лев Николаевич в конце декабря писал:

«Ваше предложение о бумагах декабристов *me fait venir l'eau à la bouche*. [367] Если можно, пришлите маленькую партию, чтобы я мог знать, какого рода материалы». [368] 23 января П. И. Бирюков привез от Стасова какие-то выписки. Прочитав некоторые из них, Лев Николаевич сказал: «Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу». [369]

Не получая от Толстого извещения о получении этих материалов, Стасов писал 12 февраля 1905 г.: «Лев Николаевич, несмотря на свое обещание, Павел Иванович Бирюков так до сих пор и не написал мне ни слова. А мне так хотелось что-нибудь услышать про то, как вам понравились выписки и извлечения про декабристов... В настоящую минуту я могу еще доложить вам, что, если те выписки и извлечения вам пригодились и заинтересовали вас (что дай бог!), то я имею возможность сообщить вам еще другую большую пачку подобных же извлечений и из тех же превосходных источников». [370] Лев Николаевич отвечал 2 марта: «... получил и выписки из дела декабристов, прочел с волнением и радостью и несвойственными моему возрасту замыслами. Есть ли еще такие бумаги? Если есть, пришлите, очень, очень буду благодарен». [371]

Что отвечал на это письмо Стасов – неизвестно. Письмо последнего, очевидно, не сохранилось в архиве Толстого. Или материалы, привезенные Бирюковым в январе 1905 г. или те, которые просил Толстой в письме от 2 марта, или и те и другие Лев Николаевич отправил Стасову, о чем писал ему 24 декабря 1905 г.: «Посылаю вам, Владимир Васильевич, бумаги декабристов. Передайте, пожалуйста, владельцу их мою благодарность». [372]

Запись Д. П. Маковицкого в его «Записках» под 26 июня 1905 г. отмечает приезд в Ясную поляну младшей дочери декабриста Д. И. Завалишина, привезшей мюнхенское (1904 г.) издание записок ее отца, а затем в записях под 26 июня, 2, 6, 7, 13, 26 июля, 14 августа [373] и 2 октября 1905 г. [374] приведены отзывы Льва Николаевича об этих записках. Отмечая не раз самохвальство Завалишина [375] («Записки Завалишина так самохвальны, что противно читать», зап. 2 июля), Толстой тем не менее признал их «самыми важными из записок декабристов» (зап. 2 октября). Такая высокая оценка объясняется прежде всего тем, что Завалишин в своих рассуждениях по поводу описываемого высказывал мысли, весьма близкие к учению Толстого. [376] Известно, как Лев Николаевич всегда радовался и умилялся, найдя у кого-нибудь родственные своим мысли. Так было и с Завалишиным, о чем между прочим свидетельствуют сделанные Толстым на экземпляре «Записок» многочисленные подчеркивания и отчеркивания тех мест, которые явно созвучны идеям Толстого.

Ценность «Запискам» Завалишина в глазах Толстого придавало и то обстоятельство, что мемуарист, не будучи близок ни с одним из декабристов, «писал про их теневые стороны». «Другие их, – говорил Толстой, – как пострадавших людей, идеализировали. И сами они выставляли себя с хорошей стороны. Между этими двумя взглядами находится истина» (зап. 6 июля). [377]

Кроме отзывов о записках Завалишина, у Маковицкого находим указания

на чтение Толстым записок И. Д. Якушкина (записи 8, 9 мая, 15 июля [378] и 16 октября [379] 1905 г.) и бар. А. Е. Розена (зап. 24 июня 1904 г.), [380] «Обозрение проявлений политической жизни в России» М. А. Фонвизина (зап. 22 и 23 октября 1905 г.) [381] и «проект конституции 1824 г.» Г. С. Батенкова (зап. 23 января 1905 г.). [382]

На другой день после последней записи Д. П. Маковицкий записал такой отзыв Толстого о декабристах: «Это были люди все на подбор – как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул». [383]

В одной из записей Маковицкого, о которых идет речь, Толстой между прочим сказал Софье Александровне Стахович: «Я писал и пишу о декабристах» (зап. 26 июля 1905 г.). Что имел в виду Лев Николаевич, неизвестно. Только упоминаются декабристы (опять, как в «Хаджи-Мурате» в связи с Николаем I) в рассказе «За что?», писавшемся в январе – феврале 1906 г.

На то, что Толстой и в 1908 и 1909 гг. не оставил своего замысла 1903–1904 гг. написать о Николае и декабристах, указывают записи у Н. Н. Гусева под 17 марта 1908 г. и 12 февраля 1909 г. В первой читаем: «Вам Саша [384] говорила, что я отдал ей бумаги от Николая Михайловича? Вот надо будет отвечать ему. Я обещался не показывать, но рассказать можно. Письма Николая Павловича о декабристах. На плохом французском языке с орфографическими ошибками называет их мерзавцами, волнуется и успокаивается, когда они казнены. Я хочу ему написать, что это не только интересно, но и ужасно по тому мраку, который... (Дальше я не запомнил)». [385]

В архиве Толстого (в ГТМ) сохранились как письмо в. к. Николая Михайловича, так и копии с трех писем Николая I, к матери, императрице Марье Федоровне от 12 и два от 13 июля 1826 г., напечатанных в 1916 году в. к. Николаем Михайловичем в его статье «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I». [386] В частности, Толстой имел в виду, конечно, письмо от 13 июля 1826: «Deux mots à la hâte, chère Maman, pour Vous annoncer que tout s'est passé tranquillement et dans le plus parfait ordre; les misérables se sont conduit en misérables, avec une lâcheté complète. Чернышевъ part ce soir, et témoin oculaire, pourra Vous donner tous les détails. Excusez ce court récit écrit; mais sachant et partageant Vos inquiétudes, chère Maman, j'ai voulu Vous donner la nouvelle aussitôt que je l'ai eu». [387]

Запись под 12 февраля 1909 г. говорит о чтении Толстым статьи П. Е. Щеголева «Петр Григорьевич Каховский» в «Былом» (1906 г. №№ 1 и 2). Отзыв Толстого о Каховском и Трубецком в этой записи является последним из известных нам упоминаний о декабристах Льва Николаевича.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОМАНУ «ДЕКАБРИСТЫ».

Автографы 1863 года.

1. Рукопись в сорок страниц в лист, состоящая из 1 л. + 1 л., внутрь которого вложен один полулист, + 1 полулист + 7 лл. Страницы 6 и 10 – чистые. Начиная со стр. 11-й до конца исписаны половины страниц, другие же оставлены чистыми для исправлений и дополнений. Все страницы перенумерованы Толстым. Начало: «Глава I. Это было недавно въ царствованіе Александра II...». Конец: «Надо сидѣть здѣсь, потому ѣхать въ деревню и дѣтямъ показать все». Текст рукописи с многочисленными исправлениями представляет собою первую редакцию глав романа, впервые напечатанных в книге: «XXV лет» 1859–1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Спб. 1884, стр. 216–251 и затем помещаемых в полном собрании сочинений Толстого, начиная с 6 издания (1886 г.). Нижняя часть 35 страницы факсимильно воспроизведена в ПТСО, стр. 7. Наиболее значительные отличия текста рукописи от печатного текста следующие.

Текст первого абзаца в рукописи очень близок к печатному тексту первого абзаца, кроме таких отличий:

Стр. 7, строка 6, после слов: уничтожение черноморского флота – в рукописи идет: и въ лицѣ великаго, изъ народа вышедшаго экономиста и оратора поздравляла остатки черноморскаго флота съ этимъ счастливымъ событіемъ.

Стр. 7, строка 12, после: потерю двух великих людей – в рукописи идет: одного увлекшегося и павшаго съ полкомъ подь..... другого погибшаго въ Симферополь при раздачѣ корпіи и чаю, то время, когда со всѣхъ сторонъ

Стр. 7, строка 22, после: без особого призвания и цели – в рукописи идет: Въ то время, когда на юбилей Московскаго университета такой восторгъ обуялъ все передовое русское сословіе, когда упроченное тостомъ на этомъ обѣдѣ явилось общественное мнѣніе.

Стр. 8, строки 11–14, вместо слов, начиная с: когда появилось вдруг столько журналов до слов: всё являлись еще новые и новые названия – в рукописи: когда появились объявленія журналовъ «Русскаго Вѣстника», развивающаго Европейскія начала на Европейской почвѣ, съ русскимъ сознаниемъ, и «Русской Бесѣды», на почвѣ народной развивающей великія мысли съ народнымъ сознаниемъ, когда появились журналы «Звѣзда» и «Звѣздочка», «Орель» и «Орликъ» и «Русская рѣчь» и «Русское слово» и «Русское письмо» и многіе, многіе другіе,

Стр. 8, строка 24, после слов: финансовый, банковый, полицейский, эмансипационный и много других (в рукописи эти слова читаются: въ то время наконецъ, когда готовились въ Россіи перемѣны финансовою, экономической, административною, законодательною, судебною, полицейскою образовательною, морскою, военною и другихъ системъ...)

– в рукописи: когда наконец бесплатно стали выдавать паспорта за границу, и всѣ передовые люди уѣхали въ Парижъ

Стр. 9, строка 10, после слов: Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое незабвенное время. Но не в том дело, (в рукописи: Поэтому пишущий эти строки может оцѣнить то великое время – Онъ былъ.... Но не о томъ рѣчь.) – рукописи идет:

Въ это же время возвращались изъ изгнанія преступники 25 года. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ <есть герой настоящей исторіи> поздно вечеромъ зимой – 56 года, послѣ 35 лѣтняго отсутствія и путешествія, продолжавшагося полтора мѣсяца, вернулся на свою родину <въ Москву въ сердце Россіи>. Онъ приѣхалъ не одинъ, а съ женою, послѣдовавшей за нимъ въ изгнаніе, <и съ> дочерью и сыномъ, рожденными и воспитанными въ Восточной Сибири. Господинъ Швалье пошелъ встрѣтить гостя.

Наискось, по этим словам о декабристе, Толстым написано, крупно, карандашом: Онъ сюсюкаетъ.

Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному тексту, начиная с абзаца. «Глава семейства торопливым, взволнованным...» и кончая абзацем: «Покуда человек ходил...» но с следующими отличиями. В рукописи жена декабриста называется сначала «Варвара Дмитриевна <Варя> затем «Варвара Николаевна» и, наконец, «Наталья».

По словам: Но Pierre находился под влиянием восторженного состояния, производимого приездом на место. «Ты смотри Сережины вещи не смей, вот его лыжи....» карандашом крупно написано: щетка

Стр. 12, строка 19. После слов: пытался с мужиком перетаскать эту мебель, вошел в комнату хозяин–француз (в рукописи читается: «Г–нь Шевалье засталъ его въ то самое время, какъ онъ съ мужиками собственноручно пытался перетаскивать эту мебель) – в рукописи: Послѣдній этотъ поступокъ, казалось, рѣшительно разсердилъ или огорчилъ жену. Она даже по французски строго сказала, взявъ его за руку: Pierre, vous vous ferez du mal. [388] Извѣстно всѣмъ, какое значеніе въ устахъ русской женщины получаютъ извѣстныя слова, сказанный по французски. Такого рода замѣчаніе, казалось, подѣйствовало. Pierre оставилъ диванъ и обратился къ хозяину, который, судя по низкимъ занятіямъ самаго главы семейства, сейчасъ же составилъ свое особенное и невысокое мнѣніе о новоприѣзжихъ. Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: «Вы меня спрашивали?» кончая словами: Ах, да, так ненадобно чаю.

Поперек всего этого абзаца Толстой крупным почерком, чернилами написал: «Дочь практична мать задумчива интересная grande dame. У Шевалье спрашиваетъ о семействѣ и дѣтяхъ».

Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 1 стр. 258–259), а за ним текст, соответствующий в печатном абзацам:

начиная с абзаца: «Соня, как сидела...» кончая абзацем: «Не на ту, не на ту»; абзацу: «В гостиной кипел самовар» и следующему, кончая словами: «Того уж не будет завтра». Этими словами кончается первая глава текста, а вторая глава начинается:

<Вотъ почему ужъ не будетъ завтра. Когда Г-нъ Швалье вернулся въ свою комнату и сообщил замѣчанія насчетъновопріѣзжихъ своей подругѣ жизни въ кружевахъ и барежевомъ платьѣ, сидѣвшей по парижскому манеру за конторкой, въ этой комнатѣ, имѣющей особое значеніе, сидѣло нѣсколько привычныхъ посѣтителей заведенія.

Комната эта, въ которую намъ придется впоследствии часто вводить читателя, имѣетъ слѣдующее значеніе.>

Затем в рукописи идет текст, соответствующий в печатном абзацу: «Ежели вы скромный мужчина...» кончая в нем словами: «трюфелей сколько вамъ угодно». А затем идет текст, помещаемый нами в вариантах (см. вар. № 2, стр. 259). Вслед за ним в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: – «О! очень люблю...» и кончая абзацем: – «Да кто они...», после чего в рукописи идет: «Между тѣмъ принесли подорожную, которую выдалъ самъ Pierre съ некоторой скромной гордостью. Онъ ожидалъ, что имя его произведетъ сильное впечатлѣніе. И боялся въ душѣ, чтобы нынче же по этому случаю не обезпокоили его какимъ нибудь торжествомъ. <В. Н. вздохнула почему-то. Женское чутье сказало ей, что это мишура, когда они вступаютъ въ новую жизнь. Ей стало что-то страшно.> М-г Ложье началъ читать: Мы Александръ deux самодержесъ и т. д. но одинъ изъ гостей вырвалъ у него листь и дѣйствительно имя <декабриста> старичка произвело на него сильное впечатлѣнье. Онъ сложилъ бумагу».

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: – «Ну, угадайте же...» кончая словами: «Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб». Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 3, стр. 259–261).

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная со слов: «Почтенные люди все были...» (в абзаце: «Но Северников не досказал...»), кончая абзацем: «— Ежели он приехал...» Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 4, стр. 261–262).

После этого текста в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: – „Он был «один из стаи славных...»“ и кончая абзацем: «— Кто же этого не знает...», с следующими отличиями:

Стр. 23, строка 6, после слов: В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка – в рукописи следует: и первымъ любимцемъ Д.

Стр. 23, строка 8, после слов: первую масонскую ложу – в рукописи следует: Потомъ у него стали собираться всѣ тогдашніе масоны <А. Б. В.> Иванъ А. Никита Б. Федоръ Д.

Стр. 24, строка 21, после слов: знания достаточно доказаны здесь (в рукописи: знанія уже доказаны здѣсь) – в рукописи следует: Как видите, въ умной комнатѣ (приемы) привычки парламентской учтивости рѣчи были не хуже распространены, чѣмъ въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Тотъ, чья память была доказана въ этой комнатѣ, продолжалъ такимъ образомъ исторію Лабазова. Пахтинъ тотчасъ понялъ, что здѣсь только новость эта была принята, какъ слѣдуетъ, и будетъ также разработана. Въ Москвѣ онъ вышелъ въ отставку.

Стр. 23, строка 29, после слов: человека обворожительнее его. – в рукописи следует: Тутъ–то былъ съ нимъ знаменитый анекдотъ, что онъ привезъ къ своей сестрѣ больнаго нищаго отъ Иверской и уложилъ его въ гостиной. Извѣстная Марья Ивановна Лабазова, которая теперь живетъ на Стожикѣ. У ней онъ и женился на Кринской за нѣсколько мѣсяцевъ до бунта. –

– Дочь Сергѣя Кринскаго

Стр. 23, строка 40, после слов: разве брат был замешан? – в рукописи следует: Разскащикъ помычалъ и показалъ глазами, что они не одни, и нельзя всего рассказывать, что онъ знаетъ. Пахтинъ тоже взглянулъ на одного молодого человѣка, не обычнаго посѣтителя комнаты, и умолкнулъ, онъ и не думалъ допустить предположеніе, что собственно изъ за него считали неудобнымъ рассказывать все, что знали. Удивительно честный былъ его поступокъ съ братомъ, продолжалъ разскащикъ. Во первыхъ онъ скрылъ его, хоть этимъ ухудшилъ свое положеніе, во вторыхъ все имѣнье, которое перешло къ брату, онъ оставилъ ему и писалъ изъ Сибири, что ему ничего не нужно. Потомъ въ Сибири, мнѣ говорили многіе, онъ всѣми отъ самыхъ низкихъ людей до начальниковъ, онъ всѣми былъ боготворимъ.

Стр. 24, строка 25, после слов: отвлеченную сферу, неинтересовавшую Пахтина в рукописи следует: Притомъ же теперь, все нужное было объяснено ему, и онъ опять почувствовалъ безпокойство въ ногахъ и принужденъ былъ выйти.

Затем в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 5, стр. 263–265). Вместо последних абзацев вар. № 5, начиная с слов: «Верно будут вывозить дочь...» кончая словами: «вздохами и храпеньями» в рукописи имеется и окончательная редакция конца II печатной главы, начинающаяся абзацем: «Что значил 56 год!»

Затем в рукописи идет IV глава, текст которой соответствует тексту печатной III главы, кончая абзацем: – Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать всё» с следующими отличиями:

На полях, против слов (стр. 27): «и эти колокольные московские звуки» написана программа: «Стар. одѣв. занять собою. Ихъ видѣ. Сынъ дома завтракаетъ. Пахтинъ и либераль. Мар. Ива. зоветъ. Какой ты дуракъ. Обѣдаетъ».

Перед абзацем (стр. 28): «Сереза остался дома...» в рукописи имеется

текст:

Что думалось имъ во время обѣдни, Богъ знаетъ. Что можетъ думаться людямъ, возвращающимся въ отечество послѣ 35 лѣтъ.

В абзаце: Ну, поедем к Марье Ивановне...» (стр. 32) вместо слов: «и Петр Иванович вышел, неся высоко голову» – в рукописи первоначально было: «И [Петръ] И[ванычъ] вышелъ, чувствуя себя счастливымъ и великимъ человекомъ, для котораго теперь только начинается настоящая плодотворная дѣятельность».

В абзаце: «– Какой ты дур...» (стр. 34) вместо: «Я не читала, но хвалят» – в рукописи первоначально было: «Я по русски не читаю, но хвалю».

2 (Папка 3. № 12). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам. Исписаны первые три и три четверти четвертой страницы. Все четыре страницы перенумерованы рукой Толстого: «41–44». Начало: «Мое правило не вмѣшиваться...» Этот полулист – отбившийся от предыдущей рукописи: текст этих страниц непосредственно примыкает к тексту последней страницы рукописи № 1, что подтверждается и пагинацией Толстого. Текст представляет собою конец III главы, напечатанной впервые в вышеназванной книге: «XXV лет», стр. 249–251. Текст рукописи очень близок к печатному, но, вместо последних трех абзацев его, в рукописи читается:

Скоро пышация холодомъ и счастьеемъ вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня.

– Дайте мнѣ на нее посмотрѣть, руками взя[ла] ее за лицо.

Наталья Николаевна рассказывала. Сережа между тѣмъ съѣздилъ къ Ник. Масл. [?], брату Н. Ник. Тамъ онъ сошелся съ писателемъ. Писатель говорить: «я приѣду... хорошо». О направленіи. Сережа пошли портить себѣ аппетитъ, кошелекъ и желудокъ къ Шевалье, самъ познакомился съ Барт. – Къ обѣду немножко опоздалъ.

3 (Папка 3. № 12а). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам, + 1 л. в 4 д. л. (чистый). Исписаны первая и начало второй страницы. Начало: «М[арья] И[вановна] пожалѣла, что первый день...» Текст рукописи представляет собою вариант конца III главы романа, напечатанной впервые в книге «XXV лет», стр. 251. Печатаем текст рукописи в вариантах (см. вар. № 6, стр. 265).

4. Рукопись в десять полулистов, сложенных пополам (сорок страниц в 4 д. л.). Страницы не нумерованы (есть позднейшая нумерация листов, сделанная в императорской Публичной библиотеке И. А. Бычковым). Начало: «Глава I. Это было недавно...» конец: «... этими новыми лицами сильнѣе чѣмъ въ уѣздномъ городѣ». Текст представляет собою вторую редакцию двух первых глав романа, впервые напечатанных в книге «XXV лет», стр. 216–240.

Наиболее значительные отличия текста рукописи от печатного текста

следующие.

Стр. 9, строка 11, после слов: «Но не в том дело» – в рукописи: Въ это же время возвращались изъ изгнанія политическіе преступники 25 года. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ поздно вечеромъ зимой 56 года послѣ 32 лѣтняго отсутствія и путешествія, продолжавшегося 2 мѣсяца, вернулся въ Москву на свою родину. Онъ приѣхалъ не одинъ, а съ женой, послѣдовавшей за нимъ въ изгнаніе, съ дочерью и сыномъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ восточной Сибири. –

Два возка и сани стояли у подъѣзда лучшей Московской гостиницы. Молодой человекъ вбѣжалъ въ двери узнать о квартирѣ, самъ же онъ сидѣлъ въ возкѣ съ женой и дочерью и съ жаромъ рассказывалъ имъ о томъ, что Поляки никогда немогли бы завладѣть Москвою при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и какъ бы они ни были сильны, потому что въ нихъ не было того славянства, которое сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ стороны человека.

Последние слова, начиная со слова: «славянства» переделаны на: «порабощающаго свойства, которое было у Римлянъ, у Германцевъ, у русскихъ».

Стр. 9, строка 28, после слов: какъ будто остальное до него не касалось (абзацъ: «Потому ли, что это было...») – в рукописи: Посмотри на каждаго Поляка, хоть нашъ Шмилецкій [?], онъ хорошій малый, но каждый самъ по себѣ».

Стр. 9, строка 39, после слов: принял его под руку – в рукописи: но тотчасъ же оставилъ. Этотъ старичекъ съ бѣлой бородой въ смятой шапкѣ безъ козырька и распахнутомъ крытомъ тулупѣ не показался ему достаточно значительнымъ. «Такъ какой-нибудь при господахъ» – подумалъ онъ. Но другого не вышло. Это былъ самъ глава семейства.

Стр. 10, строка 32, после слов: – Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста. – в рукописи: Соня, дай трубку, – прибавилъ онъ. Соня, что-то тоже возившаяся съ дѣвушками въ другой комнатѣ, нашла, набила трубку и принесла ему. Онъ не глядя взялъ ее и продолжалъ молчать, должно быть все еще додумывая <то, что онъ говорилъ о Полякахъ> свои мысли [389]

Затем в рукописи идет текст, соответствующий печатному, начиная с абзаца: «Наталья Николаевна, убравшись оправила свои...» и кончая: «женщина не могла бы дать своему мужу». После этого в рукописи идет текст, помещаемый нами в вариантах (вар. № 7, стр. 265–266), а затем текст (позднее перечеркнутый), соответствующий печатному тексту, начиная с абзаца: «– Лучше за ним послать, Pierre...» кончая словами: «... его повезли в баню» (в абзаце: «Ах, да, так ненужно чаю...») и начиная с абзаца: «В гостиной кипел самовар» кончая II главой.

Шевалье печатного текста в рукописи называется Ложье, Пахтин в рукописи сначала назван Иваном Васильевичем, а потом Иваном

Павлычем.

Рукописи №№ 1 и 4 хранятся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а рукописи №№ 2 и 3 в АТБ.

Автографы 1877–1878 гг.

Планы.

5 (Папка 3. № 9). Один лист писчей бумаги в 4 д. л. Исписано полстраницы. Начало: «что жъ на новыя мѣста. Что Илью жалѣть». Время написания предположительно относим к декабрю 1877 г. – началу января 1878 г. Печатается впервые (план I, стр. 256).

6 (Папка 3. № 9). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам. Исписана одна страница. Начало: «Борисовка. 1. Во дворѣ Анисима Бровкина...» Датируется октябрём 1878 г. Печатается впервые (план II, стр. 256–257).

7 (Папка 3. № 9). Один полулист писчей бумаги, сложенной вчетверо. Исписана одна страница в 8 д. л. Начало: «1817. весной Говѣнье...». Датируется второй половиной ноября – началом декабря 1878 г. Печатается впервые (план III, стр. 257).

8 (П. 3. № 9). Один лист почтовой бумаги большого формата. Исписана часть первой страницы. Начало: «1825-й год Ноябрь. – Митинька хозяйничает...» Датируется второй половиной ноября – началом декабря 1878 г. Печатается впервые (план IV, стр. 257).

«Начала» романа.

9 (П. 3 № 6). Один лист писчей бумаги в 8 д. л. Исписана одна страница. Начало: «Онъ съ недѣлю только тому назадъ собрался идти...». Текст представляет собою часть рукописи, начало которой утрачено. Время написания декабрь 1877 г. Печатается впервые (вариант № 8, стр. 266–267).

10 (П. 3 № 5). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые четыре и три четверти пятой страницы. Остальные страницы заняты черновиками французского письма о гувернере к детям Толстого, писавшимися в декабре 1877 г. – январе 1878 г.

Начало: «Въ селѣ Никольскомъ на Зушѣ была сходка...». Текст впервые напечатан М. Цявловским в книге: Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа. Вступительная статья М. Цявловского. Изд. «Гонек». М. 1925, стр. 20–24. (Вариант № 9, стр. 267–269).

11 (П. 3. № 4). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Текст занимает первую страницу и две строки на второй. Начало: «Въ 1818-мъ году мужики казеннаго села Излегощи...». Время написания – предположительно вторая половина марта – апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 10, стр. 269–270).

12 (П. 3. № 2). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые три и половина четвертой страницы. Начало: «<Пути жизни. Азь рекъ: Бози есте (отъ Иоанн. гл. 10, ст. 34). 1818. Наступило время весенней пахоты. Мужики казеннаго села Излегощи...>> Пометы на полях 4 стр.: «Врагъ Михайлы. Наемъ пастуха. Дѣлать землю. Если —». Время написания — предположительно вторая половина марта — апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 11, стр. 270–271).

13 (П. 3. № 3). Один лист в 4 д. л. Исписаны первая и четверть второй страницы. Начало: «Пути жизни. Азь рѣкъ: Бози есте. <Я сказаль: вы Боги> (Отъ Иоанна Гл. 10, 34) Въ <самомъ началѣ весны> Мартѣ 1818 года...». Время написания — предположительно вторая половина марта — апрель 1878 г. Печатается впервые (вариант № 12, стр. 271–272).

14 (П. 3. № 14а). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые шесть и начало седьмой страницы. Начало: «<I. Въ 1818-мъ году Святая приходилась 14 <Март> Апрелья...>>. На полях 2 страницы помета: «6 Мая». Время написания на основании пометы считаем 6 мая 1878 г. Впервые напечатано (со словъ: «Ссора и драка...»). М. Цявловским в книге: Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки, стр. 24–28. В настоящем томе (вариант № 13, стр. 272–275) этот отрывок печатается в бѣльшем виде, чем в указанной книге: введены зачеркнутые начальные абзацы. В рукописи после напечатаннаго текста стоит: «II. Быль чистый четвергъ» и на поляхъ приписано: «Сборы отъѣздъ на пашню пахота. III. Говѣнье возвращенье».

15 (П. 3. № 14). Один лист в 4 д. л. Исписано три четверти страницы. Начало: «<Быль страшный> Это было въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ...». Текст очень близок к зачеркнутому началу в 18-й рукописи (вариант № 14) и потому нами не печатается.

16 (П. 3. № 14б). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны все четыре страницы. Начало: «Между тѣмъ какъ Гр. И. Ч. <столь многое думаль, вспоминаль и загадываль и> упрекаль себя...». Этот полулист представляет собою часть несохранившейся рукописи, текст которой содержал описание приезда в церковь гр. Г. И. Чернышева, заутрени и обедни. Впервые напечатано М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 28–33. Вариант № 15, стр. 275–278.

17 (П. 3. № 14в). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписана первая страница; вторая и третья заняты генеалогической таблицей. Начало: «У И. Ѳ. живъ былъ еще старикъ отецъ...». Возможно, что текст этой рукописи является непосредственным продолжением текста предыдущей рукописи. Печатается впервые (вариант № 16, стр. 278–284).

18 (П. 3. № 14г). Три полулиста писчей бумаги, сложенной пополам

(двенадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые десять и три четверти одиннадцатой страницы. Начало: «<I. Въ <старой деревянной> церкви села Излегощи благовѣстили къ заутрени...>». Первый (зачеркнутый) абзац рукописи (впервые печатаемый вариант № 14, стр. 275) представляет собою приступ к более раннему, чем весь остальной текст рукописи, «началу». Полулист с этим приступом был Толстым оставлен недописанным и позднее использован для нового варианта, являющегося переработкой и продолжением варианта № 16.

Пометы: стр. 4: «Просвирку старухѣ. Старуха слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается, одобряя и не одобряя. Старикъ кудрявый таинственный похожій на дерево»; стр. 7: «разговоръ о проѣздѣ барина»; стр. 8: «образокъ и свѣча въ головахъ»; «хочетъ голосить но не умѣетъ») «грачи», «сволока», «кафтаны», «веселье пахоты».

К этой же рукописи нужно отнести один лист в 4 д. л., на котором: «Палаты разбирали. Старуху сняли. <Двѣ бабы на рѣчкѣ.>»

Запись эта относится к тому месту (стр. 280), где рассказывается об уборке избы, когда мать Ивана Федотова сняли с палатей и посадили на конник.

Ниже этой записи еще две: «Отецъ Апухтинъ бѣшенный самодуръ Бурлить съ своимъ лакеемъ. Наташа убѣгаетъ послѣ сцены съ бабой просящей за мужа» и «Институтка дочь губернатора». Эти записи говорят о намерении изобразить в лице героини романа Наталью Дмитриевну Фонвизину–Пущину.

Из текста этой рукописи впервые напечатано со слов: «И. Ѳ. и всегда натошакъ, послѣ церкви, бываль сердить...» М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 33–42. Вариант № 17, стр. 284–285.

19 (П. 3. № 10). Четыре полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (шестнадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые тринадцать и три четверти четырнадцатой страницы. Начало: «Спорное дѣло о завлаженіи Пензенской губерніи Краснослободскаго уѣзда помѣщикомъ отставнымъ гвардіи Поручикомъ <Княземъ> Иваномъ <Чернышевымъ> Апухтинымъ...». Текст этой рукописи, послужившей оригиналом, с которого была сделана копия в 1884 г. Кузминским (27-я рукопись), близок к тексту, впервые напечатанному в сборнике «XXV лет», в качестве «первого варианта» первой главы романа (стр. 252–262). Кроме стилистических отличий, основные отличия текста рукописи от печатного текста заключаются в том, что эпизод просьбы Ивана Петровича прощения у Федотова изложен (кратче, чем в печатном тексте) в начале абзаца (печатного текста): «В самый тот день как мужики...», т. е. не между заутреней и обедней, а перед заутреней. Но написав было здесь эту сцену, Толстой зачеркнул ее и заново написал в том месте, где она находится в печатном тексте. Второе отличие заключается в том, что после текста, соответствующего печатному, в рукописи имеется еще текст: «Онъ пиль кофе съ миндальнымъ молокомъ и ѣлъ крендельки на миндальномъ молокѣ. Принималъ поздравленья. Позвольте надѣть архалукъ и трубку. За

кулисами шла пальба за крендельки и волненія по случаю запашки мужиками земли.

Жена распорядилась послать за землемѣромъ тайно отъ Ивана Петровича. Онъ видѣлъ, что что-то дѣлается, но обошелъ оранжереи и, наконецъ, узнавъ, хотѣлъ разсердиться, но жена уже больше разсердилась, и онъ только умирялъ ее и съ ней поссорился.

Объщаются пріѣхать на Святой къ Чернышевымъ».

Иван Федотов печатного текста в рукописном то Кузьма Федотов, то Иван Федотов; Иван Петрович Апыхтин – то Апыхтин, то Апухтин; Луиза Карловна Тругоны – Луиза Карловна Трусон.

Пометы на полях: стр. 6: «Что же пашете. Обѣдня прямо», стр. 11: «коляска шестерикомъ. Форейторъ оглядывается. Ручьи бѣжали». Вследствие близости текста рукописи к печатному тексту первый не воспроизводится.

Время написания рукописей 15–19 – предположительно май (после 6-го) 1878 г.

20 (П. 3. № 8а). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые две и три четверти третьей страницы. Начало: «Въ семьѣ Анисима Бровкина была радость...». Печатается впервые (вариант № 18, стр. 286–287).

21 (П. 3. № 8). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые три и четверть четвертой страницы. Начало: «Указъ Правительствующаго Сената <дошелъ до Красн> по которому между прочимъ предписывалось...». Печатается впервые (вариант № 19, стр. 287–288).

22 (П. 3. № 7). Два полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (восемь страниц в 4 д. л.). Исписаны первые шесть и четверть седьмой страницы. Начало: «1824 года Января 23 было назначено къ слушанію...». Печатается впервые (вариант № 20, стр. 288–291).

Время написания 20–22 рукописей – октябрь 1878 г.

23 (П. 3. № 11). Четыре полулиста писчей бумаги, сложенной пополам (шестнадцать страниц в 4 д. л.). Исписаны первые четырнадцать и половина пятнадцатой страницы. Начало: «<Сентября> 2 <6> Августа 1817 года въ 6-мъ департаменте Правительствующаго Сената...».

Пометы: стр. 8: «Тих. въ избѣ черной. Лакея сѣчь. Мальчикъ спасаетъ. Баньку. Лобъ насуп. и сжатый ротъ. Твердость пріемовъ»; стр. 12: «Странникъ внукъ».

Текст рукописи представляет собою первую редакцию текста, напечатанного впервые в книге «XXV лет» в качестве «второго варианта» первой главы романа. Текст рукописи, соответствующий печатному тексту с начала до слов: «Дорогой Тихоновна рассказала

свое горе», очень близок к последнему, дальнейший же текст помещаем в вариантах (вариант № 21, стр. 291–297).

24 (П. 3. № 13). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам (четыре страницы в 4 д. л.). Исписаны первые две и треть третьей страницы. Начало: «Николавна рада была, что ее выслали....» Текст представляет собою вторую редакцию части текста, напечатанного впервые в книге «XXV лет» в качестве «второго варианта» первой главы романа, а именно: начиная с абзаца: «Тихоновна рада была» (стр. 52) до конца. Текст рукописи очень близок к печатному, но после последних слов печатной редакции в рукописи идет:

«Во все время кучеренокъ учился играть «Спирю», но дальше перваго колѣна не могъ дойти и надобѣль такъ, что портной выгналъ его».

Время написания 23-й и 24-й рукописей – первые числа ноября 1878 г.

25 (П. 3. № 1). Один полулист писчей бумаги, сложенной пополам, + один лист в 4 д. л. (шесть страниц в 4 д. л.). Исписаны первые пять и четверть шестой страницы. Начало: «1818 годъ Прологъ. I. Горе, испытываемое (ВДОВОЙ Гар) Марьей Яковлевной Гагариной...». В конце текста помета: «Ходить Саша и думаетъ, что она будетъ дѣлать».

Время написания рукописи – декабрь 1878 г. – январь 1879 г. Текст рукописи впервые напечатан М. Цявловским в книге: «Л. Н. Толстой. Декабристы. Неизданные отрывки из романа», стр. 43–47. Вариант № 22 (стр. 297–299).

Копии (с поправками Толстого) 1884 года.

26 (П. 3. № 15). Копия руки С. А. Толстой. Рукопись в сто восемнадцать страниц в 4 д. состоящая из 1 л. в 4 д. л. + 7 полулистов писчей бумаги, сложенной пополам, + 2 лл. в 4 д. л. + 4 полулистов, слож. пополам, + 2 лл. в 4 д. л. + 1 полулиста, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 2 полулистов, слож. пополам + 4 лл. в 4 д. + 4 полулистов, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 1 полулиста, слож. пополам + 2 лл. в 4 д. л. + 3 полулистов, слож. пополам. Все листы с дырками, пробитыми для шнуровки. Рукой С. А. Толстой перенумерованы все страницы и рукой неизвестного (карандашом) – все листы. О тексте рукописи см. стр. 515. Нами печатается с поправками. Текст представляет собою копию, сделанную С. А. Толстой в сентябре (?) 1884 г. с 1, 2 и 4 рукописей. Первые две главы печатного текста списаны с 4-й рукописи, а третья глава – с 1-й и 2-й рукописей. Толстым во многих местах сделаны исправления и переделки стилистического характера. Рукопись (с отпечатками пальцев наборщиков и записями их фамилий) служила оригиналом для набора трех глав романа, впервые напечатанных в книге «XXV лет», стр. 216–251 и помещаемых в полном собрании сочинений Толстого, начиная с 6 издания 1886 года. Перед сдачей рукописи в набор кем-то она вычитана: поставлены знаки препинания, дописаны слова и т. п. Начало: «Декабристы. Роман. Глава I. Это было недавно...».

27 (П. 3. № 16). Десять полулистов писчей бумаги, сложенной пополам + один лист в 4 д. л. (сорок две страницы в 4 д. л.). Копия руки А.

М. Кузминского с поправками (в пяти местах) руки Толстого. Начало: (рукой С. А. Толстой): «Варианты первой главы»; затем рукой А. М. Кузминского: «I. Спорное дело о завлажении....». Рукопись эта, представляющая собою копию с 19-й рукописи, написана в 1884 г. и послужила оригиналом набора (на ней следы пальцев наборщиков) для книги: «XXV лет», где (стр. 252–262) впервые был напечатан текст рукописи в качестве «первого варианта» первой главы романа. «Вариант» входит в полное собрание сочинений Толстого, начиная с 6 издания. Нами печатается текст наборной рукописи, с многочисленными исправлениями по рукописи 19-й. См. об этом стр. 519–522.

28 (П. 3. № 17). Двадцать два листа в 4 д. л. (сорок четыре страницы в 4 д. л.). Копия руки А. М. Кузминского (кроме одной страницы (л. 91), написанной С. А. Толстой) с большим количеством поправок руки Толстого. Начало: «II. 2-го Августа 1817 года въ 6-мъ Департаментъ». Текст рукописи, представляющий собою копию с 23-й и 24-й рукописей, написан в 1884 г. и послужил оригиналом набора (на ней следы пальцев наборщиков) для книги: «XXV лет», где (стр. 262–271) впервые был напечатан текст рукописи в качестве «второго варианта» первой главы романа. «Вариант» входит в полное собрание сочинений Толстого, начиная с 6 издания. Нами печатается текст наборной рукописи, с многочисленными исправлениями по рукописям 23-й и 24-й. См. об этом стр. 522–524.

Рукописи с 5-й по 28-ю хранятся в АТБ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ РОМАНА, НАПЕЧАТАННЫМ В СБОРНИКЕ «XXV ЛЕТ», И К ЧЕРНОВЫМ ТЕКСТАМ ЭТИХ ГЛАВ.

Стр. 7, строки 5–6. По Парижскому миру (30 марта 1856 г.), закончившему Крымскую кампанию. Черное море было нейтрализовано, и в него был запрещен доступ военным судам всех наций, в том числе и России, которая обязалась срыть все укрепления по берегам Черного моря.

Стр. 7, строки 6–9. Чествования севастопольских офицеров и матросов происходили в Москве 17–28 февраля 1856 г. 18 февраля при встрече у Серпуховской раставы первых двух эшелонов, пришедших из Николаева, главный организатор торжеств, откупщик-миллионер В. А. Кокорев, поднеся морякам хлеб-соль на серебряном блюде, поклонился им в ноги. «Чарку водки» выпивали прибывшие на Серпуховской площади, где им было предложено угощение от купечества. В течение десяти дней в честь севастопольцев давались обеды, балы, маскарады и гулянья.

Стр. 7, строки 10–11. Под «дальновидными девственницами – политиками» Толстой, надо думать, разумел камер-фрейлину гр. Антонину Дмитриевну Блудову и фрейлину Анну Федоровну Тютчеву, впоследствии Аксакову. С обеими Толстой был знаком.

Стр. 7, строка 11. «Софийский собор» – Ая–София в Константинополе (VI в.) «Мечтаниями о молебне в Софийском соборе» преисполнены были в начале Восточной войны националистически настроенные круги интеллигенции во главе с славянофилами.

Стр. 7, строки 12–16. «Великий» человек, павший в полях Валахии – старший сын историографа Андрей Николаевич Карамзин, командовавший гусарским князя Варшавского полком и убитый в бою под Каракалом в Малой Валахии 16 мая 1854 г.

Стр. 7, строки 16–18. «Другой» «великий человек» – гр. Михаил Михайлович Вьельгорский, в качестве председателя комиссии, имевшей наблюдение за провиантскою и госпитальною частями в Севастополе, приехал сюда в мае 1855 г. и умер от тифа в Симферополе 22 ноября 1855 г.

Стр. 7, строки 22–24. Пятидесятилетний юбилей деятельности актера М. С. Щепкина праздновался в Москве торжественным обедом 26 ноября 1855 г. Перед обедом была прочитана статья С. Т. Аксакова о Щепкине, а во время обеда говорили речи М. П. Погодин, К. П. Барсов, С. П. Шевырев, С. В. Шумский, Н. А. Рамазанов, С. М. Соловьев и К. С. Аксаков, провозгласивший тост в честь общественного мнения, на что и намекает Толстой.

Стр. 8, строка 1–4. «Целовальник» – вышеупоминавшийся В. А. Кокорев. Его речь, приготовленная к произнесению на обеде литераторов 28 декабря 1857 г. (в Купеческом собрании) по поводу высочайшего рескрипта от 20 ноября об освобождении крестьян, вызвала цензурные затруднения при своем появлении в свет. После обеда у Кокорева 16 января 1858 г., на котором говорили речи сам Кокорев, Ю. Самарин и А. Н. Карамзин, обеда с речами были запрещены.

Стр. 8, строки 7–10. Как видно из первоначальной редакции этого места (см. стр. 530), под «журналами, развивающими европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием» Толстой разумел «Русский вестник» Каткова.

Стр. 8, строки 10–14. Указываемое Толстым явление может быть иллюстрировано количеством новых периодических изданий по годам. В 1850 году появилось таковых 4; в 1851 г. – 7; в 1852 г. – 7; в 1853 г. – 4; в 1854 г. – 5; в 1855 г. – 8; в 1856 г. – 10; в 1857 г. – 22; в 1858 г. – 32; в 1859 г. – 38; в 1860 г. – 43; в 1861 г. – 39. Под «Вестником» Толстой, возможно, понимает «Русский вестник», под «Словом» – «Русское слово» (1859–1866), под «Беседой» – «Русскую беседу». Журналов «Наблюдатель» и «Звезда» не было, но журнал «Орел» издавался ежемесячно в 1859 г.

Стр. 8, строки 15–17. Толстой имеет в виду полемику «Русской беседы» с «Московскими ведомостями» в 1856 г.

Стр. 8, строки 17–19. Под писателями, «описывающими рошу и восход солнца и грозу», вероятно, в первую очередь нужно разуметь Фета, описывающих «любовь русской девицы» – Тургенева, описывающих «лень одного чиновника» – Гончарова, как автора «Обломова», описывающих

«дурное поведение многих чиновников» – Салтыкова.

Стр. 8, строки 37–38 сн. Толстой участвовал в вылазке из осажденного Севастополя в ночь на 11 марта и пробыл на 4 бастионе с 30 марта по 15 мая 1855 г.

Стр. 8, строка 38 – стр. 9, строка 2. Разумеются так называемые «Севастопольские рассказы», печатавшиеся в «Современнике» в 1855–1856 гг.

Стр. 9, строки 2–4. Прибыв из Севастополя в Петербург 21 ноября 1855 г. Толстой был зачислен в ракетное заведение, где и состоял на службе до 11 мая 1856 г.

Стр. 9, строки 6–9. Толстой по приезде в Петербург до 9 января 1856 г. не вел дневника, и остается неизвестным, кто те «сильные мира сего», которые искали его знакомства.

Стр. 15, строки 1–2. Стихи приведены из стихотворения Шиллера «Würde der Frauen» («Доблесть женщин») (1795 г.) Первый из приведенных стихов у Шиллера читается: «Sie flechten und weben» («они вьют и вплетают»).

Стр. 17, строка 1 – стр. 24, строка 32. Хотя гостиница с рестораном Ипполита Шевалье и существовала в Москве (в Старо-газетном переулке), Толстой здесь, по свидетельству Н. С. Кашкина, описал комнату в ресторане (при гостинице) Дюссо (на Театральном проезде). «Я помню, вспоминал Н. С. Кашкин, мы часто с ним бывали на балах. Ему очень нравилась бар. Елизавета Ивановна Менгден, красивая, молодая, интересная женщина, а мне Нелли Молчанова, рожд. Волконская. Наши дамы уезжали с балов обычно до ужина, мы их провожали, а затем отправлялись ужинать к Дюссо. Это бывало часто. Толстой в «Декабристах» описывает именно тот кабинет у Дюссо, в котором мы любили ужинать». (Н. Н. Кашкин, «Родословные разведки». Спб. 1913, II, стр. 572–573). Судя по Дневнику Толстого рассказываемое Кашкиным происходило во второй половине января 1857 года.

Стр. 20, строка 25 – «записанный юноша» – не член клуба, а записанный, как гость, кем-нибудь из членов.

Стр. 20, строка 30. – По предположению Ю. Г. Оксмана, в лице И. П. Пахтина изображен писатель Николай Филиппович Павлов (1805–1864) (см. Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, Лгр. 1931, стр. 412).

Стр. 21, строка 3 сн. – Прототипом для графа Северникова послужил, по мнению Б. М. Эйхенбаума (указ. соч. стр. 191–192), гр. Ф. И. Толстой – американец.

Стр. 23, строка 30. – Как указал Б. М. Эйхенбаум (указ. соч. стр. 199) фамилия Кринская явно намекает на фамилию жены кн. С. Г. Волконского М. Н. Раевской.

Стр. 23, строка 31. – Отец М. Н. Раевской, Николай Николаевич

Раевский – старший (1771–1829), один из главных деятелей военной кампании 1812 г. при Бородине с успехом защищал редут, получивший его имя, против главных сил французской армии.

Стр. 31, строка 5 – Аксаковы, как указал уже Б. М. Эйхенбаум (указ. соч. стр. 201), конечно Аксаковы – Сергей Тимофеевич и его сыновья – Константин и Иван.

Стр. 31, строки 6–7. – Под «его изданием» Толстой мог понимать или еженедельную газету И. С. Аксакова «Парус» 1859 г., закрытую цензурой после выхода в свет второго номера, или еженедельную газету «День», первый номер которой вышел 15 октября 1861 г., приостановленную в июле 1862 г., возобновившуюся в октябре этого года и прекратившуюся в 1865 г.

Стр. 47, строка 3 – Луиза Карловна Тругони образована, конечно, из Луизы Ивановны Трузсон, по мужу кн. Волконской (1825–1890), жены троюродного брата Толстого кн. Александра Алексеевича Волконского. Кн. Л. И. Волконскую Толстой изобразил в «Войне и мире» в лице кн. Лизы Болконской.

Стр. 47, строка 8. – О семье гр. Г. И. Чернышева см. стр. 552–556.

Стр. 48, строки 10–15. С октября 1817 г. по 21 февраля 1818 г. Александр I с двором и отрядом гвардии пробыл в Москве, где на Воробьевых горах 12 октября состоялась закладка храма Спасителя. В это время происходили заседания декабристов, на которых был принят новый устав общества.

Стр. 265, строка 14. – Чиферин – конечно Б. Н. Чичерин.

Стр. 529. – «Великий экономист и оратор» – упоминавшийся выше откупщик В. А. Кокорев.

Стр. 529. Заседания, обеды и вечера по случаю столетнего юбилея Московского университета происходили 12–15 января 1855 г. Толстой спутал речи на этом юбилее с речами на юбилее Щепкина. В следующей редакции ошибка была исправлена.

Стр. 530. «Звездочка» – детский журнал, издававшийся в 1850–1863 гг., «Русская речь» издавалась в 1861 г. Журналов «Орлик» и «Русское письмо» не существовало.

Стр. 530. Высокая пошлина с заграничных паспортов, являвшаяся фактическим запрещением выезда за границу, была отменена манифестом 26 августа 1856 г.

МАТЕРИАЛЫ К РОМАНУ.

Записные книжки.

1 (Инв. № 93). Записная книжка «А», описанная в 48 томе настоящего издания. В этой книжке среди записей разного рода записи, относящиеся к работе Толстого над романом «Декабристы», находятся: 1) на вырванном из книжки листе, предположительно помещаемом нами между 20 и 21 листами (обозначен: 20а); 2) на л. 28 (оборот); 3) на л. 29; 4) на л. 301 и 5) на л. 84 (последнем). Записи на последних двух страницах Толстой сделал, перевернув Записную книжку верхом вниз, чтобы отделить их от всех остальных.

Из указанных записей первыми по времени были записи на обороте 84 листа. Часть их датирована: 13 января 1878 г., а одна запись сделана не ранее второй половины марта этого года (см. об этом ниже). Запись на лицевой странице 84 листа сделана в мае этого года (см. об этом ниже). Записи на вырванном впоследствии из книжки листе (20а) датированы: 27 августа 1878 г. и 30 сентября 1878 г., и поэтому записи, находящиеся между этими датами, сделаны после 27 августа и до 30 сентября 1878 г. Остальные записи не поддаются точной датировке, но, вероятно, сделаны в октябре–декабре 1878 г.

На лл.: 11–14 (об.) начиная с записи: «1877. 8 Мая Къ слѣдующему послѣ Анны Карениной. Мужики ладять сохи, бороны покупають. Загнуть. Пашуть. Первая пахота, сыро. Жеребята махая хвост. на тонкихъ ногахъ бѣгають за сохами. Выросла трава...» идут записи (с датами дня и месяца), отмечающие весенние явления метеорологического характера, явления из жизни растений, птиц, работы крестьян. Слова: «К слѣдующему после Анны Карениной» означают, что эти записи должны быть использованы в произведении, которое будет писаться после того, как будет закончена «Анна Каренина». Весьма вероятно, что описание весенней пахоты в одном из «начал» «Декабристов» [390] явилось осуществлением этого замысла весны 1877 г., но, наоборот, видеть в этих записях 1877 г. указание на то, что в это время были уже задуманы «Декабристы» никак нельзя, почему записи 1877 г. мы здесь и не воспроизводим. К записям на лл. 11 (об.)–14, отмечающим, как мы уже сказали, и крестьянские весенние работы, относятся две записи: «Какъ сдѣлана новая соха» и «Разсоха кривая готовить лапотки дѣтямъ». Обе эти записи (на л. 20а1) сделаны были на чистой странице, которую осенью 1878 г. Толстой заполнил материалом, относящимся к «Декабристам». Все записи печатаются впервые.

2 (Инв. № 94). Записная книжка «Б» в 8° (15,5 × 10 сант.), сделанная, вероятно, самим Толстым, в картонном переплете, оклеенном зеленой бумагой, заключающая в себе сто шестьдесят страниц. Первые тридцать страниц перенумерованы Толстым. Страницы: 18, 34, 36, 37, 39–72, 74, 80–102, 104–127, 129–159 – чистые. Таким образом исписанных страниц всего сорок три.

Записная книжка была заведена для того, чтобы в известной системе заносить определенные сведения о лицах, которые должны были в той или иной мере действовать в задуманном романе. Первые двадцать девять страниц книжки (1–29, причем 18–я осталась чистой) отведены записям о членах десяти семей, из которых вышли декабристы. Это семьи гр. З. Г. Чернышева, кн. А. И. Одоевского, Н. М. и А. М.

Муравьевых, М. И., С. И. и И. И. Муравьевых–Апостолов, К. Ф. Рылеева, М. П. Бестужева–Рюмина, А. И. и П. И. Борисовых, М. А. Фонвизина, М. С. Лунина и кн. Е. П. Оболенского.

Сведения о членах этих семей Толстой располагал по установленным им рубрикам. Его интересовали, с одной стороны, наружность, годы жизни, годы браков, «последовательность» жизни, «связи», т. е. родственные связи и знакомства, – с другой, имущественное положение семьи – вопрос об имениях проставляется, за исключением Рылеева и Бестужева–Рюмина, при всех фамилиях.

Следующие тринадцать страниц (30–33, 35, 38, 73, 75–79 и 103) заполнялись не подряд, страница за страницей, а вразбивку и притом записями, которые делались без какой–либо системы.

Наконец, записи на последней (160–й) и 128–й страницах Толстой сделал, перевернув книжку верхом вниз, отделяя таким образом эти записи от всех остальных.

Записи на первых двадцати страницах, судя по тому, что начинаются они с записи о членах семьи гр. Чернышевых, сделаны в то время, когда Толстой решил взять главным героем своего романа декабриста гр. З. Г. Чернышева, а было это, вероятнее всего, в апреле – мае 1878 г. [391] Не случайно на втором месте стоят записи о членах семьи кн. А. И. Одоевского. И этого декабриста Толстой намечал в герои романа, что видно и по рукописям «начал» романа и по обращению к П. Ф. Перфильевой с вопросами о кн. А. И. Одоевском. [392] Точнее датировать записи не представляется возможным. Можно только утверждать, что записи на стр. 128–й и 160–й, судя по тому, что Толстой сделал их, перевернув книжку верхом вниз, написаны после того, как какое–то количество страниц было уже заполнено. Запись (на стр. 160–й): «Свести Беляеву рукопись» сделана, вероятнее всего, в ноябре 1878 г., после того, как Толстой получил от Беляева рукопись второй части его воспоминаний, [393] и до того, как числа 7–8 декабря отвез ее в Москву, а записи на стр. 128–й как относящиеся к 1816 году сделаны, надо полагать, в декабре 1878 г. – январе 1879 г., когда Толстой задумывал начать повествование в романе с 1816 г. [394] Все записи печатаются впервые.

Обе Записные книжки хранятся в ГТМ.

3. Записная книжка «В» в 8° (17 × 11 сант.) в картонном переплете, оклеенном песочного цвета бумагой (корешок и углы из дермантина); ярлык фабрики конторских книг Т. И. Гаген в Москве. Страницы разграфлены для записей «прихода» и «расхода». В книжке сто десять нумерованных страниц. Страницы: 1, 8, 10, 12–100, 102–104 и 110 – чистые. Таким образом исписанных страниц всего четырнадцать. Записи на страницах 105–109 Толстой сделал, перевернув книжку верхом вниз.

Книжка заведена для записей по «Декабристам», но когда работа над этим произведением была оставлена, Толстой пользовался книжкой для других записей. Последние сделаны на 4, 9 и 101 страницах. Запись на стр. 9–й имеет дату: «6 Июня 1884». Текст этих записей дается в 48 томе.

Записи на страницах 2–7, судя по тому, что все они относятся к 1816 г., сделаны, надо полагать, в декабре 1878 г. – январе 1879 г., когда Толстой задумывал начать повествование в романе с 1816 г. [395] Запись на стр. 107-й (об Уварове пропавшем) сделана, вероятно в декабре 1878 г. [396] Все записи печатаются впервые.

Записная книжка принадлежит сыну Льва Николаевича С. Л. Толстому, который нашел ее в ящике письменного стола Толстого в его доме в Хамовниках (в Москве).

Отдельные листы.

4 (Инв. № 93а). Лист «А». Один полулист писчей бумаги, согнутой пополам. Исписаны первые три и одна строка на четвертой странице. Начало: «24-й годъ, начало. Ермоловъ на Кавказѣ... ». Первая группа записей – сначала и кончая словами: «въ дальней Коломнѣ» – сделана, вероятно, в сентябре 1878 г. (см. об этом на стр. 503–504); группы записей: вторая – со слов: «Потоцкій члень совѣта... » кончая: «... члень Совѣта добрый старикъ», сделанная на основании главы «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г. » книги Тургенева «Россия и русские», третья – со слов: «Бетанкуръ женать... » кончая: «Инзовъ въ Бесараб. », сделанная на основании пятой и шестой частей воспоминаний Ф. Ф. Вигеля, четвертая – со слов: «гр. Эсень. Оренб. » кончая: «... уступается», сделанная по сборнику «Девятнадцатый век» и, наконец, пятая – со слов: «21 году... » до конца записей, основанная на неизвестных нам материалах – все эти записи, надо думать, были сделаны в декабре 1878 – январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

5 (Инв. № 93а). Лист «Б». Один лист писчей бумаги в 4°. Исписано полстраницы. Нач.: «18-й годъ. ». ». Записи такого же содержания, как и записи в листе «А» сделаны по материалам, напечатанным в «Русском архиве» 1875 и 1866 гг. и тоже занесены, вероятно, в декабре 1878 г. – январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

6 (Папка 3. № 9). Лист «В». Один полулист писчей бумаги, согнутой пополам. Исписана половина первой страницы. Начало: «25 годъ. Г[осударь] А[лександръ].... ». Записи такого же содержания, как и на листах А и Б, представляющие собою, очевидно, сводку сведений, добытых из разных источников, сделаны тоже, вероятно, в декабре 1878 г. – январе 1879 г. Все записи печатаются впервые.

Рукописи 4 и 5 хранятся в ГТМ, а 6-я в АТБ.

Пометы на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному

уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 г. »

7 (Папка XVI, № 2). Рукопись в шестнадцать страниц в лист + два полулиста писчей бумаги, согнутой пополам (восемь страниц в 4 д. л., из которых исписаны первые шесть) руки неизвестного. Текст представляет собою копию (с пометками Толстого) «Списка», напечатанного в книге М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время», Спб. 1871, т. VI, стр. 62–67. Пометы печатаются впервые. Рукопись хранится в АТБ.

ПРИМЕЧАНИЯ К III ПЛАНУ.

1818. Собрание Союза благоденствия. Имеются в виду совещания членов Союза спасения, происходившие с осени 1817 г. до весны 1818 г., в результате которых был принят новый устав тайного общества, получившего наименование «Союза благоденствия». Об этом Толстой мог прочесть в «Всеподданнейшем докладе высочайше утвержденной Комиссии для изысканий о злоумышленных обществах» и подробнее в книге Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева». 1874, стр. 212–219.

1819. Мракобесие. Магницкий. Деятельность Мих. Леонт. Магницкого (1778–1855) по искоренению вольнодумства и безбожия началась в 1819 г., когда он, в качестве члена Главного правления училищ, ревизовал Казанский университет. В отчете по ревизии Магницкий предлагал даже разрушить здание университета.

Бунт в Чугуеве... Казни. «В конце июня 1819 г., при наряде поселян чугуевского округа на сенокосение для строевых лошадей, люди, не вошедшие в состав эскадронов, отказались идти на работу и упорствовали в неповиновении, несмотря на увещания своего командира.... Комиссия военного суда под председательством Аракчеева приговорила главных зачинщиков мятежа в Чугуевском округе 229 человек и в Таганрогском округе 44 человека к смертной казни, и кроме того в обоих округах 72 человека к телесному наказанию. В действительности же прогнаны сквозь строй пятьсот человек, от 6–ти до 24–х раз до семидесяти важнейших бунтовщиков, кроме того, из состоявших под судом 235 человек отосланы без наказания на службу в Оренбург, а из прочих подсудимых и не состоявших под судом 160 человек переведены в 3 уланскую дивизию гр. Витта». М. И. Богданович «История царствования императора Александра I и Россия в его время». Спб. 1871 т. V, стр. 467–470. В статье Г. А. Верещагина «Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I» («Дела и дни» 1922, книга третья, стр. 158–160) опубликован список прогнанных сквозь строй с собственноручными пометами Аракчеева («умре»). Из этого списка видно, что в первые 10 дней после наказания из пятидесяти двух наказанных умерло двадцать пять человек.

1820. Семеновская история. Об этом Толстой мог прочесть тоже в книге Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева». Спб. 1874, стр. 152–164.

Пестель в Петербурге. О собраниях Коренной Думы в Петербурге «в начале 1820 г.» в присутствии Пестеля Толстой прочел в «Всепоподданнейшем докладе».

ПРИМЕЧАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ К РОМАНУ.

Записные книжки.

Записная книжка «А» (стр. 445). Л. 84 г. – Первые десять строк страницы заняты записями интересовавших Толстого статей и мемуаров в исторических периодических изданиях.

Чтен. 1858..... Храп. – Статья в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских» 1858, кн. 2. «Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России 1803 г.» М. В. Храповицкого. В этом сочинении Мих. Вас. Храповицкий (1758–1819), брат статс-секретаря Екатерины II, автора «Памятных записок», является противником крепостного права.

Рус. Стар..... об Аракч. – В РС 1871 г. Толстым отмечены: Семеновский полк. – «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка 1820 г.», статья, приписываемая К. Ф. Рылееву и «Письма ген.-адъют. И. В. Васильчикова к кн. П. М. Волконскому», где имеются сведения о возмущении (в № 11); Шумская – рассказ А. Г. Пупарева «Убийство любовницы гр. Аракчеева» (в № 9); и Связев об Аракчееве. – Воспоминания академика архитектуры д. с. с. Ив. Ив. Связева. 1824–1826 гг. Император Александр I и граф Аракчеев (в № 11).

Др. и Н. Р..... Ровинского. – В «Древней и новой России» 1875 г. Толстым отмечены: Аракчеев. Это – «Черты из жизни графа Аракчеева» И. К. Отто (тт. I и III) и Очерки Сибири Ровинского. Это – «Очерки восточной Сибири» П. Ровинского (тт. I, II и III).

Рус. Ст. 75..... Авеля. – В РС 1875, май Толстым отмечено: Записки Дарагана. Это – «Воспоминания первого камер-пажа в. к. Александры Федоровны 1817–1819» П. М. Дарагана. В главе VI этих воспоминаний рассказывается о приезде в Москву в 1817 г. императорской фамилии, о заложении храма Спасителя на Воробьевых горах и о балах в Москве, о чем Толстой писал В. В. Стасову.

В РС 1875 г. Толстым еще отмечены: Жиркевич Черныш[евы] Камен[ский]. Это – «Записки» И. С. Жиркевича (№ 8), где в гл. VI рассказывается о гр. Сергее Михайловиче Каменском и его театре в Орле в 1816–1819 гг., а в гл. XI о семействе гр. Г. И. Чернышева в Тагине под Орлом в 1818–1819 гг. Помета Толстого Авеля означает статью «Предсказатель монах Авель» в № 2 РС 1875 г.

Семевского о военных поселениях – Смысл этой записи тот, что М. И.

Семевского нужно запросить о литературе о военных поселениях. С М. И. Семевским Толстой познакомился в Петербурге числа 10 марта 1878 г., поэтому запись сделана не ранее второй половины марта этого года. В сохранившихся в архиве Толстого письмах Семевского нет ничего о военных поселениях.

Мирбах – Кто такой Мирбах, сказать не можем.

Свистунову прислать Pascal'a – Запись сделана в мае 1878 г. после приезда (вероятно, числа 2-го мая) в Ясную поляну из Москвы, где Толстой взял у П. Н. Свистунова рукопись перевода П. С. Бобрищева–Пушкина «Мыслей» Паскаля, и до 19 мая, когда Лев Николаевич послал Свистунову эту рукопись. Но запись может относиться и к изданию Louandre'a «Мыслей» Паскаля, которое просил прислать ему П. Н. Свистунов в письме от 10 мая 1878 г. В ответ Толстой извещал Свистунова, что Паскаля придет «на днях». В этом случае запись могла быть сделана и несколько позднее 19 мая. Письма Толстого к Свистунову см. в КА, т. VI, а Свистунова к Толстому в сборнике: «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М. 1926.

Л. 841 Les cabinets et les peuples Bignon – сочинение французского публициста и историка Луи Биньона (1771–1841): «Des cabinets et des peuples depuis 1815» [«Правительства и народы с 1815 г.»], изданное в Париже в 1822 г.

Л. 20а1. Первая запись имеет в виду статью Н. В. Путяты «Николай Николаевич Муравьев» в «Современнике» 1852, № 5. Запись сделана, вероятно, на основании «Воспоминания о Н. В. Путяте» П. И. Бартенева в РА 1878, № 1, где на стр. 125 указана эта работа Путяты.

О значении второй записи: «1824-й год. Весна», см. стр. 503–504.

О том, что кн. Дмитрий Иванович Лобанов–Ростовский (1758–1838) был в 1824 г. министром юстиции Толстой прочел, вероятно, в книге М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время», т. VI, стр. 397.

О светл. кн. Петре Васильевиче Лопухине (1753–1827), как председателе Государственного совета в 1816–1827 гг. говорит Вигель в своих (стр. 62 пятой части изд. 1865 г.) воспоминаниях, внимательно штудированных Толстым.

Шишков заменяет Голицына. – Попов – 15 мая 1824 г. на место кн. А. Н. Голицына (1773–1844), бывшего министром народного просвещения с 1816 г., а в 1817–1824 гг. стоявшего во главе объединенных в одно министерство ведомств духовных дел и народного просвещения, был назначен А. С. Шишков (1754–1841). Василий Михайлович Попов (1771–1842), изувер мистик, был с 1817 г. директором департамента народного просвещения и был уволен одновременно с своим покровителем кн. А. Н. Голицыным. О смене Голицына Шишковым говорится в указанной книге Богдановича, стр. 389–395.

Румянцев? – Гр. Ник. Петр. Румянцев (1754–1826) был министром иностранных дел в 1809–1814 гг. По выходе в отставку проживал в

своей усадьбе в Гомеле.

Кочубей? – Кн. Виктор Павлович Кочубей (1768–1834) был в 1819–1823 гг. министром внутренних дел, а в 1824 г. жил в Одессе и за границей.

Пушкин... в Одессе. – Пушкин в качестве чиновника канцелярии новороссийского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова жил в Одессе с июля 1823 г. по июль 1824 г., когда был выслан в Михайловское. О Пушкине на юге Толстой читал в статье Бартенева «Пушкин в южной России» в РА 1866 г.

Ермолов на Кавказе – А. П. Ермолов (1772–1861) был главноуправляющим Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса в 1816–1827 гг.

Н. М. Карамзин с семейством в 1824 г. жил в доме не Е. Ф. Муравьевой (о ней см. стр. 559), а в доме Мижуева, как и записал Толстой во второй редакции записи о 1824 годе (см. стр. 460). О том, что Карамзин с 1818 г. жил в доме Е. Ф. Муравьевой, Толстой прочел, вероятно, в примечании Бартенева к письму Карамзина к Е. Ф. Муравьевой в РА 1867, стб. 458.

Обер прокурор. Секретари – нужны были Толстому для описания разбирательства дела в Сенате.

Л. 20а2. Семейство сосланного.... Мать убита – Запись непонятная. Ивашев – конечно, декабрист В. П. Ивашев.

Александр I был в Симбирске – О пребывании Александра I в Симбирске 5–7 сентября 1824 г. рассказывается в «Воспоминаниях моей жизни» Д. К. Тарасова в РС 1872, № 3, стр. 357.

14, 15 летняя девочка... в монастырь – Дочь костромского помещика Дмитрия Акимовича Апухтина (1768–1838) и жены его Марии Павловны Фонвизиной (1779–1842) Наталья Дмитриевна Апухтина (1805–1869), натура в высшей степени экзальтированная, под влиянием чтения жизнеописаний святых, шестнадцати лет тайком ушла из дома в монастырь. Источник, откуда Толстой взял эти сведения о Н. Д. Апухтиной, неизвестен, но в воспоминаниях М. Д. Францевой рассказывается об этом. См. ИВ 1888, № 5, стр. 393–394.

30 сент. 1878. Апухтина... любовь в жизни – О том, что Н. Д. Апухтина девушкой была влюблена в одного молодого человека, приехавшего в имение Апухтиных из Москвы, рассказывается в воспоминаниях М. Д. Францевой (ИВ, 1888, № 5, стр. 394). Толстой назвал этого человека Одоевским, намереваясь декабриста кн. А. И. Одоевского сделать героем своего романа. В сентябре 1822 г. Н. Д. Апухтина вышла замуж за своего двоюродного дядю, впоследствии декабриста, М. А. Фонвизина (1788–1854), а после его смерти, в мае 1857 г. за декабриста И. И. Пушина (1798–1859).

Л. 282. Предшествовавшие события в Европе – события в Европе, предшествовавшие 1824 году.

1820 Георг IV и хлебный бунт. – Георг IV (1762–1830), сын английского короля Георга III, вступил на престол в январе 1820 г. В 1819 г. в Манчестере произошло восстание пролетариата, вызванное высокими ценами на хлеб.

Занд убил Коцебу. – Студент Иенского университета Карл Занд (1795–1820) 23 марта 1819 г. заколол кинжалом писателя, агента русского правительства Августа Коцебу, выступавшего против академической свободы германских университетов. Занд был казнен в Мангейме 20 мая н. с. 1820 г.

Дерево свободы удобрить кровью – перевод лозунга «Für den Freiheitsbaum den Boden mit Blut düngen» [т. е. почву для дерева свободы удобрить кровью], популярного в студенческих радикальных кружках, из которых вышел Занд.

Ленинг покушался на жизнь Ибеля – В подражание Занду, в Швальбахе аптекарский помощник Ленинг неудачно покушался 1 июля 1819 г. на «президента правительства» герцогства Нассау Ибеля, закрывшего патриотическое «Германское общество».

Везде в германских княжествах конституции. – В 1816 г. была дана конституция великим герцогом саксен–веймарским; в 1818 г. – великим герцогом баденским и королем баварским; в 1819 г. – королем вюртембергским; в 1820 г. – великим герцогом гессен–дармштадтским; в 1821 г. – герцогом саксен–кобургским и в 1823 г. – герцогом саксен–мейнингенским.

Австрия Франц II и Метерних подавляет – Австрийский император Франц II (1792–1835) и канцлер Меттерних (1773–1859), ведя реакционную политику, являлись оплотом абсолютизма в Западной Европе.

Пруссия Фридрих Гарденберг подавляет – Прусский король Фридрих–Вильгельм III (1770–1840) и канцлер Гарденберг (1750–1822) по вступлении Пруссии в 1815 г. в Священный союз проводили реакционную политику.

Карлсбадское собрание. – Запретить журналы, лекции демагогов – Совещание в Карлсбаде 3–31 августа 1819 г. германских министров для подавления революционного и оппозиционного движения, вынесшее ряд постановлений, учреждавших надзор над университетами, вводивших строгую цензуру периодических изданий и образовавших центральную следственную комиссию для раскрытия революционных козней и демагогических обществ».

Штейн древней историей Германии занимается, чтобы соединить в одно – Государственный деятель Пруссии Штейн (1757–1831), стремившийся к объединению германских государств, задумал издание сборников источников и актов по истории немецкого средневековья, которое было предпринято основанным в 1819 г. обществом для изучения древнейшей немецкой историографии.

Русские – Рылеев – Имеется в виду интерес К. Ф. Рылеева к русской истории, выразившийся между прочим в его «Думах». Сближение Штейна с

Рылеевым и Карамзиным принадлежит, конечно, Толстому.

Людовик XVIII (1755–1824) – брат казненного французского короля Людовика XVI, бывший с 1791 г.: в эмиграции и после провозглашения реставрации Бурбонов в 1814 г. вступивший на престол.

Граф д'Артуа – титул будущего короля Франции (в 1824–1830 гг.) Карла X (1757–1836) в бытность его принцем. Герцогиня Ангулемская (1778–1851), дочь Людовика XVI, носившая до казни отца титул Madame Royale. В 1799 г. вышла замуж за своего двоюродного брата, герцога Ангулемского (1775–1844), сына графа д'Артуа. Monsieur – титул, который имел младший брат короля Франции. Последним, носившим этот титул, был граф д'Артуа при Людовике XVIII. Герцог Беррийский (1778–1820), второй сын графа д'Артуа, был женат на Каролине (1798–1870), дочери короля обеих Сицилий.

Герцог Беррийский был убит 13 февраля 1820 г. шорником Лувелем, имевшим намерение уничтожить династию Бурбонов. Через семь месяцев после смерти отца, 20 сентября 1820 г., родился сын герцога герцог Бордосский, граф Шамбор (1820–1883), последний представитель старшей ветви Бурбонов.

Деказ Эли (1780–1860) – министр внутренних дел при Людовике XVIII, получивший отставку под влиянием ультра-роялистов, считавших его виновником убийства герцога Беррийского.

Ройе-Коллар Пьер (1763–1845), философ и политический деятель. В эпоху реставрации и июльской монархии в палате депутатов возглавлял партию «доктринеров», старавшихся примирить конституционный порядок с монархической властью.

В. Constant – Констан Бенжамен (1767–1830) – известный писатель и политический деятель, член Палаты депутатов с 1819 г.

Л. 291. Испания. Фердинанд VII – Фердинанд VII (1784–1833) – король испанский в 1814–1833 гг., в царствование которого в стране господствовал реакционный террор.

Риего. Конституцию силой – Риего-и-Нуньес (1785–1823) – испанский революционер, офицер, глава военного заговора и восстания в Андалузии в 1820 г., автор гимна, доньне являющегося испанской марсельезой. Под влиянием восстаний Фердинанд VII восстановил конституцию 1812 г., Риего был назначен генерал-капитаном Арагонии, но в сентябре 1821 г. при возобновившейся реакции отставлен. Был взят в плен французскими войсками и выдан испанскому правительству, по приговору которого был повешен.

Португалия. Иоанн – Иоанн VI (1767–1826) – король португальский (1816–1826).

В 21 принужден принять конституцию – Иоанн VI в 1821 г. признал принятую кортесами (португальский парламент) испанскую конституцию 1812 г.

20 г. 2 июля Пепе... (Карбонарии) – Гульельмо Пепе (1782–1855) – неаполитанский политический деятель, организатор революционного движения в Неаполе в 1820 г. Бежав из Неаполя, прибыл в Авелино, где стал во главе революционных войск. Король неаполитанский Фердинанд IV (1751–1825), в 1816 г. принявший титул короля Обеих Сицилий под именем Фердинанда I, при известии об успехе восстания, возглавляемого Пепе, провозгласил конституцию, и 9 июля 1820 г. Пепе торжественно вступил в Неаполь. Карбонарии – тайное политическое общество, боровшееся в начале XIX в. против деспотизма Бурбонов, а затем против французского владычества в Неаполе.

Записи на л. 291 сделаны, вероятно, на основании третьего тома «Истории XIX столетия» Гервинуса.

Л. 292 – Записи представляют собою преимущественно список книг и статей, которые нужны были как источник исторических сведений для романа.

Брошюра о закладке храма 1817 принадлежит не Соловьеву, как записал Толстой, а Соколову. Книга эта называется: Историческое описание торжества, происходившего при заложении Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, 1817 года 12 октября. Соч. Павла Соколова. М. 1818. О существовании этой книжки Толстой узнал из записок А. Л. Витберга в РС 1872 г. № 2, стр. 192.

Биография Мудрова. Издан[ие] Университета – биография профессора патологии, терапии и клиники Московского университета Матвея Яковлевича Мудрова (1772–1831) в книге «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета» ч. II. М. 1855.

Ведомости 1818 и 24 – вероятно, газету «Московские ведомости», за 1818 и 1824 гг.

Якушкина записки. – Ко времени, когда была сделана запись, Записки И. Д. Якушкина были изданы Герценом в «Полярной звезде», кн. седьмая, вып. I. Лондон. 1861 и отдельной книгой в 1862 г. Затем «Записки» были изданы в Лейпциге Э. Л. Каспровичем дважды в 1874 г. В России «Записки» были напечатаны (не полностью) в РА 1870, № 8–9.

Рылеева биография – Толстой, вероятно, не имел в виду какую-нибудь определенную биографию.

1874. Р. А. I – Толстой, вероятно, описался и, вместо: «Р. В.», т. е. «Русский Вестник», написал: «Р. А.», т. е. «Русский Архив». В последнем в I книге за 1874 г. ничего нет по декабристам, а в «Русском вестнике» 1874, I имеется статья Д. А. Кропотова «Из биографии гр. М. Н. Муравьева».

Галерея 1812 – «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца». Изд. В. Межевича и И. Песоцкого. Спб. 1845–1849 в шести томах, заключающих 159 литографированных портретов и биографий, составленных А. И. Михайловским–Данилевским.

Бентама Пыпина или самого – Запись имеет в виду статьи Пыпина «Русские отношения Бентама» в «Вестнике Европы» 1869, февраль и апрель, а также и собственные сочинения английского публициста и философа Иеремии Бентама (1748–1832).

И. И. Дмитриев – «Взгляд на мою жизнь». Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева. В трех частях. М. 1866. Эта книга имеется в библиотеке Толстого.

Жу[ковского] для немногих – изданные В. А. Жуковским в Москве в 1818 году шесть маленьких книжек под заглавием «Für wenige» «Для немногих» – (книжки не поступали в продажу), заключавших в себе текст произведений немецких поэтов на немецком языке и рядом перевод этих произведений на русский язык, сделанный Жуковским. О существовании издания «Для немногих» Толстой мог узнать из книги Ег. Ковалевского «Граф Блудов и его время». Спб. 1866, стр. 117 (эта книга имеется в библиотеке Толстого), из письма К. Н. Батюшкова к А. И. Тургеневу (от июля 1818 г.), напечатанного в РА 1867, стб. 1517–1518 или, наконец, из сообщения кн. П. А. Вяземского «Письма Н. М. Карамзина к Жуковскому» в РА 1868, стб. 1836.

Александр Муравьев – вероятно, один из двух декабристов, или Александр Николаевич (о нем см. стр. 570–571) или Александр Михайлович (о нем см. стр. 558).

Л. 301. Происхождение записи об Александре I объяснить не можем.

Записная книжка Б: Стр. 1 (стр. 447–448) – Записи на этой странице представляют собою выписки из «Российской родословной книги, издаваемой кн. Петром Долгоруковым», части второй, Спб. 1855, стр. 103. Выписки Толстой сопроводил краткими записями, сделанными, вероятно, со слов лица, сообщавшего семейные предания.

Своему возвышению Чернышевы были обязаны денщику Петра I Григорию Петровичу Чернышеву (1672–1745), возведенному в графы (в 1742 г.) императрицей Елизаветой Петровой и положившему основание большому состоянию этого рода.

Сын гр. Григория Петровича гр. Иван Григорьевич (1726–1797) Павлом был пожалован президентом адмиралтейств-коллегии с чином, для него сочиненным «генерал-фельдмаршала по флоту». Первым браком он был женат на Елизавете Осиповне Ефимовской (1734–1755). Дочь его (как и все дети, от второго брака) гр. Екатерина Ивановна (1766–18..) с 1789 г. была замужем за сенатором Федором Федоровичем Вадковским (1756–1806). Вторая дочь гр. Анна Ивановна (17..–1817) была замужем за Александром Алексеевичем Плещеевым (р. в 1778, а не в 1780 г., как записано Толстым на стр. 7).

Сын гр. Ивана Григорьевича, отец декабриста, гр. Григорий Иванович, р. в 1762 г., ум. 2 января 1831 г. (а не в 1830 г., как показано у Долгорукова и списано Толстым).

Теща гр. Григория Ивановича, рожд. гр. Анастасия Петровна Салтыкова,

дочь фельдмаршала гр. Петра Семеновича Салтыкова (1700–1772) и Прасковьи Юрьевны, рожд. кж. Трубецкой, была замужем за д. т. с. Петром Федоровичем Квашниным–Самариным (1743–1815).

Брат ее, фельдмаршал гр. Иван Петрович Салтыков (1730–1805) был женат на гр. Дарье Петровне Чернышевой (1739–1802).

Старшая дочь гр. Григория Ивановича, гр. Софья Григорьевна, была замужем с 1828 г. за т. с. Иваном Гавриловичем Кругликовым (1787–1847), наследовавшим Чернышевский майорат и получившим фамилию гр. Чернышева–Кругликова. Дочь их, гр. Елизавета Ивановна – мать В. Г. Черткова.

Записав четыре вопроса о гр. Софье Григорьевне и ее муже, Толстой на оставленном месте для ответов на эти вопросы записал сведения о дяде отца декабриста, гр. Захаре Григорьевиче Чернышеве (1722–1784), вероятно, сыне Петра I и фаворите Екатерины II, генерал–фельдмаршале, наместнике Белоруссии в 1774–1782 гг. и главнокомандующем в Москве в 1782–1784 гг. По смерти отца став владельцем имения Ярополец (Волоколамского уезда Московской губ.) с 6000 десятин и 1200 крепостных «мужского пола душ», Захар Григорьевич получил в 1774 г. в пожалование местечко Чечерск (Чичерск) (Гомельского уезда Могилевской губ.) с 84000 десятин и 4500 душ и разнообразными угодьями. В этом же году из этих имений был образован первый в России майорат, собственником которого после смерти бездетного Захара Григорьевича сделался брат его Иван Григорьевич. Фактически владела и управляла майоратными имениями вдова Захара Григорьевича Анна Иродионовна, рожд. бар. фон–Ведель (1745–1830), дочь бар. Иродиона Кондратьевича фон–Ведель (ум. 1754 г.) и Анастасии Богдановны Пассек (ум. в 1756 г.). О семье Ведель Пушкин в 1831 г. со слов не названного им лица записал рассказ, дав ему заглавие «Богородицыны дочки». В записи этой говорится о том, что вдова денщика Петра I Веделя, будто бы заколовшего царевича Алексея Петровича, с тремя дочерьми жили в большой бедности. «Об них напомнили императрице Елизавете, она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых Ведель. Князь Одоевский выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девуцы призваны были ко двору и приняты на ногу фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине; одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем». [397] О венчании в д. Шаховского Анны Иродионовны с гр. Захаром Григорьевичем, вероятно, и говорит запись Толстого. Слова: Живет там разумеют жизнь Анны Иродионовны в Чечерксе (о Чечерксе в 1830–ых гг. см. в «Записках декабриста» бар. А. Е. Розена. Изд. «Общественная польза», стр. 272 и в воспоминаниях М. Д. Бутурлина – РА, 1897, № 8, стр. 577).

Слова: Еще брат, которому перешло 3 имения Скорняково через Ушакова от Скорнякова Таг[ино] говорят о брате гр. Захара Григорьевича Чернышева гр. Петре Григорьевиче Чернышеве (1712–1773), бывшем в 1740–1755 и в 1760–1763 гг. посланником при Датском, Прусском, Английском и Французском дворах, женатом на Екатерине Андреевне Ушаковой (1715–1779), дочери начальника тайной розыскной канцелярии при Анне Иоанновне, Андрея Ивановича Ушакова (1672–1747). Имение

Тагино (Тагин) в 7 в. от Орла заключало в себе 14000 десятин прекрасного чернозема. В селе Скорнякове (Архангельское) Задонского уезда Воронежской губ., на левом берегу Дона, был винокуренный завод. В третьем имении, не названном Толстым – Пустотине Ряжского уезда Рязанской губ. была ткацкая фабрика. В этих имениях в 1830–ых гг. было около 4500 ревизских душ.

После смерти гр. Петра Григорьевича и его вдовы, не оставивших мужского потомства, имения эти перешли к гр. Ивану Григорьевичу, а после смерти последнего к его сыну, гр. Григорию Ивановичу.

Год рождения второй дочери гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых – гр. Александры Григорьевны до сих пор не был известен и поставленный Толстым «1800», вероятно, правлен.

Указанием бар. А. Е. Розена, что гр. Александра Григорьевна была «единственная белокурая из всех смуглых Чернышевых» («Записки декабриста» гл. IX) воспользовался Толстой во «втором варианте» первой главы романа «Декабристы» (см. стр. 48). 22 февраля 1823 г. в Петербурге она вышла замуж за декабриста Никиту Михайловича Муравьева, за которым последовала в Сибирь, где и умерла 22 ноября 1832 г. в Петровском заводе.

Екатерина Павловна Бакунина (1795–1863), дочь д. с. с. Павла Петровича и Екатерины Александровны Саблуковой (1779–18..), вышла замуж в 1834 г. за Александра Александровича Полторацкого (1792–1855). Екатерина Павловна – предмет первой любви Пушкина, воспевшего ее в ряде лицейских стихотворений. Непонятно, почему Толстой здесь о ней сделал запись.

Третья дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых – гр. Елизавета Григорьевна (р. по родословной у Лобанова–Ростовского в 1805 г., а не в 1804, как записано у Толстого, ум. в 1858 г.). Описывая ее наружность, гр. М. Д. Бутурлин говорит о «правильных и тонких античных чертах лица» и о том, что «с ранних лет она была невероятно худа и осталась таковою до смерти». («Записки» гр. М. Д. Бутурлина в РА 1897, № 5, стр. 39–40). В 1828 г. (а не в 1827, как записано у Толстого) она вышла замуж за Александра Дмитриевича Черткова (р. в 1789 г., а не в 1784, как записано у Толстого, ум. в 1858 г.), бывшего в 1849–1857 гг. президентом имп. Общества историй и древностей российских, основателя «Чертковской» библиотеки в Москве. В 1809–1822 г. Чертков служил в л.-гв. Конном полку, где в 1815–1822 гг. исполнял должность казначея; в Гусарском эрцгерцога Фердинанда полку он служил в 1827–1829 гг. и казначеем не был. Имение Александра Дмитриевича Черткова при дер. Дегтярной, Валуйского у. Воронежской губ. в 9000 д.

Что значат слова: с кинжалом объяснить не можем.

Пятая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых – гр. Вера Григорьевна (1808–18..) была замужем с 1830 г. за сыном организатора заговора против Павла I гр. Петра Алексеевича Палена, д. т. с. гр. Федором Петровичем Паленом (1780–1863). О ее внешности гр. М. Д. Бутурлин писал, что «это было такое создание, от которого трудно было отводить глаза» («Записки» гр. М. Д. Бутурлина, РА 1897, № 5, стр.

40).

Четвертая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых – гр. Наталья Григорьевна (1806–1884) была замужем с 26 августа 1834 г. за Николаем Николаевичем Муравьевым (Карским) (1793–1867), кавказским наместником в 1854–1856 гг., первым браком (с 22 апреля 1827) женатым на Софье Федоровне Ахвердовой (1809–1830).

Шестая дочь гр. Г. И. и Е. П. Чернышевых – гр. Надежда Григорьевна (1813–1853) была замужем с 1838 г. за кн. Григорием Алексеевичем Долгоруковым (1811–1856). М. Д. Бутурлин писал, что Надежда Григорьевна «роста была мужского, смуглая, как цыганка, и с сильным, киноварным румянцем во всю щеку, до самых ушей, с выразительными темными глазами... Вся ее фигура была величава и эффектна» (РА 1897, № 5, стр. 40).

Слова «M-me Bradley обожали» объяснить не можем. Вероятно, m-me Bradley – англичанка гувернантка у Чернышевых, но в мемуарной литературе она не упоминается.

Стр. 3 (Стр. 449). Гр. Захар Григорьевич Чернышев (р. в 1796 или 1797 г., ум. в 1862 г.) воспитывался дома под руководством «прусского уроженца из города Берлина» француза Жуайе (о нем см. РА 1897, № 5, стр. 21), а затем в Муравьевской школе колонновожатых. Поступил в Кавалергардский полк в 1817 г. Произведен в ротмистры в 1824 г. Как член Южного общества был арестован в Тагине 20 декабря 1825 г. и посажен в Петропавловскую крепость. Осужденный по VII разряду был приговорен в каторжную работу на два года (срок был сокращен до одного года). В апреле 1827 г. поступил в Нерчинские рудники, затем жил на поселении в Якутске. В апреле 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, где принимал участие в боях с горцами. В январе 1837 г. уволен в отставку с обязательством жить в имении Яропольце. В 1841–1846 гг. состоял на гражданской службе в Орле и в Москве. В 1856 г. гр. З. Г. Чернышев с женой выехал за границу, где (в Риме) и умер. Женат был с 1834 г. на Екатерине Алексеевне Тепловой.

Влюблен был гр. З. Г. Чернышев в кж. Софью Александровну Салтыкову (1806–1841), внучку фельдмаршала кн. Ник. Ив. Салтыкова, дочь т. с. кн. Александра Николаевича (1775–1837) и гр. Наталии Юрьевны Головкиной (1787–1860). Кж. С. А. Салтыкова была замужем за гр. Григорием Петровичем Шуваловым (1804–1859), сыном гр. Петра Андреевича Шувалова (1771–1808). и кж. Софьи Григорьевны Щербатовой (ум. в 1849 г.). В литературе о З. Г. Чернышеве нет указаний на его юношеское увлечение Салтыковой.

В Петербурге на Каменном острове у Чернышевых была собственная дача, где они жилали по летам. (См. РА, 1873, II, стр. 182.)

Записи, повидимому, относящиеся к З. Г. Чернышеву: Генер[алом?] не бывать..... игрок объяснить не можем по отсутствию сведений об этом в литературе о З. Г. Чернышеве.

Стр. 4 (стр. 449). О гр. Е. П. Чернышевой М. Д. Бутурлин вспоминал,

как о «женщине с сильным характером, граничившим даже со строгостью в деле семейного управления». (РА, 1897, № 6, стр. 204.) Муж ее был плохой хозяин, и именьями и домами управляла Елизавета Петровна. Фотий, поклонницей которого она была – известный изувер, архимандрит, настоятель новгородского Юрьевского монастыря (до пострижения Петр Никитич Спасский р. 1792, ум. 1838).

Запись: Софья матери Лиз[авета] отца очевидно, нужно понимать как: «Софья – любимица матери, Лизавета – любимица отца».

Стр. 5 (стр. 449–450). Гр. Григория Ивановича Чернышева Бутурлин характеризует, как «офранцузенного екатерининского вельможу», очень любезного в обществе, свободно писывавшего французские вирши и довольно плохо знавшего русский язык. В молодости он служил военным и участвовал во взятии Измаила, но скоро сменил военную карьеру на службу при дворе, где одно время управлял французской труппой». В мемуарной литературе о нем нет указаний на то, что он был «безбожник», «вольтерьянец», как записано у Толстого. Известно, что он был видным масоном. (См. М. Д. Бутурлин «Записки» РА, 1897, № 5, стр. 43 и Н. М. Дружинин «Семейство Чернышевых и декабристское движение», – «Ярополец». Сборник статей. Труды Общества изучения Московской области. Вып. 8. М. 1930. стр. 19. Статья Дружинина основана на неопубликованных архивных материалах.)

Большое наследство от отца досталось Григорию Ивановичу в расстроенном состоянии, которое он мог только ухудшить своей расточительностью. Поэтому над всеми именьями был назначен опекуном гр. Я. Е. Сиверс, замененный в 1798 г. Г. Р. Державиным, который и управлял делами Чернышева до 1806 г., значительно их улучшив. (См. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академическое издание. Спб. 1876, т. VI, стр. 678–680 и указ. ст. Дружинина стр. 20.) Кроме названных выше имений и дачи (см. стр. 553–554), Г. И. Чернышев имел дом в Петербурге (на Мойке у Синего моста), проданный им в начале 1820-ых годов в казну (см. РА 1897, № 5, стр. 43).

Стр. 6 (стр. 450). Кроме приведенных выше (см. прим. к стр. 1) сведений об Е. И. Вадковской, можно добавить, что ей принадлежит автобиографический роман «Правдивая история женщины, которую считали очень лживой» (см. РА, 1914, № 6–7).

Сын ее Федор Федорович Вадковский (1800–1844) учился в Московском университетском и в частных пансионах. Поступил в Кавалергардский полк в 1822 г., но в 1824 г. «за неприличное поведение», выразившееся, кажется, в том, что Вадковским были написаны стихи против начальства и в. к. Михаила Павловича, был переведен в Нежинский конноегерский полк. С 1822 г. Вадковский был членом Северного общества, а в 1824 г. перешел в Южное. Поддавшись на провокацию Шервуда, был выдан последним и арестован 10 декабря 1825 г. Осужденный по I разряду, приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами каторги. По выходе из Петровского завода жил на Туркинских минеральных водах, а затем в с. Оёке (Иркутского округа), где и умер от чахотки.

«Афинские вечера». В литературе о декабристах об этом нет сведений.

Стр. 7 (стр. 450). Об Анне Ивановне Плещеевой, рожд. гр. Чернышевой, см. прим. к стр. 1.

Александр Алексеевич Плещеев (р. в 1778 г., а не в 1780 г., как записано у Толстого, ум. в 1862 г.) сын Алексея Александровича Плещеева и Настасьи Ивановны, рожд. Протасовой, которым посвящены «Письма русского путешественника» Карамзина, женатого первым браком на Елизавете Ивановне Протасовой (1767–1802), сестре Настасьи Ивановны. Александр Алексеевич, человек весьма одаренный, писал пьесы, стихи, сочинял музыку, хорошо играл на сцене. С ним очень дружили Карамзин, Жуковский, А. И. Тургенев, кн. П. А. Вяземский. По смерти жены, приехав в Петербург, Плещеев, по предложению Жуковского, был избран в члены «Арзамаса», где получил прозвище «Черного врана». В имениях своих Болховского уезда Орловской губ. Черни и Знаменском Плещеев жил на широкую ногу, устраивая многочисленным гостям всякого рода празднества и увеселения.

Стр. 8 (стр. 450). Отец декабриста кн. Иван Сергеевич Одоевский (р. в 1769 г., а не в 1770 г., как записано у Толстого, ум. в 1839 г.), сын кн. Сергея Ивановича Одоевского (1743–1811) и кж. Елизаветы Алексеевны Львовой (1743–1800), первым браком был женат на кж. Прасковье Александровне Одоевской (1770–1820), дочери кн. Александра Ивановича Одоевского (1738–1797) и Марьи Федоровны Вадковской (1751–1786). В одном из своих показаний Следственной комиссии кн. А. И. Одоевский писал: «Воспитывался я у моих родителей. Учители мои были: российского языка и словесности д. с. с. непремный секретарь Императорской Российской Академии Соколов; Французского: Геро, Шопен». («Восстание декабристов». Материалы. Том II, 1926, стр. 245.)

Жан Мари Шопен (1794–1870), родившийся и умерший в Петербурге, служил секретарем русского посла в Париже кн. А. Б. Куракина, занимался переводами на французский язык произведений русских писателей. Шопену принадлежит первый перевод «Бахчисарайского фонтана» Пушкина. В «Revue indépendante» 1843, т. VIII Шопен напечатал очерк русской литературы, в который включил перевод стихотворения своего ученика кн. А. И. Одоевского «Молитва русского крестьянина». (См. Б. Николаевский, «Затерянное стихотворение А. И. Одоевского». – «Декабристы и их время», т. I. Изд. об-ва политкаторжан.)

Петр Иванович Соколов (1764–1835) член Российской Академии и непремный секретарь в 1802–1835 гг., автор учебников и словарей, переводчик с французского и греческого языков.

Кн. Александр Иванович Одоевский (1802–1839), поэт, друг Грибоедова, А. А. Бестужева и Рыльева, получив домашнее образование, служил с 1821 г. в л.-гв. Конном полку. В качестве члена Северного общества был арестован 17 декабря 1825 г. Осужденный по IV разряду, был приговорен в каторжную работу на 12 лет, сокращенную на 8 лет. По выходе на поселение в 1832 г. жил сначала в Иркутской, а затем в Тобольской губ. В 1837 г. переведен рядовым на Кавказ, где и умер от

малярии.

Имение кн. И. С. Одоевского – с. Николаевское Юрьевского у. Владимирской губ. с 117 ревизскими душами в 1826 г.

Стр. 9 (стр. 450–451). Кн. Прасковья Александровна Одоевская – мать декабриста. О ней см. выше, прим. к стр. 8.

Сестра ее Варвара Александровна (17..–1845) была замужем за Дмитрием Сергеевичем Ланским (1767–1834), бывшим в 1806–1811 гг. Московским, а в 1811–1812 гг. – Киевским губернатором.

Стр. 10 (стр. 451). Дмитрий Сергеевич Ланской – сын Сергея Артемьевича Ланского и Анны Федоровны Ушаковой (1724–1809).

Стр. 11 (стр. 451). Никита Михайлович Муравьев (р. в 1796 г., а не в 1795 гг., как записано у Толстого, ум. в 1843 г.) первоначальное образование получил дома, а потом в Московском университете, где слушал лекции у профессоров математических наук. Поступив в 1813 г. в свиту Александра I по квартирмейстерской части, участвовал в войне 1812 г. По взятии Парижа довольно долго жил там. В 1814 г. перевелся в Гвардейский генеральный штаб. В 1820 г. вышел в отставку, но в 1821 г. снова поступил на службу. Один из самых видных декабристов, член Союза спасения и Союза благоденствия, автор проекта монархической конституции, член Верховной Думы Северного общества. Был арестован в имении Чернышева Тагине 20 декабря 1825 г. Осужденный по I разряду, был приговорен к 20 годам каторжных работ, которые были сокращены сначала до 15, а затем до 10 лет. Вышел на поселение в 1836 г. и поселен в Иркутской губ., где и умер.

Отец его Михаил Никитич (1757–1807), друг Карамзина и его последователь, как писатель. С 1785 г. по приглашению Екатерины II преподавал в. к. Александру и Константину Павловичам русскую словесность, русскую историю и нравственную философию. В 1800 г. назначен сенатором; в 1803–1807 гг. был товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета.

Сестра Михаила Никитича, тетка декабриста, Федосья Никитична, была замужем за Сергеем Михайловичем Луниным, отцом декабриста.

Брат Никиты Михайловича, тоже декабрист, Александр Михайлович Муравьев (1802–1853) служил с 1824 г. в Кавалергардском полку. Как член Северного общества, осужденный по IV разряду, был приговорен к каторжным работам на 12 лет, сокращенным до 8 лет. В 1832 г. должен был выйти на поселение из Петровского завода, но остался в тюрьме, не желая расставаться с братом. В 1835 г. поселился с братом в Иркутской губ. В 1844–1853 гг. служил чиновником в Тобольске, где и умер.

Имение Муравьевых Старо-Ивановка Бирючского у. Воронежской губ. в 11 000 десятин принадлежало в 1861 г. дочери декабриста Екатерине Никитичне Муравьевой.

С семьей директора импер. Публичной Библиотеки Алексея Николаевича

Оленина (1763–1843), женатого на Елизавете Марковне, рожд. Полторацкой (1768–1838), была очень близка семья Михаила Никитича Муравьева. У Алексея Николаевича были дети: Николай, убитый под Бородиным, Петр (1793–18..), впоследствии генерал-майор, Алексей (1797–1854), Анна (1808–1888), за которой ухаживал Пушкин, вышедшая замуж за Ф. А. Андро, и Варвара (1802–1877).

О какой ссоре с кем из них говорит запись Толстого, сказать не можем. В 1823 г. Никита Михайлович женился на гр. Александре Григорьевне Чернышевой. (См. выше прим. к стр. 1.). В это время Н. М. Муравьеву шел 27-й год, а Александре Григорьевне 23-й.

Дед декабриста по матери, бар. Федор Михайлович Колокольцов (1732–1818), сенатор, последние годы своей жизни жил у дочери Е. Ф. Муравьевой.

Petra – воспитатель Никиты Михайловича Муравьева. О смерти Petra писал К. Н. Батюшков 1 мая 1812 г. В. А. Жуковскому (Сочинения Батюшкова. Спб. 1886, т. III, стр. 180).

В 1812 г. Никита Михайлович убежал из дому воевать с французами, но был задержан и доставлен родителям. Об этом рассказывает в своей статье декабрист П. Н. Свистунов в РА 1871, стб. 336–337, где Н. М. Муравьев назван «17-летним студентом Московского университета».

Записи об Андрее, повесившихся и о собаке – непонятны.

Стр. 12 (стр. 451–452). Мать декабриста, Екатерина Федоровна (1771–1848) – дочь бар. Федора Михайловича Колокольцова (см. прим. к стр. 11) и Марьи Ивановны Аничковой (1747–1806).

Петр Михайлович Дружинин (1764–1827) – в 1802–1827 гг. директор училищ Московской губ. В бытность Мих. Ник. Муравьева попечителем Московского университета Дружинин пользовался его покровительством и был близок к его семье.

Записи: Анна Ивановна Таман[ская] и Секретарь объяснить не можем.

Какого Понятовского понимает запись, сказать трудно. Может быть это Евгений Осипович Понятовский (1796–185?), служивший в 1819–1823 гг. в Кавалергардском полку, приятель декабриста гр. З. Г. Чернышева. (О Е. О. Понятовском см. «Сборник биографий кавалергардов», 1801–1826. Составлен под ред. С. Панчулидзева. Спб. 1906, стр. 340.)

Запись: Шиллинг – толстый несомненно понимает бар. Павла Леонтьевича Шиллинга фон-Канштадта (1786–1837), изобретателя электромагнитного телеграфа и сиолога, в 1814–1827 гг. служившего в Коллегии иностранных дел. О П. Л. Шиллинге К. С. Сербинович в своих воспоминаниях пишет, что он был «необыкновенно толстый» (РА 1874, № 10, стр. 247).

Александра Николаевна Батюшкова (ум. в 1826 г.), сестра поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), приходившегося двоюродным племянником Михаилу Никитичу Муравьеву, в доме которого

воспитывался поэт.

Последние записи на 12 странице объяснить не можем.

Стр. 13 (стр. 452). Сергей Иванович Муравьев–Апостол (1796–1826) – вождь восстания Черниговского полка, казненный 13 июля 1826 г. Один из основателей Союза Спасения и Союза Благоденствия (в 1817 г.), член Южного общества (с 1822 г.), автор «Катехизиса», прочитанного восставшему полку. Был ранен 3 января 1826 г. при столкновении с правительственными войсками и взят в плен.

Сравнение записей на страницах 13–14, во–первых, с текстом биографического очерка «С. Муравьев–Апостол», написанного Мих. Баласом во многом со слов Матвея Ивановича Муравьева–Апостола и напечатанного в майской книжке РС за 1873 г. (стр. 654–676), во–вторых, с текстом замечаний самого Матвея Ивановича на очерк Баласа, напечатанных в июльской книжке РС за этот же год (стр. 105–111), приводит к заключению, что записи сделаны Толстым не только по этим печатным источникам, но и, надо думать, со слов Матвея Ивановича Муравьева–Апостола.

Старший брат Сергея Ивановича, Матвей Иванович (1793–1886) воспитывался вместе с братом в Париже в пансионе Них’а, а по приезде в Россию в Корпусе инженеров путей сообщения, откуда в 1811 г. поступил в Семеновский полк, с которым проделал кампанию 1812–1814 гг.; в 1818–1821 гг. был адъютантом Малороссийского генерал–губернатора Н. Г. Репнина, в 1822–1823 гг. служил в Полтавском пехотном полку, откуда вышел в отставку. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества; принял участие в восстании Черниговского полка. Осужденный по I разряду, был приговорен к 20 годам каторжных работ, сокращенных до 15 лет. Из тюрьмы в Рогенсальме был отправлен на поселение в Якутскую область, затем жил в Омской области и в Тобольской губ. С 1857 г. жил в Московской губ., Твери и Москве, где и умер. Его «Воспоминания и письма», собранные С. Я. Штрайхом, изданы в 1922 г.

Запись медлительный относится к Сергею Ивановичу. Может быть, она сделана на основании замечания в очерке Баласа, что переговоры комиссаров Южного общества С. И. Муравьева–Апостола и М. П. Бестужева–Рюмина с представителями Польского тайного общества велись «вяло и медленно» (указ. соч. стр. 665).

Запись: Влюблен Пушкин – непонятна.

Стихи французские – очевидно, стихи Сергея Ивановича, напечатанные в очерке Баласа в качестве эпиграфа (стр. 654).

Прасковья Васильевна Грушецкая (1780–184.) – не теща, как записано у Толстого, а мачеха Сергея Ивановича Муравьева–Апостола.

Первоначальное обучение Сергей Иванович получил в парижском пансионе Них’а (очерк Баласа, стр. 656–657). В 1809 г. (см. там же, стр. 657 и 658), а не в 1808 г., как сказано у Толстого, вместе с братом Матвеем привезен был матерью в Петербург. Здесь оба брата были

отданы в Институт инженеров путей сообщения, основанный Августином Августовичем Бетанкуром (1758–1824). Из Института Сергей Иванович был выпущен прапорщиком в 1811 г. (очерк Баласа, стр. 658). «Весь офицерский класс корпуса путей сообщения, в котором брат находился, прибыл на службу в армию перед Бородинским сражением, в котором и участвовал». (Замечания М. И. Муравьева–Апостола. РС, 1873, № 7, стр. 108.)

Сергей Иванович состоял «в партизанском отряде ген. ад. Петра Ожаровского», сказано у Баласа (стр. 658), ошибшегося в имени Ожаровского, которого звали не Петром, а Адамом Петровичем. А. П. Ожаровский (1776–1855) – участник войн с Наполеоном, отличавшийся храбростью.

В 1813 г. Сергей Иванович был переведен в сформированный по мысли сестры Александра I Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской, батальон из ее удельных крестьян, которым командовал кн. Александр Петрович Оболенский (1780–1855). (См. очерк Баласа, стр. 658, где, впрочем, нет инициалов имени и отчества кн. Оболенского.)

Стр. 14 (стр. 452–453). В декабре 1814 г. Сергей Иванович был переведен бессменным ординарцем к командовавшему корпусом Николаю Николаевичу Раевскому (1771–1829) (см. там же, стр. 658–659 и замечания М. И. Муравьева–Апостола, стр. 108), а в 1816 г. – в Семеновский полк (очерк Баласа, стр. 659; Матвей Иванович (стр. 108) указывает 1815 г.). В 1817 г. Сергей Иванович явился одним из основателей Союза спасения (Балас, стр. 659). За участие в известной «истории» Семеновского полка 1820 г. переведен в армию.

Иван Матвеевич Екатериной II был определен «кавалером», т. е. воспитателем внуков ее, Александра и Константина Павловичей.

Мать декабриста Анна Семеновна, рожд. Черноевич (р. ок. 1770–1810), дочь серба, Семена Михайловича Черноевича (ум. в 1772 г.), генерала австрийской службы, перешедшего на службу в Россию, и Елизаветы Аристарховны Кашкиной (ум. 179.). См. очерк Баласа, стр. 655.

Иван Матвеевич Муравьев–Апостол (р. в 1762 г., ум. в 1851 г., как указано у Баласа, стр. 656, а не в 1850 г., как записано у Толстого), один из образованнейших людей своего времени, был посланником в Гамбурге в 1796–1799 гг., вице–президентом Иностранной коллегии в 1800–1802 гг. и посланником в Мадриде в 1802–1805 гг. Выйдя в этом году (см. замечания М. И. Муравьева–Апостола, стр. 107, 108, а не в 1808, как записано у Толстого со слов Баласа на стр. 656) в отставку, Иван Матвеевич поселился в своем имении Бакумовке Миргородского у. Полтавской губ. Младший сын его Ипполит Иванович р. м. б. в 1806 г. (а не в 1805, как указано у Баласа на стр. 674), член Северного Общества, участник восстания Черниговского полка, был ранен в бою и тут же застрелен, 3 января 1826 г.

Сергей Иванович родился в Петербурге в доме протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского (1732–1815). См. очерк Баласа, стр. 656.

Женился на Анне Семеновне Черноевич Иван Матвеевич в 1790 г., а на

Прасковье Васильевне Грушецкой в 1812 г.

От первого брака были дети: 1) Елизавета Ивановна (1791–1814), бывшая замужем (как указано у Толстого с 1810 г.) за камергером Францем Петровичем Ожаровским, в 1812–1816 гг. управляющим Царскосельским дворцовым управлением. Ее красотой восхищался К. Н. Батюшков. 2) Матвей Иванович, женившийся в Сибири (в 1832 г.) на Марье Константиновне Константиновой (1811 (?) – 1883), 3) Екатерина Ивановна (р. в 1795), бывшая замужем за ген.-лейт. Илларионом Михайловичем Бибиковым (17..–1861), Нижегородским в 1829–1836 гг., Калужским в 1831–1837 гг. и Саратовским в 1837–1839 гг. губернатором, и получившая в приданое имение Хомутец Миргородского у. Полтавской губ. По сообщению Малороссийского военного губернатора в 1826 г. у Ив. Матв. Муравьева–Апостол в Миргородском повете Полтавской губ. состояло 3478 душ (см. КА, т. 15, стр. 186). 4) Сергей Иванович, холост, 5) Анна Ивановна (р. в. 1797), бывшая с 1820 г. замужем за Александром Дмитриевичем Хрущевым и получившая в приданое Бакумовку, 6) Елена Ивановна (р. в 179.), бывшая замужем с 1823 г. за Семеном Васильевичем Капнистом (1791–1843) и 7) Ипполит Иванович, холостой. От второго брака: 1) Василий Иванович (1817–1867), женившийся на Мариамне Владимировне Гурко, 2) Евдокия Ивановна (ум. в 1850 г.), бывшая замужем за кн. Александром Петровичем. Хованским, и 3) Елизавета Ивановна младшая, бывшая в первом браке за бар. Стальдингом и во втором за Видбургом.

Стр. 15 (стр. 453). Хомутец – имение И. М. Муравьева–Апостол Миргородского у. Полтавской губ. В согласии с записью Толстого о расстроенных делах находится сообщение Малороссийского военного губернатора 1826 г. о материальном положении семьи Муравьевых–Апостол. См. КА, т. 15, стр. 786. Об имениях Ив. Матв. Муравьева–Апостол см. еще в КА, т. 30, стр. 218.

Стр. 17 (стр. 453). Запись: Родные сестры, тетки, братья разумеет, очевидно, все тех же Муравьевых–Апостол, т. е. то, что записано на стр. 14. Родных теток (со стороны отца) у Матвея и Сергея Ивановичей не было.

Екатерина Федоровна Муравьева (о ней см. стр. 11–12) по мужу приходилась Матвею и Сергею Ивановичам Муравьевым–Апостол двоюродной теткой. Семьи Михаила Никитича Муравьева, Ивана Матвеевича Муравьева–Апостол и Алексея Николаевича Оленина были очень близки между собой, о чем свидетельствуют, между прочим, письма К. Н. Батюшкова. Анна Семеновна Муравьева–Апостол скончалась в московском доме Екатерины Федоровны Муравьевой.

О Ф. Н. Луниной см. стр. 11. У Луниных действительно был дом в Коломне.

Стр. 19 (стр. 453). Кондратий Федорович Рылеев – один из виднейших декабристов. По окончании Первого кадетского корпуса, поступил в конную артиллерию и в 1814–1815 гг. участвовал в заграничной кампании. Выйдя в 1818 г. в отставку, женился и переехал в Петербург, где занялся литературной деятельностью, служа в 1821–1824 гг. заседателем от дворянства Петербургской палаты Уголовного суда,

а с 1824 г. правителем канцелярии Российско–Американской компании. Член Северного общества и один из его директоров, был главным организатором восстания 14 декабря на Сенатской площади. Казнен 13 июля 1826 г.

К. Ф. Рылеев р. в 1795 г., а не в 1796, как записано у Толстого. Отец его Федор Андреевич (ум. в 1814 г.), управляющий имениями кн. В. В. Голицыной, был женат на Анастасии Матвеевне Эссен (ум. в 1824 г.). Человек грубый и жестокий, он плохо жил с женой и имел побочную дочь Анну Федоровну Федорову (ум. в 1858 г.).

Под манифестацией Толстой разумеет события на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Стр. 20 (стр. 453). Женился К. Ф. Рылеев 22 января 1820 г. на Наталье Михайловне Тевяшевой (ум. в 1853 г.), дочери воронежского помещика Михаила Андреевича Тевяшева.

Стр. 21 (стр. 453). Михаил Павлович Бестужев–Рюмин (1801–1826) – деятельный член Южного общества. В 1818 г. Бестужев–Рюмин поступил в Кавалергардский полк, откуда в 1820 г. перешел в Семеновский. После восстания полка переведен в Полтавский пехотный полк. Казнен 13 июля 1826 г.

Отец Михаила Павловича, Павел Николаевич Бестужев–Рюмин (1760–1826) был городничим в Горбатове Нижегородской губ., а не в Бронницах (Московской губ.), как, очевидно, записал Толстой. Мать декабриста Екатерина Васильевна (ум. в ноябре–декабре 1825 г.) была дочерью Грушецкого и Надежды Ивановны рожд. Вихляевой, вышедшей вторично замуж (в 1787 г.) за кн. Ивана Федоровича Голицына (1731–1798), ген.-от-инфантерии (с 1796 г.), у которого детей от Надежды Ивановны не было.

У декабриста было три брата – Николай Павлович (1790–1848), отец историка, первым браком (с 1809 г.) женатый на Евдокии Петровне Свечиной и вторым браком на Вере Николаевне Поливановой, Иван Павлович (1787–1866), умерший членом департамента уделов, и Владимир Павлович, убитый в сражении под Фридландом в 1807 г. О сестре их не имеем никаких сведений.

Стр. 22 (стр. 453). Андрей Иванович Борисов – основатель Общества соединенных славян. Служил в 8 артиллерийской бригаде. Выйдя в отставку, в 1824 г. жил в Курской губернии, но в 1825 г. принимал участие в делах Общества. Осужденный по I разряду, был приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами. По выходе из Петровского завода в 1839 г. жил на поселении в Иркутской губернии. Страдал психической болезнью и после смерти брата, с которым жил вместе, покончил с собой в 1854 г.

А. И. Борисов родился в 1798 г., а не в 1797, как записано у Толстого. Он был сыном отставного штаб–офицера Черноморского флота Ивана Андреевича Борисова (р. в 1758 г.) и Прасковьи Емельяновны Дмитриевой. По сообщению Слободско–украинского гражданского губернатора в 1826 г. отец А. И. Борисова, «имеющий от роду 68 лет,

живет с женою своею и детьми: двумя дочерьми и одним сыном Слободско–Украинской губернии Ахтырского уезда в слободе Боромле. Именья у него нет никакого; находится в самом бедном положении и поддерживает себя одним получаемым из казны пенсионом, из 200 р. в год состоящим» (КА, т. 15, стр. 172).

Стр. 23 (стр. 453–454). Наталья Дмитриевна Апухтина (1805–1869), дочь капитана Дмитрия Акимовича Апухтина (1768–1838) и Марьи Павловны Фонвизиной (1779–1842), первым браком (с 1822 г.) была за Михаилом Александровичем Фонвизиным (1788–1854), а вторым (с 1857 г.) за Иваном Ивановичем Пушиным (1798–1859). В 1828 г. поехала к мужу в Сибирь, где жила до 1853 г.

Наталья Дмитриевна была единственной дочерью. При выходе ее замуж за Фонвизина в приданое отцом было дано 177 душ. У Д. А. Апухтина в 1826 г. было 269 душ в Костромской губернии (имение Давыдово). (См. КА, т. 15, стр. 195 и ИВ 1888, № 7, стр. 78.)

Михаил Александрович Фонвизин, племянник автора «Недоросля», сын Александра Ивановича Фонвизина (1749–1819) от брака его с двоюродной сестрой Екатериной Ивановной (1750–1823). В 1801–1822 гг. служил в нескольких пехотных полках, а затем был бригадным командиром. В 1812 г. состоял адъютантом А. П. Ермолова. Член Северного общества. Осужденный по IV разряду, был приговорен к каторжным работам на 12 лет, сокращенным до 8 лет. По выходе из Петровского завода (в 1832 г.) жил в Енисейске, Красноярске и Тобольске. По возвращении в Россию жил в имении брата Марьины Бронницкого уезда Московской губ., где и умер.

Отцу декабриста А. И. Фонвизину в Москве на Рождественском бульваре принадлежал дом (ныне дом № 12). В этом доме происходили заседания членов тайного общества и в 1821 г. съезд, постановивший распустить Союз благоденствия.

Стр. 24 (стр. 454). Михаил Сергеевич Лунин – один из видных декабристов. В 1805–1815 г. служил в Кавалергардском полку, в 1817 г. вступил в Союз спасения, а затем в Союз благоденствия и Северное общество. В 1822 г. поступил снова на службу в л.-гв. Гродненский гусарский полк в Варшаве и состоял адъютантом при в. к. Константине Павловиче. Осужденный по I разряду, был приговорен к каторжным работам на 20 лет, сокращенным до 15 лет. По выходе из Петровского завода в 1836 г. жил в с. Урике (близ Иркутска), здесь за сочинение «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год» 27 марта 1841 г. был арестован и заключен в Акатуевскую тюрьму, где и умер в 1845 г.

Михаил Сергеевич (Толстой описался в его отчестве) Лунин родился в 1783, а не в 1782, как записано у Толстого.

Указание, что Лунин воспитывался во французском пансионе, надо думать, неверно, так как в показаниях Следственной комиссии Лунин писал только, что «воспитывался у родителей», перечислив учителей иностранцев.

Сыну упомянутого Толстым дяди Александра Михайловича Лунина, Николаю Александровичу М. С. Лунин в 1819 г. завещал свои имения, что вызвало процесс с ним мужа сестры Лунина Ф. А. Уварова.

Сестра С. М. Лунина Екатерина Сергеевна была замужем за Федором Александровичем Уваровым, о котором И. Оже в своих записках, напечатанных в РА 1877, кн. 1, пишет, что «генерал Уваров был тяжело ранен в последнюю войну, и на лице его были еще видны следы недавней болезни» (стр. 525). Но кроме записок Оже, у Толстого был еще какой-то источник сведений об Уварове. Из этого источника Толстой узнал, что Уваров «исчез», и что он был «высокой молодец». 25 декабря 1878 г. Толстой писал о нем П. И. Свистуну: «Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал?» И из этих вопросов явствует, что Толстой знал об Уварове не только из записок Оже, у которого нет отчества Уварова и нет указаний, что Уваров был ранен в голову в Бородинском сражении.

Запись: Камергер глупый тщеславный именье не дал сделана, очевидно, на основании слов письма П. Н. Свистунова от 30 декабря 1878 г., приведенных выше. [398] К. В. Кудряшев в книге: «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича» Спб. 1923 доказывает, что исчезнувший из Петербурга Ф. А. Уваров жил в Сибири под именем Федора Кузьмича.

Запись: Уехал за границу с Оже 1816 – 10 сентября сделана на основании записок И. Оже, где (на стр. 536) говорится об отъезде Лунина с Оже за границу морем 10 сентября 1816 г. Указание на то, что Лунин в 1821 г. поступил в Литовский полк, неверно. Как уже сказано, Лунин в 1822 г. поступил в л.-гв. Гродненский гусарский полк.

Слова: Взят позднее говорят о том, что Лунин был арестован позднее других, так как против его ареста возражал в. к. Константин Павлович, писавший об этом 16/28 февраля 1826 г. Ф. П. Опочинину (РС 1873, № 9, стр. 390).

В опубликованных документах нет указания на то, что у Лунина было имение в Рязанской губернии.

И. Оже пишет, что лицо Лунина было «с красивыми, правильными чертами», что «он был высокого роста, стройно и тонко сложен» (РА 1877, кн. I, стр. 519).

Стр. 26 (стр. 454). Кн. Евгений Петрович Оболенский (1796–1865) по окончании домашнего образования служил с 1814 г. в гвардейской артиллерии, в л.-гв. Павловском и Финляндском полках. Член Союза благоденствия и Северного общества. Осужденный по 1 разряду, был приговорен в «вечную» каторжную работу, замененную 20 годами каторги. По выходе из Петровского завода в 1839 г. жил на поселении в Иркутской губ., а затем в Туринске и Ялуторовске. В 1856 г. приехал в Калугу, где и умер.

Отец декабриста кн. Петр Николаевич Оболенский (1782–1830?) первым

браком был женат на Александре Фадеевне Тютчевой, вторым – на Анне Евгеньевне Кашкиной (р. в 1778 г., ум. в 1810 г., а не в 1811 г., как сказано у Толстого), матери декабриста, дочери ген.-аншефа Евгения Петровича Кашкина (1738–1796) и Екатерины Ивановны Сафоновой (1745–1803).

Кн. П. Н. Оболенский был в 1797–1798 гг. Тульским, а не Нижегородским губернатором, как записано у Толстого.

Имение Ховрино – Московского уезда в 12 в. от Тверской заставы.

С. Рожествено – село Рождествено Московской губ. Звенигородского у. в 17 в. от монастыря Новый Иерусалим – имение кн. П. Н. Оболенского.

Дом кн. П. Н. Оболенского – в Москве на Новинском бульваре (ныне дом № 103).

Об имущественном положении кн. П. Н. Оболенского в 1826 г. доносил генерал-губернатор Хованский: «Имения за ним состоит: в Москве три дома, приносящие доходу до 5 т. р. в год, и в разных губерниях 1348 душ крестьян, приносящих до 28 т. руб. доходу. Долгу на нем до 338800 р.» (КА, т. 15, стр. 188). В этом же году Евгений Петрович показывал: «Сколько мне известно, он [т. е. отец] имеет около тысячи пятисот душ в разных губерниях» (ИБ, 1897, № 8, стр. 504).

Кн. П. Н. Оболенский жил в Москве, выйдя в отставку не с 1796 г., а с 1798 г.

Запись: 1812 Вологда говорит, очевидно, о том, что семья Оболенских уезжала в 1812 г. в Вологду. Кн. П. Н. Оболенский был среднего роста, по словам Е. А. Сабанеевой (см. ее «Воспоминания о былом» Спб. 1914, стр. 60). Она же говорит о том, какой он был религиозный человек и как любил шутить с детьми (стр. 60, 61).

Запись: Журинька Барбу объяснить не можем.

С семейством кн. Петра Николаевича была очень дружна семья брата его жены Николая Евгеньевича Кашкина (1768–1827), женатого на Анне Гавриловне Бахметевой (1777–1825). Кашкины жили в своем доме (с 1806 г.) «за Земляным городом, в приходе Покрова Богородицы, что в Кудрине, в Пресненской части, в 1-м квартале, № 89, по Новой Садовой улице».

Детей кн. Петра Николаевича от Анны Евгеньевны, рано умершей, воспитывала ее сестра фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина (1773–1847), жившая в доме Петра Николаевича.

В л.-гв. Павловском полку кн. Е. П. Оболенский служил в 1817–1824 гг.

Долгоногий не может относиться к кн. Е. П. Оболенскому, так как был он росту лишь 2 аршина 71/2 вершков (см. ИБ, 1897, № 8, стр. 496).

Оленька – вероятно, Ольга-Андреевна Бочкарева (1805–1857), дочь

мелкопоместного тверского помещика, воспитывавшаяся в семье кн. Петра Николаевича Оболенского и вышедшая замуж за Ивана Семеновича Веселовского (1795–1867), в 1835–1867 гг. бывшего профессором физики в Московском университете (см. Е. А. Сабанеева, «Воспоминания о былом», стр. 65–70).

Сашенька – может быть, сестра декабриста Александра Петровна.

Княгиня Хованская – может быть, упоминаемая в воспоминаниях Е. А. Сабанеевой (где, правда, она названа «княжной») кн. Марья Алексеевна Хованская, рожд. Яковлева (ум. в 1847), жена кн. Федора Сергеевича Хованского (1754–1821), двоюродного брата кн. Петра Николаевича Оболенского.

Стр. 27 (стр. 455). От первого брака у кн. Петра Николаевича Оболенского было двое детей: 1) кн. Николай Петрович (1790–1847), женившийся на кж. Наталье Дмитриевне Волконской (ум. в 1843 г.) и 2) кж. Марья Петровна, вышедшая замуж за Сергея Борисовича Леонтьева. От второго брака – восемь: 1) кн. Евгений Петрович (1796–1865), декабрист, женившийся в 1846 г. на Варваре Самсоновне Барановой, 2) кн. Константин Петрович (1798–1861), женившийся на Евдокии Матвеевне Чепчуговой, 3) кж. Екатерина Петровна, вышедшая замуж за Андрея Васильевича Протасьева, 4) кж. Александра Петровна, вышедшая замуж за Алексея Ивановича Михайловского, 5) кж. Варвара Петровна (ум. в 1888 г.), вышедшая замуж за Алексея Владимировича Прончищева, 6) кж. Наталья Петровна (ум. в 1887 г.), вышедшая в 1838 г. замуж за кн. Александра Петровича Оболенского (1788–1853), 7) кн. Дмитрий Петрович (1809–1854), женившийся на Александре Тимофеевне Афремовой (1808–1878) и 8) кн. Сергей Петрович (р. в 1810 г.), женившийся на Александре Андреевне Бочкаревой (ум. в 1884 г.).

Стадлер – француженка гувернантка сестер кн. Евгения Петровича Оболенского, жившая с мужем в доме Оболенских. О ней рассказывается в воспоминаниях Е. А. Сабанеевой (стр. 83–86). В этих же воспоминаниях передается и семейное предание о «дуэли Евгения Петровича за Кашкина». В 1819–1820 гг. Евгений Петрович жил вместе со своим двоюродным братом Сергеем Николаевичем Кашкиным (1799–1868), сыном Ник. Евг. и Анны Гавр. Кашкиных, служившим так же, как и Оболенский в л.-гв. Павловском полку. Кто-то из товарищей по полку вызвал на дуэль Сергея Николаевича, но Евгений Петрович, попечению которого был поручен Кашкин, счел своим долгом принять вызов. Дуэль состоялась, и Оболенский убил противника. (См. указ. воспоминания Сабанеевой, стр. 105.)

Стр. 28 (стр. 455). Петр Иванович Борисов (1800–1854) – основатель Общества соединенных славян. Служил в 8 артиллерийской бригаде. Осужденный по I разряду, был приговорен к «вечной» каторге, замененной 20 годами каторжных работ. По выходе из Петровского завода в 1839 г., жил на поселении с братом (см. стр. 22) в Иркутской губернии, где и умер.

О П. И. Борисове писал М. А. Бестужев М. И. Семевскому: «Он был очень глух, потеряв слух от пушечных выстрелов еще буди юнкером артиллерии» (см. «Воспоминания Бестужевых». Редакция, вводные статьи

и примечания М. К. Азадовского и И. М. Троицкого. М. 1931, стр. 306). М. К. Юшневская писала С. П. Юшневскому в 1845 г. о П. И. Борисове: «наш Петруша Борисов очень некрасивый собою» («Былое» 1925, № 5(33) стр. 144).

Об атеизме П. И. Борисова пишет в своих воспоминаниях А. П. Беляев: «... в Борисове господствующею мыслью была та, что можно быть добродетельным, отвергая Бога. Христианство они [т. е. И. В. Киреев и П. И. Борисов] считали рабскою религией». (РС, 1881, № 4, стр. 815.) Толстой читал воспоминания Беляева, мог он прочесть и заметку М. А. Бестужева о Борисовых, получив ее от М. И. Семева.

Стр. 29 (стр. 455). См. прим. к стр. 22.

Стр. 30 (стр. 455). См. прим. к стр. 8.

Стр. 31 (стр. 455). Николай Николаевич Раевский (1771–1829) – один из главных деятелей кампании 1812–1814 гг., отец друзей Пушкина Александра и Николая, привлекавшихся по делу о декабристах.

Дочь его, Марья Николаевна, была замужем за декабристом кн. С. Г. Волконским. Зять Н. Н. Раевского, муж дочери Екатерины Николаевны Михаил Федорович Орлов (1788–1842) был членом Союза Благоденствия, в качестве такового привлекался к следствию и исключенный со службы был выслан под надзор в Калужскую губернию.

Н. Н. Раевский–старший с 1796 (?) г. был женат на внучке Ломоносова, Софье Алексеевне Константиновой (1769–1844).

Стр. 32 (стр. 455). Брат декабриста кн. С. Г. Волконского, кн. Николай Григорьевич (1778–1845) получил фамилию в память отца своей матери фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, последнего в своем роде. Кн. Н. Г. Репнин был женат с 1802 г. на гр. Варваре Алексеевне Разумовской (1776–1864), дочери гр. Алексея Кирилловича Разумовского (1748–1822) и Варвары Петровны Шереметевой (1750–1824). В 1816–1834 гг. кн. Н. Г. Репнин был не «губернатором Полтавы», как записано Толстым, а Малороссийским генерал–губернатором. Матвей Иванович Муравьев–Апостол был у него адъютантом в 1818–1822 гг.

Дочь кн. Н. Г. Репнина ж. Александра Николаевна (ум. в 1836 г.) была с 1828 г. замужем за гр. Александром Григорьевичем Кушелевым–Безбородко (1800–1855), устройтелем Нежинского лицея.

Мать гр. Александра Григорьевича гр. Любовь Ильинишна Кушелева, рожд. гр. Безбородко, приходилась племянницей государственному екатерининскому деятелю А. А. Безбородко, не оставившему детей. Большая часть громадного состояния А. А. Безбородко после смерти (в 1815 г.) брата его гр. Ильи Андреевича перешла к Любви Ильинишне.

Старший сын ее Александр Григорьевич вместе с именьями получил фамилию гр. Кушелева–Безбородко.

Вероятно, записи на стр. 32 сделаны Толстым со слов М. И. Муравьева–Апостола.

Запись: Корабль с шампанским объяснить не можем.

Стр. 33 (стр. 455). См. прим. к стр. 31.

Стр. 35 (стр. 455). Запись: Кологривов, Истомина, Ферзен–рога объяснить не можем. Истомина – конечно, известная балерина Евдокия Ильинишна Истомина (1799–1848), воспетая Пушкиным в «Евгении Онегине». Кологривов – может быть Александр Лукич Кологривов (р. в 1795 г.), служивший в 1814–1824 гг. в Кавалергардском полку, член Северного, а потом Южного общества, просидевший год в крепости, но к суду не привлекавшийся. Может быть, и Ферзен – служивший в Кавалергардском полку в 1819–1821 и в 1823–1829 гг. гр. Павел Карлович Ферзен (1800–1884).

Стр. 38 (стр. 455–456). См. прим. к стр. 24.

Стр. 73 (стр. 456). Записи на этой странице сделаны со слов Матвея Ивановича Муравьева–Апостол, рассказывавшего Толстому о восстании Черниговского полка 29 декабря 1825 – 3 января 1826 г. Запись Толстого свидетельствует о том, что М. И. Муравьев–Апостол рассказывал ему с такими подробностями, каких нет в опубликованном в РА 1871, № 6, стб. 0229–0238 рассказе об этом Матвея Ивановича.

Логгин Осипович Рот (1780–1851) – в 1823–1826 гг. генерал–лейтенант, командир 3 Пехотного корпуса, в состав которого входил поднявший восстание Черниговский полк. По происхождению Рот был француз и службу начал во французской армии. Затем, приняв русское подданство (в 1802 г.), он выдвинулся как исполнительный служака. В подавлении восстания Черниговского полка Рот принимал самое деятельное участие. Ланг – поручик жандармского полка, живший в Житомире (где жил и Рот) и посланный Ротом 26 декабря арестовать в Василькове М. П. Бестужева–Рюмина. О том, что Рот был в связи с женой Ланга, нет в напечатанном в РА рассказе М. И. Муравьева–Апостол.

Трилесье (обычно называется Трилесы) – село Васильковского уезда Киевской губернии, где была расположена 5 мушкатерская рота Черниговского полка, и где на квартире А. Д. Кузьмина произошло избиение командира Черниговского полка Г. И. Гебеля, послужившее началом революционных событий 29 декабря 1825 – 3 января 1826 г.

Афанасий Дмитриевич Кузьмин по окончании 2 Кадетского корпуса был выпущен в 1817 г. в армию. Служил в Черниговском полку. Член Общества соединенных славян. Принимал участие в восстании Черниговского полка. При аресте на поле близ Ковалевки 3 января 1826 г. был ранен картечью и в тот же день застрелился в корчме в с. Трилесах. О внешности Кузьмина («носатый, маленький») М. И. Муравьев–Апостол не говорит в рассказе, напечатанном в РА.

Под замечанием Матвею Ивановичу Кузьмину разумеется случай, рассказываемый М. И. Муравьевым–Апостол в напечатанных в РА воспоминаниях его, когда Муравьев–Апостол стыдил А. Д. Кузьмина за применявшиеся последние телесные наказания солдат. Этот укор произвел сильное впечатление на Кузьмина, он понял безнравственность

своего поведения и вступил в члены тайного общества. Об этом и говорит запись: Un converti [обращенный]. См. РА, 1871, № 6, стб. 0236–0237.

Тела убитых в сражении 3 января 1826 г. брата М. И. и С. И. Муравьевых–Апостол, прапорщика квартирмейстерской части Ипполита Ивановича Муравьева–Апостол (р. в 1806 г.), поручика Черниговского полка, члена Общества соединенных славян Михаила Алексеевича Щепилло и солдат были привезены в Трилеса и положены в «нежилой довольно просторной хате», как сказано в печатных воспоминаниях М. И. Муравьева–Апостол (РА, 1871, № 6, стб. 0237), а не на квартире Кузьмина, как записано у Толстого.

«На полу лежали голые тела убитых», писал в своих воспоминаниях Матвей Иванович. (См. там же.) О раненых в волостном правлении ничего нет в напечатанных воспоминаниях М. И. Муравьева–Апостол. О санях у него сказано только: «Меня посадили [в Трилесах] в сани вместе с раненым братом» (там же).

Стр. 75 (стр. 456). Вопрос, очевидно, понимает начало цыганских хоров в Москве и Петербурге. По преданию, первый цыганский хор Соколова был у гр. А. Г. Орлова–Чесменского. Большой известностью пользовался хор И. О. Соколова в 1810–ых – 1840–ых годах. Сам Толстой в молодости увлекался цыганским пением (см. «Святочная ночь» в 3 томе, стр. 262–263).

Запись: Мода – мундиры.... форма ботинок говорит о постоянном стремлении Толстого быть точным, верным действительности в описаниях внешности своих героев.

Стр. 76 (стр. 456). Вероятно, записи на этой странице сделаны при чтении статьи М. Шугурова «Бунт Черниговского полка» в РА, 1871, № 1. Здесь на стб. 280 читаем (в донесении подполковника Бакуревича): «Для возмущения черни и нижних чинов составлен был катехизис, который со всею трудностью доставши, оригиналом у сего прилагаю». На столбцах же 286–287 говорится о катехизисах, как произведениях С. И. Муравьева–Апостол (о нем см. прим. к стр. 13).

Запись: Вадковский, вероятно, сделана при чтении тоже стб. 281, где Вадковский значится среди арестованных по делу о восстании Черниговского полка. Это брат Ф. Ф. Вадковского, о котором см. прим. к 6 стр., Александр Федорович Вадковский (р. в 1801), член Северного общества, служивший сначала в Семеновском полку в 1819–1820 гг., по раскассировании полка переведенный в Кременчугский пехотный полк, а затем (с 1824 г.) в 17 егерский полк. По отбытии 4-месячного заключения в крепости был переведен на Кавказ, где участвовал в Турецкой кампании 1828–1829 гг.

Стр. 77 (стр. 456). И запись о Сухинове сделана при чтении стб. 281, где говорится о том, что «переведенный из Черниговского пехотного полка в Александрийский гусарский и обмундированный при переводе Муравьевым поручик Сухинов бежал». Слова Тот самый, являющиеся ответом на вопрос: Какой означают, что Сухинов «тот самый», которому посвящен очерк бар. В. Н. Соловьева, [399] напечатанный в РА, 1870, №

4–5 и, конечно, прочитанный Толстым.

Иван Иванович Сухинов (1795–1828), сын мелкого чиновника из дворян, сначала служил по вербовке в гусарах, затем в Черниговском пехотном полку. Член Общества соединенных славян. После восстания бежал в Кишинев, где был арестован 15 февраля 1826 г. Сосланный на каторгу, в Зерентуйских рудниках организовал вооруженный побег, за что был приговорен к расстрелу. До приведения приговора в исполнение Сухинов повесился.

Под биографией Жуковского Толстой, вероятно, не разумел какого-нибудь определенного сочинения.

О Плещееве см. прим. к стр. 7,

Стр. 78 (стр. 456). Екатерина Афанасьевна Протасова, рожд. Бунина (1771–1848), единокровная сестра Василия Андреевича Жуковского, была замужем за Андреем Ивановичем Протасовым (ум. в 1796 г.), от которого имела двух дочерей: Марию (1793–1823), вышедшую в 1817 г. за профессора Дерптского университета Ивана Филипповича Мойера (1786–1858), и Александру (1795–1829), вышедшую в 1814 г. за писателя Александра Федоровича Воейкова (1778–1839), бывшего в 1815–1819 гг. профессором Дерптского университета.

Стр. 78 (стр. 456). Николай Николаевич Муравьев (р. в 1768 г., ум. в 1840, а не в 1827 г., как записано у Толстого) – писатель и общественный деятель. В 1810 г. Муравьевым в своем доме на Б. Дмитровке (ныне дом № 9–11) были открыты публичные лекции по математике и военным наукам, преобразованные в 1816 г. в училище колонновожатых, существовавшее до 1823 г. Указание на то, что Н. Н. Муравьев был безбожником, сделано Толстым, вероятно, с чьих-нибудь слов.

Н. Н. Муравьев с 1791 г. был женат на Александре Михайловне Мордвиновой (1768–1809) и имел пятерых сыновей и дочь.

Александр Николаевич (1792–1863) служил офицером в 1810–1818 гг., выйдя в отставку полковником Генерального штаба. Член Союза Благоденствия. Осужденный по VI разряду, был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В 1837–1839 гг. был Архангельским, а в 1856–1861 гг. Нижегородским губернатором.

Николай Николаевич Карсский (1793–1867), участник кампаний 1812–1814 гг., Турецкой 1828–1829 гг. и Польской 1830–1831 гг., Кавказский наместник в 1854–1856 гг.

Михаил Николаевич (граф с 1865 г.) (1796–1866), участник кампании 1812–1814 гг. Член Союза спасения и Союза благоденствия, в составлении устава которого принимал ближайшее участие. Просидев полгода в тюрьме, был освобожден с аттестатом. Был министром государственных имуществ в 1857–1862 гг., а в 1863–1865 гг. Виленским генерал-губернатором.

Андрей Николаевич (1806–1874) – писатель, автор «Путешествия по

святым местам в 1830 г.» и многих других книг по религиозным вопросам.

Сергей Николаевич (1809–1874) в молодости служил военным, потом в министерстве финансов и министерстве государственных имуществ.

Стр. 103 (стр. 456). Александр Семенович Горожанский, сын псковского помещика, служил в Кавалергардском полку с 1821 г. Член Северного общества. Просидев четыре года в Петропавловской крепости, отправлен на службу в 7 линейный Оренбургский батальон; за «дерзкий поступок и произнесение неприличных слов насчет особы его величества» отправлен в 1831 г. в Соловецкий монастырь (М. Колчин, «Ссылные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.», изд. «Посредник», М. 1908, стр. 115). Здесь в припадке сумасшествия заколол ножом часового. Умер в 1846 г. в Соловецком монастыре.

Неверные сведения о Горожанском Толстой, надо думать, записал с чьих-нибудь слов.

Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845), в 1802–1803 гг. и 1805–1808 гг. посланник в Неаполе, в 1815–1826 гг. посланник в Мадриде, в 1826–1841 гг. посол в Вене, был женат на Юлии Александровне Конопка, по первому мужу Безобразовой. Какого Апраксина понимает запись Толстого, сказать трудно. М. П. Щербинин в своих воспоминаниях (РА, 1876, № 11, стр. 292–293) говорит, что у Татищевых в Вене жила гр. Елена Николаевна Апраксина, жена гр. Александра Петровича Апраксина (ум. в 1845 г.), рожденная Безобразова. Возможно, что об этом Апраксине и говорит запись Толстого.

Стр. 128 (стр. 457). Екатерина Ивановна Муравьева–Апостол (о ней см. прим. к стр. 14), в 1811–1816 гг. фрейлина сестры Александра I в. к. Екатерины Павловны (1788–1818), жившей с мужем, принцем Ольденбургским, в Твери, была взята к «большому двору», т. е. фрейлиной жены Александра I Елизаветы Алексеевны, так как Екатерина Павловна 12 января 1816 г. вступила во второй брак с принцем Виртембергским.

Наполеон видел Лавалет. Запись непонятна. Так как все остальные записи на этой странице относятся к 1816 г., то, казалось бы, и эта должна относиться к этому году, но с Ла Валетом (1769–1830), своим адъютантом, участником походов, с 1808 г. стоявшим во главе почтового ведомства, Наполеон в 1816 г. не видался. Вероятно, речь идет о жене ла Валета.

Дочь Павла I Анна Павловна (1795–1865) обручена была 28 января 1816 г. с Вильгельмом, крон-принцем Нидерландским (1792–1849), бывшим в 1840–1849 гг. королем Нидерландским.

О страшном пожаре Казани в 1816 г. Толстой прочел, вероятно, в записной книжке гр. П. П. Сухтелена, напечатанной в РА 1876, кн. 1. См. стр. 351.

Известный французский художник Давид (1748–1825), в качестве члена Конвента голосовавший за казнь Людовика XVI, затем пользовавшийся

милостями Наполеона, по закону 12 января 1816 г. был выслан навсегда из Франции.

Запись о бале в пользу раненого офицера объяснить не можем.

Стр. 160 (стр. 457). Русская родословная книга изд. ж. РС (I т. 1873 г. и II т. 1876) – анонимно изданный труд кн. А. Б. Лобанова–Ростовского. Эта книга имеется в библиотеке Толстого, но экземпляр не разрезан.

Запись: О рисовании спросить может быть значит, что нужно спросить декабристов А. П. Беляева и П. Н. Свистунова о занятиях рисованием их товарищей в Петровском заводе.

Бар. А. Е. Розен в своих воспоминаниях пишет, что Н. А. Бестужев занимался живописью, а Н. П. Репин и И. В. Киреев сняли виды Читы и внутренность острога. Кроме этого, П. И. Борисов, собирая гербарий, прекрасно рисовал растения местного края.

Свести Беляеву рукопись – Запись говорит об отвозе декабристу А. П. Беляеву рукописи его воспоминаний, взятой Толстым 5 марта 1878 г. и к 10 апреля обратно полученной Беляевым. Об этом см. стр. 480.

О каких письмах Свербеева говорит запись, непонятно. В переписке Толстого с декабристом П. Н. Свистуновым нет речи о письмах Свербеева. Упоминаемый Свербеев – м. б. Николай Дмитриевич Свербеев (ум. в 1860 г.), зять декабриста кн. С. П. Трубецкого, женатый (с 29 апреля 1856 г.) на его дочери кн. Зинаиде Сергеевне (р. в 1837 г.)

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. Спб. 1866. Эта книга имеется в библиотеке Толстого.

Записки И. И. Дмитриева – «Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева». В трех частях. М. 1866. Эту книгу Толстой записал дважды. См. стр. 552.

Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно». Биографический очерк, составленный Д. А. Кропотковым. Спб. 1874. Эта книга имеется в библиотеке Толстого, причем разрезана в ней лишь первая часть (кончая стр. 280).

Запись: Рылеева может быть значит собрание сочинений К. Ф. Рылеева. В библиотеке Толстого имеется экземпляр (неразрезанный) издания 1872 г. и экземпляр второго издания 1874 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В.

Стр. 2 (стр. 457–458). Невозможно указать все источники, откуда Толстой почерпнул записанные на этой странице сведения: при чтении очень многих книг и статей он мог сделать эти выписки.

Гр. (с 1845 г. – князь, с 1852 г. свет. князь) Михаил Семенович

Воронцов (1782–1856), впоследствии, в 1823–1844 гг. Новороссийский генерал–губернатор, а в 1844–1856 гг. Кавказский наместник, в 1815–1818 гг. был командиром оккупационного корпуса, занимавшего Францию, и жил в городе Мобеже, на севере Франции, близ бельгийской границы.

Алексей Петрович Ермолов был назначен главноуправляющим Грузии и командиром Отдельного Кавказского корпуса в апреле 1816 г. Толстой мог прочесть об этом в статье М. П. Погодина «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии» в РВ, 1863 г. XLVII, стр. 642.

Аркадий Васильевич Кочубей (1790–1878) был киевским вице–губернатором в 1827–1830 гг., а не в 1816 г., как записано у Толстого.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) был пензенским гражданским губернатором в 1816–1819 гг.

Гр. Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) был министром народного просвещения в 1809–1816 гг. Ни президентом Академии наук, ни президентом Академии художеств он не был. Возможно, что Толстой спутал его с его отцом гр. Кириллом Григорьевичем (1728–1803), который был в 1746–1798 гг. президентом Академии наук.

Александр Федорович Лабзин (1766–1825) был конференцсекретарем Академии художеств в 1799–1818 гг.

Гр. Сергей Семенович Уваров (1786–1855) был попечителем Петербургского учебного округа в 1811–1822 гг.

О кн. А. Н. Голицыне см. прим. к Записной книжке А, стр. 548.

Гр. Алексей Кириллович Разумовский не был полтавским губернатором. Вероятно, Толстой спутал его с кн. Ник. Григ. Репниным, женатым на гр. Варваре Алексеевне Разумовской (дочери гр. Алексея Кирилловича), который был в 1816–1834 гг. Малороссийским генерал–губернатором. В другом месте (см. стр. 455) Толстой называет кн. Н. Г. Репнина полтавским губернатором.

Будущий император в. к. Николай Павлович (1796–1855) был женихом не в 1816 г., а в 1817 г. (обручен с принцессой Прусской 25 июня, а повенчан 1 июля 1817 г.)

Гр. Александр Петрович Тормасов (1752–1819) главнокомандующим в Москве был в 1814–1819 гг.

Кн. Дмитрий Иванович Лобанов–Ростовский (1758–1838) был не министром внутренних дел, а министром юстиции в 1817–1827 гг., почему эта запись и зачеркнута Толстым.

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) был министром юстиции в 1810–1814 гг.

Кн. Петр Васильевич Лопухин (1753–1827) в 1803–1810 гг. был министром юстиции, а в 1816–1827 гг. председателем Государственного

Совета и Комитета министров.

Дмитрий Прокофьевич Трошинский (1754–1829) в 1814–1817 гг был министром юстиции.

Гр. Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825) был министром финансов в 1810–1823 гг.

Барон Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1772–1823) – член интимного кружка Сперанского, в котором вырабатывался план государственных реформ последнего; в 1811–1823 гг. был государственным контролером.

Гр. Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) был министром иностранных дел в 1816–1856 гг.

Кн. Петр Михайлович Волконский (1776–1852) в 1815–1823 гг. был начальником Главного штаба.

Осип Петрович Козодавлев (1754–1819) был министром внутренних дел в 1811–1819 гг.

Иван Иванович де Траверсе (1754–1830) был морским министром в 1811–1828 гг.

Гр. Петр Петрович Коновницын (1764–1822) был военным министром в 1815–1819 гг. Он был женат на Анне Ивановне Корсаковой (1769–1843), от брака с которой имел дочь гр. Елизавету Петровну (1801–1867), бывшую замужем с 1823 г. за Михаилом Михайловичем Нарышкиным (1798–1863), декабристом, осужденным по IV разряду и по конфирмации приговоренным в каторжную работу на 12 лет.

Стр. 3 (стр. 458). Последний фаворит Екатерины II светл. кн. Платон Александрович Зубов (1767–1822) жил в своем имении Янишках Виленской губ. Шавельского уезда с 1814 г.

Адриан Моисеевич (Толстой описался в инициале его отчества) Грибовский (1766–1833) был правителем канцелярии кн. П. А. Зубова. Устраненный от дел Павлом I, Грибовский в царствование Александра I, ведя широкий образ жизни в Москве, растратил свое состояние. Запись о нем Толстого сделана на основании следующего места очерка: «Кн. П. А. Зубов»: «... нуждаясь в деньгах, он [Грибовский] не изменяя образа жизни, начал продавать одно за другим свои имения. В это время вздумалось ему пуститься в откупа и, сняв с торгов город Зарайск (Рязанской губ.) Грибовский переселился в него, продав свои московские дома... откуп лопнул... В 1814 г.... Грибовский вместе с женою поселился в городе Коломне...» (РС, 1876, № 12, стр. 723–724).

А. С. Пушкин (1799–1837) окончил Царскосельский лицей в июне 1817 г., а не в 1816, как записано у Толстого. Впервые стихотворения Пушкина появились в печати в 1814 г., начал же он писать стихи, вероятно, в 1808–09 гг.

О Пушкине в лицее Толстой прочел в «Извлечениях из писем

Илличевского к Фуссу», сделанных Я. К. Гротом и напечатанных в РА 1864 г., стб. 946–966 (второго издания 1866 г.).

Граф П. П. Коновницын был при в. к. Николае и Михаиле Павловичах во время их пребывания при заграничной русской армии в 1814–1815 гг.

Запись о лицах кружка вдовы Павла I Марии Федоровны (1759–1828) сделана Толстым на основании письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 1 января 1815 г., напечатанного в РА, 1864 г., стб. 884–885 (второго издания). В письме есть такие строки: «Я должен описать тебе подробно чтение (твоего послания), которое происходило в комнатах ее величества, в присутствии ее, великих князей, великой княгини Анны Павловны, графини Ливен, Нелидовой, Нелединского–Мелецкого, Виламова и Уварова». К этому тексту П. И. Бартенев сделал примечания: графини Ливен – «воспитательницы великой княгини»; Нелидовой – «Екатерины Ивановны, бывшей другом императрицы Марии Федоровны»; Виламова – «секретаря императрицы».

Гр. (с 1826 г. светл. кн.) Шарлотта Карловна Ливен (ум. в 1828 г.) с 1783 г. была воспитательницей дочерей Павла I. О в. к. Анне Павловне см. прим. на стр. 572. Екатерина Ивановна Нелидова (1756–1839) – камер-фрейлина Марии Федоровны. Юрий Александрович Нелединский–Мелецкий (1751–1828) – поэт. Григорий Иванович Виламов (1773–1842) – статс-секретарь. О С. С. Уварове см. выше (стр. 573).

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) в 1810–1824 гг. директор департамента духовных дел, друг Жуковского, Карамзина, кн. П. А. Вяземского. Запись о нем: толстый, сонный сделана Толстым на основании слов в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «Знаете ли что мешает ему [т. е. Тургеневу] быть одним из первых людей? Толстота, которая заставляет его часто спать вместо того, чтобы действовать» – РА, 1864, стб. 889 (второго издания 1866 г.).

Запись о Протасовых (о них см. стр. 570) сделана Толстым сначала на основании примечания И. И. Бартенева к письму Жуковского к родным (от 9 января 1815 г.): «Вид села Муратова под Орлом: там жили прежде Протасовы». РА 1864, стб. 888 (второго издания 1866 г.). Затем Толстой исправил запись и сделал следующую о Воейкове на основании примечания П. И. Бартенева к письму Жуковского к родным (осень 1815 г.): «В Дерпте тогда поселилась Екат. Афан. Протасова с двумя дочерьми, из которых младшая была за А. Ф. Воейковым, незадолго перед тем получившим место профессора русской словесности в тамошнем университете». – РА, 1864, стб. 894 (второго издания 1866 г.)

Запись о «Липецких водах» сделана на основании слов Жуковского в том же письме: «Теперь страшная война на Парнассе» и примечания П. И. Бартенева: «Первое представление комедии кн. Шаховского Липецкие воды, где под именем балладника Фиалкина был осмеян Жуковский, – 23 сентября 1815 г.» – там же, стб. 894. Речь идет о борьбе «карамзинистов» с «шишковистами» и организации литературного общества «Арзамас».

Эпиграмма Д. Н. Блудова (1785–1864) списана Толстым, вероятно, из

«Записок» Ф. Ф. Вигеля (часть вторая, глава IV). Приведена эта эпиграмма и в книге Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время». Спб. 1866, стр. 107, которая имеется в библиотеке Толстого.

Запись: Vouquillon «Управитель у Плещеева» сделана на основании стб. 945 РА 1864, где помещено французское стихотворение Жуковского этому Букильону, о котором в примечании П. И. Бартенева сказано, что это «управитель у Плещеева». Об А. А. Плещееве см. прим. на стр. 557.

Запись о Форе сделана на основании примечания П. И. Бартенева к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «Доктор Фор – пленный француз, взятый вместе с генералом Бонами под Малоярославцем и живший у Плещеевых в Черни» – РА, 1864, стб. 888.

«Анекдоты того времени» списаны Толстым из письма товарища Пушкина по лицу А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 28 февраля 1816 г.: «Одна дама... сказала, говоря о своем брате: Il a reçu une roule (пулю, вместо balle) dans le caviar de sa jambe (в икру ноги) – beau ruthénisme et on lui a passé la cavalerie (т. е. кавалерственный орден) à travers les épaules... une pipe à regarder – подзорную трубку, вместо lunette d'approche».

О Карамзине и Пушкине Толстой мог прочесть или в книге М. П. Погодина «Карамзин». Материалы для биографии. М. 1866, ч. II, стр. 329–331, или в книге: «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». Спб. 1866, стр. 243, 286.

Голицына Princesse nocturne – кн. Евдокия Ивановна Голицына, рожд. Измайлова (1780–1850) жена кн. Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), бывшая с ним «в разъезде», не получив формального развода. В обществе она была прозвана «princesse nocturne» («ночная княгиня»), потому что гости у нее собирались поздно вечером и засиживались до утра. Толстой о ней прочел, вероятно, в отрывке «Из старой запиской книжки, начатой в 1813 году» кн. П. А. Вяземского, напечатанном в РА, 1875, кн. II, стр. 173–179.

Стр. 6 (стр. 459). Перечень писателей в 1816 г. заимствован Толстым из письма А. Д. Илличевского к П. Н. Фуссу от 20 марта 1816 г., где он пишет «... в лице видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина и Хвостова; еще забыл: Нелединского, Кутузова, Дашкова». (РА, 1864, стб. 966.) Толстой из названных здесь не включил в свой список Жуковского и прибавил Карамзина и Шишкова.

Стр. 11 (стр. 459). Запись, вероятно, имеет в виду «радения» в квартире Екатерины Филипповны Татариновой (1783–1856), на которых члены ее кружка неистово кружились, впадали в беспамятство и «пророчествовали». Об этих собраниях есть в записках Вигеля (часть шестая, глава III) и в статье Ю. Толстого «О духовном союзе Е. Ф. Татариновой» – сборник «Деятельный век», кн. I, М. 1872.

Стр. 109 (стр. 459). Найти источник записей на этой и следующей страницах мы не смогли. Возможно, что записи сделаны при чтении, до сих пор остающихся неопубликованными, материалов.

По аналогии с записями на следующей странице, где инициалы «Н. М.» мы расшифровываем как «Никита Муравьев», может быть и здесь эти буквы означают имя и фамилию декабриста Никиты Михайловича Муравьева (о нем см. стр. 558). Двадцать один год Н. М. Муравьеву исполнилось в июле 1817 г. Таким образом может быть последующие записи на этой странице относятся к событиям приблизительно этого времени.

Корсаков – может быть упоминаемый в письмах К. Н. Батюшкова 1818 г. к матери Никиты Михайловича Е. Ф. Муравьевой (в РА, 1867, стр. 1507 и 1522) Григорий Александрович Римский–Корсаков (Батюшков его называет просто «Корсаков») (ум. в 1852 г.), приятель Вяземского и Пушкина.

Запись о Сиверсе объяснить не можем.

Valerie – роман бар. Юлии Крюднер (1764–1825), вышедший на французском языке в декабре 1803 г. и переведенный на русский в 1807 г. В записках И. Оже рассказывается, как в 1816 г. он с Луниным увлекались чтением этого романа.

Николай Назарьевич – Ник. Наз. Муравьев (1775–1845), статс-секретарь, управляющий собственной е. в. канцелярией в 1826–1832 гг., писатель, дальний родственник Никиты Михайловича Муравьева.

Запись о Зеленкове объяснить не можем.

Алекс. Мих. – может быть младший брат Никиты Михайловича Муравьева, о котором см. стр. 558.

Стр. 108 (стр. 459). Александра Николаевна – может быть сестра К. Н. Батюшкова, о которой см. стр. 559.

Кто такая Ланская, сказать не можем.

Петр Иванович Соколов – уже упоминавшийся на стр. 8 Записной книжки Б (см. стр. 450) секретарь Российской академии. Анна Ивановна может быть его жена.

Фома Яковлевич Эвенс (1785–1849) – лектор английского языка и словесности в Московском университете в 1809–1826 гг., упоминаемый в письмах 1818 г. К. Н. Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой (в «РА», 1867, стб. 1514 и 1523). Как видно из этих писем, у Ф. Я. Эвенса воспитывался Ипполит Иванович Муравьев–Апостол, о котором см. стр. 569.

Андрей Никифор. – Андрей Никифорович Пушкин (1792–1813), сын Никифора Изотовича Пушкина (1758–1831) и Евпраксии Аристарховны Кашкиной, писатель, автор книг по военному делу.

Захар Матвеевич – Захар Матвеевич Муравьев (1759–1832), двоюродный дядя декабриста Ник. Мих. Муравьева и отец декабриста Артамона Захарьевича Муравьева (1794–1845).

О родстве поэта К. Н. Батюшкова с Муравьевыми см. стр. 559. Об этом

Толстой мог узнать в РА, 1867 г., стб. 1346.

Елизавета Карловна Муравьева, рожд. Поссе, по мужу, Захару Матвеевичу Муравьеву (1759–1832), приходилась Никите Михайловичу Муравьеву двоюродной теткой.

Евпраксия Аристарховна Пушкина, рожд. Кашкина (1765–1826) была в отдаленном свойстве с Никитой Михайловичем Муравьевым.

Сестра ее, Елизавета Аристарховна Черноевич, была бабкой (по матери) декабристам Матвею, Сергею и Ипполиту Муравьевым–Апостол, троюродным братьям Никиты Михайловича Муравьева.

Тетка (сестра матери) Никиты Михайловича Муравьева бар. Евдокия Федоровна Колокольцева была замужем за кн. Мих. Серг. Хованским. Дочь их, Марья Михайловна (1790–1846), была замужем за Ник. Андр. Челищевым (1783–1859).

Кто такая Елизавета Ивановна, объяснить не можем.

Пушкин – вероятно, Андрей Никифорович, о котором см. выше.

Кто такие Александр Осипыч и Василий Алексеевич, объяснить не можем.

Стр. 107 (стр. 460). Об «Уварове пропавшем» см. стр. 512 и 513.

Стр. 106 (стр. 460). Декабрист Павел Иванович Пестель (1793–1826), сын Сибирского генерал–губернатора Ивана Борисовича Пестеля (ум. в 1843 г.) и Елизаветы Ивановны Крок (ум. в 1836 г.), воспитывался дома, затем вместе с братом Владимиром в Дрездене у А. Е. Зейделя и в Пажеском корпусе, откуда в 1811 г. выпущен в л.–гв. Литовский полк, с которым и совершил кампанию 1812–1814 гг., в 1814–1821 гг. служил в кавалерийских полках, а в 1821–1825 гг. – командир Вятского пехотного полка. Член и директор Южного общества, составитель «Русской правды». Осужденный вне разрядов, казнен.

Владимир Иванович Пестель (р. ок. 1798 г., ум. в 1865 г.), младший брат Павла Ивановича, служил в 1813–1831 гг. в Кавалергардском полку, впоследствии был Херсонским, а затем Таврическим губернатором, с 1855 г. сенатор.

О братьях Пестелях Толстой мог узнать из РА, 1875, кн. I, где были напечатаны «Бумаги И. Б. Пестеля».

Возможно, что запись на стр. 109: <въ Дрез> Кто за границей относится к Пестелям.

Петр Григорьевич Каховский (1797–1826), из дворян Смоленской губернии, воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, в 1816 г. служил в л.–гв. Егерском полку юнкером, но за «разные шалости» был разжалован в рядовые и переведен в 7 Егерский полк, откуда в 1818 г. перешел в Астраханский кирасирский полк. Выйдя в 1821 г. в отставку, ездил на Кавказ лечиться, а в 1823–1824 путешествовал за границей. Приехав в декабре 1824 г. в Петербург,

был принят Рылеевым в члены Северного общества. На Сенатской площади 14 декабря 1825 г. смертельно ранил петербургского генерал-губернатора гр. М. А. Милорадовича и командира л.-гв. Гренадерского полка Стюрлера. Осужден вне разрядов и казнен.

Стр. 105 (стр. 460). О Ф. Я. Эвенсе см. прим. к стр. 108.

Отдельные листы.

Лист «А»: Как уже указывалось (см. стр. 504), почти вся первая страница (кончая словами: в дальней Коломне) представляет собою разработанную запись, в кратком виде набросанную на л. 20а1 зап. кн. А (см. стр. 445–446).

Л. 11 (стр. 460). Об усмирении А. П. Ермоловым восстания горцев в Дагестане в начале 1824 г. Толстой прочел, вероятно, в письме Ермолова к П. А. Кикину от 22 января 1824 г., напечатанном в РС, 1872, № 11, стр. 515.

О том, что Василий Сергеевич Ланской (1754–1831) в 1824 г. был управляющим Министерством внутренних дел, Толстой прочел тут же – РС, 1872, № 11, стр. 516.

Приписка: на место Кампенгаузена и Кочубея сделана Толстым, вероятно, на основании «Истории царствования императора Александра I и России в его время» М. И. Богдановича, где в VI т., на стр. 388–389 сказано, что в 1819–1823 гг. министром внутренних дел был гр. В. П. Кочубей, а с июня по август 1823 г. Б. Б. Кампенгаузен.

Тут же (стр. 397) сказано, что «министром юстиции, по прежнему, оставался князь Дмитрий Иван. Лобанов–Ростовский».

О кн. А. Н. Голицыне см. стр. 548.

О дружбе А. С. Шишкова с Н. С. Мордвиновым (1754–1845), и о том, что Мордвинов с 1810 г. был членом Государственного совета, а с 1821 г. и председателем департамента гражданских и духовных дел, Толстой узнал из статьи В. С. Иконникова о Мордвинове в РС, 1872, № 1, стр. 39, 41.

О болезни Александра I (рожистое воспаление ноги) в январе–феврале 1824 г. Толстой прочел в воспоминаниях Д. К. Тарасова в РС, 1871, № 12, стр. 625–633.

Тут же (стр. 633) о приезде из Варшавы в феврале 1824 г. в. к. Константина Павловича (1779–1831).

О том, что Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825) был обер-прокурором Сената, Толстой узнал из указанной статьи Иконникова в РС, 1872, № 1, стр. 42, но обер-прокурором I департамента Сената А.

А. Столыпин был в 1818–1819 годах.

Об А. И. Тургеневе в 1824 г. см. стр. 575. Откуда Толстой взял неверное указание, что А. И. Тургенев был обер-секретарем, сказать не можем.

О том, что И. И. Дибич (1785–1831) в 1823 г. занял временно должность начальника главного штаба, вместо кн. П. М. Волконского (1776–1852), Толстой прочел в примечании к письму А. П. Ермолова к П. А. Кикину, напечатанном в РС, 1872, № 11, стр. 514.

На этой же странице говорится об отставке министра финансов гр. Д. А. Гурьева в 1823 г. О назначении на его место Е. Ф. Канкрин (1774–1845) есть у Богдановича (т. VI, стр. 397).

Дома коллекция портретов – собрание портретов генералов, участников войны с Наполеоном 1812–1814 гг., работы английского художника Дау. Этим портретам в Зимнем дворце отведена специальная зала. Портреты были изданы в шести томах «Военная галерея Зимнего дворца» в 1845 г. Этим изданием Толстой пользовался при работах над «Войной и Миром».

О гр. Н. П. Румянцеве см. стр. 548.

О гр. К. В. Нессельроде, как министре иностранных дел, в первых главах указанной книги М. И. Богдановича.

О том, что Карамзин в 1824 г. жил на Моховой в доме Мижуева, о Шишкове, кормящем голубей в своем доме на Фурштатской против Аннинской лютеранской церкви, о его старушке жене, Дарье Алексеевне (ум. 1 сентября 1825 г.) и о выходе в свет 10-го и 11-го томов «Истории государства российского» Карамзина Толстой прочел в воспоминаниях Сербиновича о Карамзине в РС, 1874, № 9, стр. 65, 66–67, 70, 71.

Запись о Н. С. Мордвинове, верящем в магнитизерку Турчанинову, живущую в Коломне (в Петербурге), сделана по воспоминаниям О. А. Пржецлавского в РС, 1874, № 12, стр. 669.

Следующие записи, начиная со слов: «Потоцкий член совета...» кончая: К. Александр Салтыков член Совета добрый старик» сделаны на основании I тома сочинения Н. И. Тургенева «Россия и русские», которое Толстой читал (на французском языке) в первом (брюссельском) издании 1847 г. (в трех томах), сохранившемся в библиотеке Толстого. [400]

О Потоцком, члене Совета, либеральном друге Мордвинова и о том, что Государственный совет заседал во дворце, Тургенев говорит на стр. 92 – 94 (90–91) своей книги. Потоцкий – гр. Северин Осипович (1762–1829) бывший в 1803–1817 гг. попечителем Харьковского учебного округа, член Государственного совета с 1810 г.

Л. 12 (стр. 460–461). «Commentaires sur Filangieri de Benjamin Constant» – трактат либерального итальянского экономиста и юриста

Гаетана Филанджиери (1752–1788) «La scienza della legislazione» («Наука о законодательстве») был издан на французском языке в Париже в 1822 г. (в пяти томах) с комментариями Бенжамена Констана. О чтении этого трактата Тургенев говорит на стр. 82–83 (79).

О выдаче «вольной» своим крепостным Тургенев говорит на стр. 82 (78–79).

О духе общества, настроении умов в 1816–1824 гг. у Тургенева на стр. 63–66 (59–62), 73–77 (69–73).

О вербовке Трубецким в члены тайного общества Тургенев рассказывает на стр. 77–78 (73–74).

Трубецкой – кн. Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), член Северного общества, «диктатор», не оправдавший это звание 14 декабря, осужденный по I разряду на вечную каторгу, замененную 20 годами.

О подписке в пользу голодающих крестьян Смоленской губернии, открытой Н. И. Тургеневым и его друзьями, последний говорит на стр. 89 (86).

О своем проекте ежемесячного журнала Тургенев говорит на стр. 84–85 (81).

О пропаганде Тургеневым идеи освобождения крестьян от крепостной зависимости – на стр. 91–95 (88–92).

О выдаче ссуды Разумовскому Тургенев пишет: «Так, при мне, из казны было отпущено несколько миллионов князю Р., бывшему посланнику в Вене и на различных конгрессах, под залог, притом совершенно недостаточный, его поместий» (стр. 101 (90)). Фамилия Разумовского в тексте Тургенева напечатана в таком виде: «prince R...ky». Толстой правильно ее раскрыл. Это – светл. кн. Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), бывший послом в Вене в 1790–1799 и в 1801–1806 гг.

О том, что «на украшение Царства Польского и города Варшавы русская казна ежегодно вносила семнадцать миллионов в польскую казну», Тургенев пишет на стр. 102 (100).

О кн. Алексее Борисовиче Куракине (1759–1829), бывшем в 1807–1810 гг. министром внутренних дел, а с 1811 г. председателем департамента гражданских и уголовных дел Государственного совета, Тургенев пишет на стр. 119–120 (116–117), а на стр. 376–377 дает специальную заметку, посвященную характеристике этого вельможи. Слова «шюшка» нет у Тургенева, но это слово есть в III гл. «начала» романа «Декабристы», напечатанного в сборнике «XXV лет».

О кн. Александре Николаевиче Салтыкове (1775–1837) бывшем в 1810–1817 гг. членом Государственного Совета по департаменту законов, Тургенев пишет на стр. 120 (117), как о «добром и благородном» человеке. Толстой ошибочно назвал его стариком: в 1816 г. ему был 41

год.

Следующие записи, начиная со слов: «Бетанкур женат..» кончая: «Инзов в Бессарабии» сделаны по пятой и шестой частям «Воспоминаний» Ф. Ф. Вигеля, которые Толстой читал или в РВ 1865 г., или в отдельном издании Каткова 1865 г.

О Бетанкуре, женатом на англичанке и жившем в Институте инженеров путей сообщения, помещавшемся в купленном у кн. Юсупова доме, Вигель пишет во II гл. пятой части «Воспоминаний» (стр. 13–15 издания 1865 г.) [401]

Августин Августинovich Бетанкур (1758–1824) – инженер–строитель и писатель, учредитель Института инженеров путей сообщения, с 1819 г. директор Главного управления путей сообщения.

О получении Бетанкуром 60 000 рублей в год не жалованья, как записал Толстой, а на расходы по устройству ассигнационной фабрики – у Вигеля на стр. 21 пятой части.

Об архитектурном комитете под председательством Бетанкура, занимавшемся перестройкой Петербурга, – у Вигеля на стр. 22 пятой части.

О проекте Бетанкура определить архитектора Монферрана (1786–1858) на фарфоровый завод Вигель говорит на стр. 29 пятой части.

О назначении Монферрана строителем Исаакиевского собора и его постройке Вигель рассказывает на стр. 32–33 пятой части.

О кн. А. А. Шаховском (1777–1846), как директоре русского театра в 1824–1826 гг., Вигель пишет на стр. 23 шестой части.

Здесь же (стр. 23) Вигель говорит о гр. М. А. Милорадовиче (1771–1825), как начальнике петербургских театров.

О светл. кн. Петре Васильевиче Лопухине (1753–1827), как председателе Государственного совета в 1816–1827 гг., Вигель говорит на стр. 62 пятой части.

О Василии Михайловиче Попове (1771–1842), как директоре Департамента народного просвещения в 1817–1824 гг. и секретаре Библейского общества в 1813–1824 гг., и об Александре Ивановиче Тургеневе (1784–1845), как директоре Департамента духовных дел, Вигель говорит на стр. 66–67 пятой части.

О герцоге Александре Вюртембергском (1771–1833), бывшем с 1822 г. главноуправляющим Ведомства путей сообщения и публичных зданий, Вигель говорит на стр. 43–44 шестой части.

Об инженере–генерале Франце Павловиче Де–Волан (ум. в 1818 г.), бывшем в 1812–1818 гг. главным директором путей сообщения, Вигель говорит на стр. 171 пятой части.

Об Александре Павловиче Хрущеве, правителе канцелярии Совета путей сообщения, Вигель говорит на стр. 172–173 пятой части.

Указания на то, что М. М. Сперанский был Сибирским генерал-губернатором до 1824 г. у Вигеля нет.

О маркизе Жане-Франсуа (Иване Ивановиче) де-Траверсе (1754–1830), бывшем в 1811–1828 гг. морским министром, Вигель говорит на стр. 47 шестой части.

Л. 21 (стр. 461–462). Здесь же Вигель говорит о гр. Александре Ивановиче Татищеве (1762–1833), бывшем в 1823–1827 гг. военным министром, называя его «стариком».

О Бетанкуре в 1821–1822 г. Вигель говорит на стр. 41–45 шестой части.

О постройке Исаакиевского собора в 1817–1820 гг. Вигель говорит на стр. 18–21 шестой книги.

О постройке Бетанкуром в 1817–1818 гг. ярмарочных зданий в Нижнем Новгороде Вигель говорит на стр. 174–176 пятой части.

О Константине Яковлевиче Булгакове (1782–1835), бывшем в 1816–1819 гг. московским, а в 1819–1835 гг. петербургским почт-директором, и об его вечерах, на которых намечались назначения на должности, Вигель говорит на стр. 55–56 шестой части.

Говоря о своей поездке из Петербурга в Москву летом 1823 г. Вигель пишет на стр. 61 шестой части: «Только до Бронниц, за Новгородом, устроено было шоссе».

О гр. М. С. Воронцове в Одессе Вигель говорит в VII гл. шестой части.

Об Иване Никитиче Инзове (1768–1845) в 1820–1823 временно исправлявшем должность Бессарабского наместника, Вигель пишет на стр. 120–121.

«Les cabinets et les peuples» Bignon. – Эту книгу Толстой уже отметил в зап. кн. А (см. стр. 445 и 548).

Следующие три записи сделаны по книге: «Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым». Книга первая. М. 1872.

Упоминание о Петре Кирилловиче Эссене (1772–1844), бывшем в 1817–1829 гг. Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса, находится в «Очерке жизни и службы Е. А. Головина» Юрия Толстого. Эта запись может быть находится в связи с замыслом Толстого взять местом действия своего романа Оренбургский край.

О приезде П. И. Пестеля «в конце 1823 года или в начале 1824 г.» в

Петербург пишет в своих воспоминаниях о Рылееве кн. Е. П. Оболенский (стр. 315).

О передаче Россией Северо-Американским Соединенным Штатам русской колонии Росс говорится там же (стр. 315).

Источник следующих записей указать не можем.

Наполеон умер на острове св. Елены 23 апреля/5 мая 1821 г.

Развивавшееся революционное движение в Испании Веронский конгресс 1822 г. поручил подавить Францию. Во главе карательной экспедиции стоял герцог Ангулемский (1775–1844), сын графа д'Артуа, позднее Карла X.

Гр. Виллель (1773–1850), вождь партии ультра-роялистов, с 1822 г. министр финансов, фактически глава министерства, ведший крайне реакционную политику.

Гетерия Филিকে – тайное общество греков для низвержения турецкого ига, организованное в 1814 г. Александр Константинович Ипсиланти (1783–1828) – вождь восстания греков против турок, служивший в России и бывший флигель-адъютантом Александра I. 22 февраля/6 марта 1821 г. Ипсиланти во главе небольшого отряда перешел Прут и отправился в Яссы, где издал прокламацию с призывом к борьбе с турками. После неудачных сражений бежал в Австрию, где был заключен в тюрьму.

Александр Маврокордато (1791–1865) – деятель греческого восстания, организатор съезда революционеров в Миссолонги в 1821 г. и президент первого греческого национального собрания в Эпидавре в январе 1822 г.

Дмитрий Константинович Ипсиланти (1793–1832), брат Александра Ипсиланти, тоже офицер русской службы, член гетерии, высадившийся в июне 1821 г. в Морее, где он руководил восстанием. Организовал национальное собрание в Эпидавре, в котором оказался в меньшинстве со своей военной партией.

Лит. 22 (стр. 462). Байрон высадился в Миссолонги 5 января н. с. 1824 г.

Лист «Б» (стр. 462). Записи на этом листе, подобно записям в Записной книжке В. представляют собою отметки о событиях и бытовых подробностях, приуроченных к определенным годам.

Запись со слов: «18-й год. Университет...» кончая: «... на Арбате» сделана на основании «Студенческих воспоминаний 1818–1822 гг.» Ф. Л. Ляликова, напечатанных в РА, 1875, кн. III. Здесь (стр. 376) Ляликов пишет: «...повел меня в университет, который временно помещался в д. Яковлева (теперь купца Монахова), в Долгоруковском переулке».

О Николае Николаевиче Сандунове (1769–1832), профессоре в 1811–1832 гг. гражданского и уголовного судопроизводства Московского

университета, у Ляликова на стр. 379–382.

О Матвее Яковлевиче Мудрове (1772–1831), профессоре патологии и терапии Московского университета в 1805–1831 гг. у Ляликова на стр. 377–379. Рассказывая о набожности Мудрова, Ляликов пишет: «Раз мне захотелось сходить ко всенощной к Николе Явленному, летом. При тишине в храме, отворенных дверях и окнах слышен был подъезд экипажа. Входит Матвей Яковлевич, у свечного ящика покупает большую свечу (так в рубль или и более) и сам, протискиваясь между народом, ставит эту свечу пред иконою в главном иконостасе, делает два–три поклона в землю и уезжает» (стр. 378).

У Ляликова же говорится (стр. 381) о театре в здании университета, т. е. на Никитской улице. Толстой ошибся, написав: «на Арбате».

Запись о Головнине, Матюшкине и лицеистах сделана на основании письма товарища Пушкина по лицу Федора Федоровича Матюшкина (1799–1872) от 10 июня 1817 г., напечатанного в статье Я. К. Грота «Старина Царскосельского лицея» в РА 1875, кн. I, стр. 484.

В письме Матюшкин сообщает: «Капитан Головнин отправляется на фрегате «Камчатка» в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен, итти с ним». Василий Михайлович Головнин (1776–1831) – известный путешественник, прославившийся своим пребыванием у японцев.

Письмо Ф. Ф. Матюшкина написано на другой день после выпускных экзаменов в лицее, чем и объясняется запись Толстого о выпуске лицеистов.

О назначении в 1817 г. Жуковского преподавателем русского языка жене в. к. Николая Павловича, Александре Федоровне, и о том, что в этом году И. И. Дмитриев жил в Москве, Толстой прочел, вероятно, в примечании Бартенева к письму Жуковского к Дмитриеву от 18 февраля 1816 г., напечатанному в РА, 1866, стб. 1629. Здесь же (стб. 1629 и 1630) говорится, что в феврале 1816 г. Карамзин жил в Петербурге, где хлопотал об издании своей «Истории», восемь томов которой вышли в феврале 1818 г. Запись же Толстого: 17 IV т. непонятна.

Лист «В» (стр. 462). И эти записи такого же характера, как на л. Б и в записной книжке В.

О пребывании с 4 сентября 1825 г. в Таганроге Александра I рассказывает Д. К. Тарасов в своих воспоминаниях, напечатанных в РС, 1872, № 8.

Осенью 1825 г. Николай Павлович в последний раз, как великий князь, произвел инспекторский смотр войск и крепости в Бобруйске. Об этом упоминается в книге Lacroix «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I», Paris, 1864, т. I, стр. 293, которая имеется в библиотеке Толстого.

Гр. М. С. Воронцов в 1823–1844 гг. занимал пост новороссийского генерал–губернатора и полномочного наместника Бессарабской области.

Егор Францевич Канкрин (род. 26 ноября 1774 г.) с 1823 по 1844 г. занимал пост министра финансов. Канкрин был женат (с 1816 г.) на Екатерине Захаровне Муравьевой, родной сестре декабриста (I разряда) Артамона Захаровича Муравьева, который по определению верховного уголовного суда «умышлял на цареубийство с собственным троекратным вызовом на совершение оногo; участвовал в умысле произвести бунт; привлекал в тайное общество других; и приготавливал товарищей к мятежу».

Декабристы братья Никита и Алдр. Мих. Муравьевы, а также братья Матв., Серг. и Николай Ивановичи Муравьевы–Апостолы приходились Е. З. Канкриной троюродными братьями. О том, что Е. Ф. Канкрин был женат на Е. З. Муравьевой, Толстой мог прочесть в записках Вигеля (часть шестая) или в очерке о Канкрине в РА 1866, № 1, стб. 120.

Журнал «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н. М. Карамзиным, в 1815–1830 гг. редактировал профессор истории Московского университета М. Т. Каченовский (1775–1842). Запись говорит, вероятно, о том, что Толстой хотел познакомиться с содержанием журнала за 1825 год.

И. А. Крылов в 1810–1841 гг. служил в Императорской Публичной библиотеке.

А. Н. Оленин в 1817–1843 гг. был президентом Академии художеств.

А. Ф. Лабзин, известный масон, автор трудов мистического содержания, издатель «Сионского вестника» и вице–президент Академии художеств, с мая 1823 г. жил в ссылке в Симбирске, где и умер 26 января 1825 г. Об А. Ф. Лабзине в Симбирске Толстой мог прочесть в РА 1866, № 6, в очерке П. Бессонова и в воспоминаниях М. А. Дмитриева.

Об И. Н. Инзове см. стр. 582.

О смерти Наполеона там же.

Пушкин жил в Бессарабии не «до 1824 г.», а до июля 1823 г.

Н. Н. Раевский–старший в 1816–1824 гг. командовал 4 пехотным корпусом и жил в Киеве.

Михаил Федорович Орлов (1788–1842) в 1820–1823 гг. был начальником 16 пехотной дивизии и жил в Кишиневе.

О А. С. Шишкове, как министре народного просвещения, см. стр. 548.

Пометы на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 года».

Большинство из девятнадцати помет, нанесенных на копии «списка» из книги Богдановича (см. описание рукописи, стр. 545–546), сделано, надо полагать, со слов знакомых Толстого декабристов. Сведения о сумасшествии Якова Андреевича 2-го и Андрея Фурмана, возможно, взяты Толстым из книги «Записки декабристов». Выпуск второй и третий. Лондон. 1863, где на стр. 120 в 5 примечании к «Разбору донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г.» Никиты Муравьева и Лунина сказано: «Сходившие с ума: Батенков, Матвей Муравьев–Апостол, Андреевич, Фурман, Фаленберг, Враницкий, Фохт и другие». Книга эта имеется в библиотеке Толстого.

Кроме указанных нами книг библиотеки Толстого в Ясной поляне, в ней имеются еще следующие книги по декабристам, вышедшие в свет не позднее 1878 г.:

- 1) Верховный уголовный суд над злоумышленниками, учрежденный по высочайшему манифесту 1 июня 1826 г. Спб. 1826. В мал. 8° 64 стр.
- 2) «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I empereur de Russie» par Paul Lacroix. Paris t. II. 1865.

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1880–1881 гг. (фотография Везенберг и К° в С.–Петербурге) между XII и 1 стр.

Автотипия с таблицы, относящейся к варианту № 16 «Декабристов» (размер подлинника) – между 280 и 281 стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ.

В настоящий том включены писания, относящиеся почти исключительно к 1870-ым годам. Центральное место среди них занимают многочисленные «начала» ненаписанных романов из эпохи конца XVII – начала XIX вв. и «начала» тоже ненаписанного романа «Декабристы».

Первая группа «начал» в свою очередь распадается на два цикла: на «начала» романа времен Петра I и «начала» романа «Сто лет». Первый цикл включает двадцать пять вариантов, из которых до настоящего времени опубликовано лишь три варианта. Восемь вариантов «Ста лет» в печати вовсе неизвестны и опубликовываются впервые. Два других исторических романа, писавшихся в конце 1870-ых годов, «Кн. Федор Щетинин» и «Труждающиеся и обремененные» оставались невыявленными в прессе даже по названиям. В настоящем томе содержатся пять вариантов

первого и четыре второго романа. Также впервые появляются в печати подготовительные материалы к романам эпохи конца XVII – начала XIX вв. в виде разнообразных выписок Толстого из исторических книг, им изучавшихся («Бумаги Петра»), и текста пятидесяти девяти отдельных листков–карточек со справками исторического характера.

Тексты романа «Декабристы» представляют собою, во-первых, опубликованные Толстым три главы романа, написанные осенью 1863 г., во-вторых, четыре «плана» и ряд «начал», дающих семнадцать вариантов, из которых десять печатаются впервые. Впервые печатаются и подготовительные к роману записи Толстого в записных книжках и на отдельных листах и пометы его на копии списка декабристов.

Кроме текстов исторических романов в том вошли: четыре художественных наброска – «Сказка», приготовленная к печати Н. Н. Гусевым, «житие Юстина», «Разговор о науке» и «Два путника», из которых первые три публикуются впервые; три печатающиеся в собраниях сочинений Толстого статьи: «Письмо к издателям» [о методах обучения грамоте], другое «Письмо к издателю» [о самарском голоде] и «О народном образовании» и впервые публикуемые черновые наброски одиннадцати статей: «Новый суд в его приложении», начало педагогической статьи, «О будущей жизни вне времени и пространства», «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни». «Определение религии – веры», «Психология обыденной жизни», «О царствовании Александра II», «Христианский катехизис», «О значении христианской религии», «Собеседники» и «Прение о вере». Последняя статья отредактирована В. И. Срезневским.

В сверке текстов и составлении аннотированного указателя принимала участие А. И. Толстая-Попова.

П. С. Попов

В. Ф. Саводник

М. А. Цявловский.

14 сентября 1935 г.

—

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К СЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого

(произведения окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз вместо конечного «ѣ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. е. «аббревиатуры») типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся в сноске, но в

отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, ***, **** в оглавлении томов, шмуцтитутах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Примечания

1

[Они лелеют и вплетают небесные розы в земную жизнь.]

2

[Вот старый плут,]

3

[знать, как к этому относиться.]

4

[костюмированный бал],

5

[«что делает прекрасная неаполитанка?»]

6

[смешно,]

7

[изящно,]

8

[великосветской,]

9

[декларацией своих взглядов,]

10

[извини].

11

[Поп был очень зол за то, что я за ним во всем наблюдал.]

12

[после вас, если останется]

13

Написано карандашом.

14

Написано карандашом.

15

Обведено кружком.

16

Обведено кружком.

17

[сукин сын],

18

[Этот старый господин не производит впечатления человека из общества. Совершенно, совершенно не производит.]

19

[Это – сорви-головы.]

20

Первоначально, вместо слов: невыгодах рабства, кончая: судопроизводства, было: необходимости освобождения крестьян или уничтожении чиновничества

21

Первоначально, вместо слов: невыгодах рабства, кончая: судопроизводства, было: необходимости освобождения крестьян или уничтожении чиновничества

22

Вместо текста со слов: и вдругъ давъ... кончая словами: азартъ акуратности, Толстой, начавъ было переделывать, написал: спросилъ у дочери книгу, которую онъ читалъ, и легъ съ ней на диванъ. «Никуда не будемъ посылать, завтра все, Натали?» сказалъ онъ. – «Да, завтра». Онъ молча читалъ до тѣхъ поръ, пока сынъ не позвалъ его въ баню.

23

Зачеркнуто: всѣхъ было домъ ҃окановыхъ. Много три телѣги полны добра стояли на дворѣ полные добромъ, и все выносили изъ избы и укладывали подъ кожи и кибитки [?]

24

Зачеркнуто: Ивана Брыкина

25

Зач.: ходатая отъ крестьянъ по Грецовскому дѣлу.

26

Зач.: Хралковъ.

27

Зачеркнуто: Пути жизни. Азь рекъ: Бози есте. (Отъ Іоан. гл. 10, ст. 34) 1818 г. – Наступило время весенней пахоты.

28

Зач.: Кудрявой Иванъ Брыкинъ уже второй годъ ходилъ отъ излегощинскихъ мужиковъ довѣреннымъ по спорной съ Бригадиромъ Сомовымъ Дѣвкинской пустоши и

29

Зач.: робкій Яковъ Хролковъ

30

Зачеркнуто: а одному съѣздить вынуть пеньку изъ Кочака.

31

Зач.: Я сказалъ: вы Боги.

32

Зач.: Генераломъ

33

Зачеркнуто: Март

34

Слово старосты зачеркнуто. Или оно по ошибке зачеркнуто, или слово: церковного по ошибке не зачеркнуто. После слова: старосты стоит: казенного <села Излегощи>. Слово: казенного по ошибке не зачеркнуто.

35

На полях рукописи у строк, начинающихся словами: проснулся до зари и кончающихся словами: будить домашнихъ. имеется помета: 6 Мая.

36

На полях рукописи у строк, начинающихся словами: проснулся до зари и кончающихся словами: будить домашнихъ. имеется помета: 6 Мая.

37

Зач.: Князь

38

Зач.: Иванъ Бори

39

Зач.: Иванъ Борисовичъ Бездн. Загорѣцкой. Еще до солнца на дворѣ большаго барскаго двора Крутецкаго двора

40

Зачеркнуто: И онъ въ тѣ минуты, когда находило это на него, призывалъ того Святого (всѣ были для него равно Святые), имя котораго онъ слышалъ произнесеннымъ, или когда видѣлъ, что священникъ кланялся въ землю.

41

Зачеркнуто: и солдатъ Ермилъ. Въ домѣ

42

См. таблицу, вклеенную между 280 и 281 стр.

43

В рукописи: и

44

Вставка на полях: Родивонъ (говорунъ) вернулся съ топоромъ. Что ты станешь дѣлать. Принять [?] бабъ Дядюшка поставь Ну чтожь давай Экій подлый. Я ему велѣлъ раскидать. Чтожь пахать. Добро. А мы тутъ управимъ бабушку снесемъ въ палаты въ ея а завален [1 сл. неразобр.]. Что Карпъ али и Мишку съ собой взялъ? – спросилъ онъ про любимаго сына, мужа Настасьи, который уѣхалъ въ городъ.

– Давно, еще къ обѣдни не благовѣстили, и Мишутку повезъ. Я на заслонкѣ куръ кормила. Какъ же свяслами обмотали. И попряли. Я и поткала.

45

После этой строки стоит цифра: III другими чернилами,

46

Исправлено из: 5

47

Исправлено из: 4

48

Зачеркнуто: Мит[рія?]

49

Зач.: Авксентій

50

Зачеркнуто: Онъ 5 лѣтъ ходилъ старостой церковнымъ, вина не пилъ, <мате> дурнымъ словомъ не бранился и въ семьѣ былъ строгъ. Драться не дрался, а боялись его всѣ домашніе.

51

Зачеркнуто: Одуевск

52

Зачеркнуто: Оду Чернышова

53

Зач.: Петръ Симоновъ

54

Зач.: Тряп

55

Зачеркнуто: положила прошеніе на голову

56

Слова: пострадала запала ошибочно вычеркнуты.

57

В подлиннике описка: трехдневное

58

Зачеркнуто: Чернышевых

59

Вся страница написана карандашом.

60

Вся страница написана карандашом.

61

Написано карандашом.

62

Следующая запись: Какъ сдѣлана новая соха?

63

Следующая запись: Разсоха кривая готовить лапотки дѣтямъ.

64

Цыфра 14 переправлена из 15.

65

Всё начало страницы написано карандашом кончая: Шт

66

Два слова вписаны карандашом.

67

Цыфра V зачеркнута.

68

Со слов: 20 г. кончая: (Карбонаріи) написано карандашом.

69

Со слов: 1874. Р. А. I до конца страницы написано карандашом.

70

Эти три слова написаны поперек страницы сбоку и очерчены прямыми линиями.

71

Зачеркнуто: дочь

72

Зачеркнуто: Чернышевой

73

Зачеркнуто: его

74

Последние 3 слова написаны карандашом.

75

Зачеркнуто: Сост

76

Слова начиная с: Chopin и кончая: Русск учите написаны чернилами по написанным раньше карандашом.

77

Зачеркнуто: Ло

78

Строка написана карандашом.

79

Строка написана карандашом.

80

Лейтенан[тъ] написано над словом: Маіоръ

81

Зачеркнуто: 1 М. и переправлены первые три цыфры.

82

Написано одно слово карандашом.

83

Слова: Городничій Бронни Галицина 3 брата. 1 сестр[а] написано карандашом.

84

Это обведено кружком.

85

Можно прочесть и: дамъ

86

Слово: Иванычь вписано карандашом.

87

Слова: Косой глухой безбожникъ написаны карандашом.

88

Написано карандашом.

89

Со слова: Кушелева обведено кружком.

90

Слова на стр. 35 написаны карандашом.

91

Лунинъ М. С. написано карандашом, далее написано чернилами.

92

Стр. 103 вся написана карандашом.

93

Записи на странице сделаны верхом вниз по отношению ко всему остальному тексту.

94

Начиная с этого слова до конца страницы написано другими чернилами и спустя какое-то время после того, как было написано предыдущее.

95

Слова: подъ Орломъ по рассеянности не зачеркнуты.

96

Под этим написан карандашом адрес, не имеющий отношения к записям о декабристах. См. том 49.

97

Переправлено из: Россіи

98

На странице 9-й имеется запись, датированная 6 июня 1884 г. и не имеющая отношения к декабристам. См. том 49.

99

Обе строки написаны карандашом. Дальше идут записи, сделанные в книжке, перевернутой верхом вниз.

100

Начиная со слов: <въ Дрез> до конца записи сделаны карандашом.

101

На страницах 101 и 109 имеются записи, не относящиеся к Декабристам. См. 49 том.

102

На страницах 101 и 109 имеются записи, не относящиеся к Декабристам. См. 49 том.

103

Начиная со слова: Потоцкій кончая: во дворцѣ. написано карандашом.

104

Со слов: Comentaires sur кончая: добрый старикъ (стр. 461) написано карандашом.

105

Со слов: Бетанкуръ женать кончая: директоръ театр написано чернилами.

106

Знак вопроса после: театр написан карандашом.

107

Со слов: Милорад. начальни кончая: морс[кой] мини[стръ] написано карандашом.

108

Зачеркнуто: Бетанкуръ.

109

Зачеркнуто: Деволанъ

110

Со слов: Головнинъ Камчатка кончая: в Моск[вѣ] написано карандашом.

111

47 л[ѣтъ] вписано карандашом.

112

Со слов: Минист[ръ] финанс[овъ] кончая: Крыловъ написано карандашом.

113

ГМ 1923, № 1, стр. 93.

114

«Первый период работ над «Войной и миром» – ГМ 1923, № 1, стр. 94.

115

Б. М. Эйхенбаум выдвигает гипотезу, что «интродукция «Двух гусаров» – след первоначальной работы над «Декабристами», нашедший себе пристанище в другой вещи» [т. е. в «Двух гусарах». М. Ц.] Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, изд. «ГИХЛ», стр. 190). Это предположение – плод недоразумения. Начать писать повесть, «героем которой, по словам Толстого, должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию», можно было лишь после того, как этот декабрист действительно возвратился в Россию. Произошло же

это после манифеста 26 августа 1856 года, а рассказ «Два гусара» был написан в марте–апреле этого года и напечатан в майской книжке «Современника» за этот же год. Таким образом интродукция «Двух гусаров» никак не может быть «следом» вещи, писавшейся позднее.

116

ПТ, стр. 192. Вопреки этому совершенно определенному заявлению Толстого о начале его работ над романом, Б. М. Эйхенбаум утверждает, что «возвращение к замыслу повести о декабристе относится к концу 1862 года» (Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, стр. 193.) Утверждение это основано на воспоминаниях Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», ч. 1, 2 изд., стр. 152–159. В качестве ближайшего свидетеля писания этих воспоминаний, должен заявить, что хронология в них – самое слабое место. В тех случаях, когда рассказ Т. А. Кузминской не опирается на письма и дневники, доверять ей в отношении хронологии никак невозможно. В данном случае и утверждение Татьяны Андреевны о том, что Толстой на Рождестве 1862 г. «отыскивал разные мемуары и романы, где бы говорилось о декабристах», и приводимые ею слова Софьи Андреевны, будто бы тогда же сказанные в разговоре с матерью о том, как поглощен Толстой романом «Декабристы», явно ошибочны. И то и другое может относиться к декабрю 1863 г., когда Толстой с женой гостил в Москве полторы недели.

117

Оно написано или Толстым или с его слов Софьей Андреевной.

118

«XXV лет», стр. 216.

119

А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 126.

120

Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», II, стр. 207.

121

Фразе печатного текста: «Мы будем называть его Лабазовым» в 1-й рукописи соответствует: «Мы будем называть его Петромъ Ивановичемъ <За> Лабазовымъ».

122

См. «Записки декабриста» Д. И. Завалишина. 2 русское издание Вольфа, стр. 457. Сообщение Т. А. Кузминской, что Толстой на рождественских праздниках 1862–1863 гг. познакомился у Аксаковых с Завалишиным, как указал уже Эйхенбаум (стр. 202), неверно.

123

См. Ю. Г. Оксман, «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок». – «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды «Пушкинского дома» Всероссийской академии наук. М. 1925, стр. 186–187 и 194.

124

Рукопись этого «начала» хранится в ГТМ. Факсимильно воспроизведено в ПТСО, стр. 23.

125

См. стр. 634.

126

Об этом подробнее см. в статье П. С. Попова, стр. 690–691.

127

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 37–38.

128

Об этом подробнее см. в статье П. С. Попова, стр. 634–635.

129

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 41.

130

ПТ, стр. 289–290.

131

См. описание 10 рукописи, стр. 535.

132

Письма неопубликованы. Подлинники в ГТМ.

133

ПС, стр. 150. Письмо нужно датировать 7 февраля. Помета Страхова «8 февраля» очевидно сделана на основании одного из штемпелей на конверте.

134

См. неопубликованное письмо В. К. Истомина к Толстому от 26 мая 1879 г., хранящееся в ГТМ.

135

В. Е. Якушкин, «Матвей Иванович Муравьев–Апостол» – РС, 1886, июль, стр. 157–158. Вспоминал и Н. Н. Кашкин, что М. И. Муравьев–Апостол «обвинял Толстого в неверном описании Бородинского сражения, и главное – значения в нем Кутузова» (Н. Н. Кашкин, «Родословные разведки». II, Спб. 1913, стр. 294).

136

А. Бибилова, «Из семейной хроники» – ИВ 1916, 11, стр. 423–425.

137

Письмо это неизвестно.

138

Письмо не опубликовано. Подлинник в ГТМ.

139

Дневник С. А. Толстой», I, стр. 41–42.

140

Письмо не опубликовано. Подлинник в ГТМ.

141

И. А. Пущин принадлежал не к той ветви Пушиных, к которой

принадлежали декабристы И. И. и М. И. Пузины.

142

Письмо № 98, датирующееся 5 марта.

143

Младшая дочь Петра Николаевича, Екатерина Петровна Масленникова (р. в 1853 г., ум. 28 февраля 1878 г.).

144

Они опубликованы М. А. Цявловским в сборнике «Тайные общества в России в начале XIX столетия», М. 1926, стр. 205–208.

145

В печатном тексте это первые тридцать глав первой части.

146

О получении этой рукописи Беляев извещал 10 апреля Толстого, который 22 апреля в письме к М. И. Семевскому (письмо неизвестно) предлагал воспоминания Беляева напечатать в «Русской старине». В ответ Семевский 18 мая писал: «Вы спрашиваете меня, сколько я могу предложить за Записки Беляева? Я могу предложить 60 р. за печатный лист, но ранее декабря месяца сего года приобрести эти Записки никак не могу». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

147

П. И. Бартенев 30 октября писал Толстому: «Я сам не знаю адреса Беляева, но он у нас бывает, и письмо ему будет передано». (Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.)

148

т. е. XIV и XV главы первой части печатного текста.

149

Первая часть «Воспоминаний о пережитом и пережитом с 1803 года» А. П. Беляева была напечатана в РС 1880 г., сентябрь и декабрь, за 1881 г. январь, март, апрель, июль, сентябрь, октябрь и декабрь. Вторая часть – в РС 1884 г., апрель и май, за 1885 г. март и декабрь, за 1886 г. февраль и ноябрь.

150

Бар. Евграф Иван. фон-Майдель (1817–1881), бывший комендантом Петропавловской крепости.

151

ПТ, стр. 19. Александра Андреевна неверно относит это посещение к 1879 г.

152

РС 1889, 1, стр. 204.

153

О знакомстве Толстого с М. А. Веневитиновым в Петербурге предполагаем на основании сохранившегося в архиве Толстого письма М. А. Веневитинова, о чем речь дальше. Возможно, конечно, что сношения между ними установились лишь путем переписки.

154

ПС, стр. 154.

155

Александр Яковлевич Сукин (1765–1837), комендант Петропавловской крепости. Письмо опубликовано Н. Н. Гусевым в сборнике: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Труды Толстовского музея. М. 1928, стр. 62.

156

Далее Свистунов, со слов плац-адъютанта Трусова, рассказывает о том, как Сукин, у которого была ампутирована нога, временами страдал от сильнейших болей. См. «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М. 1926, стр. 200–201.

157

Приезд датируется письмом Толстого к С. А. Толстой, начинающимся словами: «Пишу два слова». Это письмо, в издании писем Толстого к жене оказавшееся без номера (помещено между 101 и 102), датируется на основании штампа 30 апреля 1878 г.

158

ПС, стр. 167.

159

О М. А. Фонвизине см. стр. 563–564. По сообщению Б. Е. Сыроечковского, разбивавшего архив П. Н. Свистунова, в нем не оказалось ни писем М. Д. Фонвизина, ни «замечаний» его жены.

160

В Дневнике Толстого под 5 мая записано: «Читал утром записки Фонвизиной».

161

КА, том шестой, 1924, стр. 238.

162

«Тайные Общества в России в начале XIX столетия», стр. 201–202.

163

См. письмо Толстого от этого числа в КА, том шестой, стр. 239.

164

В архиве Толстого ее нет.

165

ПТ, стр. 296.

166

Гр. Влад. Фед. Адлерберг (1791–1884), во время восстания 14 декабря один из самых близких к Николаю людей, помощник правителя дел следственной комиссии над декабристами, в 1852–1872 гг. министр двора.

167

Гр. Алдр. Влад. Адлерберг (1818–1888), министр двора в 1872–1881 гг.

168

Алдр. Арк. Суворов, гр. Рымникский, кн. Италийский (1804–1882), внук полководца, в 1825 г. был юнкером л. гв. Конного полка, и в качестве такового принимал участие в подавлении восстания; впоследствии (в 1848–1861 гг.) генерал–губернатор Прибалтийского края, а затем (в 1861–1866 гг.) военный петербургский генерал–губернатор. Будучи приятелем декабриста кн. А. И. Одоевского, Суворов имел прикосновение к тайному обществу и был арестован, но после допроса Николая освобожден. О Суворове как декабристе см. в кн. «Восстание декабристов. Библиография». Составил Н. М. Ченцов. Гиз. 1920 (по указателю).

169

Кн. Алдр. Ив. Чернышев (1786–1857), участник войн 1805–1814 гг., близкий Александру, а затем Николаю человек, в качестве члена следственной комиссии над декабристами фактически один из главных следователей, отличавшийся грубостью и жестокостью, военный министр в 1827–1852 гг. Чернышева Толстой вывел в «Хаджи Мурате».

170

ПТ, стр. 299.

171

ПТ, стр. 302.

172

Толстой имеет в виду известную французскую поговорку, что «ад вымощен благими намерениями».

173

ПТ, стр. 305.

174

ПС, стр. 154.

175

Посылавшийся Толстому том писем Н. А. Бестужева ныне хранится в составе собрания декабристских рукописей М. И. Семевского в ИРЛИ (по описи М. И. Семевского – № 5578). В сборнике имеется запись Семевского: «Сборник этот был препровожаем к гр. Льву Николаевичу Толстому, как материал для его романа «Декабристы». Из ста семи писем Н. А. Бестужева до сих пор опубликованы И. М. Троцким пять в сборнике «Бунт декабристов» Лгр. 1926 и им же и М. К. Азадовским двадцать два в книге «Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири». Вып. I. Изд. Иркутской секции научных работников. Иркутск. 1929, Г. В. Прохоровым одно и Н. В. Измайловым одно в сборнике Академии наук Союза ССР «Памяти декабристов», в. I, Лгр. 1926 и одно – М. К. Азадовским и И. М. Троцким в издании 1931 г. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев воспоминаний Бестужевых.

176

Посылавшиеся Толстому два тома записок М. А. Бестужева ныне хранятся в ИРЛИ (по описи М. И. Семевского – №№ 5588 и 5589). Эти «записки» публиковались частями М. И. Семевским в газ. «Век» 1861, № 13, в РС

1870, т. I и II (август) и 1881 № 11; П. Е. Щеголевым в «Былом» 1907, № 8, в «Откликах» № 21 прил. к газ. «День» 1914 г. и «Воспоминаниях братьев Бестужевых» изд. «Огни» 1917 г. и М. К. Азадовским и И. М. Троцким в книге «Воспоминания Бестужевых». М. 1931.

177

В конце мая я уезжаю месяца на 4 за границу.

178

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

179

ПС, стр. 155.

180

Отрывок из «Записок несчастного» «Этапы и полуэтапы» был напечатан в газете «Век» 1861 г. (№ 12) полностью (с цензурными сокращениями). «Записки» были изданы по рукописи, посылавшейся Толстому, Семеvским в «Заре» 1869 г. (кн. IV и V) и РС 1881 (т. XXXII) и 1882 (т. XXXIII). Предисловие Штейнгеля до сих пор полностью не напечатано.

181

По описи М. И. Семеvского это – рукопись № 5590. В начале этого тома

имеется такая аннотация Семевского: «Настоящий сборник, в числе некоторых других моих рукописных сборников, был дан мною графу Льву Николаевичу Толстому, когда знаменитый и высокоталантливый романист этот обратился ко мне лично весной 1879 г. [ошибка, вместо: 1878 г. М. Ц.] в Спб., с просьбой дать ему возможность познакомиться с материалами о декабристах. – Гр. Л. Н. Толстой предполагал тогда писать роман из эпохи 1825–1826 гг., но мысль эта затем была им, к сожалению, оставлена». По нашей просьбе В. В. Гиппиус любезно сделал описание этого тома. Из этого описания видно, что часть тома, названная Семевским «о Рылееве» включает в себе: 1) «О Рылееве». Заметки о его бумагах. Статья Евгения Ивановича Якушкина (было напечатано в «Пол. Звезде» 1862 г.) [последнее указание (М. И. Семевского) ошибочно. М. Ц.]. Копия; 2) письма Рылеева к жене 1825–1826 гг. Копия и 3) примечания к первой части «Войнаровского». Копия. «Воспоминанье о нем Оболенского» – воспоминания о Рылееве кн. Е. П. Оболенского, напечатанные в сборнике «XIX в.» 1. М. 1872. «Дневник путешествия из Читы в Петровск в 1830 г. декабристов составлено бар. В. И. Штейнгелем» напечатан в сборнике «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», «Одичалый» – стихотворение Батенкова, впервые напечатанное в «Русской беседе» 1859, т. III, кн. 15. Письма Г. С. Батенкова к бар. В. И. Штейнгелю 1856–1857 гг. (не опубликованы). Семевский описался, написав «и Штейнгеля»: писем Штейнгеля в этом томе нет. «Некоторые мелочи из бумаг Штейнгеля» это – 1) Заметка Штейнгеля о крепостном праве и раскольниках 1833 г. 2) выписка его из указа 1725 г. о чернце Федосе, 3) пословицы и поговорки, записанные Штейнгелем, 4) выписки и заметки: а) из указа о кулачных боях 1726 г., б) высочайшая резолюция о браках с польками, в) об отдаче арестантов в солдаты (обе резолюции Николая I), г) стих. Державина о рабстве, д) пространство и населенность Сибири 1829 г. и копии разных стихотворений.

182

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

183

Письмо это неизвестно. О нем упоминает Семевский в своей заметке о Толстом в РС 1889, № 1, стр. 205.

184

Оно также не сохранилось. Упоминается в письме Семевского к Толстому от 18 мая.

185

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

186

т. е. Комитета для собирания материалов по истории царствования императора Николая.

187

ПС, стр. 155–156.

188

ПС, стр. 156.

189

Речь идет о няне детей декабриста В. П. Ивашева (1794–1840), воспитывавшихся у бабушки Ледантю. Няню Стасов видел у дочери Ивашева Марьи Васильевны Трубниковой (1835–1897).

190

ТС, стр. 27–28. Посланная Стасовым копия письма Фотия не сохранилась в архиве Толстого. Письмо это, по словам Стасова, «доставленное им Публичной библиотеке», на самом деле доставлено не было; по крайней мере, по наведенным по моей просьбе справкам заведующим рукописным отделением Публичной библиотеки имени Салтыкова–Щедрина, И. А. Бычковым, этого письма в Библиотеке не имеется.

191

ТС, стр. 31.

192

Там же, стр. 32–33.

193

Страхов собирался в июле приехать в Ясную поляну.

194

Брат С. А. Толстой С. А. Берс уезжал в ближайшие дни в Ясную поляну.

195

ПС, стр. 179. В этом же письме Страхова читаем: «Стасов немного сетует на вас, но не велел сказывать, а всё-таки просил написать, что будто бы Пыпин мне говорил о трех любопытных для вас вещах: 1) Что в Пскове живет декабрист Назимов, старик лет 80, еще свежий и умеющий рассказывать; 2) Что здешний попечитель Учебного округа, кн. Волконский – сын декабриста и обладает большими материалами; 3) Что он, Пыпин, обладает несравненною редкостью, уставом Союза благоденствия и, если вы желаете, для вас, но только для вас может изготовить копию». Неизвестно, воспользовался ли Лев Николаевич этими предложениями: в письмах его к Страхову и Стасову нет об этом ни слова.

196

[скромность]

197

ТС, стр. 35.

198

«По поводу казней декабристов». Заметка кн. Д. Д. Оболенского. – «Наша старина» 1917, в. 2, стр. 35–36. Имеется еще свидетельство об этом документе в статье П. Е. Щеголева «Николай I и декабристы». (Очерки. Изд. «Былое». Пгр. 1919, стр. 33.) «Существует, пишет Щеголев, один любопытный документ, о котором говорил нам Н. К. Шильдер. Сам Шильдер не только не привел его в своем труде о Николае I, но даже и не упомянул о нем. Это – составленный и собственноручно написанный Николаем Павловичем с многочисленными пометками обряд, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуция над декабристами».

199

ТС, стр. 36.

200

Там же, стр. 37.

201

Б. в. к. Николай Михайлович старался доказать, что на смертной казни пяти декабристов настаивали А. И. Чернышев, В. В. Левашев и П. В. Голенищев–Кутузов (ИВ, 1916, № 7, стр. 105), но, кажется, правильнее будет утверждать, что они только поддерживали решение Николая казнить главных виновников события 14 декабря. По крайней мере, уже 15 декабря царь писал брату Константину: «Страшно сказать, но необходим внушительный пример, и так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова». («Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. 1926, стр. 147.)

202

ПС, стр. 172.

203

Там же, стр. 177.

204

т. е. Степ. Андр. Берс.

205

ТС, стр. 35. В этой характеристике переписки Ивашева Толстым допущена неточность: Дюма описал в романе «Учитель фехтования» историю не Ивашевых, а И. А. Анненкова и Полины Гебль, об Ивашевых же писал Герцен в «Былом и думах». Под «господином, приславшим повесть, составленную из подлинной переписки Ивашева и Le Dantu» Толстой понимает М. А. Веневитинова, о чем речь дальше. О бумагах, полученных Толстым из Казани, ничего неизвестно.

206

ТС, стр. 33.

207

См. РА 1881, II, № 2, стр. 277. О судьбе этих портретов ничего неизвестно.

208

ТС, стр. 37.

209

Рукопись в шестнадцать страниц в лист руки неизвестного с поправками руки М. А. Веневитинова, начинающаяся словами «1. Отрывки из переписки графа Мих. Ю. Вьельгорского...». АТБ, папка XVI, № 1.

210

Гр. М. Ю. Виельгорский приходился дедом (по матери) М. А. Веневитинову.

211

На основании этих извлечений из писем история дуэли изложена С. А. Панчулидзевым в биографии С. А. Горяинова в «Сборнике биографий кавалергардов 1801–1826 гг.» под ред. С. Панчулидзева. Спб. 1906, стр. 308, где указан источник: «Письма к гр. М. Ю. Вьельгорскому, сообщ. М. А. Веневитиновым».

212

См. этот эпизод в «Воспоминаниях» гр. Е. Ф. Комаровского, изд. «Огни», 1914, стр. 247–248.

213

Об этом рассказывается в записках кн. С. П. Трубецкого.

214

Если не ошибаемся, в печати известий об этой дуэли не имеется.

215

Это письмо не сохранилось.

216

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

217

Рукопись в двенадцать листов (сорок восемь страниц) in f°, сшитых в тетрадь; хранится в ГТМ.

218

«Роман декабриста» М. А. Веневитинова, датированный 25 марта 1875 г., был им напечатан в «Русской мысли» 1885, 10, стр. 116–142. Текст, посланный Толстому, имеет незначительные стилистического характера отличия от журнального текста.

219

Документы эти перечислены в предисловии к «Роману декабриста» в «Русской мысли» (стр. 116).

220

Т. е. свекровь, А. С. Перфильева.

221

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

222

Письмо Толстого к К. Н. Бестужеву–Рюмину неизвестно. Лев Николаевич обратился к нему, вероятно, по совету, а может быть и при содействии его брата, начальника Тульского оружейного завода в 1876–1889 гг. Василия Николаевича Бестужева–Рюмина, бывавшего в Ясной поляне.

223

Письмо К. Н. Бестужева–Рюмина к Толстому (без даты) сохранилось в АТБ и опубликовано М. А. Цявловским в сборнике: «Декабристы и их время». Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Изд. политкаторжан, I, М. 1928, стр. 206–209.

224

Копии эти сохранились в АТБ. По подлинникам письма напечатаны Б. Л. Модзалевским в сборнике Академии наук СССР «Памяти декабристов», III, Л. 1926, стр. 202–227.

225

Петр Андреевич Берс, брат С. А. Толстой.

226

Письмо не опубликовано; подлинник в ГЛМ.

227

С. А. Берс.

228

любовь Александровна Берс, рожд. Иславина, теща Толстого.

229

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

230

КА, том седьмой, стр. 250.

231

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ. В записках Д. П. Маковицкого под 20 октября 1905 г. читаем: «Я читал в Брокгаузе статью «Переселение». Лев Николаевич спросил, что я там прочел, и осведомился, сколько переселилось в Ташкент. «Я этим занимался, сказал Лев Николаевич, читал бумаги из архива министерства государственных имуществ [в записи Маковицкого стоит: «министерства земледелия?»]. Переселение шло вопреки правительству; правительство своими мерами только препятствовало ему. Переселенцы, которые надеялись на помощь правительства, пришли в Бузулук, остановились там и начали жать. Другие же шли дальше, нанимались к башкирцам сено косить из части, продавали свою часть и шли дальше. Читал даже про таких, которые взяли с собой семена, осенью посеяли рожь, собрали, продали и на эти деньги ехали дальше; а до урожая косили траву башкирцам». – ГМ 1923, 3, стр. 22.

232

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

233

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 113.

234

В 11 и 13 вар. село Излегощи – Орловской губернии, в 20 вар. – Симбирской губ., а в напечатанном в сборнике «XXV лет» «первом варианте» первой главы романа – Пензенской губ.

235

Так названо имение в 11 вар., в 13 вар. оно названо Ершовым, а в 14 вар. – Жегаловым.

236

В 12 вар. размер участка – 725 дес. 1024 саж., в 20 вар. – 5000 дес., в печатном тексте «первого варианта» – 4000 дес.

237

В 18 вар. – четверо, в 19 вар. – семеро (но поименно названо четверо), в 20 вар. и в печатном тексте «второго варианта» первой главы романа – шестеро.

238

В 20 вар. – 110 тысяч, а в печатном тексте «второго варианта» – 107 тысяч.

239

Об этом же писал Толстой 24 февраля 1901 г. духовобору И. Е. Конкину: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов и знал этих товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь на службе, обедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому ненужные, которым нечем хорошим было помянуть свою жизнь». См. том 73.

240

Александр Дмитриевич Свербеев (1835–1917), самарский губернатор, затем сенатор, знакомый Толстого.

241

Текст письма любезно сообщен покойным А. Е. Грузинским. В письме речь идет об очерке В. Г. Короленки «Последний луч», напечатанном в «Русском богатстве» 1901, № 1. Судя по письмам В. Г. Короленки к Ф. Д. Батюшкову, он никак не отозвался на это сообщение.

242

См. описание рукописей, стр. 535–538.

243

См. стр. 269–270.

244

См. том 5, стр. 249–258. На стр. 346 приведено ошибочное мнение, что Резун в «Дневнике помещика» – Сергей Резунов.

245

См. стр. 270–271.

246

Он назван в зачеркнутом месте, нами не печатаемом.

247

См. стр. 271–272.

248

Письмо не опубликовано; подлинник не сохранился. Копия в ГТМ.

249

ПС, стр. 158.

250

Письмо не опубликовано. Подлинник в ГТМ.

251

Описание этих рукописей см. стр. 536–537,

252

См. о нем в описании рукописей, стр. 536.

253

См. № 29 и 31 набросков романа «Сто лет» стр. 238, 242 и наброски «Трудящихся и обремененных», писавшихся после 15 января – в начале марта 1879 г. стр. 303–318.

254

См. стр. 275.

255

См. стр. 38.

256

См. стр. 537.

257

См. выше, стр. 483.

258

См. стр. 446.

259

ПТ, стр. 306.

260

Там же, стр. 307. Письмо, датированное здесь «концом лета», нужно датировать августом, не ранее числа 7-го (упоминание об убийстве Мезенцова).

261

Разумеется «La Russie et les russes». Брюссельское издание 1847 г. этого сочинения имеется в библиотеке Толстого. См. стр. 579.

262

Книга: «Записки декабристов». Вып. второй и третий. Лондон. 1863, где впервые напечатаны записки кн. С. П. Трубецкого, имеется в библиотеке Толстого.

263

Имеются в виду «Записки декабриста», Лейпциг, 1870. Толстой читал эти мемуары. См. стр. 554.

264

«Восшествие на престол императора Николая I. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом», в библиотеке Толстого имеется в двух экземплярах. Один четвертого (второго для публики) издания 1857 г. и другой – пятого (третьего для публики) издания 1857 г.

265

Разумеется книга: «14 декабря 1825 и император Николай издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа», London, 1858, имеющаяся в библиотеке Толстого.

266

«Донесение Следственной комиссии. Печатано по высочайшему повелению». s. a., в 8° 96 стр., имеется в библиотеке Толстого.

267

Письмо (от 31 июля 1878 г.) не опубликовано; подлинник в АТБ.

268

Тургенев был в Ясной поляне 8 и 9 августа, когда, очевидно, у него и был разговор с Толстым о «Декабристах». Об этом писал Тургенев Стасюлевичу в письме, до нас не дошедшем.

269

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

270

ПС, стр. 190.

271

Письмо не опубликовано; подлинник в АТБ.

272

Оттиск статьи Миропольского Стасюлевич выслал Толстому 9 октября, о чем писал: «... высылаю вам чистый оттиск статьи о Фотии, или лучше сказать, извлечение из рукописных материалов, но у вас, вероятно, скопилось уже такое количество материалов, что едва ли вы найдете тут много нового». Толстой своевременно оттиска не получил, о чем, очевидно, и писал Стасюлевичу. В ответ на это последний писал 2

декабря: «Обещанные мною вырезки из автобиографии Фотия я выслал вам давно». Лишь 5 декабря Лев Николаевич благодарил Стасюлевича за биографию Фотия, которую он «прочел с величайшим интересом». Письмо Стасюлевича не опубликовано; подлинник в АТБ. Письма Толстого напечатаны в издании: «М. М. Стасюлевич и его современники в переписке», V, Спб. 1913, стр. 328–329.

273

Кн. Л. Д. Оболенский был женат (с 1871 г.) на племяннице (дочери сестры) Толстого, Елизавете Валерьяновне, рожд. гр. Толстой, которая любезно и сообщила нам о знакомстве Льва Николаевича с сыном декабриста.

274

Вместе с письмом кн. И. Е. Оболенского в архиве Толстого сохранилась краткая опись этой переписки, из которой видно, что среди писем были письма декабристов: М. А. Фонвизина и М. М. Нарышкина (36 п.), И. Д. Якушкина (19 п.), кн. С. П. Трубецкого и его жены (74 п.), И. И. Пущина и его жены (100 п.), П. С. Бобрищева–Пушкина (94 п.), Г. С. Батенкова (21 п.), кн. Е. П. Оболенского (60 п.), И. И. Горбачевского (14 п.), бар. А. Е. Розена (93 п.), М. И. Муравьева–Апостол (72 п.), В. Л. Давыдова (70 п.), П. Н. Свистунова (20 п.), М. К. Кюхельбекера (19 п.), А. Ф. Фон–дер–Бригген (20 п.), И. В. Киреева (45 п.), кн. С. Г. Волконского (2 п.), А. В. Поджио (1 п.), А. З. Муравьева и М. К. Юшневской (53 п.), А. П. Беляева и Н. Р. Цебрикова (26 п.) и Д. И. Завалишина (3 п.). В письме к Толстому И. Е. Оболенский просил у него совета по делу издания этой переписки, мысль о чем подал Оболенскому Лев Николаевич. Издание это не осуществилось, вероятно, потому, что в 1880 г. Оболенский скончался. Дальнейшая судьба архива кн. Е. П. Оболенского нам неизвестна.

275

Описание ее см. на стр. 542–543, тексты записей – стр. 445–446.

276

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 111.

277

Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

278

См. стр. 495–496.

279

Дневник С. А. Толстой I, стр. 114.

280

Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

281

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 116.

282

Там же, стр. 116. В этот же день Лев Николаевич писал брату Сергею Николаевичу: „Посылаю тебе лошадей и прошу прислать кобылу и «Русскую старину». Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

283

Там же, стр. 117.

284

Там же, стр. 118.

285

Там же, стр. 118.

286

Там же, стр. 120.

287

ПС, стр. 194.

288

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 120.

289

Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

290

Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

291

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 121.

292

Там же, стр. 122.

293

Там же, стр. 122.

294

Там же, стр. 123.

295

Там же, стр. 124.

296

См. описание рукописей, стр. 535, 537–538.

297

См. стр. 256 – 257.

298

См. стр. 286–287.

299

См. стр. 287–288.

300

См. стр. 288–291.

301

См. описание рукописи, стр. 538.

302

См. вар. № 21, стр. 291–297.

303

ПС, стр. 197–198.

304

Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

305

См. стр. 257.

306

В. И. Шенрок в статье, посвященной Н. Д. Пущиной, «Одна из жен декабристов» («Русское богатство» 1894, 11, стр. 104) говорит, что это был некто Рунсброк.

307

ИВ 1888, № 5, стр. 394–396 и 1917, № 3, стр. 698–699.

308

Так, в одном письме 194 г. к Пущину Наталья Дмитриевна пишет: «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий, мечтательный и сосредоточенный в себе, и чудесно описал первое его проявление при вступлении в жизнь сознательную...» Указ. соч. Шенрока – «Русское богатство» 1894, 11, стр. 105.

309

Текст его см. на стр. 257, описание рукописи – стр. 535, № 8.

310

С. А. Толстая писала 6 декабря Страхову: «Лев Николаевич уехал сегодня в Москву».

311

Об этом Толстой прочел в записках И. Оже, в РА, 1877 № 4, стр. 519.

312

КА, том шестой, стр. 239–240.

313

Уход представителя привилегированного класса в народные низы, как вид наиболее решительного и последовательного «опрощения» – тема, к которой Толстой неоднократно возвращался. Вспомним «Отца Сергия», «Воскресение», «Живой труп», «Записки Федора Кузмича».

314

Письмо не опубликовано (хранится в ИРЛИ). Текст письма любезно сообщен П. С. Поповым.

315

Этой выписки в архиве Толстого нет.

316

Зимнего дворца.

317

«Воспоминания моей жизни». Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, напечатанные в РС 1871 и 1872 гг., Толстой читал. См. стр. 549, 584.

318

«Воспоминания П. М. Дарагана, первого камер-пажа в. к. (императрицы) Александры Федоровны 1817–1819 гг.», напечатанные в РС 1875 г. см. стр. 547.

319

Записки гр. А. И. Рибоьера, напечатанные в РА 1877 г.

320

ТС, стр. 38.

321

Военный историк Мод. Ив. Богданович (1805–1882). В его сочинении «История царствования императора Александра I и России в его время» в томе VI (1871 г.) в главах LXXX и LXXXI скудно использованы следственные дела о декабристах. Толстой читал этот том. См. стр.

546, 548, 578, 579, 585.

322

Историк, с 1886 академик Ник. Фед. Дубровин (1837–1904). Собранные им материалы по декабризму (преимущественно копии с документов) хранятся в ИРЛИ, См. краткое описание этого собрания в «Памяти декабристов». Сборник материалов. Изд. Академии наук СССР. Лгр. 1926, III, стр. 228–229. Извлечения из показаний декабристов приведены в работе Н. Ф. Дубровина «После Отечественной войны» – РС 1903, №№ 11 и 12 и 1904, №№ 1, 3–5.

323

Афан. Фед. Бычков (1818–1899), в 1868–1882 гг. помощник директора Императорской публичной библиотеки.

324

Толстой имеет в виду сообщение В. В. Стасова в письме от 12 апреля 1878 г., о чем см. стр. 492.

325

ПС, стр. 309.

326

Полковник Дм. Андр. Кропотков (1871–1875), автор книги «Жизнь гр. М.

Н. Муравьева» 1874, в которой он использовал некоторые данные «дел» о декабристах.

327

ПС, стр. 208.

328

А. Р. Дрентельн, в 1878–1880 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной е. в. канцелярии.

329

ПТ, стр. 311.

330

ТС, стр. 40.

331

В письме к С. Н. Толстому, относящемся к концу декабря 1878 г. – началу января 1879 г., Лев Николаевич писал: «Я всё читаю историческое, и много прекрасного». Письмо не опубликовано; подлинник в ГТМ.

332

Тексты записей см. на стр. 445–457, примечания к ним – на стр. 542–543.

333

См. записи на стр. 128 Зап. кн. Б и на стр. 2–7 Зап. кн. В.

334

«Тайные общества в России в начале XIX столетия», М. 1926, стр. 202–203. О планах побега декабристов см. статью М. Азадовского «Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы» – «Декабристы и их время», т. I.

335

См. стр. 297–299.

336

О том, что старца Даниила Ачинского считали (совершенно неосновательно) за скрывшегося Ф. А. Уварова см. в книге К. В. Кудряшова «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича», Спб. 1923, стр. 126.

337

См. стр. 216–245.

338

ТС, стр. 45.

339

ПТ, стр. 19.

340

«Воспоминания о графе Л. Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891)» С. А. Берса. Смоленск. 1893, стр. 51.

341

П. Сергеенко, «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». М. 1898, стр. 12..

342

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 42–43.

343

А. Фет, «Мои воспоминания», ч. II, М. 1890, стр. 364.

344

За две недели до письма Толстого к Фету, 2 апреля, земледелец А. К. Соловьев стрелял в Александра II.

345

Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», I. М. 1922, стр. 64.

346

Дневник С. А. Толстой, I, стр. 42.

347

В архиве Толстого не сохранилось ни одного письма о печатании «Декабристов» в сборнике Общества.

348

Такие разночтения как «чтоб» вместо «чтобы», «помещение» вместо «помещенье» не приводим.

349

В рукописи слово «Павлович» написано так, что его можно прочесть «Вавилович». Так и прочел кто-то, вычитывавший рукопись до сдачи ее наборщикам и приписавший карандашом под словом «Павлович» «Вавилович». Так это «Вавилович» и осталось.

350

В рукописи Софьей Андреевной был оставлен пробел: очевидно она не разобрала слова в рукописи, с которой она списывала. Слово «прозвание» вписано в наборной рукописи вычитывавшим ее до сдачи в набор.

351

Пропуск этот объясняется тем, что, очевидно вычитывавший в Петербурге текст рукописи и до сдачи ее в набор зачеркнул (карандашом) указанные абзацы. Почему это было сделано, непонятно.

352

В шестом издании: иль говеешь — вместо — или говеешь

353

Кроме этого, имеется вариант искажения: стр. 547. — Чираково — вместо — Чирикова

354

В шестом издании собр. соч. Толстого: заплатит всё – забывал о деле

355

В шестом издании собр. соч. Толстого: снесли

356

Напечатано в сборнике «Тайные Общества в России в начале XIX столетия», стр. 204.

357

См. письмо Д. И. Завалишина к гр. Н. П. Игнатьеву от 6 апреля 1882 г. в сборнике: «Декабристы», Неизданные материалы и статьи под редакцией В. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского дома Всероссийской Академии наук, стр. 194.

358

Указанные воспоминания С. А. Берса, стр. 47.

359

Рассказ этот Толстой мог услышать от Завалишина. Кроме этого рассказа, Берс приводит еще три рассказа Льва Николаевича о декабристах: об азбуке перестукивания, изобретенной М. А. Бестужевым, о чем Толстой читал в «Русской старине» 1870, т. I, о письме М. С. Лунина к сестре по поводу учреждения Министерства государственных имуществ, прочитанном Толстым в «Полярной звезде» на 1861 г. (6 книга), и о том, как прикованный к тачке Лунин смешил смотрителя каторжных работ, «полного майора, немца по происхождению». Источник последнего рассказа нам неизвестен.

360

«Толстой. Памятники творчества и жизни», III, М. 1923, стр. 66–67. Толстой очевидно очень живо представлял себе эту сцену. Об ней он снова говорил 7 августа 1903 г. См. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», I, 117.

361

Другой усерднейший исполнитель поручений Толстого, Н. Н. Страхов, скончался 24 января 1896 г.

362

Об этом были сообщения в газетах. Так, в «Русском слове» 1903, № 4 от 5 января появилась заметка «Новый труд Л. Н. Толстого»: «По словам немецких газет, гр. Л. Н. Толстой вновь обратился к всегда интересовавшей его эпохе декабристов и теперь занят работой, посвященной им. Лев Николаевич обратился к В. Стасову с просьбой сообщить ему об имеющихся по данному вопросу материалах в иностранной литературе».

363

ТС, стр. 338.

364

Там же, стр. 345.

365

А. Б. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», I, стр. 126–127. Еще отзыв Толстого о кн. С. Г. Волконском имеется в записи Д. П. Маковицкого под 1 января 1905 г. См. Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», II, стр. 64.

366

Письмо опубликовано адресатом в газете «Освобождение» 1904, № 55. По поводу воспоминаний Ив. Захарьина (Якунина) о гр. А. А. Толстой, напечатанных в «Вестнике Европы» (1904, № 6) в «Новом времени» 1904, № 10148 от 3 июня появился за подписью: W. W. «Маленький фельетон», в котором автор между прочим писал: «Как известно, по крайней мере по слухам, он [Толстой] не нашел в фигурах декабристов достаточно характерных русских черт, да и вообще достаточной важности, чтобы можно было из них сделать центр большого эпического создания». Эти строки и вызвали

письмо к Толстому кн. Г. М. Волконского, который писал: «Неужели это верно? Я предполагаю, что это просто скверная инсинуация «Нового времени», совершенно запутавшегося в современных вопросах русской жизни и в вопросах русской истории». В приведенных словах нововременского фельетониста правда смешана с ложью, и Лев Николаевич, не считая нужным входить в подробные объяснения, назвал сообщаемое фельетонистом «неточными сведениями».

367

[заставило у меня «слюнки потечь».]

368

ТС, стр. 366.

369

Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», II, стр. 7.

370

ТС, стр. 371.

371

Там же, стр. 372.

372

Там же, стр. 391.

373

Эти записи не опубликованы и в корректурных оттисках (несостоявшегося издания) любезно предоставлены были Н. Н. Гусевым.

374

ГМ 1923, № 3, стр. 5.

375

См. еще запись у А. Б. Гольденвейзера под 20 августа 1905 г. – «Вблизи Толстого», I, стр. 165

376

На это указал Ю. Г. Оксман (в статье «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок» в сборнике «Декабристы» – Труды Пушкинского дома Всерос. Академии наук, стр. 195) и развил Б. М. Эйхенбаум в своей книге «Лев Толстой» II, стр. 202–207).

377

Важно заметить, что читая в 1905 г. «Записки» Завалишина, Толстой ни разу не сказал, что они для него не новость, и что он читал их в рукописи. Очевидно, в начале 1880-х годов Лев Николаевич или очень бегло просмотрел рукопись Завалишина, или, что вероятнее, выразил мысль о напечатании «Записок», не читая их.

378

Записи не опубликованы.

379

ГМ 1923, № 3, стр. 17.

380

Запись не опубликована.

381

ГМ 1923, № 3, стр. 25, 27. Толстой читал это сочинение в издании: «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I. Декабристы. Спб. 1905.

382

Текст записи об этом такой: «Вечером, когда я без четверти 9 пришел в столовую, Лев Николаевич читал вслух проект конституции Батенкова 1824 г. Батенков просидел 15 лет в одиночном заключении. Царь «забыл» про него, нарочно издевался над ним, присылая ему в тюрьму пряников. В тюрьме Батенков пришел к сознанию, что душа его свободна, и один раз так громко расхохотался над тем, что царь запер его, что прибежала стража». Откуда взяты Толстым приведенные Маковицким сведения о Батенкове, сказать не можем. О Батенкове, расхохотавшемся в тюрьме, Толстой рассказывал и в 1895 (?) г., причем заметил, что про это «сегодня читал в Архиве». (П. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» М. 1898, стр. 62.) В «Русском архиве» мы этого рассказа не нашли. Точно так же непонятно,

откуда читал Толстой «проект конституции 1824 г.» Батенкова. В печати этот проект (не 1824 г., а 1826 г.) появился лишь в 1906 г. в книге М. В. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов». Киев, 1906, и потому Толстой читал его вероятно в рукописи, возможно, присланной Стасовым.

383

«Яснополянские Записки», II, стр. 8. См. еще запись под 25 января 1905 г., стр. 10.

384

Дочь Толстого.

385

Н. Н. Гусев «Два года с Толстым», изд. 2. М. 1928, стр. 115.

386

ИВ 1916, июль, стр. 104–106.

387

В статье б. великого князя, в тексте письма исправлены ошибки, о которых говорил Толстой. В переводе: «Два слова наспех, дорогая матушка, чтоб сообщить вам, что всё прошло спокойно и в совершеннейшем порядке. Презренные и вели себя, как презренные – с

величайшей низостью. Чернышев уезжает сегодня вечером и, как очевидец, сможет сообщить вам все подробности. Извините меня за краткость, но зная и разделяя ваше беспокойство, дорогая матушка, я хотел вам сообщить эти сведения, как только я их получил».

388

[Пьер, вы себе повредите.]

389

Все эти места переделаны в рукописи так, как в печатном тексте.

390

См. вар. № 16 на стр. 282–284.

391

См. в „Истории писания и печатания романа «Декабристы»“ стр. 500–501.

392

См. стр. 493–494 и 500.

393

См. стр. 479–480.

394

См. стр. 510.

395

См. стр. 509.

396

См. письмо Толстого к П. Н. Свистуну от 25 декабря 1878 г. об этом Уварове, стр. 510.

397

По записи П. Ф. Карабанова у А. Б. Ведель было не три, а две дочери. (РС, 1870, 3 изд. II т., стр. 471.) О двух же дочерях говорит и Т. П. Пассек в своих «Воспоминаниях» (РС, 1876, № 6, стр. 344).

398

См. стр. 512.

399

О принадлежности очерка бар. В. Н. Соловьеву см. в статье Ю. Г. Оксмана «Поимка поручика И. И. Сухинова» в сборнике «Декабристы». Неизданные материалы и статьи под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана М. 1925, стр. 53–54.

400

Дальше мы приводим страницы I тома этого издания, рядом с ними в скобках ставя цифры страниц русского издания: «Россия и русские» Николая Тургенева. Том I. «Воспоминания изгнанника». Перевод Н. И. Соболевского. Под редакцией А. А. Кизеветтера. Изд. Некрасова. М. 1915.

401

Дальше приводятся страницы этого издания.